

№ 5 2018 (май)

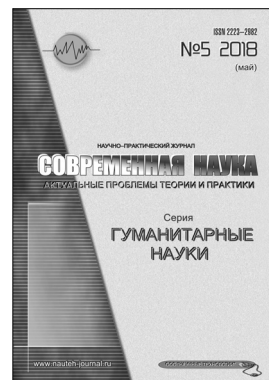
Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
 П.В. Акульшин – д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
 Э.Н. Алиева – д.филол.н., доцент, независимый эксперт
 А.Ю. Ватлин – д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Г.И. Воронина – д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
 Е.Е. Вяземский – д.п.н., проф., МПГУ
 Н.А. Герасименко – д.филол.н., проф., МГОУ
 Е.Б. Евладова – д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
 А.Э. Котов – д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
 С.К. Лебедев – д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
 П.В. Лизунов – д.и.н., проф., Сев. (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
 А.П. Миньяр-Белоручева – д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д. филол.н., проф., Московский гум. университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
 Т.А. Печенёва – д.п.н., Белорусский ГУ
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
 А.Н. Рыжов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.И. Савостьянов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.С. Сенявский – д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
 М.Ю. Сидорова – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 А.М. Сморгчов – д.и.н., проф., РГГУ
 О.Ю. Стрелова – д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
 В.И. Тюпа – д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
 Н.М. Щедрина – д. филол.н., проф., МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
 Н.В. Юдина – д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116–1–10
Тел/ факс: 8(495) 755–1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru
http: //www.vipstd.ru

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» – 80015

В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей

несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»

тел./ факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 28.05.2018 г.

Формат 84x108 1/16

Печать цифровая

Заказ № 0000

Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЯ

А.А. Архангельская – Политико–психологические подходы в исследовании истории внешней политики ЮАР XX века
A. Arkhangelskaya – Political–psychological approaches in the research of the history of South African foreign policy ... 4

Гао Вэньцзин – История культурных связей России и Китая в рамках становления китайской стратегии "Один пояс – один путь"
Gao Wenjing – The history of cultural ties between Russia and China with the development of the Chinese strategy of "One belt and one road" 9

О.И. Иевлева – Механизм действия окружных властей по осуществлению коллективизации (на материалах Сухиничского округа Западной области)
O. Ievleva – The mechanism of action of the local authorities for the implementation of the collectivization (on materials of Sukhinichi district of Western region) 14

А.В. Ковалев – Страницы неофициальной истории пожертвований в провинциальной России периода Русско–японской войны 1904–1905 гг. (на материалах Калужской губернии)
A. Kovalev – Pages of the unofficial history of donations in provincial Russia during the Russo–Japanese War 1904–1905 (on materials of the Kaluga province) 17

Е.А. Куренкова – Современная американская русистика: взаимопересечение методологических подходов
E. Kurenkova – Modern American Russian Studies: the intersection of methodological approaches 22

Т.И. Мамедова – Государственная политика в области кустарного производства в конце XIX – начале XX вв.
T. Mamedova – State policy in the field of handicraft production in the late XIX – early XX centuries 26

Н.В. Селюнина – О роли донского атамана М. Платова в Бородинском сражении
N. Selyunina – The role of the don ataman M. Platov in the battle of Borodino 30

Э.Б. Терещенко – Провинциальная периодическая печать как источник для биографии Н. Г. Чернышевского саратовского периода (1840–е годы)
E. Tereschenko – Provincial periodicals as source for N.G. Chernyshevsky's biography of the Saratov period (the 1840th years) 34

Е.С. Чекункова – Влияние политики Мэйдзи на жизнь коренного населения острова Хоккайдо
E. Chekunkova – The influence of Meiji policy on life of indigenous population of Hokkaido 38

Чэн Го – Комитет по международным отношениям и политика администрации Дж. Кеннеди в отношении КНР в 1960–1963–х годах
Cheng Guo – Committee on Foreign Relations and the policy of the administration of J. Kennedy in relation to the PRC in the 1960–1963–ies 43

ПЕДАГОГИКА

О.В. Володина, И.В. Дорохина – Обучение грамматической структуре языка как фактор успешности овладения языковыми навыками в ходе формирования коммуникативной компетенции студентов ВУЗ–а

O. Volodina, I. Dorokchina – Teaching the grammatic structure of a language as a factor of successful training of language skills in the formation of student's communicative competencies in higher school 47

А.В. Кивилева – Диагностика уровня сформированности готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нештатных производственных ситуаций и его оценка
A. Kivileva – Assessment of the level of readiness of College students to work in conditions of abnormal production situations 50

Ли Сицай – Особенности социального развития детей дошкольного возраста КНР
Li Xicai – Features of social development of children preschool in China 53

А.А. Науменко – Организация семейного досуга в учреждениях дополнительного образования с участием родительской общности: методические рекомендации
A. Naumenko – Organization of family leisure in the institutions of additional education with involvement of the parent community: methodological recommendations 57

И.М. Петрова, Ю.И. Апарина – Развитие когнитивных способностей учащихся при обучении грамматике английского языка на материале теории классов
I. Petrova, Yu. Aparina – Development of students' cognitive abilities in the process of teaching English grammar using the theory of classes 61

Ч.Т. Сагды, С.Х. Хурен–оол, С.К. Салчак – Семейный театр в детском саду как творческое объединение педагогов, детей и родителей
Ch. Sagdy, S. Huren–ool, S. Salchak – Family theatre in the kindergarten as a creative community teachers, children and parents 66

О.С. Фисенко, Ю.В. Карпова, М.В. Паршина – Использование интерактивных технологий в методике преподавания русского языка как иностранного
O. Fisenko, Yu. Karpova, M. Parshina – The using of interactive technologies in the methods of teaching Russian as a foreign language 71

Цзинь Яньлун – Важность навыков сценической речи для создания роли актера
Jin Yanlong – The importance of skills scenic speech for creating the actor's role 76

М.Л. Шабдинов, Э.У. Куркчи – Влияние педагогических условий на формирование профессионального самоопределения старшеклассников в предметной области "Технология"
M. Sabdenov, E. Kurkchi – Influence of pedagogical conditions for the formation of professional self–determination of the old schools in the subject field "Technology" 82

ФИЛОЛОГИЯ

- С.П. Анохина** – Гномические высказывания во временной перспективе
S. Anokhina – Aphorisms in Time Continuum86
- Ф.Ф. Валеева** – Система образов и типология героев в современных башкирских повестях
F. Valeeva – The system of images and the typology of heroes in the modern Bashkir bulletins91
- Ф.Ф. Валеева** – Мифопоэтика в повести Т. Гариповой "Луна и Солнце неразлучны"
F. Valeeva – Mythopoeitics in the story of T. Garipova "The Moon and the Sun is not imminable"96
- Г.И. Велиева** – К вопросу о порядке присоединения синтаксических конструкций в структуре художественного текста
G. Veliyeva – On the question of the order of joining of syntactic constructions in the structure of an artistic text99
- Н.И. Гайкалова** – Английские неопределенные местоимения someone и somebody в аспекте перевода (на материале художественного дискурса)
N. Gaikalova – The English indefinite pronouns "someone" and "somebody" in terms of translation (based on the literary discourse)103
- М.С. Гончар** – Пожелание и комплимент как речевые тактики стратегии вежливость в русской речи китайцев, корейцев и японцев
M. Gonchar – A wish and a compliment as speech tactics of strategy politeness in Russian speech of Chinese, Korean and Japanese people108
- М.С. Гончар** – Общие и специфические нарушения в русской речи представителей культур восточной Азии при реализации коммуникативной стратегии 'Вежливость'
M. Gonchar – General and specific errors in Russian speech of east Asia's representatives carrying out the communicative strategy 'Politeness'111
- Д.Р. Денисов** – Анализ концепта семантического поля "самодостаточная личность" в русскоязычном культурно-логическом поле
D. Denisov – The analysis of the concept of the semantic field "self-sufficient person" in the Russian cultural field115
- И.Н. Загоруйко** – Карнавализация коммуникативного пространства видеоблогов
I. Zagoruiko – Carnavalesque of the videoblogs communicative space119
- Исахан Исаханлы** – Гибель Сергея Есенина: отклики в бакинской прессе (1925–2017)
Isahan Isakhanli – Sergey Esenin's death: responses in the Baku press (1925–2017)124
- Н.А. Каменева** – Лексические, грамматические и стилистические особенности англоязычного интернет-сленга
N. Kameneva – Lexical, grammatic and stylistic features of the English-language internet slang129

- С.Э. Кегеян, Н.С. Кресова, В.В. Сиганова** – Использование дискурсивных маркеров в письменном научном дискурсе
S. Kegeyan, N. Kresova, V. Siganova – The use of discourse markers in written scientific discourse137

- Е.В. Никулина, Л.С. Шабанова** – Сленговая лексическая единица и ее культурно-значимая информация
H. Nikulina, L. Shabanova – Slender lexical unit and its cultural-meaning in-formation142

- Л.А. Огородникова** – Парадигматика родительного падежа в отрицательных конструкциях при переходных и непереходных глаголах (на материале художественных и публицистических текстов второй половины XVIIIв.)
L. Ogorodnikova – Paradigmatica of the genitive in negative constructions with transitive and intransitive verbs (on the fiction and journalistic texts the second half of the XVIII century.) ...146

- А.С. Осламенко** – Концепт герой по данным психолингвистического эксперимента
A. Oslamenko – The concept of hero according psycholinguistic experiment149

- М.Г. Парамонова** – Особенности употребления артикля в английском языке в художественном тексте (на примере романа Джейн Остен "Гордость и предубеждения")
M. Paramonova – Features of the use of the article in the English language in the literary text (on the example of Jane Austen's novel "Pride and prejudice")153

- К.В. Полякова** – Особенности возникновения силлабографической системы письма из логографической на материале японских силлабариев
K. Polyakova – Genesis of syllabographic writing system derived from logography analyzed via Japanese syllabaries157

- С. Рзаева** – Общие мотивы в произведениях Германа Гессе и Томаса Манна
S. Rzaeva – General motives in the works of German Hesse and Thomas Mann161

- И.А. Сиволобова** – Дети-игрушки в текстах Э. Елинек 1970–1980х годов
I. Sivolobova – Children-toys in in the prose of Elfriede Jelinek of the 1970–80s166

- Чэн Цзяци** – Анализ темы "деревня" на примере литературных произведений И.А.Бунина "Антоновские яблоки" и "Деревня"
Cheng Jiaqi – Analysis of the "village" theme on the example of works by I. A. Bunin "Antonov's apples" and "Village"169

- Л.В. Ягенич** – Прагматический анализ письменного медицинского научного текста на английском языке
L. Yagenich – Pragmatic analysis of written medical scientific text in English173

ИНФОРМАЦИЯ

- Наши Авторы / Our Authors178
 Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале180

№ 5 2018 (май)

CONTENTS

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЮАР XX ВЕКА

POLITICAL-PSYCHOLOGICAL APPROACHES IN THE RESEARCH OF THE HISTORY OF SOUTH AFRICAN FOREIGN POLICY

A. Arkhangel'skaya

Annotation

In the framework of this article, the author sought to show some political and psychological approaches in the study of the history of South Africa's foreign policy. The history of South Africa is closely intertwined with events of international scale. The political and economic evolution of South Africa has specific features, and it can be regarded as a kind of a laboratory, which makes it possible to follow the application of new theories of international relations in practice. Studying the context of transition and changes in the foreign policy environment, one should pay attention to the personal characteristics of the figures who conducted the country's foreign policy, to their beliefs and stereotypes that largely influenced the final choice when making decisions in the foreign policy sphere.

Keywords: history; international relations; political psychology; foreign policy; South Africa; Africa.

*Архангельская Александра Александровна
К.и.н., научный сотрудник,
Институт Африки РАН*

Аннотация

В рамках данной статьи автор стремился показать некоторые политико-психологические подходы в исследовании истории внешней политики ЮАР.

История Южной Африки тесно переплетена с событиями международного масштаба. Политическая и экономическая эволюция ЮАР имеет специфические особенности, и ее можно рассматривать в качестве своеобразной лаборатории, дающей возможность на практике проследить за применением новых теорий международных отношений. Изучая контекст перехода и изменений во внешнеполитической среде, следует обратить внимание на личностные характеристики деятелей, проводивших внешнеполитический курс страны, на их убеждения и системы стереотипов, которые в значительной мере влияли на окончательный выбор при принятии решений во внешнеполитической сфере.

Ключевые слова:

История; международные отношения; политическая психология; внешняя политика; ЮАР; Африка.

Томас Карлейль (1797-1881), – автор знаменитой фразы: "История мира – это биография великих людей" – быть может достаточно сильно увеличил роль выдающихся личностей и мало оценил социальные, экономические и другие факторы, составляющие его "героев". Однако в русле персональной истории в контексте изучения международных отношений подобные исследовательские дискурсы исключительно актуальны [1]. Интеграция африканских стран в мировую политику (и экономику) очевидна и дает богатейший материал для изучения истории международных отношений в условиях глобализации.

Южноафриканская Республика (ЮАР) – лидер в регионе, с ее многомиллионным черным, белым и цветным населением – не является исключением. В рамках истории внешней политики анализ характера, личных качеств и поведения руководства ЮАР в разные исторические периоды дает возможность выявить общие психологические черты – "ядро политической личности", через призму знаний о котором исследователи и практики могут диагностировать политическое поведение кандидатов в президенты, глав государств и их отношения с партнерами.

Со слов американского психолога и философа Уильяма Джеймса, который в своей лекции в октябре 1880 года в Гарвардском обществе естествознания заметил, что "великие люди обладают возможностью влиять на мысли социума и формировать их". Американский политолог Александр Джордж писал: "То, как лидеры национальных государств видят друг друга и природу мирового политического конфликта, представляет фундаментальную важность в определении того, что происходит в отношениях между странами. Внешняя политика государства обращена не к внешнему миру, как обычно считается, но, скорее, к образу внешнего мира, царящему в сознании тех, кто проводит внешнюю политику" [2].

Политическая психология получила развитие в США и Канаде, в меньшей мере – в западноевропейских странах и России. Однако в начале 1990-х гг. появляются политико-психологические исследования российских авторов (Е. Шестопал, Г. Дилигенский, А. Юрьев, Л. Гозман, Е. Гантман-Егорова и др.), их предметом являются психологические компоненты политического поведения человека, исследование которых позволяет применить психологическое знание к области политики и истории [3–7].

Методологической основой исследования в преддверье написания данной статьи была избрана теория спиральной динамики американского психолога Клэра Грейвза [8] в совокупности с ведущими теоретическими парадигмами современной политической психологии. К. Грейвз как основоположник теории уровней человеческих биопсихосоциальных систем, развивая во второй половине XX века концепцию иерархии человеческих потребностей А. Маслоу, обработал огромное количество экспериментальных и статистических данных и сформулировал инновационную модель системы человеческих ценностей. Грейвз утверждал, что индивид – это открытая эволюционирующая структура, и возможности адаптации нашего мозга не имеют границ и что обратной реакцией на трансформировавшуюся внешнюю среду индивиды вырабатывают и создают новые системы ценностей, преобразуя личный уровень психологической жизни. Его работы были развиты Доном Беком и Кристофером Кованом [9], которые построили на их основе целое новое направление в социопсихологии, которое они назвали "миметика", или "спиральная динамика". Эта новейшая интегральная модель архитектуры сознания человека, которая описывает поступательную смену ценностных ориентиров людей по мере роста сложности их мышления, вполне применима для анализа и исследования эволюции внешнеполитической деятельности ЮАР.

В настоящее время спиральная динамика вызывает живой интерес ученых и политиков, бизнесменов и педагогов, являясь инструментом для изучения и построения эффективных моделей коммуникации и удобным инструментом для анализа и решения многих практических задач. Теория, представленная в работах Д. Бека и К. Кована, описывает восемь взаимосвязанных уровней зрелости индивида и общества. Каждый уровень определяется соответствующим набором культурных ценностей, ценностей, приоритетов, убеждений и особенностей взглядов и мировоззрений. Эволюционируя, индивиды и группы переходят с одного уровня на другой под влиянием условий жизни, внешней среды и опыта решения проблем. Когда эта среда вокруг человека изменяется, организации или общества трансформируются, эти изменения заставляют пересматривать базовые ценности и убеждения. Проблемы, которые не могут быть решены в рамках существующей на момент системы ценностей, подталкивают и вынуждают взбираться на очередной шаг и идти вверх по спирали.

Модель спирали – инструмент, который даёт возможность управлять процессом изменений. Прежде всего нужно определить, на каком витке эволюции располагается индивид или группа. Любые трансформации должны делаться, принимая во внимание частные характеристики этапа развития спирали, на котором размещается в моменте индивид или группа. Модель спиральной дина-

мики располагает огромными возможностями для модели трансформаций в самых различных условиях, в том числе во внешней политике и ее историческом анализе.

Еще одной среди ведущих теоретических парадигм в современной политической психологии является бихевиоризм – его основная цель которого исследование различных видов и паттернов политического поведения. Его сторонники внесли важный и ценный вклад в изучение разнообразных видов и паттернов политической вовлеченности, межэтнических и межгосударственных конфликтов и споров, политической социализации. Труды политических психологов когнитивистской или гуманистической ориентации нацелены на то, каким образом индивид размышляет о политике, слышит лидеров и партии, какие потребности осуществляет, какие мотивы и ценности использует, кооперируясь с политикой и средствами массовой информации в борьбе за влияние на массовый политические мировоззрения.

В границах политического психоанализа, главная цель которого бессознательная мотивация политического поведения, идёт изучение проблемы бессознательного в политике. Исследователи создали психологические портреты многих политических деятелей современности – от Мао Цзэдуна до Владимира Жириновского [10, с. 18–19; 5, с. 11; 12, 13].

История Южной Африки тесно переплетена с событиями международного масштаба. Политическая и экономическая эволюция ЮАР имеет специфические особенности, и ее можно рассматривать в качестве своеобразной лаборатории, дающей возможность на практике проследить за применением новых теорий международных отношений. Изучая контекст перехода и изменений во внешнеполитической среде, следует обратить внимание на личностные характеристики деятелей, проводивших внешнеполитический курс страны, на их убеждения и системы стереотипов, которые в значительной мере влияют на окончательный выбор при принятии решений во внешнеполитической сфере.

В осуществляемом нами исследовании под политическими лидерами понимаются признанные на политической сцене фигуры, обладающие полномочиями для принятия решений и влиянием на формирование внешнеполитического характера страны, в нашем случае – ЮАР. В количество противопоставлений заявлению о том, что личность может влиять на политическо-экономические вехи развития, часто включаются подобные утверждения: социальные роли преобладают над личностными качествами; персональные характеризующие особенности личности не столь значимы, по сравнению с социальными параметрами, влияющими на политическое поведение;

человек жестко ограничен в своем влиянии на события; люди ведут себя сходно в сходных ситуациях и другие.

В мировой литературе встречаются две значительные общности теоретиков, являющиеся сторонниками и противниками вышеупомянутого взгляда. Ученые-социологи, историки принадлежат в основном к критикам влияния личности на политику. Политологи и политические психологи, более сфокусированные на личность в своем исследовании политическо-исторических тенденций, привержены зачастую альтернативной позиции. Рамки академической статьи не позволяют в полной мере характеризовать многообразие позиций, но заметим, что сегодня уже не дискутируется вопрос о том, нужны или не нужны исследования личности в истории и политике. Существует и применяется подход не противопоставления и выбора, а синтеза этих двух подходов.

Через призму новых историко- и политико-психологических дискурсов изучается влияние целостной личностной структуры южноафриканских политических лидеров на проводимую им внешнюю политику с учетом генезиса личностных характеристик, исследуется личностная специфика внешнеполитического поведения ЮАР в конкретных исторических ситуациях. Анализу подвергаются различные сферы деятельности личности – от рационального (процессы принятия решения) до иррационального (фобии, навязчивые идеи).

Личная система политического лидера является комплексным мозаичным объектом и включает в себя множество разных взаимозависимых системных "блоков". Не все они в одинаковой степени "ответственны" за политическое поведение и проявляются в нем. В политологической и политико-психологической литературе выделен ряд персональных особенностей политических лидеров, которые при определенных условиях влияют на проводимую ими внешнюю политику. Личностные характеристики, проявляющиеся во внешнеполитическом поведении лидера, группируются в восемь блоков.

Во-первых, социокультурный "мем" спиральной динамики; во-вторых, Я-концепция политического лидера; в-третьих, метапрограммы в качестве ментальных/перцептивных программ для сортировки и сосредоточения внимания на стимулах; в-четвертых, потребностно-мотивационная сфера личности политических лидеров: потребность во власти, в личном контроле над событиями и людьми, в достижении и т. д.; в-пятых, ценности и убеждения политических лидеров, оказывающие влияние на их поведение во внешней политике, в-шестых, стиль принятия решения политическим лидером; в-седьмых, стиль межличностных отношений и определяющие его социально-психологические характеристики; в-восьмых, стрессоустойчивость и инструментарий управления

стрессовыми ситуациями. Подобный подход позволяет сравнивать различных политических лидеров с точки зрения того, как блоки личностных характеристик проявились в конструировании ими внешней политики. Исследуя конкретные индивидуальные случаи, так называемые case studies, касающиеся политических лидеров ЮАР, необходимо провести анализ каждого случая с его особенностями.

В исследовании анализируется жизненная история каждого выбранного для изучения политического лидера, представленная в разных источниках таких как – биографии, автобиографии, психобиографии, оценки близких и друзей политиков, критика и суждения оппонентов, официальные документы. Жизненная история политического лидера позволяет изучить становление его личности с детского возраста в его условиях его личного социального и исторического контекста, учитывая конкретную ситуацию, в которой зародились различные черты характера при встрече с определенными требованиями окружения и проблемами, которые необходимо было разрешить. Один из наиболее ценных источников для нас, несмотря на известные ограничения, – разнообразные биографии политических лидеров.

Внешнеполитическая история ЮАР привлекает внимание исследователей прежде всего феноменом дуальности. Противостояние английских и бурских колонистов в XIX веке не мешало им изначально относиться к туземным племенам как к людям "второго сорта", которые рассматривались исключительно как ресурс для эксплуатации. Образование в 1910 году Южноафриканского Союза как результат компромисса между британскими колониями и бурскими республиками инициировало процесс закрепления расовой дискриминации на законодательном уровне. Благодаря идеологическим установкам и последовательным политическим шагам конкретных личностей, стоявших у власти в Южной Африке в первой половине XX века, сформировалась расистская политика, получившая название "апартеид". Параллельно развивалось национально-освободительное движение сопротивления этой политике со стороны черного и цветного населения Южной Африки, выдвинувшего своих политических лидеров.

В условиях противостояния формировалась уникальная дуальная внешняя политика ЮАР. С одной стороны, белый режим вынужден был выстраивать дипломатические отношения сначала в качестве доминиона Британской империи, затем – на фоне распада колониальных держав, образования новых независимых государств в Африке и жесткого остракизма со стороны международного сообщества, осуждавшего апартеид. С другой стороны, видные деятели сопротивления, начиная с образования Африканского национального конгресса в 1912

году и до падения системы апартеида в начале 1990-х годов, выстраивали продуманную "подпольную" внешнюю политику и налаживали контакты с самыми разными государствами и политическими силами, которые могли оказать реальную поддержку освободительному движению. При отсутствии выстроенного системного механизма дипломатии у обеих из сторон и постоянной необходимости в "ручном управлении" роль личностей в развитии дуальной внешней политики ЮАР сложно переоценить.

Выбор политических фигур для исследования по рассмотренным выше методологическим подходам, с одной стороны, основывается на конкретном вкладе персоны в "личную дипломатию", с другой – включает как официальных представителей государства ЮАС–ЮАР, так и лидеров мультирасового национально-освободительного движения. В качестве примера одной из рассматриваемых личностей в рамках этой статьи выбран премьер-министр Фервурд. Правивший в Южной Африке в течение восьми лет, Фервуд бесспорно, является значительной политической фигурой описываемого периода, поскольку являлся главным идеологом и конструктором политики апартеида в ЮАР. На протяжении карьеры Фервурду не раз приходилось сталкиваться с международной политикой. Будучи в течение одиннадцати лет – с 1937 по 1948 г. – редактором *Die Transvaler*, рупора Национальной партии Трансвааля, он часто в прямолинейной и бескомпромиссной манере критиковал связи с Британской империей, республиканскую политику и участие Южной Африки во Второй Мировой войне. А в должности министра внутренних дел в 1950-х часто имел дело с мнением международного сообщества относительно расовой политики [15].

В первые годы премьерства Фервурд в вопросах внешней политики был склонен полагаться на знания и компетенции Лоува, который сохранил свой пост главы МИДа. Тем более в глазах членов НП Лоув имел чуть ли не больший авторитет, чем сам Фервурд, который стал парламентарием лишь в 1948 г. [16]

Однако, когда премьер-министр обрел уверенность как лидирующая политическая фигура, он почувствовал, что меньше нуждается в совете Лоува или кого-то еще. Тут следует заметить, что самостоятельное формирование Фервурдом внешней политики являлось прямым следствием его успехов на внутренней арене. Подобно Смэтсу, Фервурд жестко контролировал работу кабинета вплоть до вмешательства в выполнение ведомственных

обязанностей. Однако его доминирование основывалось не на принуждении, а на таких качествах, как блестящий интеллект, политическое чутье и сила убеждения. Не говоря уже о непреклонной воле, благодаря которой он продолжал проводить в жизнь политику раздельного развития. Министры и чиновники, работавшие с Фервурдом, вспоминали, что премьер очевидным образом наслаждался процессом увещивания подчиненных и собственной непревзойденной аргументацией в дискуссиях [17].

Таким образом, всего за пару лет у Фервурда проявились черты исключительного руководителя, что позволяло ему подходить к вопросам внешней политики с большой уверенностью и настойчивостью в решении проблем. Следствием перехода к самостоятельному формированию внешнеполитической повестки стали отношения с Лоувом и личность его преемника на посту министра иностранных дел. Несмотря на то что Лоув оставался уважаемым политиком, к мнению которого Фервурд, безусловно, прислушивался, в начале 60-х он оказался гораздо менее влиятельной фигурой, чем при Стрейдоме. К тому же с возрастом легендарный глава МИДа стал еще более раздражительным сварливым чиновником, которого с трудом переносили даже коллеги, что, разумеется, не могло привести к улучшению его положения в правительственных кругах [18].

Главная задача актуальных исследований по заявленной теме заключается в расширении понимания роли субъективного личностного фактора в эволюции внешней политики ЮАР, а с практической точки зрения осмысление нового эмпирического материала может служить основанием для дальнейшего изучения роли личностного фактора во внешнеполитическом процессе. В течение второй половины XX века геополитическое значение Африки заключалось в борьбе двух идеологий, представленных США и Советским Союзом. В начале XXI столетия на фоне появления новых держав с глобальной дипломатической деятельностью и с альтернативным западному подходом к развитию стратегическое значение Африки вновь возрастает. Процессы, происходящие на континенте, являются в определенной степени отражением перехода системы международных отношений на качественно новый уровень. Изучение взглядов политических лидеров ЮАР создает возможности для стратегического прогнозирования эволюции внешней и внутренней политики с последующим анализом экономической, законодательной и политической ситуаций на африканском континенте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ang C.G. Singapore and the Worldview of Lee Kuan Yew // *The Diplomat*. March 04, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/03/singapore-and-the-worldview-of-lee-kuan-yew/> (дата обращения: 25.05.2017).
2. George A.L., George J.L. *Presidential Personality and Performance*. Boulder, Colo. : WestviewPress, 1998. 287 p.

3. Шестопап Е. В. Личность и политика. Москва: "Мысль", 1988. 205 с.
4. Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели. Москва: "Политиздат", 1986. 285 с.
5. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. Санкт-Петербург, 1992. С.
6. Gozman L., Etkind A. The psychology of post-totalitarianism in Russia //L.: Centre for Research into Communist Economies, 1992. 121 p.
7. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К. В. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях. ИМЭМО, 1989. С.
8. Graves C.W. An Emergent Theory of Ethical Behavior Based Upon. An Epigenetic Model. N.-Y., 1959. 296 p.
9. Бек Д., Кован К. "Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке". Москва: "Открытый мир", BestBusinessBooks, 2010. 420 с.
10. Шестопап Е. Б. Очерки политической психологии. Москва: ИНИОН, 1990. С.
11. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. Москва, 1996. 351 с.
12. Егорова Е.В. Личностный фактор во внешней политике США в 60–90-е годы // Автореферат диссертации на соискание докторской степени политических наук. Москва, 1992. 382 с.
13. Егорова Е.В. Психологические методики исследования личности политических лидеров капиталистических стран. Москва, 1988. 288 с.
14. Давидсон А. Б. Сесиль Родс и его время. Москва, 1984. 90 с.
15. Kenney H. Verwoerd: Architect of Apartheid. Johannesburg, Cape Town: Jonathan Ball Publishers, 2016?. P. 58–177
16. Plessis du E. Die Buitelandse Beleid van Dr. H. F. Verwoerd (1958–1966). M. A. dissertation. Pretoria: University of Pretoria, 1978. S. 168
17. Jooste G. P. Diensherinneringe. Johannesburg, Perskor, 1973. S. 187.
18. Geldenhuys D. J. The Diplomacy of Isolation. South African Foreign Policy Making. Johannesburg, 2017. P. 22–23.

© А.А. Архангельская, (aarkhangelskaya@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Международная выставка IMPC-EXPO2018

добыча и переработка минерального сырья.

Эффективные технологии – ключ к успешному обогащению полезных ископаемых

Москва 16 – 18 сентября 2018. ЦВК «Экспоцентр», павильон 7, зал №1

Тематические направления выставки:

- Предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности.
- Предприятия нефтяной и газовой отрасли и золотодобывающие компании.
- Производители и поставщики машин и оборудования для горной промышленности, шахт, горно-обогатительных комбинатов.
- Технологии, оборудование и приборы для обработки и обогащения полезных ископаемых.
- Геология и геофизика: оборудование, научные исследования, информационные системы.
- Научно-производственные центры, исследовательские и проектные институты.
- Экология. Охрана окружающей среды, экологический мониторинг полезных ископаемых.

Организаторы:

Спонсоры:

Официальный конгресс-организатор Международное Агентство Конгрессного Обслуживания MAKO

MAKO

<http://www.makongress.ru> / +7 499 705 79 25 / info@makongress.ru

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И КИТАЯ В РАМКАХ СТАНОВЛЕНИЯ КИТАЙКОЙ СТРАТЕГИИ "ОДИН ПОЯС - ОДИН ПУТЬ"

THE HISTORY OF CULTURAL TIES BETWEEN RUSSIA AND CHINA WITH THE DEVELOPMENT OF THE CHINESE STRATEGY OF "ONE BELT AND ONE ROAD"

Gao Wenjing

Annotation

This article is devoted to the history of the development of cultural relations between Russia and China after Russia's accession to the economic program of the PRC "economic belt of the silk road". An excursion into the history of the development of cultural relations between the two countries is given, the issue of cultural compatibility of the Russian and Chinese Nations is considered. In addition, the article reveals some of the historical features of the cultural strategies of China ("soft power", strategymost) described by China's program of economic cooperation "silk road" and the strategy of "One belt and one road", and addressed the agreement and the legal framework of cultural relations between the two countries in the field of student exchange, mass media, tourism in the beginning of XXI century First described some practical problems of cultural interaction between the Chinese and the Russians in modern Russia in the sphere of tourism. It is shown that the development of cultural relations between China and Russia is of great importance for the further dynamics of relations between the two countries.

Keywords: history, cultural ties, bilateral agreements, silk Road, one belt – one road, soft power, tourism, cultural strategies of PRC, stratagem, Russia and China, Chinese in Russia.

Гао Вэньцзин

Аспирант,

Санкт–Петербургский
государственный университет

Аннотация

Данная статья посвящена истории развития культурных связей России и Китая после вступления России в экономическую программу КНР "Экономический пояс Шелкового Пути". Дан экскурс в историю развития культурных связей между двумя странами, рассмотрен вопрос о культурной совместимости русской и китайской наций. Кроме того, в статье выявлены некоторые исторические особенности культурных стратегий КНР ("мягкая сила", стратагемность), описаны разработанные Китаем программа экономического сотрудничества "Шелковый путь" и стратегия "Один пояс – один путь", а также рассмотрены соглашения и правовая платформа культурных связей между двумя странами в области студенческого обмена, масс медиа, туризма в начале XXI в. Впервые описаны некоторые практические проблемы культурного взаимодействия китайцев и русских в современной России в сфере туризма. Показано, что становление развития культурных связей между Китаем и Россией имеет огромное значение для дальнейшей динамики отношений между двумя странами.

Ключевые слова:

История, культурные связи, двусторонние соглашения, Шелковый Путь, "Один пояс – один путь", "мягкая сила", туризм, культурные стратегии КНР, стратагемность, Россия и Китай, китайцы в России.

Процесс глобализации, идущий в современном мире, привел к тому, что культуры России и Китая, ранее практически изолированные друг от друга или же имеющие ограниченные контакты в разные исторические периоды, оказались перед фактом необходимости тесного сотрудничества и налаживания партнерских отношений на фоне динамично развивающейся мировой геополитической обстановки.

Первые культурные связи между Китаем и Россией на относительно постоянной основе зародились в XVII веке. Позднее на протяжении долгого времени ведущую роль в формировании и развитии китайско–русских культурных связей и китаеведения играла Пекинская духовная мис-

сия. Новый этап развития культурных взаимоотношений между двумя государствами начинается с Октябрьской революции 1917 года, после которой обеими сторонами было приложено много усилий для создания конструктивного межкультурного диалога и общения. В частности, в это время были созданы такие организации как "Всесоюзное общество культурной связи с заграницей" и "Общество культурной связи Китая и СССР", в Китае были открыты многочисленные клубы по изучению русского языка и налажен научно–студенческий обмен между ВУЗами Китая и России. [1]

После образования Китайской Народной Республики в 1949 году российско–китайские культурные связи вы-

шли на качественно новый уровень. Именно в этот период Китай стал называть СССР "???" – "старшим братом". В это время научно-образовательные и культурные связи между двумя странами достигли небывалого прежде уровня. Так, в период с 1952 г. по 1966 г. в рамках образовательного обмена между странами СССР подготовил 25 тыс. молодых китайских специалистов.

На протяжении всей истории развития культурных связей между Китаем и Россией можно четко проследить их взаимозависимость с политической и экономической обстановкой в мире и в регионе. Так, в 1960–1970-х гг. в связи с нарастанием напряженности по вопросу демаркации советско-китайской границы и военного конфликта на острове Даманский в 1969 году связи между СССР и Китаем значительно ухудшились во всех областях, в том числе и в культурной сфере.

Улучшение отношений между двумя странами началось не ранее чем в конце 1980-х гг. В 1990 г. премьер Госсовета Китайской Народной Республики Ли Пэн нанес рабочий визит в СССР. В рамках этого визита было подписано шесть межправительственных соглашений. В 1992 г. Президент РФ Борис Ельцин посетил Пекин, где подписал с правительством КНР "Декларацию об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой", а также около 20 соглашений, и, том числе "Соглашение о культурном сотрудничестве", которые легли в основу дальнейшего развития китайско-российских отношений.[1]

В 1995 г. было подписано "Соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях". В 2000 г. в рамках рабочего визита Премьера Госсовета КНР Ли Ланьцина были подписаны "План культурного сотрудничества между правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики на 2001–2002 гг." и "Протокол о сотрудничестве между Министерством Культуры России и Министерством Культуры Китая на 2001–2002 гг.". В 2001 году был подписан основополагающий двусторонний "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве", который положил начало совершенно новому этапу в развитии китайско-российских культурных связей, когда были проведены беспрецедентно крупные межкультурные мероприятия, такие как "Год Китая в России" (2006 г.), "Год России в Китае" (2007 г.), "Год русского языка в Китае" (2009 г.) и "Год китайского языка в России" (2010 г.), национальная выставка России в Пекине (2006 г.), многие российские предприятия приняли участие в торгово-экономических, промышленно-технологических и туристических выставках Китая. В 2010 г. в Москве был открыт Китайский Культурный Центр, а в Пекине – Российский Культурный Центр.

В начале XXI в. выстраивание гармоничных отноше-

ний с Китаем являлось и по-прежнему является одним из основных направлений внешней политики России, так же, как и Китай стремится расширять стратегическое, политическое, экономическое и культурное взаимодействие со своим русским соседом.

В то же время России для правильного понимания долгосрочных целей и намерений своего китайского партнера и, соответственно, разработки адекватных стратегий взаимодействий с китайским партнером и адекватного прогнозирования сценариев развития межкультурных взаимодействий, необходимо иметь ясное представление об особенностях китайского менталитета и внешнеполитической стратегии КНР, которые во многом сильно отличаются от российских.

В современном мире Китай, выйдя на мировую арену и увеличивая степень своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), использует целый ряд коммуникативных и культурных стратегий, основанных на традиционных культурных ценностях китайской цивилизации. Китайское правительство придает важное значение культурным связям с другими странами, которые являются важной составляющей частью политики "мягкой силы", проводимой КНР. В китайском понимании "мягкая сила" тесно переплетается с традиционными китайскими ценностями: идеей гармонии, единства и многообразия моделей развития, формированием привлекательного имиджа Китая среди представителей мирового сообщества, установлением стратегических партнерских отношений с другими странами мира и активным участием в становлении мирового порядка. Основа таких представлений лежит в базовых конфуцианских понятиях и традиционных ценностях: "единение без унификации", "неуклонно стремиться вперед", "неустанно добиваться поставленной цели", "ставить древнее на службу современности", "ставить зарубежное на службу Китая", "гармоничный мир" [7]. Для правильного понимания хода мыслей и действий своего китайского партнера России необходимо также понимать, что одной из ключевых констант китайской культуры является такое понятие как "стратегичность", которое можно определить как выбор наиболее подходящей для конкретной ситуации стратегии для того, чтобы добиться поставленной цели. Это не только умение правильно понять ситуацию, но и просчитать все варианты развития ситуации, выбрать оптимальный путь и, более того, программировать ход событий с учетом набора имеющихся факторов. Российской стороне следует учитывать небывалую по русским меркам степень практичности, продуманности своих действий и настойчивости китайского этноса в достижении поставленных целей.

Именно стратегичный характер мышления китайского правительства привел к созданию двух важных международных инициатив, впервые озвученных Председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 года во время

своих визитов в Казахстан и Индонезию: "Экономический пояс Шелкового пути" и "Морской Шелковый путь XXI века", которые стали известны как стратегическая концепция «一带一路» – "Один пояс – один путь".

В рамках проекта "Экономически пояс Шелкового Пути" планируется создание трех трансевразийских транспортных коридоров: северного (Китай – Центральная Азия – Россия – Европа), центрального (Китай – Центральная и Западная Азия – Персидский залив – Средиземное море) и южного (Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия – Индийский океан). "Морской Шелковый Путь XXI века" подразумевает создание двух морских маршрутов: первый маршрут должен соединить Китайское побережье и Южно-Тихоокеанский регион через Южно-Китайское море, а второй – Китайское побережье с Европой через Южно-Китайское море и Индийский океан.

Данная судьбоносная стратегия китайского правительства, отдаленной целью которого является создание нового мирового порядка на основе формирования "сообщества общей судьбы" на евразийском континенте через создание новых механизмов экономического развития для более эффективного распределения ресурсов в регионе и укреплению рыночной интеграции всей Евразии, позиционируется разработчиком как "грандиозная концепция, покоряющая пространство и время" и как "великое дело, которое несет благо народам стран Шелкового пути". В теории центральная идея концепции "Один пояс – один путь" заключается в "пяти связующих элементах": политическом согласовании, единой инфраструктурной сети, торговых связях, валютно-финансовых потоках, народных связях. Кроме того, китайское правительство гарантирует абсолютную открытость данного проекта для всех стран, желающих принять в нем участие.

Принципы, структура, приоритетные направления и механизмы реализации стратегии "Один пояс – один путь" были более детально озвучены весной 2015 года на Беооском Азиатском форуме в виде разработанного Государственного Комитета по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством Коммерции КНР документа под названием "Концепция и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового Пути и Морского Шелкового Пути XXI века".

России отводится особое место в реализации данной стратегии международного сотрудничества, что объясняется целым рядом факторов: географической близостью Китая и России, необходимостью выстраивания доверительных политических отношений и стратегического партнерства между странами, возможностью экономической взаимодополняемости, развития взаимных контактов в гуманитарной области.

В мае 2014 года в Шанхае между Россией и Китаем было подписано совместное заявление о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в рамках инициативы создания "Экономического пояса Шелкового Пути", а через год, во время визита Председателя Госсовета КНР Си Цзиньпина в Москву, приуроченного к празднованию 70-ой годовщины Победы над фашистской Германией и Параду Победы в Москве в 2015 году, Владимир Путин и Си Цзиньпин подписали заявление о сотрудничестве по проекту "Шелковый Путь" 10. В рамках данного документа были подписаны дополнительные соглашения в области развития имеющейся и строительства новой транспортной инфраструктуры, инвестиций, строительства газопроводных линий и основания совместных производств. Важное внимание также было уделено расширению связей в области межкультурной коммуникации между Россией и Китаем, расширению студенческого обмена между двумя странами, популяризации изучения русского языка в Китае и китайского – в России, совместных проектов в области масс медиа, медицины, туризма, культуры и спорта.

В рамках XVII заседания российско-китайской межправительственной комиссии по гуманитарному сотрудничеству, проведенному 4 июля 2016 года в Москве под председательством Заместитель Председателя Правительства Ольга Голодец, были обсуждены крупномасштабные проекты в области образования, в частности, создание в Шэньчжэне совместного российско-китайского университета на базе МГУ им. М. В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета. Кроме того, Ольга Голодец отметила повышение интереса российской молодежи к изучению китайского языка, подчеркнув, что "китайский язык в Российской Федерации среди иностранных языков вышел по популярности на шестое место, и сегодня российские школьники имеют возможность сдавать ЕГЭ по китайскому языку" [6]. Постоянно увеличивался и продолжает нарастать в количественном измерении студенческий обмен между двумя странами, что продиктовано необходимостью подготовки квалифицированных кадров для полноценной российско-китайской культурной коммуникации.

В июле 2016 года в Москве был организован форум ректоров ВУЗов Китая и России под названием "Стратегия российско-китайского научно-образовательного сотрудничества", в которой приняли участие представители Минобразования КНР, китайские дипломаты, а также ректоры университетов (90 российских и 80 китайских). В рамках данного форума было принято решение о создании российско-китайского глобального рейтинга ВУЗов и подписано порядка 15 документов о сотрудничестве, в частности, "Соглашения о взаимодействии в сфере развития российско-китайских проектов в области высшего медицинского образования меж-

ду Первым Московским государственным медицинским университетом им. И.М. Сеченова и Харбинским медицинским университетом" [8]. К 2020 году студенческий обмен между двумя странами планируется довести до 100 тыс. человек (по данным на 2014 г. в российских ВУЗах обучалось около 25 тыс. китайских студентов).

В медиасфере в 2016–2017 гг. Россия и Китай успешно осуществили порядка ста совместных проектов по десяти основным направлениям: укрепление взаимодействия профильных министерств и ведомств двух стран в области кинематографии, расширение межправительственных контактов в данной области и разработка механизмов регулирования данной сферы; проведение крупномасштабных мероприятий (годы российских и китайских СМИ, международный кинофестиваль "Шелковый Путь", российско-китайская телевизионная неделя, книжные выставки); укрепление информационного взаимодействия СМИ двух стран; сотрудничество в области подготовки кадров и повышения квалификации работников СМИ; сотрудничество в области производства кино, сериалов и документальных фильмов; сотрудничество в области перевода, распространения и проката кино- и телепродукции; сотрудничество в области медиаиндустрии и маркетинга; сотрудничество в области перевода и издания книг; наращивание сотрудничества в области новых медиа; сотрудничество в области детского кино, мультфильмов, детских передач и книгоиздания[9].

Одним из самых динамично развивающихся направлений китайско-российских культурных связей является туризм, чему во многом способствовало заключенное в 2000 году межправительственное соглашение о безвизовых поездках организованных туристических групп[4]. В 2015 году китайский туристический поток в России составил порядка 670 тыс. китайских туристов, показав еще больший рост в 2016 году[5]. Процентная доля российского бюджета, пополняемая за счет туризма, оценивается в 6,5%, а китайского – в 8,6%[4].

Несмотря на очевидные огромные достижения в области межкультурного взаимодействия между Россией и Китаем за последние несколько лет, толчком для чего послужило формирование и развитие стратегии "Один пояс – один путь" и воплощения международного проекта "Экономический пояс Шелкового Пути", ряд исследователей указывает на ряд проблем, существующих в данной области. Первый вопрос, который находится в поле зрения исследователей – это проблема "культурной совместимости" китайского и российского этносов, причем культурная совместимость понимается как "возможность гармоничного культурного взаимодействия, эффективного освоения и интеграции элементов иной культуры" [2]. Еще во время первых контактов китайцев с русскими в XVII веке выявились значительные культурные различия между представителями двумя этносами. С одной

стороны, это сильно затрудняло взаимоотношения, а с другой, вызывало повышенный взаимный интерес. Существуют различные мнения о степени культурной совместимости российского и китайского этносов. Одна часть исследователей полагает, что российская и китайская культура не поддаются взаимной ассимиляции, и взаимодействие представителей этих двух культур порождает множество проблем этнокультурного характера. Другие исследователи отмечают духовную близость китайской и российской культур. Реалии настоящего времени (современное китайское сообщество в России), а также исторический опыт (например, некогда многотысячная российская колония на китайских территориях при Китайско-Восточной Железной Дороге в первой половине XX века) демонстрируют, что представители российской и китайской культур практически не ассимилируются друг с другом. В первую очередь это обусловлено языковым барьером, поскольку изучение русского языка представляет огромную сложность для китайцев, и из многих тысяч китайских студентов, обучающихся в России, лишь единицы достигают высокого уровня владения русским языком, позволяющим свободно общаться с представителями русской культуры. Также следует учитывать, что китайцы, попадая в инокультурную среду, всегда предпочитают жить своей замкнутой колонией и общаться практически исключительно между собой, что также затрудняет ассимиляционные процессы на бытовом уровне.

На фоне новых реалий и бурного развития межкультурных взаимодействий между представителями российского и китайского этносов уже стали проявляться некоторые негативные тенденции, обусловленные недостаточной продуманностью механизмов и правового регулирования российско-китайских культурных связей. Так, например, в сфере китайского въездного туризма в Россию серые незарегистрированные турфирмы китайской диаспоры стали вытеснять легальных представителей российского бизнеса из данной ниши, оставляя местное население без рабочих мест, российские туркомпании – без дохода, а российский бюджет – без налогов, что вызвало резкое недовольство российских участников рынка[5], и не способствует формированию дружественных отношений между китайцами и русскими на местах.

Сложившаяся в итоге к настоящему времени ситуация в сфере въездного китайского туризма в России наглядно показывает, то эпоха активных межкультурных связей между китайцами и русскими лишь только началась, порождая неведомые прежде вызовы, и что российским и китайским специалистам предстоит еще огромная работа для построения бесконфликтного межкультурного диалога на государственном уровне и на местах.

По мнению автора статьи, своевременное решение возникающих в рамках межкультурного взаимодействия

вопросов, формирование адекватной правовой базы, тщательное изучение и четкое понимание особенностей ментальности и культуры партнера по межкультурному диалогу необходимо для гармоничного, бесконфликтного

и взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами. Только такой подход к построению межкультурных связей обеспечит поступательно-прогрессивное развитие китайско-российских отношений в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликберова А. Ф. Российско-китайские отношения в сфере культуры и образования (1990-е – 2000-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2014
2. Горобец Л. А. Взаимодействие культур России и Китая: проблема культурной совместимости // Вестник Челябинского Государственного Университета, №18(272), 2012. Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 12–17
3. Доклад посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном университете путей сообщения. Статья доступна на сайте Посольства КНР в РФ <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/aa11/t1237889.htm>
4. Ершов Е. Правовые основы культурного сотрудничества России и Китая: состояние и перспективы // Ежеквартальная студенческая научная конференция "Международные гуманитарные связи". Статья доступна на сайте <http://mgs.org.ru/2015/09/правовые-основы-культурного-сотрудн/>
5. Нелегальный туризм из Китая вытесняет российский турбизнес. Статья доступна на сайте <http://tourinfo.ru/article/nelegalnyy-turizm-iz-kitaya-vytesnyaet-rossiyskiy-turbiznes>
6. Ольга Голодец провела XVII заседание российско-китайской межправительственной комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Статья доступна на сайте <http://government.ru/news/23605/>
7. Распертова С. Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2011
8. Ректоры ВУЗов выработали стратегию сотрудничества России и Китая. Статья доступна на сайте http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=118805#WNu49ckIHGg
9. Россия и Китай договорились о ста совместных проектах в медиасфере. Статья доступна на сайте Минкомсвязи России <http://minsvyaz.ru/ru/events/34116/>
10. Экономический пояс "Шелковый Путь". Статья доступна на сайте Национального координационного центра по развитию экономических отношений со странами АТР <http://aprcenter.ru/component/k2/328.html>

© Гао Вэньцин, [gaowenjing777@hotmail.com], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

XXIX Международный конгресс по обогащению полезных ископаемых IMPC–EXPO2018.

Основные темы

- Технологическая минералогия.
- Измельчение и классификация.
- Физические методы обогащения – гравитационное обогащение, магнитная и электрическая сепарация.
- Химия поверхности. Фундаментальные основы флотации. Флотационные реагенты. Технология флотации.
- Переработка тонкодисперсных продуктов и шламов.
- Гидрометаллургия и технологии бактериального выщелачивания.
- Экологические проблемы и утилизация минеральных отходов.
- Моделирование технологических процессов.
- Окомкование, агломерация и спекание.
- Обезвоживание.
- Средства инструментального контроля и передовые модели интеллектуального управления.

Москва 15 – 21 сентября 2018. Центр Международной Торговли

РЕКЛАМА

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ ОКРУЖНЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (на материалах Сухиничского округа Западной области)

THE MECHANISM OF ACTION
OF THE LOCAL AUTHORITIES
FOR THE IMPLEMENTATION
OF THE COLLECTIVIZATION (on materials of
Sukhinichi district of Western region)

O. Ievleva

Annotation

The article on the materials of Sukhinichi district of Western region reveals the mechanism of action of the district authorities to implement collectivization. Confirms the thesis that the district Committee of the CPSU (b), as the executor of the will of the party on the ground, had one goal – the realization of the installations of the party. The most important installation in 1930 was the collectivization.

Keywords: implementation of collectivization, party setting, the executor of the will of the party on the ground, a clear apparatus of power, no deviation from the adopted course.

Иевлева Ольга Ивановна

Аспирант,

Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация

В статье на материалах Сухиничского округа Западной области раскрывается механизм действия окружных властей по осуществлению коллективизации. Подтверждается тезис о том, что окружной комитет ВКП (б), являясь исполнителем воли партии на местах, преследовал одну цель – реализация установок партии. Самой важной установкой в 1930 г. было проведение коллективизации.

Ключевые слова:

Осуществление коллективизация, установка партии, исполнитель воли партии на местах, четкий аппарат власти, ни малейшего отклонения от принятого курса.

Округа – новая, неизвестная дореволюционной России административно – территориальная единица были образованы в 1929 г. в рамках проведения административно – территориальной реформы. Сухиничский округ вошел в состав вновь образованной Западной области. В его структуре были закреплены 11 районов: Барятинский, Восточный, Думиничский, Козельский, Мещевский, Мосальский, Павлиновский, Плохинский, Спас-Деменский, Юхновский и Сухиничский. Округ был ликвидирован летом 1930 г., однако входящие в него районы, продолжали оставаться в рамках Западной области. С 1944 г. территория бывшего Сухиничского округа входит в состав современной Калужской области.

Высшим органом окружной партийной организации являлась окружная партийная конференция. Нами установлено, что за весь период существования Сухиничского округа было проведено две партийные конференции. Первая конференция проходила накануне чистки партии в Сухиничском округе 13 – 14 июля 1929 г., поэтому наряду с вопросами о перспективах хозяйственного и культурного строительства рассматривался наиболее актуальный – идеологической готовности партийных кадров.

На конференции звучало следующее заключение: "Вопросы идеологической чистоты наших рядов приобретают сейчас особое внимание, поэтому вопрос политобразования имеет как никогда актуальное значение. Работе с беднотой нужно уделять больше внимания" [3, л. 186].

Первая конференция была проведена практически сразу после образования Сухиничского округа и, дать всесторонний анализ, подвести итог деятельности округа в том или ином вопросе она не могла. Конференция определяла актуальные вопросы, которые окружным властям предстояло решать.

Вторая партийная конференция проходила 25 мая 1930 г. На конференции приняли участие представители партийных организаций всех районов, входивших в состав Сухиничского округа. К этому моменту, после выхода статьи Сталина "Головокружение от успехов", облившей "перегибы" на местах, начался массовый отлив из колхозов.

Качество проведения коллективизации и начало борьбы с перегибами – вот главный вопрос второй пар-

тийной конференции в Сухиничском округе. С одной стороны, конференция признала нереальные темпы коллективизации и ее негативные последствия в округе: "Коллективизация сельского хозяйства в 1930 г. развернулась у нас необычайно, но должного руководства закреплением колхозов не было. Приезжающие товарищи от Областкома ВКП (б) давали неверные установки в области коллективизации, говоря, если не нажмешь, колхоза не организуешь" [2, л. 95].

С другой стороны, представители районных партийных организаций пытались оправдаться. Так, секретарь Барятинского РК ВКП (б) Трошин обвинил во всех неудачах областной комитет ВКП (б), говоря: "Область несвоевременно реагировала на головокружительные темпы, которые принимались окружными организациями. Проекты создания колхозных комбинатов исходили не с низов, а из ОблЗУ, которое чертило эти грандиозные планы" [2, л. 97].

Звучало и другое объяснение: "Наши перегибы иногда объясняются тем, что наш низовой аппарат политически безграмотен. В низовом советском аппарате у нас такие работники, которые не могут выполнить возложенные на них задачи" [2, л. 95].

Решения второй партийной конференции соответствовали задачам партии: принять меры к подготовке необходимых кадров, усилить живое руководство местами, исчерпывающие директивы, делу коллективизации уделить еще больше внимания.

Для выполнения текущей партийной работы в округе действовало бюро в количестве всегда не менее 5 человек. Состав бюро все время менялся. По проверенным данным последние выборы очередного состава бюро состоялись на Пленуме Сухиничского окружного комитета ВКП (б), который действовал 28 апреля 1929 г. Тогда в его состав вошли 11 членов партии и 4 кандидата.

Несмотря на часто меняющийся состав членов бюро в нем всегда принимал участие ответственный секретарь ОК ВКП (б) П.А. Овчинников, заведующий отделом культуры и пропаганды Н.К. Михеев, начальник окружного отделения ОГПУ Я.М. Силин, заведующий организационно-инструкторским отделом в Сухиничском округе Е.Н. Николаев. Вероятно, это был необходимый костяк, который способствовал принятию решений в округе для реализации политики партии.

Бюро Сухиничского окружного комитета собиралось один раз в неделю. На заседаниях рассматривались скорее вопросы хозяйственного значения (посев технических культур, использование и обучение кадров, план работы на будущий год, заработная плата секретарям РК ВКП (б), состояние отходничества) нежели проведение

коллективизации. Рассмотрение вопросов коллективизации заключалось в механическом копировании директив ЦК и Обкома ВКП (б). Так, в резолюции к заседанию бюро Сухиничского ОК ВКП (б), состоявшемуся 4 мая 1930 г. в очередной раз прозвучало, что основная политическая установка во всей работе – неослабленное и решительное дальнейшее проведение в жизнь решений партии по социалистическому переустройству сельского хозяйства на основе его коллективизации и укрепления союза с бедняком и середняком на борьбу с кулачеством [1, л. 3].

Вот другая цитата из резолюции: "Взять решительный курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства в округе, окончив такую в ближайшие годы на основе запрокированных темпов ЦК и Обкома ВКП (б)" [1, л. 4].

Известно, что ноябрьский пленум ЦК ВКП (б) (1929 г.) одобрил план ускоренной коллективизации, 5 января 1930 г. ЦК ВКП (б) принял постановление "О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству" [7, с. 85 – 86]. После внедрения в практику этих нормативных документов и было положено начало коллективизации, были четко озвучены задачи и установки партии. В этой связи уместно поставить вопрос. Зачем бюро снова повторяло уже известные принципы? На наш взгляд, этому есть разумное объяснение. Окружной комитет создавался как партийный орган власти, который должен был реализовывать все постановления и мероприятия партии на местах. Округ должен был провести коллективизацию в том виде, в котором это видит высшее руководство партии, отклонения от принятого пути не допускались, поэтому директивные указания бюро дублировали установки вышестоящих партийных органов власти.

Бюро окружного комитета ВКП (б), разъясняя установку партии и правительства, сотрудничало с исполнительным комитетом. В ходе проведения исследования, нам удалось выяснить, что за время действия Сухиничского окружного комитета бюро провело 31 заседание, пять из которых были организованы совместно с фракцией окружного исполнительного комитета. В резолюциях совместных заседаний отмечалось, что райкомы и сельпартячейки должны гибко и умело проводить политику ликвидации кулака как класса, которая является составной и неразрывной частью сплошной коллективизации, применительно к особенностям каждого района и села, не распространяя на середняка" [1, л. 3].

И снова бюро, как мы можем наблюдать, раздавая указания исполнительному комитету, копирует установки центрального руководства.

Такой подход не обошел стороной и директивные указания бюро окружкома о проведении мероприятий по ликвидации кулачества, которые фактически повторяли

текст постановления ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации" [8, с. 126 – 130] и постановление бюро Западного обкома ВКП (б) "О ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации" от 2 февраля 1930 г. [6, с. 246]. В указаниях бюро также определялись три категории кулаков и раскрывались все репрессивные меры в отношении них [5, л. 16].

Для руководства работой по ликвидации кулацких хозяйств при бюро окружного комитета создавалась "тройка" в составе П.А. Овчинникова (ответственный секретарь ОК ВКП (б)), Ф.П. Кольцова (председатель окружного исполнительного комитета) и Я.М. Силина (начальник окружного отделения ОГПУ) [4, л. 7].

Именно тройка принимала решения по проведению раскулачивания на местах, определяла количество кулаков, подлежащих раскулачиванию, механизм выселения кулаков, выделяла земли под расселение в округе [4, л. 10].

Для выполнения работы организационного и исполнительного характера окружной комитет выбирал секретариат. Секретариат Сухиничского окружного комитета ВКП (б) в среднем заседал один раз в неделю. В составе секретариата наряду с другими был П.А. Овчинников (ответственный секретарь ОК ВКП (б)). В область ведения секретариата входили вопросы партийного значения: результаты обследования посевной кампании и "искривления" в округе, план работы окружного комитета ВКП (б), прием кандидатов в члены партии, ход коллективизации, утверждение ячеек ВКП (б).

Пленум ОК ВКП (б) должен был созываться не реже одного раза в три месяца. Материалы Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) содержат информацию о двух пленумах

Сухиничского окружного комитета ВКП (б), которые состоялись весной 1930 г.

Первый пленум проходил 28 апреля 1930 г. На нем, наряду с вопросом исправления искривлений партийной линии, произошедших в деле коллективизации, активно обсуждался вопрос политической подготовки низовых партийных кадров. К весне 1930 г. проблема нехватки партийных руководящих кадров чувствовалась особенно остро. Не хватало руководителей колхозов, партийных работников, способных реализовывать политику партии на местах. На Пленуме звучали утверждения следующего характера: "У нас чрезвычайно низкий уровень политической подготовки низовых наших кадров" [1, л. 48].

Второй Пленум Сухиничского окружного комитета ВКП (б) состоялся через месяц 29 мая 1930 г. На нем были рассмотрены вопросы кадрового состава ОК ВКП (б): выборы секретаря ОК ВКП (б), заведующих отделами ОК ВКП (б) и бюро. Видимо данная повестка дня была связана с исправлениями перегибов, к которым призвало центральное руководство в мае 1930 г. Однако, судя по материалам архива ГАДНИКО, работа окружного аппарата была признана правильной. В целом, состав Сухиничского окружного комитета ВКП (б) сохранился прежним [1, л. 48].

Окружной комитет имел также внештатных инструкторов, создавал постоянные или временные комиссии по различным вопросам партийной работы и использовал другие формы привлечения коммунистов к деятельности партийного комитета на общественных началах [7, с. 474 – 484].

Итак, окружной комитет ВКП (б), являясь исполнителем воли партии на местах, имел четкий аппарат власти, который на каждой своей ветви преследовал одну цель – реализация установок партии, не допуская малейшего отклонения от принятого курса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАДНИКО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАДНИКО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАДНИКО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАДНИКО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 12.
6. Коллективизация сельского хозяйства в Западном регионе РСФСР (1927–1937 гг.) / Под ред. Д.И. Будаева, М.В. Воробьева, З.И. Парамоновой, Т.Н. Яровой. – Смоленск: Московский рабочий, 1968. – 678с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Под ред. А. П. Егорова. – М.: Политиздат, 1984. – Т.5: 1929–1932. – 446 с.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927– 1939: Документы и материалы. В 5-ти томах / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т.2.: ноябрь 1929–декабрь 1930. – 701 с.

СТРАНИЦЫ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЖЕРТВОВАНИЙ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг. (на материалах Калужской губернии)

PAGES OF THE UNOFFICIAL HISTORY
OF DONATIONS IN PROVINCIAL RUSSIA
DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR 1904-
1905 (on materials of the Kaluga province)

A. Kovalev

Annotation

The text on the example of the Kaluga province studies one of the possible reasons for reducing the intensity of national donations for various military needs during the Russian-Japanese War 1904-1905, as well as the weakening of the support of the Russian provincial government policy. For this purpose, the cases of an unofficial history of donations – small scandals, funny things, misunderstandings about people's contributions to the cause of victory – are considered. Despite the fact that in fact there have not been cases of major abuse in the sphere of donations, the facts of unofficial history have become the property of the population in the form of rumors. The final change in moods in the province occurred by the autumn of 1904, and thus became one of the signs of the imminent First Russian Revolution of 1905-1907.

Keywords: Kaluga province, unofficial history of donations, donations, province, Russian-Japanese war 1904-1905.

Ковалев Артем Владимирович
К.и.н., доцент, Калужский филиал
ФГБУ ВО "Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ"

Аннотация

В тексте на примере Калужской губернии изучается одна из возможных причин уменьшения интенсивности народных пожертвований на различные военные нужды в течение Русско-японской войны 1904-1905 гг., а также ослабления поддержки российским провинциальным населением правительственной политики. С этой целью рассмотрены случаи неофициальной истории пожертвований – мелких скандалов, курьезов, недоразумений вокруг народных взносов в дело победы. Несмотря на то, что фактически случаев крупных злоупотреблений в сфере пожертвований не найдено, факты неофициальной истории становились достоянием населения в форме слухов. Окончательное изменение настроений в провинции произошло к осени 1904 г., и, таким образом, стало одним из признаков надвигающейся Первой российской революции 1905-1907 гг.

Ключевые слова:

Калужская губерния, неофициальная история пожертвований, пожертвования, провинция, Русско-японская война 1904-1905 гг.

В период Русско-японской войны 1904-1905 гг. настроения провинциального населения России претерпели существенную трансформацию. Первоначально отмечался патриотический подъем, сопровождавшийся значительными пожертвованиями на различные нужды войны. Однако в дальнейшем, примерно к осени 1904 г., энтузиазм населения сменился разочарованием и равнодушием, что выразилось, в частности, и в резком уменьшении размеров пожертвований. Судя по имеющимся сведениям, подобная ситуация была характерна для многих, если не для всех, регионов провинциальной России [1, 2, 3, 4]. Примерно таким же было положение и в Калужской губернии [5, 6, 7, 8].

В этом тексте ставится задача не исчерпывающе ответить на вопрос, почему народные пожертвования и поддержка населением дела на Дальнем Востоке осе-

нию 1904 г. и далее снизились до минимума, но, на материалах Калужской губернии, рассмотреть некоторые факты, которые могли быть связаны с этим явлением. Это различные мелкие скандалы, курьезы, недоразумения вокруг взносов людей в дело победы России в Японской кампании, которые, как кажется, уместно назвать страницами или эпизодами неофициальной истории пожертвований.

Следует отметить, что, по итогам анализа местной прессы того времени, какие-либо инциденты, связанные с пожертвованиями, в местной печати не были найдены. Это неудивительно, так как пресса (газета "Калужские губернские ведомости") находилась под контролем руководства губернии. В то же время нужная нам информация содержится в неопубликованных источниках. Основной источниковой базой исследования стали, таким

образом, документы Государственного архива Калужской области (ГАКО), в первую очередь – Канцелярии калужского губернатора, а также Комитета по сбору пожертвований на усиление военного флота в России.

Рассмотрим же конкретные факты того, что мы назвали неофициальной историей пожертвований.

15 марта 1904 г. работники ткацкой фабрики купца И.А. Александрова в селе Русиново Рощинской волости Боровского уезда постановили пожертвовать на усиление флота свой дневной заработок. Передать пожертвования попросили владельца фабрики, на что тот согласился. Когда же рабочие пожелали узнать о результатах пожертвования, примерно три месяца хозяин, по существу, ничего не отвечал.

Наконец, под нажимом рабочих уполномоченных, Александров представил квитанцию Комитета по усилению флота России № 59506 от 28 июня 1904 г. на сумму 150 рублей. Рабочие не успокоились: по их подсчетам, сумма должна была оказаться больше. По их мнению, на собрании было не менее 350 человек "набойщиков", заработок каждого из них составлял в день около 1 рубля. К тому же было 25 рабочих-"резчиков", так что сумма взноса должна составлять порядка 400 рублей. Недостачу денег фабрикант объяснил тем, что на остатное он приобрел холст для Дамского комитета Красного Креста. Объяснения не рассеяли сомнений рабочих. Дело затянулось. В 1905 г. рабочие обратились к фабричному инспектору с просьбой прояснить ситуацию, а в 1906 г. – в Комитет по усилению флота. Когда все это не дало результата, в августе 1906 г. было составлено прошение на имя калужского губернатора А.А. Офросимова, который велел провести дознание, продолжившееся с сентября по ноябрь 1906 г. Официальные итоги расследования отвечали интересам купца. Несмотря на протесты уполномоченного от фабричных Е.И. Коробашкина, что число рабочих фабрики в бумагах преуменьшено, деньги потрачены нецелевым образом (на флот и холст для Дамского комитета, а не просто на флот), что сумма, отданная за холст, завышена (12 ? копеек вместо обычной цены 9 копеек за аршин), губернатор с итогами расследования согласился [9, Л. 145–156, 158].

Этот подозрительный случай с пожертвованным холстом был не единственным. Кроме заводчика в нашу неофициальную историю пожертвований попадают и государственные чиновники.

18 сентября 1904 г. козельский уездный исправник Л.В. Рахманов оценил и продал с аукциона 2505 аршин холста, пожертвованного населением на военный флот, выручив всего 156 рублей 56 копеек. Деньги были переданы в местный комитет по усилению флота. Простое

математическое вычисление показывает нам, что за аршин ткани на этом аукционе отдали примерно 6 копеек. Из предыдущего эпизода мы видим, что, если 12 ? копеек за аршин холста могло показаться многовато, а 9 копеек считалось в самый раз, то 6 копеек было, пожалуй, слишком мало. Неудивительно, что властям губернии эта цена показалась чрезмерно низкой, и в октябре 1904 г. они выразили сомнение в правильности подобного шага. На это в ноябре 1904 г. из Козельска ответили, что пожертвованный холст был невысокого качества: грубый, часто небеленый, состоящий из маломерных обрывков. Кстати, холст по итогам аукциона был куплен членом козельской земской управы, как указывалось, "для хозяйственных нужд земства", для которых он, стало быть, вполне сгодился. Проверки высказанных аргументов губернскими властями не проводилось, вопрос был закрыт [10, Л. 79, 80, 92].

Тема пожертвованного холста и чиновников на этом, однако, не заканчивается.

29 декабря 1904 г. калужский губернатор А.А. Офросимов получил от П.Н. Козляилова, одного из земских начальников Перемышльского уезда бумагу, согласно которой на нужды Красного Креста препровождалось "около 1000 аршин холста", собранного населением Железцовской волости. При этом сам холст был вместе с бумагой земского начальника доставлен лично волостным старостой, возможно, не в первом поколении, поскольку он носил подходящую фамилию Старостин. Странность состояла в том, что холста было существенно больше – 1348 ? аршин, к тому же староста представил еще одну сопроводительную бумагу – от волостного правления, в данном случае, на точно указанное количество холста. Данное обстоятельство повергло губернатора в некоторое недоумение. Объяснить губернатору расхождение между бумагой земского начальника и реальным количеством пожертвованного холста, как и сам факт передачи двух разных документов на один и тот же холст волосной староста не сумел. В итоге губернатор, по-видимому, счел, что здесь дело состоит, скорее, в ротодействе, чем в злом умысле и устроил земскому начальнику письменную "головомойку". 4 января 1905 г. губернатор велел передать должностному лицу, что его представление "может лишь внести путаницу в отчетность по сбору пожертвований на Красный Крест и вызывать излишнюю переписку". В первоначальном тексте даже фигурировало выражение: "Подобное обстоятельство, вызвавшее излишнюю переписку, указывает на отсутствие с Вашей стороны должного внимания...", но позднее губернатор решил эту реплику исключить. Этим дело и ограничилось [11, Л. 351–353].

Ниже следует еще один эпизод, связанный с управленцами на местах, однако, на сей раз речь не идет не о холсте, а о пожертвованных деньгах.

В течение 1904 г. тарусский уездный исправник А.Д. Брылкин по присланным из губернаторской канцелярии подписным листам собирал с жителей уезда пожертвования, передавая в последующем деньги и сами заполненные листы в Калугу. Таким образом были переданы все листы и деньги по ним, за исключением подписного листа № 67 с пожертвованиями на Красный Крест. Пожертвования, а их было на сумму 100 рублей 82 копейки, также переданы не были. В итоге у губернатора А.А. Офросимова возник вопрос о судьбе народных пожертвований, не достигших адресата, о чем уездному исправнику был 30 января 1905 г. сделан запрос. Попавший в щекотливое положение чиновник ответил на запрос двумя документами. Официально он донес, что подписной лист и деньги по нему не были возвращены с лета 1904 г., так как сам подписной лист нельзя было возвратить "за временным его отсутствием". Сдавать же деньги без подписного листа Брылкин не имел права. Одновременно чиновник прислал личное письмо одному из представителей губернаторского окружения – управляющему Канцелярией губернатора Я.И. Генерозову – с тем, чтобы письмо, хотя и неофициальное, попало к главе губернии. Здесь чиновник объясняет многомесячную задержку денег неловкой оплошностью и, как нередко водится, сваливает все на свою жену. По словам чиновника, при переезде его супруга "уложила большинство вещей в сундуки, в том числе и тот мой сюртук, в кармане которого был упомянутый подписной лист". К тому моменту, когда все же подписной лист нашелся, прошло много времени. Чиновник был убежден, что пал жертвой анонимного доноса какого-то завистника из-за пустячного дела. В течение ближайшего времени в Калугу пришла квитанция, по которой исправник передавал многострадальные 100 рублей 82 копейки. Дело на этом посчитали исчерпанным [12, Л. 5–10].

И наконец, последний эпизод, который, на наш взгляд, по-своему особенно любопытен. В октябре 1904 г. в поле зрения блюстителей порядка Калужской губернии оказался человек, именованный, по собственным словам, и согласно имевшимся при нем документам (которые следователь, правда, в последующем признал недействительными) Александром Михайловичем Федоровым-Украинцевым, дворянином Алексинского уезда Тульской губернии, в возрасте 53 лет. 7 октября он прибыл в монастырь Тихонова Пустынь Калужского уезда, на станции нанял в качестве извозчика местного крестьянина Андрея Трофимовича Дегтярева и приехал в монастырь. Поселившись в монастырской гостинице, наш герой передал отцу архимандриту свою визитную карточку, на которой, помимо имени, было указано "брат милосердия, доброволец" и "сотрудник газеты "Русь", "Свет", журнала "Нива", С. Петербург, Москва" [13, Л. 1–10].

В то время настоятелем Тихоновой пустыни был архимандрит Лаврентий, который, видимо, не разобрался полностью в сложившейся ситуации [14, С. 67]. Во вся-

ком случае, визитки оказалось вполне достаточно, чтобы настоятель монастыря дважды принял Федорова. Тот объявил себя крупным деятелем в деле сбора пожертвований на нужды Русско-японской войны, получившим уже солидные суммы на Красный Крест и благословение от великой княгини Елизаветы Федоровны, нескольких московских монастырей и даже московского митрополита. В качестве доказательства визитер предъявил несколько якобы врученных ему названными особами икон. Доверившись гостю, архимандрит передал ему икону Преподобного Тихона и весь кружечный сбор в размере, по данным местного исправника, 13 рублей. Федоров пробыл в монастыре два дня, питаясь за его счет и участвуя в богослужениях, а затем уехал.

9 или 10 октября наш персонаж в сопровождении крестьянина Дегтярева, нанятого в услужение и переодетого в городское пальто, появился в Козельске. Первым делом Федоров явился в почтовую контору и потребовал марок. Когда чиновники почтовой конторы немного замешкались, посетитель разгневался и намекая на свое высокое положение, устроил им разнос. "Вы не знаете, кто я, я научу вас, как служить!" Наведя страху в почтовой конторе, самозваная "Высочайшая Особа", как велел слуге величать себя Федоров, пожаловала в знаменитый монастырь калужской земли Оптину Пустынь.

Здесь во многом повторилась история, имевшая место в Тихоновой Пустыни. Федоров-Украинцев передал свою роскошную визитную карточку настоятелю Пустыни архимандриту Ксенофону, чего оказалось достаточно для дозволения выступить перед монахами в трапезной. Там Федоров произнес высокопарную речь, начатую словами: "Братия! Я старший брат милосердия, еду в действующие войска", после чего объявил себя влиятельным участником благотворительной организации, которая, кроме его самого, что весьма символично, включала еще 12 человек. Организация эта направлялась будто бы на Дальний Восток на помощь генералу А.Н. Куропаткину. Гость намекнул на покровительство самой великой княгини Е.М. Ольденбургской, которая благословила на "благое дело" лично его. Несмотря на причастность, казалось бы, к Красному Кресту, визитер дал понять, что деятельность этой организации оставляет желать лучшего, недвусмысленно сообщил о махинациях в деле благотворительности, пересказав якобы сказанные ему великой княгиней слова: "мы обокрадены". В финале речи Федоров добавил, что им уже собрана немалая сумма – целых 600 рублей, но этого недостаточно, а потому не жертвуют ли обитатели Оптиной Пустыни на благое дело, то сколько может. После этого Федоров нацепил белую ружавую повязку со знаком красного креста и, прихватив церковную кружку для пожертвований, отправился по кельям монахов, в результате чего, то восхваляя свою миссию, то браня Красный Крест, получил, по данным следствия, с монахов еще 29 рублей 22 копейки.

Похождения нашего персонажа, которого хочется назвать то ли наследником Чичикова и Хлестакова, то ли предшественником Остапа Бендера, все же имели конец. То ли оптинские монахи оказались не такими уж доверчивыми, а наоборот, проявили свою знаменитую проницательность, то ли нашего "комбинатора" выслеживали уже начиная с Козельской почтовой конторы или даже с Тихоновой Пустыни, однако полицейские Калужской губернии доказали, что не напрасно получают свое жалование. Пристав 1-го стана Козельского уезда И.А. Соколов узнал о подозрительном визитере из донесения полицейского урядника 2-го участка, после чего, как сам гордо сообщил, "тот час же" отправился в Оптину Пустынь, где и застал Федорова. У самозванца оказались просроченные временные документы, удостоверяющие личность, никакого документального разрешения на сбор пожертвований, а при обыске были изъяты белая повязка с крестом, церковная кружка для пожертвований и деньги – правда, уже в меньшем количестве, чем было ранее собрано. Объяснить свои действия полиции Федоров не смог, отделяваясь общим фразам о том, что творит "доброе дело", в результате чего полицейские чины квалифицировали его в докладе губернатору как "надо полагать, профессионала по незаконным сборам под видом пожертвований", а следователь Г.А. Михайлов отправил Федорова в Козельскую тюрьму [13, Л. 1–10].

Дальнейшая судьба авантюриста нам неизвестна, но это не входит в сферу прямых интересов исследования.

Важно то, что сбор народных пожертвований на различные нужды Русско-японской войны не обошелся в провинции без инцидентов. В первом случае, когда речь идет о фабрике Александрова, мы имеем дело с недоразумением (а возможно, и злоупотреблением) в отношениях между фабрикантом и рабочими. В остальных случаях, за исключением последнего, мы имеем дело с элементами некомпетентности (а возможно, и с определенными вольностями), в среде провинциальных чиновников. Если все предыдущие эпизоды, в принципе, можно трактовать, скорее, как случайные неувязки, и с меньшей вероятностью, как злой умысел, то последний случай является фактом прямого мошенничества.

Впрочем, для нас, пожалуй, не столь важно, какую долю во всех эпизодах неофициальной истории пожертвований занимают факты злого умысла. Важно, что информация обо всех эпизодах неофициальной истории, по видимости, просачивалась из узкой среды непосредственных участников и попадала в распоряжение широких кругов населения. Несмотря на то, что выявленные случаи нельзя считать свидетельствами по-настоящему крупных злоупотреблений, тем не менее, люди узнавали, и, возможно, в гротескном виде, подробности реальных или вымышленных событий и делали далеко идущие выводы.

Наше предположение во многом подтверждается такими любопытными документами, как прошения приходских священников в Канцелярию калужского губернатора осенью 1904 г.

Нам известны два прошения, исходящих от священника села Макарова Лихвинского уезда Дмитрия Соколова и священника села Кузовов Медынского уезда Александра Добронравова. Прогонения были направлены в октябре 1904 г. в Канцелярию губернатора А.А. Офросимова независимо одно от другого. И, тем не менее, кое-что их объединяет. Священник Соколов 24 октября 1904 г. писал, что "очень и очень многие" жители "бы с радостью посылали требуемое", если бы власти снизили плату за самостоятельную пересылку пожертвований солдатам.

Священник Добронрадов в прошении 17 октября 1904 г. выразился более откровенно. Он писал: "Как бы много больше и чаще потекли жертвы, если бы разрешили отсылать частным жертвователям лично самим и бесплатно по почте необходимые предметы для армии". И чистосердечно пояснил свое предложение: "В низшей народной массе существует непреодолимое недоверие к посторонним посредникам, собирающим пожертвования. На этот счет в народе ходит масса различных анекдотов (т.е. относительно недоставки вещей жертв). Через это многие или совсем ничего не дают, или же дают очень скупо".

Следует признать, что, Канцелярия губернатора ограничилась во многом формальным ответом на этот крик души приходских священников, написав в ответ, что "к возбуждению такого ходатайства не представляется оснований". Сигнал о снижении доверия населения к государственным и окологосударственным организациям по сбору пожертвований на нужды войны в Манчжурии не был должным образом услышан [15, Л. 1–3, 5, 6, 8, 9–12].

Вполне возможно, что указанные эпизоды неофициальной истории далеко не образуют исчерпывающий список происшествий, однако, как кажется, уже их достаточно, чтобы признать влияние подобных фактов и слухов на динамику пожертвований населения в период войны и, шире, на само отношение людей к правительственной военной политике.

Стоит, кстати, обратить внимание, что практически во всех рассмотренных случаях действия, которые могут быть расценены как небрежные или нечистоплотные, исходили от различных представителей верхов общества, будь то фабрикант, чиновники, мошенник "из общества" – дворянин или выдававший себя за дворянина. Во всех случаях население губернии – крестьяне, рабочие, представители духовенства невысокого ранга и другие – в массе верили в полезность пожертвований на военные нужды, а значит, определенное время поддерживали во-

енную политику правительства. Однако их вера подтачивалась к осени 1904 г. именно за счет таких эпизодов, как показанные выше.

Действительно, рассматривая имеющиеся у нас в распоряжении факты, можно обнаружить, что основные события неофициальной истории пожертвований пришлись на осень 1904 – начало зимы с 1904 на 1905 гг. Хронологически это совпадает со временем назревания

и начала Первой российской революции 1905–1907 гг., что кажется вовсе не случайным. Таким образом, различные эпизоды неофициальной истории народных пожертвований повлияли на уменьшение количества взносов на дело войны, что стало признаком как падения интереса губернских жителей России к Японской кампании, так и падения доверия к властям и подготовило участие провинциального населения в революционных событиях 1905–1907 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2009. 20 с.
2. Окорокова О.В. Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Известия Алтайского государственного университета, 2012, 4–2 (76). С. 168–171.
3. Смирнова Е.А. Отношение провинциального общества к Русско-японской войне в 1904–1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кострома, 2006. 263 с.
4. Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Благотворительная деятельность населения центрально-черноземных губерний в период русско-японской войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 2014, № 15 (186). Выпуск 31. С. 123–127.
5. Ковалев А.В. Денежные пожертвования жителей Калужской губернии на усиление флота в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Научные труды Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2015. С. 126–130.
6. Ковалев А.В. Денежные пожертвования населения Калужской губернии на военные нужды в 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Полотняный Завод – Калуга, 2–4 апреля 2013 г. Калуга, 2013. С. 211–214.
7. Ковалев А.В. Пожертвования населения Калужской губернии в пользу Красного Креста в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Калуга в шести веках: Материалы 9-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2013. С. 252–261.
8. Ковалев А.В. Пожертвования населения Калужской губернии в пользу семей участников русско-японской войны в 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Научные труды Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2013. С. 106–110.
9. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 467. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАКО Ф.467. Оп. 2. Д. 1.
11. ГАКО. Ф.32. Оп. 2. Д. 1132.
12. ГАКО Ф.32. Оп. 2. Д. 1251.
13. ГАКО. Ф.32. Оп. 10. Д. 771.
14. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1905 год / под. ред. И.П. Балабанова. Калуга, 1904. 254 с.
15. ГАКО. Ф.32. Оп.2. Д.1177.

© А.В. Ковалев, (artem-v-kovalov@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ РУСИСТИКА: ВЗАИМОПЕРЕСЕЧЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

MODERN AMERICAN RUSSIAN STUDIES: THE INTERSECTION OF METHODOLOGICAL APPROACHES

E. Kurenkova

Annotation

The proposed article is devoted to changes in American historiography of Russia related to the political transformation of relations between the US and Russia over the past few decades. The object of the study was modern American Russian. The subject is the methodological approaches used in modern American historical science in the study of the history of Russia. The task is to show the intersection of methodological approaches: the creation of author's concepts on the basis of the theory of cultural anthropology, the increase in the relative importance of the cultural history of society and the social history of culture. Show the ability of American Russian Studies to respond to the demands of the time through the emergence of new topics and objects of research: as a rule, the ideas circulating in the world science are attached to the Russian material. This contributes to the fact that the history of Russia is brought in American Russian Studies in line with the common European history. The author shows a new view of American Russian Studies on the fundamental issues of Russia's historical development: the selection of the early modern period, the change in the perception of reforms, a number of events in Russian history cease to be considered unique and exclusive and fit into the context of the global crisis of the early 20th century. As a result of the research, the author records changes in the perception of Russia by American scientists. This, in turn, leads to the formation of a new historical image of the country.

Keywords: modern American Russian studies, the study of Russian history, methodological approaches, cultural research, research subjects.

Куренкова Евгения Алексеевна
К.и.н., доцент,
Московский государственный
областной университет

Аннотация

Предлагаемая статья посвящена изменениям в американской историографии России, связанным с политической трансформацией отношений между США и Россией за последние несколько десятилетий. Объектом исследования стала современная американская русистика. Предметом – методологические подходы, используемые в современной американской исторической науке при исследовании истории России. Задача – показать взаимопересечение методологических подходов: создание авторских концепций на основе теории культурной антропологии, повышение удельного веса культурной истории социума и социальной истории культуры. Показать способность американской русистики отзываться на запросы времени через возникновение новых тем и объектов исследований: как правило, идеи, циркулировавшие в мировой науке, прилагаются к российскому материалу. Это способствует тому, что история России приводится в американской русистике в соответствие с общеевропейской историей. Автор показывает новый взгляд американских русистов на фундаментальные вопросы исторического развития России: выделение периода раннего Нового времени, изменение восприятия реформ, ряд событий российской истории перестают считаться уникальными и исключительными и вписываются в контекст общемирового кризиса начала XX в. В результате исследования автор фиксирует изменения в восприятии России американскими учеными. Это в свою очередь ведет к формированию нового исторического образа страны.

Ключевые слова:

Современная американская русистика, изучение истории России, методологические подходы, культурные исследования, тематика исследований.

История в США всегда занимала ведущее место в Russian studies как по количеству подготовленных специалистов, так и по своему научному уровню. За полвека было опубликовано несколько сотен очень серьезных монографий и сборников по истории России и СССР и огромное количество высоко профессиональных статей. А за последние двадцать лет, когда к историкам присоединились антропологи, этнологи и литературоведы, работающие в русле "нового историзма", в Северной Америке (при активном взаимодействии с учеными из Великобритании и Австралии) сложилась новая историография России, предложившая иной взгляд на считавшуюся прежде "варварской" и "экзотической" од-

ну шестую часть суши. Характерной чертой этой историографии представляется отход от конфронтационного мышления эпохи холодной войны.

В отличие от исследований времен холодной войны, когда всячески поощрялась междисциплинарность, понимавшаяся как "содружество социальных наук" (которые при этом активно отстаивали свою дисциплинарную идентичность), в современных условиях происходит некая ассимиляция наук. По осторожному замечанию американского антрополога Д. Роджерса, вести рассуждения о взаимодействии антропологии и истории на языке дисциплинарности, или более того, "хваленой междисципли-

нарности" – не самый многообещающий путь, который вряд ли сулит прорыв в будущее [2]. По его словам, в современных условиях, когда все большую роль в русистике начинают играть культурные исследования (cultural studies) с их "открыто антидисциплинарным характером", уже не имеет особого смысла выделять "антропологический" либо "исторический" подходы и сюжеты и фиксировать их взаимопересечения [8].

Многие антропологи работают в архивах, а историки используют материалы устных интервью; в обеих дисциплинах высок интерес к таким, например, темам, как историческая память. Даже, казалось бы, "чисто антропологические" полевые исследования благодаря своему обращению к коллективной памяти изучают в конечном счете историю России, и многие авторские концепции создаются на основе теорий культурной антропологии, исторической социологии и под влиянием чрезвычайно популярного у ряда историков Мишеля Фуко.

Та же самая ситуация наблюдается и в другой области: из года в год в американской русистике прибавляется количество литературоведческих работ, посвященных истории; при этом литературоведческий анализ все шире используется историками.

Общая тенденция такова, что при одновременном сокращении работ по политической истории возрастает удельный вес культурной истории социума и социальной истории культуры [1]. Уже в начале 2000-х гг. библиографам стало трудно определить, к какой области формально отнести ту или иную монографию: история, литературоведение или история искусств. Гуманитарный характер американской русистики становится очевиден.

Конечно, старые темы по-прежнему присутствуют в американской историографии России: революция, реформы, социально-экономические проблемы, история внешней политики. Но нельзя сбрасывать со счетов, что в современной американской русистике существует тенденция исследовать старые темы при помощи новых подходов, и это дает в некоторых случаях совершенно ошеломляющие с точки зрения прежней, советской историографии результаты [9]. В качестве примера стоит привести книгу Фредерика Корни об Октябрьской революции, которую он рассматривает как событие, сконструированное постфактум (Corney F.C. Telling October: Memory and the making of the Bolshevik revolution, 2004).

Что касается новых тем и объектов исследований, то они, как правило, возникают неслучайно. По большей части это те проблемы, которые находятся в центре внимания коллег – специалистов по истории США и Западной Европы. Берутся актуальные для американской новостной темы (например, история консюмеризма, индустрии

моды, досуга и спорта), и применяемые для их анализа подходы прилагаются к российскому материалу. Так, книга Стивена Коткина "Магнитка" (1995) о создании большевистской цивилизации, которая оказала огромное влияние на постревизионистские исследования сталинского СССР, во многом шла за теми идеями, которые циркулировали в мировой науке. В частности, его концепция советской модерности создавалась на волне интереса к социальному государству – welfare state.

Все это лишь свидетельствует о способности русистики отзываться на запросы времени, а также – о выходе ее из историографической изоляции, в которой, как считается, русистика находилась в годы холодной войны. Кроме того, таким образом, достигается пресловутая "релевантность" русистики – т.е. подтверждается ее значение для изучения мировой истории в целом [6, с.15].

Интеграция с мировой историографией способствует тому, что история России приводится в американской русистике в соответствие с общеевропейской историей. Особенно активно это происходит в исследованиях Московской Руси. В частности, предложена и аргументирована новая периодизация, поставившая под вопрос традиционное значение петровских реформ как водораздела в истории России. Выделяется период раннего Нового времени, соответствующий современным представлениям о европейской истории. Он датируется приблизительно 1500–1800 гг. [7, с.410–425]

Литературоведы, специалисты в области культурных и гендерных исследований также внесли в периодизацию истории России свой вклад. Выделяется два особенно значимых периода, причем реформы не играют здесь той важной роли, которая традиционно отводилась им во времена господства теории модернизации. Первый из них (1780-е – 1840-е гг.) ассоциируется в литературоведении с последовательно сменявшимися друг друга эпохами сентиментализма и романтизма, а в социальном отношении он характеризуется становлением его идеологии [5, с.3]. Те же процессы фиксируются и в России, т.е. опровергается тезис о так называемом "отсутствующем среднем классе". Николаевское царствование, которое историки привыкли воспринимать как один из самых "мрачных" и "безысходных" периодов в истории России, означает в этом контексте нечто совсем иное. Это эпоха романтизма и национализма, эпоха торжества "ценностей домашней жизни" и вызревания новых интеллектуальных течений и последующих реформ.

Второй значимый для современной американской историографии России период охватывает 1880-е – 1930-е гг. Этот период традиционно ассоциируется с индустриализацией, войнами и революцией 1917 г., ко-

торая интерпретировалась как эпохальный водораздел в мировой и российской истории. Теперь во главу угла ставятся общеевропейские и общемировые тенденции. Считается, что, как и другие страны Европы, Россия пережила духовный кризис рубежа веков, бурное развитие в начале XX в. массового производства и потребления, массовой культуры и прессы, подъем религиозных движений и резкое усиление духа национализма [4, с.22]. Это эпоха модерности, отмеченная также возникновением массовой политики. Русская революция перестает считаться событием уникальным и исключительным и вписывается в контекст общемирового кризиса начала XX в.

Иначе выглядит в трудах американских историков и сталинская эпоха. На смену исследованиям репрессий и крестьянского сопротивления пришли история потребления и досуга, семьи и рабочего места, массовой культуры и образования, наконец, изучаются пути и способы формирования новой личности – советского человека. Предлагается культурное измерение национальной политики и политики репрессий (например, Hoffmann D.L. *Stalinist values: The cultural norms of Soviet modernity, 1917–1941*, 2003). При этом нельзя сказать, что исследования ГУЛАГа сошли на нет, но в них, во-первых, большое место теперь занимает субъективное и гендерное измерение.

Во-вторых, сталинские репрессии становятся частью общего контекста и анализируются под иным углом зрения, как, например, в книге Катерины Кларк "Москва – Четвертый Рим" (2011), где предлагается культурологическая интерпретация показательных процессов 1936–1938 гг. В энциклопедической по своему охвату книге представлена широкая панорама интеллектуальной жизни Москвы 1930–х годов, причем в центре внимания находятся космополитические тенденции и синхронность культурных процессов в СССР и Западной Европе.

Книга К. Кларк представляет собой пример транснационального подхода, который приходит в американскую русистику буквально сейчас, в последние несколько лет. Это серьезная заявка на то, чтобы "вывести из изоляции" Советский Союз, который рассматривался в зарубежной русистике преимущественно как особый феномен – в отличие от Российской империи [2]. Не так давно ее окончательно "вернули" в "семью европейских наций" (*Russia in the European context, 1789–1914: a member of the family* / Ed. by S. McCaffray, M. Melancon, 2005).

Процесс "возвращения" начался в американской русистике в 1990–е гг., на волне борьбы с наследием холодной войны, в том числе и с европоцентризмом.

Тогда активно критиковалась тенденция постоянно сравнивать Россию с Европой, демонстрировать ее от-

клонения от западной "нормы". С тех пор опубликовано появилось много интересных работ, анализирующих проблемы "Россия и Запад", предложены разные рецепты ее разрешения, хотя ни один из них нельзя назвать окончательным. Тем не менее, "революционные 90–е" и здесь принесли свои плоды: в новом тысячелетии противопоставления "отсталой" России "цивилизованному" Западу практически исчезли из серьезных работ [9]. Это выглядит ненаучным и некорректным, поскольку "принимает" Россию.

Более того, в американской историографии, независимо от методологических предпочтений исследователей, утвердился более позитивный взгляд на российское прошлое. Не закрывая глаза на трагические и мрачные его стороны, американские русисты сосредотачивают свое внимание на замечательных достижениях Российской империи (причем не только в области культуры). Характерно, что они отдают предпочтение диалогу, сотрудничеству и взаимовлиянию, а не конфронтации, что в конечном итоге ведет к изменению общей тональности исследований и исчезновению из них обличительных нот.

Постепенно исчезают (или отодвигаются на обочину) и привычные, хотя давно уже критиковавшиеся противопоставления "государство/общество", "власть/оппозиция", "традиционное/современное (европеизированное)", а вместе с ними и так называемый "конфронтационный подход". Склонность к консенсусу, толерантность и, если так можно выразиться, оптимистический взгляд на историю России при одновременном повышении требований к критике источников – отличительные черты современной американской историографии [3, с.59].

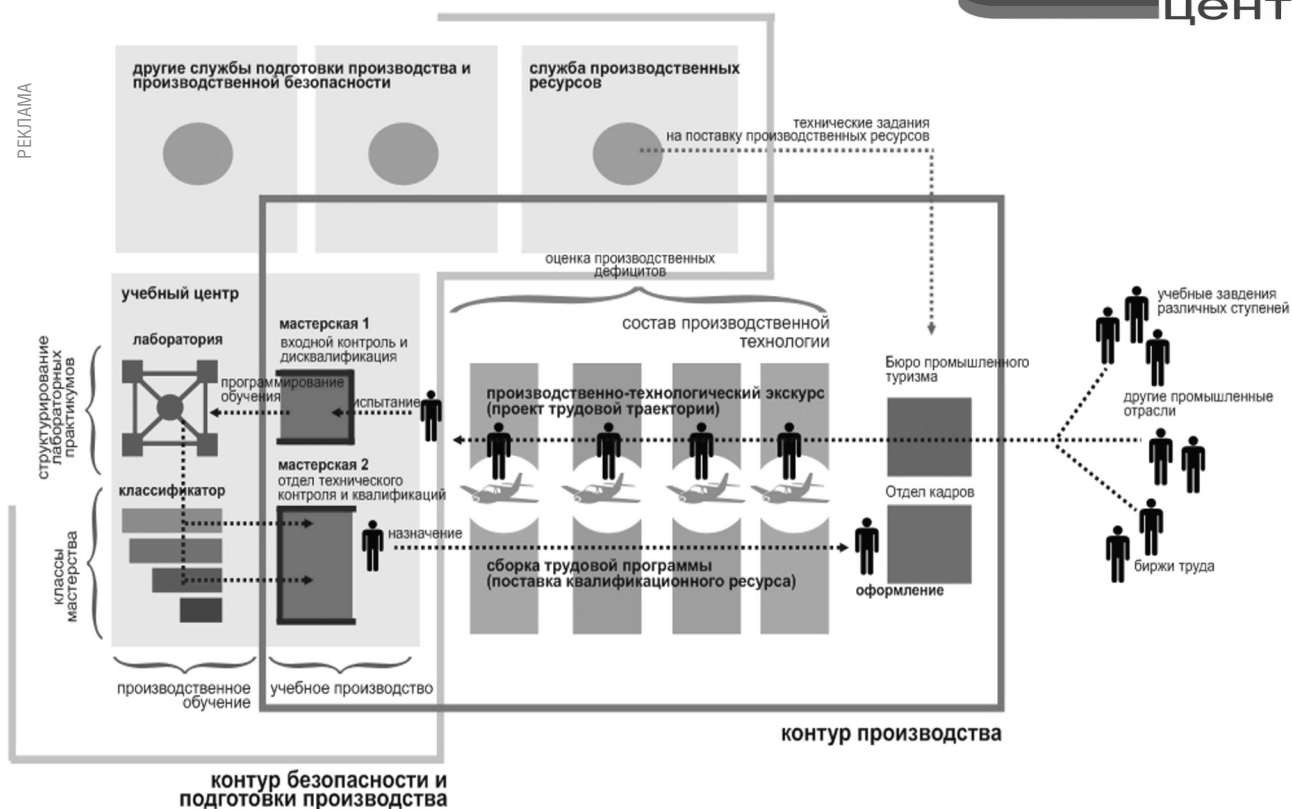
С практической точки зрения имеет смысл зафиксировать серьезные изменения в восприятии России ее американскими исследователями, что неизбежно ведет к формированию нового исторического образа страны. В сущности, можно уже говорить и о складывании некой новой концепции исторического развития России. Процесс этот находится в своей начальной стадии, и на данном этапе, помимо уже сказанного, остается лишь констатировать, что со времен окончания холодной войны американская русистика сделала колоссальный рывок вперед в изучении истории России.

Чрезвычайно усложнилась общая картина прошлого России, так же как и понимание социума, политики, индивида; добавилось множество новых понятий, возникли не только новые темы и области исследований, но и новый язык (почти не переводимый на язык отечественной исторической науки) [1]. И в предметном, и в дисциплинарном, и в методологическом отношении, и в том, что касается конкретно-исторических интерпретаций – это действительно "другая история".

ЛИТЕРАТУРА

1. Бербанк Дж. Новые течения в американской историографии о России: власть и культура [Электронный ресурс]. Доступ к документу: http://www.hrono.info/statii/2005/amer_ru.html#1
2. Большакова О. В. Другая история: Современная американская историография России // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2014. – Т. 5. Выпуск 7 (30) [Электронный ресурс]. Доступ к документу: <http://history.jes.su/s207987840000838-0-1>
3. Большакова О. В. Рец.: Коллманн Н. Ш.. Преступление и наказание в России раннего Нового времени // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. – 2015. – № 4. – С.59.
4. Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Самарский университет, 2000. – С. 22.
5. Лапшина Н. С. Антропологический подход к изучению вопросов власти и права в России конца XIX – начала XX вв.: обзор современной американской историографии / Н. С. Лапшина // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 3.
6. Маджеска Дж. Американская историография средневековой истории России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Дж. Маджеска. – Самара: Самарский университет, 2001. – С. 15.
7. Martin R.E. The Petrine divide and the periodization of Early Modern Russian history // Slavic review. – 2010. – Vol. 69. – № 2. – P. 410–425
8. Rogers D. Historical anthropology meets Soviet history // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. – 2006. – Vol. 7. – № 3
9. Эткинд А. Американская русистика: история второго мира из первых рук / А. Эткинд // Новая русская книга. – 2001. – №3–4 [Электронный ресурс]. Доступ к документу: <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk9/13.html>

© Е.А. Куренкова, (kurenkovagane@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КУСТАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА в конце XIX - начале XX вв.

Мамедова Татьяна Ивановна
Аспирант,
Московский Государственный
областной университет

STATE POLICY IN THE FIELD OF HANDICRAFT PRODUCTION in the late XIX - early XX centuries

T. Mamedova

Annotation

The article discusses the features of the process of development of handicraft-industrial direction in government policy, the history of the adoption by the state of the whole complex of handicraft-industrial laws. New trends of development in the economic policy of this period are considered, when along with the liberal course of accelerated capitalist industrialization of the country, there was also a conservative direction, which supported traditional forms of production, i.e. Handicrafts.

Keywords: handicraft industry, reforms, government policy, laws, Ministry of State Property.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности регулирования кустарно-промышленного производства в программах социально-культурного, исторического развития государства рассматривается история принятия государством целого комплекса кустарно-промышленных законов. Рассматриваются новые тенденции развития в экономической политике этого периода, когда наряду с либеральным курсом на ускоренную капиталистическую индустриализацию страны, присутствовало и консервативное направление, которое поддерживало традиционные формы производства, т.е. кустарные промыслы.

Ключевые слова:

Кустарная промышленность, реформы, правительственная политика, законы, Министерство Государственного Имущества.

Формирование государственной политики по регулированию кустарно-промышленного производства в программах социально-культурного, исторического развития государства в 1870 – начале 1890-х гг. рассматривается как процесс выработки законодательства, регулирующего кустарно-промышленную отрасль и работу государственных и общественных деятелей над программой по развитию кустарной промышленности.

Процесс государственной политики по регулированию кустарно-промышленного производства в программах социально-культурного, исторического развития государства можно разделить на три этапа. Первый этап имел подготовительный характер и был хронологически затянут. В ходе него проводилась исследовательская деятельность, разрабатывались законопроект. До 1888 г. проблемами кустарей и ремесленников занималась Комиссия по исследованию кустарной промышленности в России при Министерстве финансов, название которой красноречиво свидетельствовало об основных направлениях её деятельности, а фискальная цель таковой следовала из принадлежности к финансовому ведомству. На первом этапе были заложены основные направления государственной политики по регулированию кустарно-промышленного производства в программах социально-

культурного, исторического развития государства: исследовательское, организационное и экономическое. Значительное влияние на формирование программы оказало Общество для содействия русской промышленности и торговле и председатель V отделения этого общества (по кустарной и ремесленной промышленности) А.А. Исаев.

На втором этапе было принято два закона (от 21 марта 1888 г. "О порядке заведования кустарной промышленностью" и от 13 мая 1891 г. "Об организации заведования делами кустарной промышленности"). Они решили два насущных вопроса: о принадлежности кустарей к крестьянскому сословию и проблему заведования кустарной промышленностью, которую передали в ведение Министерства Государственного Имущества с 1888 года. Учитывая, что для государственных органов кустарная промышленность оставалась "неизведанным островом", Министерство следующим образом сформулировало свою первоочередную задачу: "на первое время ограничиться лишь исследованием на месте, при помощи специалистов, положений техники кустарных производств и главнейших нужд и потребностей кустарных промыслов, выяснить при этом наиболее существенные причины, задерживающие их развитие и улучшение, и затем уже принять соответствующие меры для устранения, по возмож-

ности, таких препятствий" [9, с. 18]. Сформулированная таким образом задача выгодно отличалась от земского подхода 70-х годов, являлась попыткой уяснить реальное положение дел в кустарной промышленности.

На третьем этапе – с 1894 г., Министерство Государственных Имуществ было преобразовано в Министерство Земледелия и Государственного Имущества. В его ведении были Отдел сельской экономики и Сельскохозяйственной статистики и особого совещательного органа – Кустарного комитета, как самостоятельного сектора. Это явилось определенным итогом законодательной политики и организационного обособления управленческой структуры, осуществлявшей надзор за кустарными промыслами, в рамках министерства земледелия [5, с. 229]. При всей ограниченности его возможностей, Комитет стал государственным центром помощи кустарям, в котором сосредоточилась деятельность по управлению отраслью: от статистики до организации реальных мероприятий по развитию кустарного производства. Законы этого периода, направленные на развитие этой сферы труда, охватывали почти все направления деятельности МЗиГИ. Наиболее плодотворными должны были стать экономические законы о государственных поставках и о снабжении кустарей сырьевыми материалами. Они придавали деятельности МЗиГИ по развитию кустарной промышленности государственное значение и должны были улучшить экономическое положение кустарей.

По данным обзора правительственного содействия кустарной промышленности (1888–1902), число штатных специалистов Главного управления землеустройства, оказывающих консультативную помощь на местах к 1912 году достигло 49 человек: 6 – по ткацкому, прядильному, ковровому промыслам, 5 – по красильному, 3 – по кружевному, 1 – по производству музыкальных инструментов, 2 – только по струнным инструментам, 6 – по экономике и сбыту кустарных изделий, 1 – по статистике и 1 – по художественной части. Только за 1911 г. они посетили 111 уездов и 19 городов империи. [9, с. 22]. Проведение целого комплекса кустарно-промышленных законов позволяет говорить о том, что в экономической политике этого периода, наряду с либеральным курсом на ускоренную капиталистическую индустриализацию страны, присутствовало и консервативное направление, которое поддерживало традиционные формы производства, т.е. кустарные промыслы. В этом проявилась двойственность правительственного курса, отразившая два идеологических течения в правительстве и в российском обществе в целом. Однако оба эти направления экономической политики основывались на государственном контроле и воздействии на промышленность, как крупную, так и мелкую [8, с. 19].

Государственная доминанта, наметившаяся в 1880-е годы, стала определяющей в последующем периоде отечественного кооперативного движения.

С конца 80-х годов XIX века кустарная промышленность и кооперативное движение в этой отрасли хозяйства, о чем было сказано ранее, становятся предметом пристального внимания государства.

Материальным подтверждением этого служит положительная динамика денежных средств, выделяемых Государственным Казначейством на нужды мелкой промышленности. Например в 1890-е годы сумма составляла лишь 30 000 рублей ежегодно, с каждым годом финансирование в данном направлении увеличивалось и к 1912 году составило уже 1 513 884 рублей.

Таким образом, за десятилетие 90-х годов XIX века сумма государственных ассигнований на нужды промысловиков утроилась, а за следующее десятилетие она выросла в 10 раз.

То, что кустарная промышленность была возведена в ранг отраслей, требующих специальной политики, отразилось в формировании административных структур, курирующих эти вопросы [8, с. 21]. С 1898 года получила широкие масштабы работа министерства по созданию инструкторских школ.

В своей работе, третья Государственная Дума обращала пристальное внимание к развитию кустарной промышленности в империи. Как сообщал председатель Кустарного комитета кн. Ф.С. Голицын главному управляющему земледелием и землеустройством кн. Б.А. Васильчикову 18 декабря 1907 г.: "В среде членов Государственной Думы идея поддержки отечественной кустарной промышленности и её развития весьма популярна и при незначительном промедлении со стороны правительства в возбуждении этого дела, вопрос о нём может быть вызван самой Государственной Думой. Таким образом, может произойти, что инициатива дела перейдёт со стороны правительства к представительному учреждению, что... было бы нежелательно во многих отношениях" [9, с. 24]. В ответ на предупреждение министр земледелия поручил Кустарному комитету составить записку "О нуждах кустарной промышленности", которая должна "послужить материалом для представления в законодательные учреждения об увеличении денежных ассигнований на развитие и поощрение этой отрасли народного труда". В составленной вскоре записке был изложен взгляд на современное положение и нужды неземледельческих промыслов, указаны средства влияния на их эволюцию. Главными направлениями назывались техническое и художественное совершенствование производства, организация специального кредита для кустарной промышленности. На этой основе возник в 1910 г. проект Главного управления земледелия и землеустройства (ГУЗиЗ) об условиях кредитования мелких товаропроизводителей, но в законодательные органы он не был внесён.

В комплексе мероприятий, разработанных Кустар-

ным комитетом, было спланировано также посредничество по поставкам военному и некоторым другим ведомствам продукции крестьянских промыслов, а также пересмотр железнодорожных тарифов, условий перевозок кустарных грузов. Несмотря на то, что перевозка грузов на железнодорожном транспорте, на долю кустарной промышленности приходилось до 100 млн. пуд. только готовых изделий, не считая материалов для их производства, интересы кустарей не были специально представлены в комитетах. Однако владельцу кустарного товара приходилось сталкиваться с трудностями – небрежным отношением к его грузу на железной дороге; небрежным отношением транспортных служащих к срокам доставки; вынужденное хранение товара на железнодорожной станции, за которое следовала отдельная плата. В результате, как отмечал в 1909 г. исследователь этого вопроса В.А. Перелешин, "и теперь кустарь предпочитает везти свои грузы гужом вдоль железнодорожного полотна" [12, с. 101].

Более энергично законодатели подошли к рассмотрению того раздела программы Кустарного комитета, который был посвящен вопросам обеспечения крестьян–промышленников государственными заказами. Первый шаг в правовом оформлении поставок кустарями металлических, деревянных, кожаных изделий для нужд армии и военного флота, осуществлявшихся в 1887 г., был сделан в 1897 г. принятием специальных правил. В соответствии с ним в виде опыта на 3 года разрешалось военным ведомствам заготавливать необходимые для них предметы кустарным способом. Поставки должны были распределяться с торгов при участии представителя от МЗиГИ ил по прямому соглашению МЗиГИ с Главными управлениями военных ведомств. От подрядов с другими поставщиками условия договоров отличались только отсутствием требования залогов от крестьян под обеспечение возможных неустоек с их стороны. Объем заготовок кустарной продукции по Морскому ведомству измерялся суммой 63 тыс. руб. в 1898 г. и, возрастая в последующее время, достиг в 1904 г. 168 тыс. руб. [9, с. 25].

После разразившегося экономического кризиса 1899–1903 г.г., вскрывшего несостоятельность курса, ориентированного исключительно на форсированную индустриализацию и патернализм в отношении крупной капиталистической промышленности, необходимость адекватной политики в области кустарных промыслов стала ещё более очевидной. На докладе министра земледелия А.С. Ермолова о работе Первого Кустарного съезда, состоявшегося в Санкт–Петербурге в 1902 году, Николай II собственноручно начертил: "Надеюсь, что работы съезда принесут значительную пользу кустарной промышленности. Я буду внимательно следить за дальнейшим развитием этой Важной отрасли народного труда в России". [11, с. 244].

На фоне общей активизации государственной полити–

ки в области кустарной промышленности ускоренное развитие получило кооперативное движение.

С началом русско–японской войны привлечение кустарей к обеспечению материальных запросов армии приняло характер частичной трудовой мобилизации. Главные интендантское и артиллерийское управление обратились к министру земледелия с просьбой об оказании содействия в организации артелей сапожников, портных, кузнецов, слесарей, колёсников для направления их в мастерские действующей армии на Дальний Восток. Кроме того, высказывалась потребность в увеличении поставок кустарями своих изделия для военного ведомства.

Кустарный комитет активно включался в решение этих задач. Среди причин, по которым крестьяне записывались в своеобразное "мастерское ополчение", на первое место выступала их уверенность в получении гарантированного на время "службы" и значительного (от 20 до 60 руб. в месяц) заработка.

Немалую роль в том движении сыграл патриотический долг. Отказ многих кустарей от работы вызывался, как правило, опасением, что отъезд далеко от дома на длительный, не менее одного года, срок приведёт к подрыву их полевого хозяйства. Возросшие во время войны претензии к срокам и качеству продукции потребовали централизации в размещении заказов, их укрупнения, сделав тем самым не только необходимым, но и возможным объединение кустарей–кустарей. Министр земледелия признавал, что "усиленные заказы военного времени" могли послужить "основанием для объединения кустарей в артели на местах", а также выражал надежду на развитие производственной кооперации и в мирные годы [11, с. 244].

Между тем, земства, на которые возлагалась ответственность за качество артельной продукции, не проявляли в 1904–1905 гг. большого интереса к объединению кустарей в кооперативы из–за недостатка специалистов и финансовых средств для развития данного направления. Идея, однако, не была забыта и вскоре, в 1908 г., получила законодательное оформление. Новые Положения Военного совета "О предоставлении кустарям поставок для военного ведомства", предписанные в виде постоянной меры, предусматривали замену общих условий подрядных заготовок ручательством земских управ.

После революции 1905–1907 гг. в кооперативном движении явно прослеживаются два встречных потока: с одной стороны это возрастающая общественная активность, проявляющаяся в настойчивых попытках консолидации масс во всех легальных формах, в том числе и кооперативных. В связи с этим резко выраженная политизация общественного течения сторонников кооперации; с другой стороны, во много раз усиленное внимание государства к проблемам артелей и товариществ, выразившееся в дальнейшем материальном стимулировании, ад–

министративной опеке и политическом надзоре над союдами кустарей и ремесленников. Правительство и в дальнейшем усиливало внимание к кустарной промышленности и промысловой кооперации, не только на уровне государства, но и на местах, создавались уездные кооперативные комитеты.

В обязанности уездных кооперативных комитетов вменялось изыскание денежных средств для расширения деятельности существовавших и открывавшихся вновь товариществ, проведение не менее 3 раз в течение года ревизии дел в крестьянских кооперативах, а также выбор представителей в губернский кооперативный комитет. В функции этого органа и его правления входили выработка общего и обязательного для всех уездных комитетов плана действий, привлечение денежных средств в губернское кооперативное движение, ходатайства перед правительством о нуждах мелкой промышленности в губернии, наконец, самое главное, распределение средств, поступающих из казны, между уездными комитетами. Рассматривать ходатайства перед правительством, делать по ним заключения доверялось центральному кооперативному комитету, на заседания которого 3 раза в год должны были собираться представители от губернских комитетов, по одному от каждого, чиновники ведомств: по два – от министерства финансов, торговли, промышленности, внутренних дел, ГУЗиЗ, а также по одному от министерства юстиции, военного и морского, путей сообщения, представителя государственного контролера и императорского двора.

На Втором съезде деятелей по кустарной промышленности была принята резолюция о необходимости охраны труда в кустарном и домашнем производстве, её правовой

регламентации. Постоянное бюро съездов создало затем особую комиссию, итогом работы которой стали конкретные рекомендации законодательным органам. В них указывалось на особую потребность в надзоре за всеми кустарными и домашними производствами в сельских местностях с подчинением ему всех лиц, имеющих характер предпринимателей и наёмных рабочих, занятых в заведениях... частных, артельных, кооперативных, земских и общественных мастерских". Поручить надзор предлагалось фабричной инспекции, а также специально открытым для этого кустарным попечительствам при земских учреждениях. Несмотря на всю ограниченность предложенной программы обследования – контролю подлежали только санитарные условия и использование труда малолетних, но эти рекомендации так и не получили законодательной поддержки. О введении же государством минимальной заработной платы в домашней промышленности, не приходилось и мечтать. Но все таки Правительство увидело в кооперировании крестьян способ их социальной поддержки. Участники одного из межведомственных совещаний 1910 г. согласились с мнением члена Государственного Совета В.К. Саблер "Если крестьяне, – говорил он, – будут выходить из общины, то будут совершенно одни и беспомощны в борьбе с тяжёлыми экономическими условиями..." [10, с.430].

С 1899 по 1902 гг. Министерство приняло участие в проведении более 40 выставок, на которых экспонировались кустарные рукоделия. Кустарно-промышленная политика проводилась практически во всех губерниях империи, где были развиты кустарные промыслы. На региональном уровне её осуществляли земледельческие ведомства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Т.Г., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII–X в. – М., 2001.
2. Беловинский Л.В. Кустарная Россия. Не знавший покоя. М., 2017.
3. Доклад Совета съездов о развитии в России мелкого кредита и мелкой промышленности // Четвёртый очередной съезд представителей промышленности и торговли. СПб., 1909.
4. Денисюк Н.Ф. Кустарная Россия: очерки. М., 2017.
5. Карташова М.В. // Индустриальное наследие: материалы П Междунар. науч. конф. / науч. совет РАН по проблемам рос. и миров, экон. истории; МГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2006.
6. Карташова М. В. Законодательство в области кустарной промышленности в 90–е гг. XIX в. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского / Н. Новгород, 2007
7. Карташова М.В.// Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского / Нижегород. гос. пед. ин-т. Н. Новгород, 2007.–Ч. 2.
8. Карташова М.В. Кустарно – промышленная политика и ее реализация в последней трети XIX в. (на материалах Нижегородской губернии). Автореферат дисс...на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2008.
9. Обзор правительственного содействия кустарной промышленности. СПб., 1913.
10. Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России.: Т.02. / – М.: Книга по Требованию, 2011.
11. Отчёты и исследования по кустарной промышленности в России. Т.3. М., 1902.
12. Перелешин В.А. Движение кустарных грузов. М., 1909.
13. Пономарёв Н.В. Кустарные промыслы в России. М., 2017.
14. Труды Первого Всероссийского съезда представителей кооперативных учреждений. М., 1908.

О РОЛИ ДОНСКОГО АТАМАНА М. ПЛАНОВА В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

THE ROLE OF THE DON ATAMAN M. PLATOV IN THE BATTLE OF BORODINO

N. Selyunina

Annotation

The article is based on a wide range of archive sources. It dwells on the analysis of the participation of the Don Cossacks in the war against the invaders who bravely defended the fatherland and were an example of whole-hearted dedication to their military duties. Ataman Platov's colossal combat experience as well as military talent and determination allowed him to carry out a raid that not only weakened the onslaught of enemy troops at a critical moment for the Russian army, but also contributed to a radical change in the course of the Battle of Borodino.

Keywords: combat feat, armed forces, the Don Cossacks, the fatherland, military duty, the battle of Borodino, cavalry raid, the old guard.

Аннотация

В статье на основе широкого круга архивных источников анализируется участие в войне против завоевателей донского казачества, доблестно защищавшего отчизну и являвшегося примером беззаветного выполнения ратного долга. Колоссальный боевой опыт, полководческий талант и решительность атамана М. Платова позволили ему осуществить рейд, который не только ослабил натиск неприятельских войск в критический для русской армии момент, но и способствовали коренному перелому в ходе Бородинской битвы.

Ключевые слова:

Боевой подвиг, вооруженные силы, донское казачество, отчизна, ратный долг, Бородинское сражение, кавалерийский бросок, старая гвардия.

Одной из наиболее ярких страниц в летописи боевых подвигов нашего народа, и в первую очередь, российских вооружённых сил являются легендарные события Отечественной войны 1812 года. России удалось ценой невосполнимых жертв и огромных усилий не только выстоять под мощным натиском наполеоновских войск, принявших под свои знамёна авантюристов из многих европейских стран, которые обеспечили агрессоров всем необходимым для успешного похода на Восток, но и разгромить их.

На всех этапах войны против завоевателей донское казачество доблестно защищало отчизну и являлось примером беззаветного выполнения ратного долга. Но особую роль удалось сыграть посланцам Дона в сражении под Бородино.

К сожалению, приходится признать, что в советской, да и современной исторической литературе проблема ратных подвигов донских казаков на Бородинском поле пока не получила объективного, правдивого отражения. Более того, автору этих строк недавно удалось посетить мемориальный Бородинский музейный комплекс и послушать словесное описание хода исторического сражения устами двух молодых экскурсоводов – штатных

работников музея. Я и мои коллеги услышали довольно бойкий заученный рассказ о количественном составе противоборствующих армий, их вооружении, ходе боя, беглые характеристики полководцев и т.д. Когда речь зашла об ударе казаков под руководством донского атамана М.И. Платова и кавалерийского корпуса генерала Уварова, по левому флангу французской армии, то экскурсоводы искажённо представили слушателям этот боевой эпизод.

В ответ на наше недоумение и возмущение, работники музея заявили, что излагают версию, детально утверждённую учёным советом музея. Следовательно, искажение исторической реальности было санкционировано ангажированными или мало информированными специалистами? Трудно поверить, что они не обладают источниковой базой, позволяющей объективно анализировать сущность сражения при Бородино. А если учесть, что ежедневно музейный комплекс посещают многие и отечественные и иностранные туристы, то можно представить, какой вред наносится историческому сознанию людей, пожелавших прикоснуться к легендарному прошлому нашей страны.

Известно, что на протяжении почти двух веков исто-

рики либо не упоминали о заслугах донских казаков под руководством атамана М.И. Платова в войне 1812 года, в частности в Бородинском сражении, либо давали весьма противоречивые оценки их роли в боевых действиях. В опубликованной литературе можно встретить немало ошибок и явных фальсификаций. Как правило, исследователи тенденциозно замалчивают наличие одних источников и оперируют другими, чтобы доказать своё авторское видение проблемы. Почему ошибки коучут из публикации в публикацию?

С. Мельгунов писал: "Русская армия с самого начала войны с Наполеоном была центром бесконечных интриг, соперничества, зависти и борьбы оскорбленного самолюбия... Это единодушное показание всех современников... С интригами на почве соперничества мы встречаемся слишком часто, чтобы можно было не говорить об их деморализующем влиянии даже на хороших генералов..." [1]. Возможно, именно в этом одна из причин прижизненного искажения событий, связанных и с Бородинским сражением? Нельзя не упомянуть и о клише, оставленном нам в наследство историком сталинской эпохи М.Н. Покровским, сторонники идей которого не перевелись и поныне.

Одним из авторитетных авторов искажённой информации об атаке донских казаков на левый фланг наполеоновской армии стал, как ни странно, сам М.И. Кутузов. После окончания сражения под Бородино главнокомандующий русской армией написал подробное донесение императору Александру I о достигнутой победе и перечислил имена военачальников, отличившихся в битве. Но среди них имя казачьего атамана М.И. Платова не значится. Более того, в другом рапорте военачальника императору читаем, что казаки "в сей день не действовали" [2]. Почему М.И. Кутузов представил царю первоначально искажённую информацию, пока не ясно. Не известна и реакция императора на рапорт главнокомандующего.

Позднее Кутузов уже изменил свою точку зрения и доносил Александру I следующее: "Атака была сделана довольно удачно, неприятель был опрокинут". И опять полководец не дал подробного анализа кавалерийского рейда, изменившего ход битвы [3]. Если главнокомандующий запоздало, но всё же внёс поправку в оценку роли казаков в Бородинском бою, то факт участия корпуса Платова в событиях 26 августа 1812 г. был положительно охарактеризован историческим сообществом лишь спустя четверть века после сражения.

Обратимся к содержанию другого документа – рапорта М.И. Платова своему непосредственному начальнику М. И. Кутузову спустя месяц после сражения. Атаман доносил: "В бывшем 26 числа прошлого августа ме-

сяца при с. Бородине генеральном с неприятелями сражении, находился я, по приказанию Вашей светлости, с казачьими полками на правом фланге нашей армии, и каково происходило действие против неприятельского левого фланга, Вашей светлости по личному присутствию Вашему известно". Следовательно, сам главнокомандующий направил казачьи полки на правое крыло изготовившихся к бою войск, затем отдал приказ о нанесении ими удара по левому флангу французской армии.

В следующем документе, поданном М. Платовым по прибытию в главную квартиру армии в 1813 г., говорится о том, что в Бородинском сражении он командовал кавалерией во время рейда и при этом "атаковал с малым числом без всякого подкрепления". О результате рейда свидетельствует тот факт, что по завершении сражения главнокомандующий лично поблагодарил Платова за боевые заслуги [4].

В распоряжении исследователей имеются два текстуально идентичных рапорта генерала Уварова – Барклаю де Толли, своему непосредственному начальнику и М.И. Кутузову. Тексты свидетельствуют, что главнокомандующий приказал первому кавалерийскому корпусу ударить по левому флангу неприятеля "...с тем, чтобы, хотя несколько оттянуть его силы, которые столь сильно стремились атаковать вторую нашу армию" [5].

Существует рапорт Барклая де Толли князю Кутузову о действиях его армии во время сражения, в котором он писал: "1-й кавалерийский корпус Вашею светлостью отряжен был на левый берег Москвы-реки и действовал на оном обще с иррегулярными войсками под начальством ген. от кавалерии Платова" [6]. Не ставил Барклай под сомнение и очевидное – участие корпуса Платова в рейде по тылам противника на Бородинском поле. Таким образом, рейд кавалеристов по тылам противника подтверждается конкретными источниками.

А.И. Михайловский–Данилевский, участник войны, как и некоторые другие мемуаристы, в публикациях оказался весьма непоследовательным. В дневнике, написанном им по горячим следам событий, по-видимому, со слов явных интриганов и противников казаков он резко критиковал кавалеристов и их командиров, исказив общую картину кровавого боя. Спустя два десятилетия, уже на основании солидных документальных источников этот же автор в ряде трудов дал весьма высокую оценку действиям казаков на Бородинском поле [6].

А.И. Михайловский–Данилевский сделал попытку воссоздать подлинную картину событий: "Князь Кутузов, получая донесения, что Наполеон стягивает свои силы против неприятеля, приказал Платову с казаками и Ува-

рову с первым кавалерийским корпусом перейти Колочу выше Бородина и ударить в левый фланг французов... Доблестные лейб-гусары с такой отвагой понеслись на пехоту вице-короля (Богарне), что она поспешно отступила; одновременно и казаки Платова, перейдя вброд через Войну (название реки – авт.), рассыпались в тылу и произвели такую тревогу, что обозы в беспорядке обратились в бегство. Эти два налета вызвали отъезд Наполеона в тыл, и вследствие этого огонь и атаки неприятеля в боевой линии ослабели" [7]. Запоздало автор дал боевому рейду кавалеристов следующую оценку: "Действия Уварова и Платова имели чрезвычайно важное влияние на участь Бородинского сражения... Счастливым оборот битвы был непосредственным следствием превосходного поведенного Кутузовым, а Уваровым и Платовым исполненного маневра" [8].

Д.Н. Болговский, участник сражения в качестве дежурного штаб-офицера, впоследствии генерал-майор, находился при корпусе Дохтурова, на правом фланге – там же, где и дислоцировались казачьи полки. Мемуарист подчеркнул, что в начале сражения Наполеон действовал наступательно, а в три часа дня, когда ему удалось овладеть всеми опорными укреплениями русской армии, он явно перешёл к оборонительным действиям. Причиной этого изменения наполеоновской тактики, по мнению Болговского, являлось то, что Платов, получив приказ обойти левый фланг неприятеля и атаковать его с тыла, "исполнил это с такой точностью и спокойствием, что был замечен неприятелем в удалении версты от его крайнего левого фланга. Неприятель, уstraшенный внезапным появлением леса пик, заметив там даже пехоту, счел левый фланг армии в весьма опасном положении и тем с большим основанием, что блестящие атаки генерала Уварова не позволяли ему сомневаться, что они производились, опираясь на решительное движение Платова. Это угрожаемое крыло начало тотчас производить перемену фронта, и в то же мгновение было видно, как адъютант помчался во всю прыть, чтобы доложить Наполеону это неприятное известие". По словам Болговского, Платов опасался предпринять более активные действия, чтобы не "скомпрометировать себя решительной атакой неприятеля", показав ему "ничтожество своих сил" против превосходящего врага. Он счел более полезным угрожать ему положением, которое оставило бы ему сомнение относительно его действительных сил, и в конце решился тревожить его только частями. По мнению генерал-майора, "этот маневр решил участь русской армии" [9].

В современной историографии также нет однозначного мнения по поводу событий 26 августа 1812 г. и непротиворечивой оценки действий донских казаков в данной битве. В связи с этим постараемся кратко изложить авторское видение хода Бородинской битвы, уточ-

нить роль донских казаков и личный вклад атамана в победе над неприятелем на основе изученной литературы и источников.

В диспозиции, сформулированной М.И. Кутузовым 24 августа для предстоящего сражения, не упоминалось о казачьем корпусе, следовательно, он не имел строго определенного назначения и рассматривался в качестве резерва. Но сам Платов выступил инициатором кавалерийского рейда по флангу французских войск. Его казаки утром 26 августа провели разведку, в результате которой выяснили отсутствие крупных сил противника за р. Колочей и нашли броды. Атаман отправил к Кутузову принца Э. Гессен-Филиппстальского с просьбой подкрепить его корпус для последующего движения. Однако для рейда было выделено мало сил: примерно 2 тыс. казаков и 2, 5 тыс. сабель 1-го кавалерийского корпуса [10].

Наполеон готовил решающую атаку на позиции русской армии, кроме того, собирался ввести в бой главный резерв – старую гвардию, имевшую огромный опыт ведения боевых действий в европейских странах. Но в это время, казачьи полки и легкая кавалерия под предводительством М. Платова незаметно подошли к расположению противника, ударили ему в тыл.

Успех стремительного кавалерийского броска был очевиден: он вызвал панику в рядах французов и обеспечил целых два часа передышки нашей армии, что позволило провести перегруппировку русских войск. Наполеон не только направил на угрожающий участок подкрепление, но и отправился туда лично. Бросать в сражение старую гвардию на главном направлении Бонапарт передумал. Тем самым французам не удалось достичь видимого перевеса сил в противоборстве с русской армией.

Казаки М. Платова взяли в плен 500 французских солдат, захватили главный обоз наполеоновской армии (правда, именно это и послужило новым обвинением против М.И. Платова, так как некоторые авторы доказывали, что он не смог удержать казаков от грабежа неприятельского обоза) и знамя. Кроме того, поле боя осталось за русскими.

Таким образом, колоссальный боевой опыт, полководческий талант и решительность атамана М. Платова, "помышлявшего не о жизни, а о чести и славе России", позволили ему осуществить рейд, который не только ослабил натиск неприятельских войск в критический для русской армии момент, но и способствовал коренному перелому в ходе Бородинской битвы.

В результате русского кавалерийского рейда французы утратили наступательную инициативу. Об этом по-

лезно помнить тем, кто склонен недооценивать роль донских казаков и их полководца М.И. Платова в Бородинской битве. Изучение роли казачества в тех трагических событиях невозможно без обращения к личности

Матвея Ивановича Платова, казачьего атамана, прославленного генерала, чье имя стало легендой еще при жизни и сегодня олицетворяет собой удачу и славу Донского казачества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельгунов С.П. Вожди армии. Отечественная война и Русское общество. Т. III [Электронный ресурс] / Отечественная война и русское общество. – М., Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911, в 7 т. – Режим доступа: URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Sitin/book3_08.html
2. Атаман М.И. Платов – рождение легенды. [Электронный ресурс] –Режим доступа: URL: <http://www.gipanis.ru/?level=1195&type=page&lid=1128>; Папорт князя М.И. Кутузова императору от 22 ноября 1812 г. // М.И. Кутузов. Сб. док. – М., 1954. – Т. 4, ч. 1.– С.82.
3. Кутузов М.И. Сборники документов. В 5 т. / Под ред. Л. Г. Бескровного. Т IV. – М.: Военное изд-во мин-ва Обороны СССР, 1954. Ч. 1–2. С. 167.
4. Сапожников А.И. Записка атамана М.И. Платова о Бородинском сражении. // Материалы VII Всероссийской научной конференции "Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы". – Бородино, 1999. С. 171–177.
5. Там же, С. 171–173.
6. Михайловский–Данилевский А.И. Записки 1912 год. // Исторический вестник, 1890, № 10, С. 154; Из воспоминаний Михайловского–Данилевского: Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818 г.// Русская старина, 1897, № 8, С. 349.
7. Михайловский–Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. – СПб., 1943. С. 96.
8. Михайловский–Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники. – СПб., 1846. ТЛН, № 5.
9. Бородино: Документы, письма, воспоминания. – М.: Советская Россия. 1962. С. 341.
10. Безотосный В.М. Атаман Платов в 1812 году // Вопросы истории – 1997, № 10. – С. 134.

© Н.В. Селюнина, (n.selunina@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

5-8 июня 2018
 Новокузнецк / Россия

РЕКЛАМА

XXV Международная специализированная выставка
технологий горных разработок

УГОЛЬ и МАЙНИНГ

РОССИИ

IX Международная специализированная выставка
**ОХРАНА, БЕЗОПАСНОСТЬ ТРУДА
И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

IV Международная специализированная выставка
НЕДРА РОССИИ

Организаторы

уголь

руды

промышленные минералы

охрана и безопасность труда

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ БИОГРАФИИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО САРАТОВСКОГО ПЕРИОДА (1840-е годы)

PROVINCIAL PERIODICALS AS SOURCE
FOR N.G. Chernyshevsky's BIOGRAPHY
of the SARATOV PERIOD (the 1840th years)

E. Tereschenko

Annotation

The article on memories and testimonies of contemporaries recreates the reading circle of the family of the future writer. The main publications of the newspaper "Saratov provincial Gazette", which aroused particular interest among Nikolai Chernyshevsky, in particular articles by G.S. Sablukov and A.F. Leopoldov, folk culture of local customs and beliefs.

Keywords: Saratov periodicals, provincial culture, N.G. Chernyshevsky, G.S. Sablukov, A.F. Leopoldov, folklore, local history.

Терещенко Эльмира Булатовна
ФГБОУ ВПО "Саратовский
государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского"

Аннотация

В статье по воспоминаниям и свидетельствам современников воссоздается круг чтения семьи будущего писателя. Исследуются основные публикации газеты "Саратовские губернские ведомости", которые вызвали особый интерес у Николая Чернышевского, в частности статьи Г.С. Саблукова и А.Ф. Леопольдова, фольклорная культура местных обычаев и поверий.

Ключевые слова:

Саратовская периодика, провинциальная культура, Н.Г. Чернышевский, Г.С. Саблуков, А.Ф. Леопольдов, фольклор, краеведение.

В многочисленной научной литературе о Н. Г. Чернышевском – ученом, литературном критике, писателе, философе, общественном и политическом деятеле – практически не найти работы, в которых бы специально рассматривалась связь биографии и творчества Чернышевского с местной провинциальной периодикой, в частности, с саратовской прессой.

Важнейшую роль общественной и культурной жизни русской провинции в жизни страны, и прежде всего, литературного краеведения, отмечал, например, один из современных исследователей Чернышевского А.А. Демченко, который писал, что "литературное краеведение образует мощную ветвь провинциальной культуры, а культуры без литературы не бывает", "провинциальная культура – это явление уникальное, без нее нет культуры в целом, и нередко встречающееся противопоставление столицы (центра) провинции бесперспективно. Как бы заносчиво ни высокомерничал центр с его претензией на укающее положение, он, если озабочен своим будущим, всегда обязан помнить о питающих его истоках, и это доходчиво показано в мудрой басне И.А. Крылова о листьях и корнях" [2].

Одной из составляющих провинциальной культуры является периодика. Местная газета представляет собой уникальную площадку литературно-общественной жи-

зни. Изучение провинциальной местной печати, содержащей богатый историко-культурный материал, позволяет найти ценные сведения, которые могут значительно дополнить биографию писателя.

Саратовская периодическая печать первого периода времени пребывания Н.Г. Чернышевского в родном городе (1838 – 1846) была представлена лишь одним изданием. В этот период в Саратове издавалась единственная газета "Саратовские губернские ведомости".

Прямых доказательств отношения писателя к саратовской прессе нет. Однако по воспоминаниям и свидетельствам современников Н.Д. Прудентова, И.Н. Виноградова воссоздается круг чтения семьи будущего писателя, включавший и местную прессу.

Изучение газеты "Саратовские губернские ведомости", в связи с биографией Н.Г. Чернышевского вызывало интерес у немногих исследователей.

В 1862 году в седьмом выпуске книги "Русский фольклор" была опубликована статья Л.В. Домановского [5] "Собрание песен Саратовской губернии А.Н. Пасхаловой", в которой рассматривалось отношение Чернышевского к фольклорно-этнографическому движению 50-х годов 19 века. Особое внимание автор уделил изучению

творчества Н.И. Костомарова и А.Н. Пасхаловой на материалах газеты "Саратовские губернские ведомости" 1852 – 1854 гг.

Частично материалы газет "Саратовские губернские ведомости" (1843, 1844, 1845 гг.), были использованы Н.М. Чернышевской [18] в книге "Н.Г. Чернышевский и Саратов" (1978 г.). Н.М. Чернышевская писала, что газета "Саратовские губернские ведомости" постоянно лежала на столе у отца Г.И. Чернышевского, и юноша Н. Чернышевский всегда читал эту газету, из которой узнавал многое об истории родного края.

А.А. Демченко при составлении труда "Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Том 1" (1978 г.) уделил особое внимание статьям в "Саратовских губернских ведомостях" Гордия Семеновича Саблукова, учителя Чернышевского в семинарии, а также статьям Тихменева, уже ученика Н.Г. Чернышевского.

Из приведенного перечня работ следует, что перед исследователями никогда прежде не стояла задача всестороннего исследования саратовской периодики в связи с биографией и творчеством Чернышевского. Поэтому в настоящее время изучение саратовской печати в качестве источника для биографии писателя представляет собой актуальную тему. Данная статья посвящена обзору публикаций саратовской печати. Задача этого обзора – обнаружить те статьи, которые стали ключевыми для характеристики творческой личности Чернышевского в период 1840–х годов. Выборка материала связана с упоминанием в книге С.И. Быстрова "Описание рукописей Н. Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени в Саратове". Книга содержит свидетельства о том, что Чернышевского особо интересовали №12, 13, 18 и 44 газеты "Саратовские губернские ведомости" 1844 года и заметками к статьям А.Ф. Леопольдова, опубликованным в этих номерах [1].

Для начала обратимся к истории становления и развития периодической печати Саратова 40–х XIX века. По свидетельствам краеведа Н.Ф. Хованского [16], первая типография была организована в Саратове в 1808 году согласно указа от 5 августа 1807 года о заведении типографий во всех губернских городах. В этой типографии в 1838 году начали печататься "Саратовские губернские ведомости". Как отмечал Н.Ф. Хованский, "31 августа 1837 г. статс – секретарь Блудов предлагал г. саратовскому губернатору озаботиться, чтобы с 1 января 1838 г. приступить к изданию газеты "Саратовские губернские ведомости". На это г. губернатор в ноябре 1837 г. уведомил, что к изданию газеты "Ведомостей" будет приступлено немедленно по получении станов и литер от Плюшара..." [17]. По положению 1837 года "Губернские ведомости" разделялись на две части: официальную и неофициальную. Редакторами издания в разное время были А.Ф.

Леопольдов, Н.И. Костомаров, Д.Л. Мордовцев, Н. Вишневецкий, В.Д. Палеолог, Н.Я. Воскобойников, И.П. Балабанов, М.Э. Эверсман, А.И. Соколов, В.М. Макаров, П.М. Миловский, Ф.С. Шиманский, Н.Ф. Хованский. Первым редактором газеты был А.Ф. Леопольдов, за время работы которого, как отмечал Н.Ф. Хованский, в "Ведомостях" была помещена масса интересных исторических статей и обнаружено немало ценных исторических документов, и который "сумел поставить дело так хорошо, что "Саратовские губернские ведомости" заняли почетное место в тогдашней журналистике" [17].

Семья Чернышевских являлась постоянным подписчиком "Ведомостей". По воспоминаниям Ф.В. Духовникова, Н.Г. Чернышевский усердно читал газеты с 10–летнего возраста, они являлись для него насущною потребностью [7].

Сохранилось также свидетельство родственника Чернышевских И.Н. Виноградова: "Чиновник Н.Д. Прудентов мне передавал о чтении газеты так: "Я каждый день утром и в полдень проходил мимо дома Чернышевских и постоянно видел, как Н.Г., сидя в то время около крайнего окна к воротам, читал газету. Глядя на него, зависть брала. Отец важная и почтенная персона, и сын вышел в него: девять лет, а так усердно читает газеты" [6].

Из газеты юный Чернышевский многое узнавал о родном крае, внимательно следил за публикациями своего учителя татарского языка Г.С. Саблукова, связанные с исследованиями места Золотой Орды, делал многочисленные выписки о народных поверьях. Местная газета была для него своеобразной школой, воспитывающей и культивирующей краеведческие интересы [15]. О первых интересах Чернышевского в связи с газетой можно судить по его пристальному интересу к народным поверьям и суеверьям, статьи о которых были опубликованы местным историком и редактором "Ведомостей" А.Ф. Леопольдовым [1]. Что же могло подтолкнуть Н.Г. Чернышевского к изучению данной темы?

Можно предполагать причиной, подтолкнувшей Чернышевского к изучению статей Леопольдова, могла послужить предшествующая исследованиям историка статья Г.С. Саблукова о народных поверьях и суевериях "Семик" [13], опубликованная в 8–м номере того же года в газете "Саратовские губернские ведомости".

В статье говорилось, что в старину, по всей почти Руси, неделя перед Троицею называлась "русальной" [13]. В Малороссийских селах Балашовского уезда "девица или женщина боится одна быть в это время в поле или в лесу, без пучка полыни" [13], иначе верили, что русалка могла совершить над нею свои обычные потехи. Считалось, что именно в это время русалка "рыщет по полям и лесам, и встретив где либо вне селения женщину или де-

вицу одну, непременно спросит: "что у тебя в руках? Чи польнь, чи петрушка?" [13]. Страшнее всего было ответить "Петрушка" [13], ибо мастерица на вирши Русалка, со словом: "Ах, моя душка!" утащит девицу качаться на ветвях деревьев и своим счекотаньем заставит ее захотаться до смерти" [13]. Но Русалка сама могла испугаться, при ответе "Польнь"; "с словом к себе самой: ховайся под тынь" [13], она скрывалась от этой пахучей травы. Г.С. Саблуков отмечал, что "мы великороссияне" [13], ныне не боимся русалок, не опасаемся их, ходим без польни в их "бешеный" праздник, но в древности славянским красавицам иногда "приводилось робость не на шутку, при праздновании своих" [13] в весеннее время. Автор отмечал, что первый наш летописец Нестор говорил, что древляне, радимичи, витьячи, за селами, на игрищах, похищали себе невест. В статье автор также указывал на слово "лада" [13], которое часто употреблялось в песнях во время Семика. Это слово, как отмечал Саблуков, ныне выпало из памяти народа, а в песнях употреблено в том же значении, которое оно имело в древнейшей русской поэме "Слово о полку Игореве". В поэме Ярославна называет ладой своего супруга – героя поэмы, Игоря, князя Северского; "О ветре, ветрило, по что ты навевал стрелы врагов на воинов моего лады?" [13]. В песни во время Семика:

*"Ищу ль я, ищю
Ласкова ладу?
Добрый молодчик,
Будь моим ладой!"*

Как отмечает Г.С. Саблуков, слово "лада" "кажется, выдуманно было не умом, а сердцем, когда оно в первый раз заметило в себе сладостное, чистое чувство любви" [13]!

В 12-м номере [8] местной газеты в статье "Народные поверья" Леопольдов, ссылаясь на слова стариков, описывает различные поверья и суеверия: "Саратовская чернь верит, что ворона начинает вить гнездо на страстной недели в Великий четверг" [8], "9 марта в день, в который святая церковь празднует память 40 мучеников, прилетают жаворонки, хотя это бывает и не всегда. Вследствие этого верования, в этот день пекут из теста жаворонков. А в среду на 4 неделе Великого поста, по Церковному, Средокрестный, пекут кресты" [8]. Интересно описывается и праздник Благовещения, будто в день праздника Благовещения, после обедни, раздаются духовенством у церкви всему народу "Просфоры" [8]. Для этого случая их пекли в большом количестве, так как люди верили, что получивший в этот день просфор, будет сыт весь год. А также в эту ночь на праздник "вор начинает воровать" [8], и согласно поверью, если вору удастся в эту ночь что-нибудь украсть, то весь год "ему будет удача в воровстве" [8]. Приводились и другие примеры, так, "если три зажженные свечи нечаянно попадут на стол, то в этом году быть в доме покойнику" [8], с "20 ию-

ля, со дня Св. Пророка Ильи, вода становится холоднее, причина: олень пустил урины в воду" [8]. В статье говорилось, что люди верят в оборотни, по которые по временам являлись ночью и нападали на проходящих "Это колдуны, посредством нечистой силы, превращались в самых различных людей, или предметов "в свиней, волков и даже копну сена" [8]. Но особо люди верили в клады, и как отмечал Леопольдов, это имело некоторое основание, оправдываемое опытом: "в старину, из страха к воврам или неприятелям, богатые зарывали деньги и драгоценные вещи в землю, и некоторым случалось находить таковые забытые или после умерших клады" [8]. Клады, как описывалось редактором, могли являться в разных видах: зайца, собаки, кошки, кролика и проч.; "надобно ударить его, и он исчезнет, с этим ударом произойдет звон денег: где он исчезнет, тут и скрываются вещи и деньги" [8]. Места кладов были курганы, горы, холмы. В статье говорилось, что клады могут быть рыты и вырыты только в полночь, и "при рытии их не надо ни молитвы творить, и не креститься" [8].

И в конце статьи Леопольдов приводит случай, который ему рассказал крестьянин из селения Сердобского уезда: "В одном селении Сердобского уезда верили, что в кургане, находящемся недалеко от ононого положен клад. Один из крестьян, впрочем ленивый и до того бедный, желая разбогатеть, вздумал попытать свое счастье на счет этого клада". Крестьянин начал рыть, как вдруг за курганом на дороге явился целый полк войска на конях, которые начали кричать, стучать саблями, стрелять из орудий. Крестьяне "опрометью, бросились, в ужасном страхе, бежать: полк гнался за ними до самого села, и исчез, когда кто-то из крестьян сотворил молитву и перекрестился". После описанного случая, редактор заключает, "правду говорит пословица: у страха глаза велики, т.е. иногда представляют предметы в искаженно увеличенном виде" [8].

В 13-м номере газеты "Саратовские губернские ведомости" в статье Леопольдова "Народные поверья" рассказывалось, что "простолюдины здешняго края" считали грехом зажечь восковую свечу от сальной и по-ставить к Образу. Это верование основывалось, как отмечал редактор, на чистоте жертвы, приносимых Богу. В статье описывались и различные верования в явления природы: "Млечный путь на небе есть указание дороги на Иерусалим", "Радуга в себя воду. Вот начало дождей!", "Гром гремит. Это Илья Пророк ездит на огненной колеснице и поражает нечистых духов каменными стрелами" [9].

В 18-м номере газеты в статье "Народные поверья" описывались различные поверья, связанные с домом: "если кто в доме разобьет зеркало, то быть несчастью", "если выйдет каша из горшка в печи – то будет беда", "курица, поющая петухом, предвещает в доме несчастье.

А чтобы это не случилось, надобно ее заколоть, и тогда говорят, что она пела на свою голову", "крик ворона или филина на доме, предвещает беду тому дому; а если на церкви, то целому селению..." [10].

В 43-м номере газеты в заключительной статье "Народные поверья" А.Ф. Леопольдова приводились следующие примеры: "Кошка утирается лапами: с которой стороны утирается, с той будут гости"; "если собака на дворе роет лапами яму, то в этом доме скоро будет покойник"; "периодом времени: с 1 по 9 сентября называется бабьим летом. Если в эти 8 дней стоит ведро, то

осень будет ненастная, а если первое ненастно, то последняя будет ведринная" [11].

Таким образом, с юных лет Чернышевский проявлял большой интерес к чтению саратовских газет. Обзор публикаций 1840-х годов авторов близких писателю показало, что юношу Чернышевского во многом формировала фольклорная культура местных обычаев и поверий. Следующим этапом изучения связи писателя с саратовской прессой может стать исследование влияния прочитанных публикаций непосредственно на творчество писателя, поэтику его произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстров С.И. Описание рукописей Н.Г. Чернышевского, хранящихся в Доме – Музее его имени Н.Г. Чернышевского 1828–1928 / С.И. Быстров. – Саратов, 1928. – С.325.
2. Демченко А.А. Литературная и общественная жизнь Саратова (из архивных разысканий) / А.А. Демченко. – Саратов, 2008. – С.3.
3. Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография: в 4 т. / А.А. Демченко. – Саратов, 1978. – Т.1.
4. Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография: в 4 т. / А.А. Демченко. – Саратов, 1994. – Т.4.
5. Домановский Л.В. Собрание песен Саратовской губернии А.Н. Пасхаловой // Русский фольклор. – Т.7. – М., 1962. – С. 354–366.
6. Духовников Ф.В. Н.Г. Чернышевский, его жизнь в Саратове / Ф.В. Духовников. – М., 1982. – С. 477.
7. Духовников Ф.В. Чернышевский в Саратове / Ф.В. Духовников. – Саратов, 1939. – С.24.
8. Леопольдов А.Ф. Народные поверья / А.Ф. Леопольдов // Саратовские губернские ведомости. – 1844. – № 12. – С.94–96.
9. Леопольдов А.Ф. Народные поверья / А.Ф. Леопольдов // Саратовские губернские ведомости. – 1844 – № 13. – С.108–110.
10. Леопольдов А.Ф. Народные поверья / А.Ф. Леопольдов // Саратовские губернские ведомости. – 1844 – № 18. – С. 140–141.
11. Леопольдов А.Ф. Народные поверья / А.Ф. Леопольдов // Саратовские губернские ведомости. – 1844 – № 44. – С. 446– 447.
12. Марынов А.И., Бельмесова В.И. Отклики саратовских газет на смерть Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. – Саратов, 1971. – Вып.6. – С.260–265.
13. Саблуков Г.С. Семик / Г.С. Саблуков // Саратовские губернские ведомости. – 1844. – № 8. – С.59–62.
14. Сушицкий В.А. Н.Г. Чернышевский. Из автобиографии / В.А. Сушицкий. – Саратов. – 1937. – С.22.
15. Терещенко Э.Б. Местная газета как источник для биографии Н.Г. Чернышевского саратовского периода 1840-х гг. // Ценностные ориентиры современной журналистики. – Пенза, 2014. – С.13.
16. Хованский Н.Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии / Н.Ф. Хованский. – Саратов, 1984. – С. 18–19.
17. Хованский Н.Ф. Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. – Саратов, 1893. – С.273.
18. Чернышевская Н.М. Н.Г. Чернышевский и Саратов / Н.М. Чернышевская. – Саратов, 1978.

© Э.Б. Терещенко, (elmira.tereshhenkoaxmetowa@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ МЭЙДЗИ НА ЖИЗНЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА ХОККАЙДО

Чекункова Екатерина Сергеевна
Аспирант, УрФУ

THE INFLUENCE OF MEIJI POLICY ON LIFE OF INDIGENOUS POPULATION OF HOKKAIDO

E. Chekunkova

Annotation

The article is devoted to status of ainu during Meiji epoch. It is based on the analysis of legislation and studies by Japanese, Western and Russian scholars. The author shows that Japanese governmental policy was directed to the regulation of ainu's life and their assimilation. The author concludes that despite this policy ainu saved their ethical identity and elements of cultural special characteristics.

Keywords: Japan, ethnical minorities, ainu, Hokkaido, Meiji.

Аннотация

Статья посвящена положению айнов в период Мэйдзи. Она основана на анализе законодательных актов, а также трудов японских, западных и российских исследователей. Автор показывает, что политика правительства Японии была направлена на регламентацию жизни айнов и их ассимиляцию. Сделан вывод о том, что, несмотря на эти меры, айны сохранили этническую идентичность и элементы культурной специфики.

Ключевые слова:

Япония, этнические меньшинства, айны, Хоккайдо, Мэйдзи.

В период Мэйдзи начинается активизация внешней политики Японии и рост экспансионистских настроений в стране. В это время Японская империя начинает расширять свое "жизненное пространство", присоединять и осваивать новые территории – остров Хоккайдо, Курильские острова и острова Рюкю. Можно сказать, что освоение Хоккайдо стало первым колониальным опытом Японии. Вместе с этим в состав Японской империи входит и аборигенное население, которое населяло остров Хоккайдо. Таким образом, в 1868 г. айны, проживающие на острове, стали подданными Японской империи.

Политику правительства Мэйдзи в отношении айнов в XIX – XX вв., вследствие ее актуальности рассматривали в своих работах многие современные исследователи, как японские, так и отечественные и зарубежные, такие как С.А. Аругюнов, В.Г. Щебенков, С.Ч. Лим, М.В. Осипова, Оотсука Кадзуёси, Огава Масахито, Ямада Синъити, Д. Хауэлл, Р. Сиддл [1; 4; 5; 6; 10; 13; 15; 16; 17] и др. Многие исследователи признают, что роль данного периода в развитии народа айну сложно переоценить, он стал переломным и в истории коренного народа, и в истории всей Японии. Преобразования и реформы, происходившие на острове в период Мэйдзи, не могли не привести к трансформации сложившегося уклада жизни малого народа, который к тому моменту был уже разорен и ослаблен, активно эксплуатируемый и притесняемый японцами. Многие современные проблемы айнов уходят своими корнями именно в период Мэйдзи, в связи с этим подробное изучение данного периода представляет большой интерес.

Освоение японцами Хоккайдо или Эдзо, как называли остров до переименования в 1869 г., происходило задолго до революции Мэйдзи. Правительство Бакуфу проявляло большой интерес к северным территориям и извлекало из их управления большие доходы. Однако политика правительства Мэйдзи на Хоккайдо оказалась гораздо более всесторонней и планомерной. Колонизация Хоккайдо стала важным шагом для правительства Мэйдзи, которое, с одной стороны, понимало необходимость разработки богатых природных ресурсов и полезных ископаемых. Ресурсы были необходимы Японии, стремящейся догнать в экономическом отношении западные страны и занять равноправное с ними положение, для того, чтобы ускорить развитие промышленности и поддержать растущую численность населения. Разработка ресурсов открывала возможности для решения проблемы безработицы и благоустройства разорившихся после социальных и экономических потрясений крестьян и мелких самураев, которые могли развивать сельское хозяйство и защищать границы государства. С другой стороны, остров имел важное стратегическое значение, так как для Японии было важно укрепить свои международные позиции в регионе, и, вместе с этим, обезопасить северные границы государства и создать определённого рода буферную зону, препятствующую продвижению России на Дальнем Востоке.

Для освоения острова был учрежден специальный орган – Кайтакуси, Комиссия по колонизации Хоккайдо. В разные периоды времени ей составлялись планы и программы, проекты по развитию сельского хозяйства, лес-

ного хозяйства, животноводства, рыбного хозяйства, разработки промышленности и месторождений полезных ископаемых, развития инфраструктуры Хоккайдо. В том числе Комиссия занималась и вопросами, связанными с аборигенами острова. Айны официально стали частью японского общества с принятием в 1871 г. Закона о семейной регистрации, который определил айнов как "простолюдинов", а в 1878 г. айны получили статус "бывших аборигенов" [8]. В 1872 г. в Японии прошла перепись населения, согласно которой, на Хоккайдо проживало 16 тыс. представителей коренного народа [11].

В первую очередь политика правительства затронула интересы коренного населения в вопросе, связанным с владением земель. Колонизация острова началась с освоения целинных земель и их заселением мигрантами из центральной части Японии, которые получали определенные финансовые преференции и льготы, что стимулировало приток японцев на остров. Политика оказалась результативной, в 1903 г. на Хоккайдо проживало около 845 тысяч японцев [11], что превышало айнское население в 50 раз. Были приняты несколько законов, регулирующих земельное право, налоговую систему, распределение и освоение территории. Согласно новым законам, Хоккайдо объявлялось собственностью императора, а земли, принадлежавшие айнским общинам, переводились в статус казенных земель. Реформы в сфере земельного права и освоения земель на острове Хоккайдо исследовали многие как зарубежные, так и российские авторы. Они отмечают, что по мере развертывания колонизации, мигранты вытесняли айнов все дальше в глубинные районы Хоккайдо, айны лишились своей земли, на которой жили испокон веков и рассматривали ее как владение духов [1, с. 83].

Вместе с реформами по освоению острова и развитию различных отраслей экономики начинает проводиться и политика по урегулированию жизни коренного населения острова, которая носила ассимиляционный характер. Российская исследовательница Лим С.Ч. в своих статьях выделяет два периода ассимиляционной политики. Она отмечает, что первоначально ассимиляция проходила умеренно, через так называемое "заботливое воспитание" туземного населения. В это время были приняты некоторые меры для того, чтобы поддержать аборигенов, хотя эти меры в целом носили поверхностный характер. В частности, правительство Мэйдзи разрешило аборигенному населению заниматься рыбным промыслом и выделяло финансы для поддержки айнов, которые ведут рыбное хозяйство, но эти меры были временными [8]. Кроме того, правительство поощряло занятие земледелием среди айнов, снабжая хозяйства айнов необходимым инвентарем, семенами и выделяя специальных людей, которые должны были обучить айнов основам сельскохозяйственной деятельности. Но айны, традиционно не занимавшийся земледелием, в большинстве своем не

смогли освоить земледелие и разжиться за счет ведения фермерских хозяйств. Однако изменение традиционного образа жизни и рациона питания айнов от рыбы и животной пищи к рису губительно сказались на здоровье и вызвали рост смертности среди представителей народа. 1912–1916 гг. были отмечены высокой смертностью среди аборигенов – до 25 %, в то время как по всему Хоккайдо смертность составляла 7,5 %.

Однако через несколько десятилетий произошло ужесточение политики ассимиляции. Оно начинается после обмена в 1875 г. Южного Сахалина на Курильские острова и поражения царской России в 1905 г., когда весь Южный Сахалин отходит к Японии. Ужесточение связано, по мнению С.Ч. Лим, со стремлением японского правительства предотвратить влияние России на Курилах и южной части Сахалина, и на аборигенное население, проживающее на этих территориях. С этого времени стремление Японии ассимилировать айнов усиливается и начинается планомерная деятельность, направленная на полное подчинение аборигенов Хоккайдо [4, с. 16].

На развитие ассимиляционной политики повлияла и господствующая в Японии идея этнической чистоты государства. Ассимиляция ставила целью подавить самосознание малого народа, растворив его в японском обществе. Многие столетия в Японии существовала идеология этнической гомогенности и однородности. Революция Мэйдзи в 1868 г. привела к тому, что национализм стал особой политической силой, которая способствовала консолидации общества для решения задач по модернизации страны и защиты национального суверенитета [3, с. 197]. В этот период окончательно сформировалась японская националистическая идеология, начала преобладать идея превосходства японцев над другими азиатскими народами, которая способствовала росту экспансионистских настроений. Японская нация воспринимала себя как единую общность с гомогенной идентичностью. Поэтому в сложившейся ситуации айны с отличной культурой, языком и внешностью в глазах японцев представлялись как дикари, которых необходимо цивилизовать. Именно из-за отличительных особенностей айнов в японском обществе сложились предрассудки по отношению к представителям коренного народа. Высмеивались легенды, связанные с происхождением айнов, их антропологические особенности, образ жизни, пища, одежда [6, с. 170].

Японское правительство вводило запреты на айнские обычаи, которые были признаны "варварскими". Японизация айнов началась еще при правительстве Бакуфу с указом 1807 г., который предусматривал приобщение айнов к японским традициям и обычаям, говорил о необходимости изучения ими японского языка, приучения к сельскому хозяйству, вводил запрет на проведение айнских ритуальных обрядов [1, с. 80]. Правительство

Мэйдзи ввело более строгие запреты на обычаи айнов, такие как обряд сжигание дома умершего человека для того, чтобы он мог им воспользоваться в своей загробной жизни, обычаи татуирования женщин, ношение ушных серег у мужчин, а также обрядовые жертвоприношения. Айнов обязали брать японские фамилии и менять внешний облик (мужчин заставляли стричь бороды). Вместе с этим, изменялся и традиционный уклад. Традиционными занятиями айнов всегда считались охота и рыболовство. В первое время правительство обещало наделить айнов особыми правами для ведения этих видов деятельности и освободить от налогов, связанных с ними. Однако, по мере того как вводились ограничения на обычаи, охота и рыболовство были также строго запрещены [8]. За несоблюдение запретов Комиссия по колонизации Хоккайдо ввела строгие наказания. Исследовательница Лим С.Ч., которая подробно изучила обычай татуировки у айну, отмечает, что в результате введенных запретов, резко уменьшилось число женщин с татуировкой. И к 30-м годам XX в. татуировку на руках можно было встретить только у женщин старше 50 лет [5, с. 111]. На сегодняшний день татуированных айнок уже не осталось. Во время традиционных праздников и обрядов некоторые женщины специально делают себе рисунок вокруг губ, отдавая дань обычаям предков.

Основным законом, отражающим политику правительства Мэйдзи по отношению к айнам стал Закон о защите бывших аборигенов Хоккайдо, который был принят Парламентом Японии в 1899г. По словам японских авторов, он был введен в связи с необходимостью преодолеть низкий уровень жизни айнского населения [8]. Закон содержит в себе 13 статей. 1–3 статьи регламентируют наделение айнов земельными наделами. В них говорится о том, что айнам, которые хотят заниматься сельским хозяйством, даруется земля, которая, однако, может быть конфискована через 15 лет в случае, если она не возделывается. Кроме того, айны освобождались на 30 лет от поземельного налога, но, не могли передавать дарованную землю по наследству. Проезд через айнские земли можно было осуществлять только по специальному разрешению Губернатора; 4 статья предусматривает обеспечение айнов необходимым инвентарем и семенами; 5 статья говорит об оказании медицинской помощи и выделении медикаментов для больных; в 6 статье оговаривается возможность предоставления материальной помощи инвалидам, больным и неимущим, а также похоронного пособия; 7 статья говорит об обеспечении образования для айнов; 9 статья предусматривает учреждение начальных школ для детей айнов; 11 статья наделяет Губернатора Хоккайдо правом издавать полицейские указы по защите аборигенов, 12 и 13 статьи регламентируют механизмы внедрения закона в силу [14].

8 и 10 статьи затрагивают вопросы, связанные с общественным (общим) имуществом айнов. Данные статьи

вызывают интерес в контексте судебных разбирательств, связанных с отменой данного закона в 1997 г. и последовавших за этим дискуссий относительно передачи общественного имущества айнам, которое ранее находилось в ведении Губернатора Хоккайдо.

8 статья говорит о том, что расходы, требуемые на осуществление 4–7 статей, покрываются за счет средств и прибыли от общественного имущества айнов. В случае если этих денег будет не хватать, то государство покроет оставшуюся часть расходов; 10 статья говорит о том, что общественное имущество айнов будет контролироваться Губернатором Хоккайдо [14].

Средства в фонд общественного имущества айнов поступали из двух основных источников:

1. Доходы от совместной хозяйственной деятельности айнов (например, от эксплуатации сельскохозяйственных и рыболовных угодий);

2. Субсидии, выделявшиеся преимущественно на образование айнов, в размере 3 тыс. йен: от Министерства императорского двора 1 тыс. йен, от Министерства культуры 2 тыс. йен [17].

Важно заметить, что не только отечественные, но и японские исследователи отмечали, что средства, направленные на улучшение благосостояния айнов, использовались местными чиновниками, в ведении которых находились эти средства, недобросовестно. Попытка исправить данную ситуацию отражена в статье 10 закона, согласно которой контроль над общественным имуществом айнов передавался Губернатору Хоккайдо.

Закон о защите бывших аборигенов Хоккайдо ничего не говорил об уникальной культуре, языке и традициях айнов, он не даровал айнам никаких прав и свобод, но вместе с тем, действовал почти целый век до 1997 г. Несмотря на то, что айнов наделили землей, большая часть из нее была непригодна для ведения сельского хозяйства, так как всю плодородную землю уже заселили мигранты из центральной Японии. Кроме того, по словам японского исследователя Ямада Синьити, деньги, дарованные Министерством императорского двора, которые должны были выразить добрую волю императора, на самом деле остались неизрасходованными по назначению [17]. Таким образом, закон не смог решить проблему низкого качества жизни айнов в том числе и потому, что на местном уровне не предпринимались необходимые меры. Российский этнограф С. А. Арутюнов, отмечает, что реформы Мэйдзи, которые были проведены якобы для сохранения традиций и прав народа, в частности такие как принятие "Закона о защите бывших аборигенов Хоккайдо", имели на самом деле только формальный характер. На самом деле они скорее способствовали "крестьянизации" айнов и, в конечном счете, привели к унификации народа [1, с. 84].

Политика Мэйдзи затронула и айнский язык, на использование которого были введены запреты, а как известно, языковая ассимиляция является важным этапом этнической ассимиляции. Вместе с тем, существовала проблема низкой грамотности айнского населения. Согласно статистическим данным 1916 г., только 30% айнов могли понимать японскую речь, 3% из которых были старше 40 лет [8]. Закон о защите бывших аборигенов Хоккайдо вводил обязательное образование айнов только на японском языке. Стали создаваться первые школы, в соответствии с Законом об образовании айнов, принятом в 1901 г. Сначала айны посещали учебные заведения отдельно от японцев, а с 1937 г. их стали обучать вместе с японскими детьми. Такие школы находились на бюджете государства и губернаторства. До создания государственных айнских школ на Хоккайдо существовали школы, возникавшие по инициативе частных лиц. Известны воскресные школы при англиканской церкви, которые создал английский миссионер Дж. Бэчелор. Его деятельность и сочувствие к маленькому народу создавали определенные трудности для японского правительства придерживавшихся жесткой политики ассимиляции. К 1937 г. учебные заведения Дж. Бэчелора были закрыты. К 1886 г. на всем Хоккайдо около 9,9 % представителей коренного народа школьного возраста посещали школы разного типа, в 1888 г. – 8,6 %. С 1919 г. по 1922 г. на Хоккайдо уже были созданы двадцать две начальные школы. К 1917 г. их количество сократилось, что было связано с резким уменьшением численности населения айнов [4, с. 18]. Благодаря введенным запретам, айнский язык стал все реже употребляться в том числе и внутри семей, это привело к его постепенному исчезновению. Сегодня ЮНЕСКО относит айнский язык к группе "языков, которые находятся в серьезной опасности" [12].

Кроме того, в школах детям-айнам продвигали идею о необходимости приобщения к цивилизованной японской культуре, что способствовало формированию негативного отношения айнов к своей культуре и происхождению. Политика в сфере образования айнов стремясь сделать айнов более цивилизованными также способствовала дальнейшей ассимиляции коренного народа, уничтожению уникальной культуры и языка, подавлению самосознания.

Происходила и этническая ассимиляция, смешанные браки были довольно распространенным явлением. Мигранты, приезжавшие на Хоккайдо, часто брали себе в жены айнок, которые охотно соглашались на брак, так как японцы жили зажиточнее, чем айны. Дж. Бэтчелор в 1939 г. отметил, что, хотя популяция народа в целом осталась прежней, около 17 тыс. человек, однако чистокровных айнов из них было, по его мнению, всего 2 тыс. [7]. Эта цифра, конечно, ничем не подтверждается, нет статистики, которая бы сказала сколько было чистокровных и смешанных айнов.

Преобразования, проводившиеся на острове в изучаемый период, нельзя оценить однозначно. С одной стороны, они способствовали росту населенных пунктов и городов на острове, развитию и модернизации промышленности. Реформы оказались результативными: к началу XX в. Хоккайдо стал рассматриваться как сфера приложения свободного капитала, обширная сельскохозяйственная база и крупный рынок сбыта продукции. Одновременно происходило стремительное обустройство транспортной сети повсеместно осваивались шахты, заводы, создавался фундамент современной промышленности.

Однако с другой стороны, эти реформы негативным образом отразились на жизни народа айну. Резкие изменения, произошедшие в айнском обществе, сильно повлияли на традиционную культуру, которая пришла в упадок, народ попал в тяжелое экономическое и социальное положение. Японский исследователь Оцука Кадзуёси сравнивает политические меры периода Мэйдзи в отношении айнов с теми, которые применялись Японией при аннексии Кореи в 1910 г. [15].

Сегодня Ассоциация айнов острова Хоккайдо, которая официально выражает интересы малого народа в Японии, заявляет, что все меры, введенные в действие с середины XIX – начало XX вв., делались в угоду новых властей без учета мнения местного населения. Японское правительство не интересовалось, как живут местные аборигены, как они привязаны к своей земле, сложившимся природным и бытовым условиям. Жизнь айнов начинала коренным образом меняться без их согласия, а земля, на которой жили их предки на протяжении многих веков, перестала принадлежать им в одночасье.

Как отмечают многие исследователи, у народа айну сложилась трагическая судьба, он оказался на стыке интересов 2х государств – России и Японии, стал жертвой их политики. Причиной такой жесткой дискриминационной политики Японии по отношению к малому народу стало соперничество с Россией на Дальнем Востоке. Айны, когда-то населявшие значительную часть Японских островов, к тому времени являлись аборигенами только Хоккайдо, Сахалина и Курил. Это противостояние Японии и России на Дальнем Востоке трагически отразилось на истории маленького народа, поставило под вопрос сохранение их как этноса.

Вместе с тем, несмотря на жесткую ассимиляционную политику, национальная гордость и самосознание малого народа сохранилось. Патриотов среди айнов было немало, они сумели накопить потенциал для того, чтобы в будущем бороться против существующей политики государства. Большое желание восстановить историческую справедливость позволило айнам в XX в. начать бороться за свои права и свободы, предпринять попытки возродить исчезающую культуру и язык, сплотиться перед

опасностью исчезновения. Протестное национальное движение формировалось постепенно (Общество Токати 1922 года, Ассоциация айнов острова Хоккайдо 1930 года). В результате деятельности этих организаций, происходили некоторые изменения в статусе аборигенов. Например, в 30-х годах XX века был частично пересмотрен Закон о защите бывших аборигенов, предоставивший женщинам айну право на трудоустройство в иных, чем сельское хозяйство, отраслях и отменивший обязательные школы для айну.

Современная государственная политика Японии способствует развитию движения за популяризацию айнского языка и культуры, а айны-активисты предпринима-

ют разнообразную деятельность для того, чтобы молодое поколение изучало родной язык и культуру, поддерживается и поощряется деятельность организаций, таких как Ассоциация айнов острова Хоккайдо, Фонд по изучению и продвижению культуры айнов, Айнская ассоциация региона Канто, Центры культуры и музеи, экспансирующие выставки, посвященные культуре малого народа. Кроме того, решается вопрос этнического образования айнов. Разработана и методика преподавания айнского языка, существует большое количество различных учебных пособий. Предпринимаются меры для преодоления дискриминации и стереотипов, сложившихся и укоренившихся в японском обществе, а также меры для увеличения уровня доходов и образования айнов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А., Щебенков В.Г. Древнейший народ Японии: судьбы племени айнов. М.: Наука, 1992. 208 с.
2. Горян Э.В., Нетрусов Ю.Ю. Признание Россией айну коренным малочисленным народом как фактор решения территориального спора с Японией // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. №4. С. 135 – 149.
3. Крупяно М.И. Япония: идеология государственного национализма / М.И. Крупяно, Л.Г. Арешидзе // История и современность. – № 2, 2010. – С. 190–197.
4. Лим С.Ч. Японская государственная политика в организации системы туземного (айнского) образования и японо-российское соперничество на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начало XX вв. /С.Ч. Лим// Гуманизация образования. – 2015. – № 1. – С. 16–21.
5. Лим, С.Ч. История татуировки айнов Сахалина и Хоккайдо / С.Ч. Лим // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. –2013. – № 3. – С. 105–112.
6. Осипова М.В. Традиционная педагогическая культура айнов вчера и сегодня / М.В. Осипова // Россия и АТР. – 2017. – №2. – С.162–176.
7. Christchurch N. Z. the Ainu People of Northern Japan. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:URL: http://www.jpas.auckland.ac.nz/document/Volume_57_1948/Volume_57%2C_No._3/The_Ainu_people_of_Northern_Japan%2C_by_I.L.G._Sutherland%2C_p_203-226/p1
8. Final Report. Advisory Council for Future Ainu Policy. July 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainu/dai10/siry-ou1_en.pdf
9. Heinrich, P. The Making of Monolingual Japan: Language Ideology and Japanese Modernity. – U.K.: Multilingual Matters, 2012. – 204 pp.
10. Howell, D. Geographies of Identity in Nineteenth-Century Japan. Los Angeles: University of California Press. 2005. – 261 p.
11. Hokkaido Ainu Population, 1872. Hokkaistory. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://hokkaistory.ca/content/hokkaido-ainu-population-1872>
12. Japan: Eight endangered languages in the Japanese archipelago // Global voices. 5 July 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://globalvoicesonline.org/2009/07/05/japan-eight-endangered-languages-in-the-japanese-archipelago/>
13. Siddle, R. Race, Resistance and the Ainu of Japan – NY: Routledge, 1996. – 284 p.
14. 北海道旧土人保護法. (Hokkaidokyudojinhogoho. Закон о защите бывших аборигенов Хоккайдо). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.geocities.jp/nakanolib/hou/hm32-27.htm>
15. 大塚和義. 現代におけるアイヌ民族自立運動に関する諸問題 (Otsuka Kazuyoshi. Gen-dai ni o keru a i nu-min-zoku ji Tachi un do ni kan suru sho toi dai. Оотсука Каздзюёси. Некоторые вопросы относительно современного национального движения айнов). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://ir.minpaku.ac.jp/dspace/bitstream/10502/1749/1/SER50_013.pdf
16. 小川正人. 「北海道旧土人保護法」・「旧土人児童教育規程」下のアイヌ学校 (Ogawa, Masahito. "Hokkaido kyudojin hogoho". "Kyudojin jido kyoiku kitei" sita no ainu gakkou." Устройство айнских школ и установление "Закона о защите бывших аборигенов Хоккайдо", "Правил обучения детей бывших аборигенов"). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/29386/1/58_P197-266.pdf
17. 山田伸一. 「北海道旧土人保護法」以前の十勝アイヌの共有財産について (Yamada Shinichi. Hokkaidokyudojinhogoho' izen no Tokachi Ainu no kyoyu zaisan ni tsuite. Ямада Синичи. Об общественной собственности айнов уезда Токати). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.fprac.or.jp/about/files/sem2013.pdf>

КОМИТЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. КЕННЕДИ В ОТНОШЕНИИ КНР в 1960-1963-х годах

COMMITTEE ON FOREIGN RELATIONS
AND THE POLICY OF THE ADMINISTRATION
OF J. KENNEDY IN RELATION TO THE PRC
in the 1960-1963-ies

Cheng Guo

Annotation

This research work takes the Senate Foreign Relations Committee as the focal point for discussing the role of the Senate committee and developing the policy of the Senate of China during the era of J. Kennedy's presidency. This article argues that, despite the intention of J. Kennedy to review the existing Chinese policy and with the support of the majority of the Senate Committee on Foreign Relations, the Senate remained deeply hostile to China. If Kennedy offered to reconcile with China at that time, the political risk was too high. The author questioned the popular existing hypothesis that "if Kennedy was not killed and re-elected, US policy in China would change his term."

Keywords: USA, China, US policy towards China, Senate Committee on Foreign Relations; Administration of J. Kennedy; J. Fulbright; A. Schlesinger.

Чэн Го

Аспирант,

*Российский университет
дружбы народов*

Аннотация

Эта исследовательская работа принимает Сенатский комитет по международным отношениям в качестве координационного центра для обсуждения роли комитета Сената и разработки политики Сената Китая в эпоху президентства Дж. Кеннеди. В этой статье утверждается, что, несмотря на намерение Дж. Кеннеди пересмотреть сложившуюся китайскую политику и при поддержке большинства Комитета Сената по международным отношениям, Сенат оставался глубоко враждебным по отношению к Китаю. Если бы Кеннеди предложил примириться с Китаем в то время, политический риск был слишком высоким. Автор поставил под вопрос популярную существующую гипотезу о том, что "если бы Кеннеди не был убит и переизбран, политика США в Китае изменила бы его срок".

Ключевые слова:

США, КНР, политика США в отношении Китая, Сенатский комитет по международным отношениям, Администрация Дж. Кеннеди, Дж. Фулбрайт, А. Шлезингер.

В период президентства Дж. Кеннеди было много дискуссий о политике США в отношении Китая. В целом, ученые сосредоточились на взглядах и взглядах обеих сторон на другую сторону этого периода и влиянии этих взглядов на процесс разработки политики в США. В то же время, гипотеза "если президент Кеннеди не был бы убит и переизбран, его политика в отношении Китая могли бы стать серьезной поправкой" – одна из тем, на которую фокусируются ученые.

Эта гипотеза первоначально была предложена людьми, которые работали старшими должностными лицами в администрации Кеннеди. Это Артур Шлезингер, старший советник президента Кеннеди; Теодор Соренсен, специальный помощник Кеннеди; и Роджер Хилсман, директор разведки Государственного совета [1]. Некоторые ученые отметили, что в целом историки подтвердили оценку внешней политики администрации Дж. Кеннеди до 1970-х годов, Дж. Кеннеди изображался как мировой лидер. Но после 1970-х годов внешняя политика Кеннеди была пересмотрена, положительный имидж Кеннеди подвергся критике и исправлению, эта тенденция была распространена на 90-е годы.

Конечно, эта гипотеза привела к большим дискуссиям среди ученых. Некоторые ученые полагали, что даже если бы президент Дж. Кеннеди не был убит и переизбран на пост президента США в отношении Китая по-прежнему имела серьезные изменения. Это произошло не потому, что, как сказал А. Шлезингер, Дж. Кеннеди не рассчитывал на эту возможность, поскольку такой возможности никогда не было. Фактически, по воспоминаниям А. Шлезингера, по вопросу политики Китая, сам Кеннеди также считал, что присутствие Китая является долгосрочной угрозой "миру". Кроме того, А. Шлезингер никогда не упоминал в своих мемуарах, как Дж. Кеннеди и его советники будут взаимодействовать с Китаем, если будет реализована "гибкая внешняя политика Дж. Кеннеди" [2].

В Конституции США основное внимание уделяется оценке законодательной власти США через ретроспективное отношение Комитета Сената по внешним отношениям в отношении Китая в эпоху Кеннеди, особенно влияние Сената на разработку политики США в Китае. Согласно 2-й статье 2 статьи 2 Конституции США толь-

ко Сенат имеет право участвовать в рассмотрении и решении Соединенных Штатов о разработке иностранных договоров и назначении иностранных послов от имени Конгресса. В этом смысле комитет имеет значительное влияние, как и один из самых уважаемых комитетов Сената [3].

1. Взгляд Дж. Кеннеди и Дж. Фулбрайта на американскую дипломатию

Демократический президент Дж. Кеннеди скорректировал внешнюю политику республиканского президента Д. Эйзенхауэра в 1961 году. Он увековечил военное сдерживание с нежеланием предоставлять концессии до достижения желаемых коммунистических реформ в Китае. Он считает, что новая внешняя политика должна быть гибкой, чтобы адаптироваться к международной обстановке, особенно к развивающимся странам, и к разнообразию региональных ситуаций, предоставляя помощь развивающимся странам.

После вступления в должность Дж. Кеннеди заявил о своей готовности "заняться самой глубокой и эмоциональной оппозицией во всем коммунистическом Китае", если Китай примет его "будущие мировые" принципы [4]. По этому поводу взгляды Дж. Кеннеди совпали с мнением председателя Сената по международным отношениям Джеймса Уильяма Фулбрайта. Дж. Фулбрайт не полностью доверял внешней политике США. Он указал на пленарном заседании Сената в 1961 году, что "внешняя политика США имеет свои недостатки и ограничения, поскольку мы не являемся всеведущими и всемогущими" [5]. Например, по признанию вопроса о статусе Китая государственному секретарю Раску с Дж. Кеннеди вначале поддержал подход, основанный на двух Китаех, по мнению Раска: "после Второй мировой войны на самом деле появилось два Китая [6].

В начале 1960-х годов председатель Уильям Фулбрайт сильно столкнулся с крайне правыми силами, возглавляемыми республиканским сенатором Барри Голдуотером по вопросам внешней политики США. Дж. Фулбрайт также представил министру обороны Роберту Макнамаре просьбу к Министерству обороны принять меры для прекращения различных лекций и учебных занятий по "коммунистическим угрозам", организованных правым крылом. По словам А. Шлезингера, помощь администрации Кеннеди развивающимся странам в ее новой внешней политике находилась под влиянием идей Дж. Фулбрайта.

1961 год стал годом сотрудничества между Дж. Кеннеди и Комитетом Сената. В течение этого периода главные члены Комитета, включая Уильяма Фулбрайта, лидера большинства сената Майка Мэнсфилда, республиканского сенатора Джорджа Айкена и других, публично поддержали внешнюю политику Дж. Кеннеди. В частности, во Вьетнамском вопросе они не только согласились, что Америка должна отправить войска в Индокитай, но

также согласилась с тем, что Конгресс должен поддерживать каждый срок президентского решения о вмешательстве в Индокитай.

В целом отношение Дж. Кеннеди к Китаю не последовало. В конце 1940-х годов, будучи конгрессменом демократов, Дж. Кеннеди заявил, что президент Г. Трумэн должен нести ответственность за падение националистов и победу коммунистов в Китае.

К 1950-м годам Дж. Кеннеди по-прежнему считал, что Китай – опасная страна, которая угрожает миру. Только в конце 1950-х годов отношение Дж. Кеннеди к Китаю постепенно изменилось. Это было позже использовано на президентских выборах 1960 года Никсоном, чтобы засвидетельствовать, что Кеннеди был слабым перерод "экспansionистом" [7].

Несмотря на предположения ученых, что Кеннеди будет смело двигаться к улучшению отношений между Китаем и США, если он будет выполнять два срока. История показывает, что Дж. Кеннеди не имеет большой производительности для содействия китайско-американскому примирению.

Вспоминая китайско-американские отношения, бывший член Комитета Майкл Мэнсфилд не согласился с этим. Он считал, что если Кеннеди сможет выжить, он сможет найти выход от тупика китайско-американских отношений, а не любого крупного шага. Потому что политический риск слишком высок, чтобы вмешиваться в проблему Китая. Кеннеди никогда не разговаривал с Мэнсфилдом по вопросу о Китае в свое время, хотя Мэнсфилд предположил, что изменение китайско-американских отношений может сначала проверить возможность обмена журналистами между обеими сторонами, а затем признание Монголии.

Джордж Макговерн, специальный помощник Кеннеди, сказал, что в 1960-х годах американская дипломатия "мудрость" была не в Белом доме, а в Сенате, в руках Мэнсфилда, Дж. Фулбрайта и Айкена, но, к сожалению, Кеннеди не принимал большую часть их предложения [8].

2. Новое мышление Дж. Кеннеди о политике Китая и реакции Сената и Конгресса

Политика США в отношении Китая в основном затрагивала следующие аспекты в эпоху Дж. Кеннеди: признание Китая; места Китая в ООН; китайско-советский раскол; должны ли Соединенные Штаты оказывать помощь Китаю для смягчения нехватки продовольствия в Китае, развития ядерного оружия в Китае, а также попытки Чан Кай-ши контратаковать материк и другие вопросы.

В начале 1960 года журнал *Foreign Affairs* опубликовал две статьи: "Ввод первых вещей" Эдлай Стівенсона и "Китайская проблема, пересмотренная" Честера Боулза [9], целью которых является открытие нового мышления Дж. Кеннеди о Китае.

Позднее Стивенсон работал послом США в ООН, а Боулз занимал пост заместителя госсекретаря. Как и старшие помощники Дж. Кеннеди, оба они утверждали, что Соединенные Штаты должны изменить политику Китая и столкнуться с реальностью "двух Китаев" [10]. В 1960 году ООН проголосовала за место Китая. В результате 24 голосов за, 42 против 22 и 22 воздержавшихся голоса оппозиции снизились до минимума в 10 лет. Столкнувшись с таким результатом, Дж. Фулбрайт публично предсказал, что присоединение Китая к Организации Объединенных Наций является лишь вопросом времени [11]. Это предсказание естественно вызвало недовольство некоторых американцев. Некоторые военные чиновники писали Дж. Фулбрайту, обвиняя его в том, что он жертвует интересами национальной безопасности, чтобы угодить международным коммунистическим силам.

Кроме того, из-за более ранних замечаний о "иностраных делах" о новом мышлении Китая Эдлай Стивенсон и Честер Боулз были допрошены Комитетом по международным отношениям Сената, особенно членами Республиканской партии, на слушании по кандидатуре. Стивенсон смутился, чтобы объяснить Комитету, почему его отношение к китайскому вопросу в настоящее время (1961) и прошлое (1960) было бы противоречивым. Стивенсон, наконец, заявил, что на самом деле хотел сказать, что Соединенные Штаты должны сотрудничать с Москвой, а не с Пекином [12].

Слушания Комитета по Боулсу проводились в Китае и китайско-американских отношениях. На слушании Боулз прямо сказал комитету, что он выступает против признания Китая сейчас, потому что Китай является "экспансионистским" и представляет угрозу для Соединенных Штатов, и он был убежден в том, что американские ценности принимают на себя ответственность за оборону Кинмен и Мацу оправдана [13].

Что касается вопроса о местонахождении Китая в ООН, Боулз сначала принял сторону избегания, заявив, что это "очень сложная проблема". Наконец, когда республиканский сенатор Айкен приказал Боулсу выбрать выбор между Китаем и Тайванем по вопросу о силе ООН, Боулз должен был повторить заявление, свидетельствующее о том, что "позволяет Китаю вступить в ООН, не отвечает интересам Соединенных Штатов, Соединенные Штаты не должны полностью передавать этот вопрос ООН в соответствии с ее процедурами и правилами, поскольку это принесет пользу Китаю" [14].

Раск признался, что знает о присутствии и сильной власти Китая и знает, что это значит для Соединенных Штатов, но он не намерен устанавливать дипломатические отношения с Китаем. На слушании Хикенлупер неоднократно спрашивал Раска о процессе коммуникации между президентом, госсекретарем и другими советниками президента, опасаясь, что Стивенсон и Боулз будут вводить в заблуждение Раск [15].

После того, как Кеннеди вступил в должность, консер-

вативные силы, которые настаивали на примирении с Китаем в Конгрессе, активизировали свою деятельность. 19 февраля 1961 года антикоммунистическая организация "Миллионная комиссия" заявила в *Washington Post*, что заявление о продолжении противодействия вступлению Китая в ООН собрало подписи 54 сенаторов и 285 конгрессменов, в том числе 9 членов из 17 членов Сенатского комитета по международным отношениям и 22 из 33 членов Комитета по международным отношениям Конгресса [16].

Более того, консерваторы Сената во главе с лидером меньшинства Эвереттом Дирксеном разработали С. Кон. Местожительство 22, чтобы предупредить нового президента и его кабинет. Этот законопроект подтвердил противодействие Сената признанию признания Китая и Китая в ООН, лидером большинства в Сенате Мэнсфилдом в качестве члена Комитета Сената по международным отношениям был один из этих инициаторов. До этого Сенат вновь подтвердил свою оппозицию признанию Китая через резолюцию почти каждый год. Роджер Хилсман в своих воспоминаниях писал, что, хотя все эти резолюции все еще актуальны, лидер меньшинства Сената Эверетт Дирксен недоверчиво относился к решению Государственным советом вопросов Китая и думал, что Сенату необходимо будет решительно "подбодрить общественное мнение". Кроме того, член Комитета по международным отношениям Додд также участвовал в антикитайской пропагандистской деятельности, спонсируемой представителем республиканского дома Уолтером Джаддом, обвиняя Китай в международном обороте наркотиков. В сентябре 1961 года Комиссия "Миллион" начала новый раунд демонстраций и пригрозила, что, если Китаю будет разрешено войти в ООН, организация начнет публичные действия, чтобы вывести Соединенные Штаты из состава Организации Объединенных Наций. Если этот результат верен, внешняя политика Кеннеди столкнется с катастрофой [17].

Несмотря на враждебность и жесткую линию Сената, Белый дом не испытывал оптимизма в отношении перспективы продолжать сдерживать и изолировать Китай и препятствовать вступлению Китая в Организацию Объединенных Наций в условиях международных призывов к замене Тайваня Китаем. В этом случае секретарь Раск не скрывал перед Комитетом [18]. Далее Раск сообщил Комитету, что большинство членов ООН считают националистическое правительство единственным законным правительством Китая – большая шутка, в то время как Соединенные Штаты по-прежнему упрямы.

Администрация Дж. Кеннеди изо всех сил пыталась разоблачить с монгольским вопросом, это можно подтвердить в показаниях слушаний Комитета по международным отношениям в июне 1963 года. В основном слушания были посвящены текущим проблемам внешней политики США, представленным Раском в отношении иностранных отношений Комитет. Когда сенатор-демократ Стюарт Симингтон упомянул, что власти КМТ по-

прежнему будут тяжелым бременем для Соединенных Штатов и спрашивают о возможности примирения с Китаем, Риск ответил, что если Соединенные Штаты покинут Тайвань в это время, последствия будут катастрофическими [19].

Позже, вспоминая влияние Конгресса на политику США в отношении Китая в период Кеннеди, Риск утверждал, что если бы Кеннеди осмелился оспаривать нынешнюю политику Китая и выступать за более реалистичный подход, тогда "Китайский блок", республиканцы и многие члены Конгресса не смогли его пощадить, ему грозит политическая катастрофа. После глубокого рассмотрения Кеннеди решил не рассматривать переоценку текущей политики в отношении Китая в течение своего первого срока.

В целом, независимо от того, какую политику Китая Кеннеди хотел преследовать, он должен столкнуться с вызовом Конгресса, и Конгресс сформировал очень глубокие предрассудки и враждебность по отношению к Китаю за последние 10 лет, затронутые менталитетом "холодной войны". Новое мышление Дж. Кеннеди по внешней политике не достигло значительного прогресса. Хотя Дж. Фулбрайт не был доволен этим, он по-прежнему считает, что президент обладает высшим авторитетом в решении вопросов китайско-американских и советско-американских отношений [20].

ВЫВОДЫ

В эпоху президентства Дж. Кеннеди роль Комитета по иностранным делам Сената была неактивной в разработке политики Китая. У Комитета была независимость, но в основном он дал решение о том, как обращаться с Китаем в Белый дом. Кроме того, Комитет в основном достиг консенсуса с политикой Белого дома по Китаю и выполнил Конституцию США и предоставил совет и поддержку Белому дому. В этом смысле Комитет по иностранным делам был фактически лидером, который, как законодательный орган, трудно оказать существенное влияние на политику Китая в Белом доме.

После окончания Корейской войны политика США в отношении Китая была "решена пылью". В эпоху Эйзенхауэра Китай считался "более опасным врагом", чем Советский Союз в глазах многих людей в Конгрессе, Китай представляет собой угрозу, которая стала беспорядным здравым смыслом для всего Конгресса. Перед лицом "общественного мнения" представителей Конгресса. Независимо от того, кто является президентом, выдвигаемые с другой политикой Китая, должны иметь высокий политический риск. С этой точки зрения гипотеза "если президент Кеннеди не будет убит и переизбран, отношение и политика в отношении Китая в его кабинете могут стать серьезной поправкой" трудно установить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Noam Kochavi, *A Conflict Perpetuated: China Policy during the Kennedy Years*, Westport, 2002, p.24.
2. Arthur Schlesinger, *A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House*, 1967, p.825.
3. James Gould, "The Origins of the Senate Committee on Foreign Relations," *The Western Political Quarterly*, Vol.12, No. 3, September 1959, p.670.
4. John F. Kennedy, "Where We Stand," *Look Magazine*, 15 January 1963
5. William Fulbright, *Congressional Record*, 87th Cong., 1st sess., Jul. 24, 1961.
6. Rusk, *As I Saw It*, 284–285; FRUS, 1961–1963, XXII, 30.
7. James Fetzner, *Clinging to Containment: China Policy*, p.179–180.
8. Gerald and Deborah Strober, *An Oral History of the Kennedy Presidency*, Harper Collins Publishers, 1993, p.261; p.491;
9. Chester Bowles. *Promise to Keep. My Years in Public Life. 1941–1969*. N. Y.: Harper & Row
10. Adlai Stevenson, "Putting First Things First: A Democratic View," *Foreign Affairs*, Jan. 1960, Vol. 38, No. 2, p.191–208; Chester Bowles, "The China Problem Reconsidered," *Ibid.*, Apr. 1960, Vol. 38, No. 3, p.476–486.
11. *Congressional Quarterly, China and US Far East Policy, 1945–1966*; Washington: Congressional Quarterly Press, 1967, 100.
12. Hickenlooper, Stevenson, Congress, Senate, Proposed Nomination of Adlai Stevenson as United States Representative to the UN: Hearing before the Committee on Foreign Relations, Jan. 12, 1961, 87th Cong., 1st Sess. Washington: US Government Printing Office, 1961, p.17–18.
13. John Sparkman, Chester Bowles, Congress, Senate, Committee on Foreign Relations, Nomination of Chester Bowles, Under Secretary of State Designate: Hearing before the Committee on Foreign Relations, Jan.
14. Bowles, *Ibid.*, 34; Rusk, Congress, Senate, Committee on Foreign Relations, Nomination of Dean Rusk Secretary of State Designate: Hearing before the Committee on Foreign Relations, Jan. 12, 1961, 87th Cong., 1st Sess. Washington: US Government Printing Office, 1961, p.33.
15. Hickenlooper, Rusk, Congress, Senate, Nomination of Dean Rusk Secretary of State Designate: Hearing before the Committee on Foreign Relations, p.13–14.
16. Bachrack S. D. *The committee of one million: "China lobby" politics, 1953–1971*. N. Y.: Columbia University Press, 1976.
17. Roger Hillsman, *To Move a Nation: The Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy*, 1967, p.309.
18. Memorandum of Conversation on Problems Related to China, Washington, Feb. 3, 1961, US Department of State, FRUS, 1961–1963 vol. XXII, China, http://www.state.gov/www/about_state/history/frusxxii/01to50.html;
19. Stuart Symington, Rusk, Karl Mundt, Congress, Senate, Committee on Foreign Relations, Briefing by Secretary of State on Current Foreign Policy Problems: Hearing before Committee on Foreign Relations, Jun. 5, 1963, 88th Cong., 1st sess. Washington: US Government Printing Office, 1963, p.80–81.
20. *Re-examining the Cold War: U.S.–China Diplomacy, 1954–1973* / R. S. Ross and J. Changbin (eds.). Cambridge: Harvard University Press, 2001.

ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ОВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОВЫМИ НАВЫКАМИ В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗ-а

TEACHING THE GRAMMATICAL STRUCTURE
OF A LANGUAGE AS A FACTOR
OF SUCCESSFUL TRAINING OF LANGUAGE
SKILLS IN THE FORMATION OF STUDENTS
COMMUNICATIVE COMPETENCIES
IN HIGHER SCHOOL

*O. Volodina,
I. Dorokchina*

Annotation

The article deals with the problems of teaching a foreign language grammar as a part of educational process of the university. The importance of aspects of studying grammar that ensure the productivity of a foreign language teaching content and its structure are substantiated. The concept of the grammatical structure of the language is defined, the essence of the process of grammatical skills formation in the process of forming the communicative competence of students is revealed, and the problems of teaching the grammar of a foreign language are revealed.

Keywords: foreign language, university students, teaching grammar, problems of teaching grammar, arguments in defense of studying the grammatical structure of the language, communicative competence.

Володина Ольга Викторовна

Ст. преподаватель,

*Ростовский государственный
экономический университет, РИНХ*

Дорохина Ирина Владимировна

К.п.н., доцент,

*Ростовский государственный
экономический университет, РИНХ*

Аннотация

В статье актуализируются проблемы обучения грамматике иностранного языка в рамках образовательного процесса вуза. Обоснована значимость аспектов изучения грамматики, обеспечивающих продуктивность содержания обучения иностранному языку и его структуре. Определено понятие грамматической структуры языка, раскрыта сущность процесса формирования грамматических навыков в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов, а также выявлены проблемы обучения грамматике иностранного языка.

Ключевые слова:

Иностранный язык, студенты вуза, обучение грамматике, проблемы обучения грамматике, аргументы в защиту изучения грамматического строя языка, коммуникативная компетенция.

Обучение иностранному языку студентов вуза на сегодняшний день рассматривается как проблема, актуальность которой базируется на необходимости использования инновационных подходов и технологий, способствующих продуктивному формированию адекватных целевых установок в контексте иноязычной коммуникации в различных сферах жизнедеятельности будущего специалиста, и, прежде всего, в профессиональной.

Важность этих проблем неоднократно была отмечена в исследованиях различных ученых (Т. А. Барановской, О. Ю. Ивановой, П. И. Образцова, Е. И. Пассова, М. М. Филатчевой и др.) [1; 3; 4; 5].

Это является одной из наиболее объективных потребностей современного социума, которая на настоящем этапе развития системы образования выражается в по-

иске эффективных путей организации образовательного процесса в контексте иноязычной коммуникации, обеспечивающей продуктивность содержания обучения иностранному языку и его структуре. Становятся актуальными проблемы, связанные с внедрением в образовательный процесс различных стратегий обучения иностранному языку, для эффективного обучения которым особое внимание педагога должно уделяться моделированию образовательного пространства.

В данном исследовательском направлении следует особое внимание уделять обучению именно грамматической языковой структуре в связи с происходящей трансформацией обучения иностранному языку. В связи с этим, в соответствии с выбранной темой была определена цель исследования, заключающаяся в выявлении актуальных для современности проблемы обучения грамматике иностранного языка.

Знания грамматики иностранного языка, а также грамматические умения и навыки являются важнейшими элементами языковой коммуникативной компетенции. В связи с этим методология обучения грамматическому строю речи является спектром творческого педагогического поиска, способного обеспечить эффективность обучения грамматической структуре языка. К сожалению, традиционно существующие формы и методы обучения функциональной стороне грамматического навыка не занимают главенствующей роли, оставляя первостепенность усвоению форм.

Формирование грамматического навыка при обучении иностранному языку зачастую заменяется объяснением грамматического значения. В иных случаях обучающиеся знакомятся с грамматической структурой языка, но недостаточно владеют ею в языковой употребительной практике. Тем не менее, обучение грамматической структуре языка является один из важнейших факторов эффективности овладения языком и формирования языковой коммуникативной компетенции.

Понятие грамматического строя языка связывают с различными разделами науки о языке. Сюда относят фонетику и словообразование, разделы фразеологии и стилистического оформления устной и письменной речи, а также включают и элементы лексикологии.

Некоторые авторы определяют данное понятие в контексте строя языка и, как соответствие, область науки об этом строе [4].

Существует оправданное мнение о том, что грамматический строй является структурой языка и опосредуется в речевых конструкциях [2].

Значение грамматических структур различных языков, как правило, является достаточно сложным для изучения. Это происходит потому, что, к примеру, в английском языке нужно не только знать, а также понимать времена глаголов, но и учитывать разницу, которая присутствует при употреблении определенных времен в различных ситуациях.

Место грамматики при обучении иностранному языку имеет очень важное значение. По мнению различных ученых, грамматический строй языка может по-разному восприниматься обучающимися: иные интуитивно чувствуют особенности грамматической структуры и изучение грамматических форм ложится достаточно легко в основу приобретения грамматического навыка; некоторые также с удовольствием откликаются на всевозможные встречающиеся формулировки и довольно быстро начинают употреблять их в дискуссиях [6].

У ряда обучающихся, каковых большинство, возникают определенные трудности при обучении грамматической структуре языка и в таком случае уже выявляется необходимость выделения грамматики в отдельные занятия, которые позволяют рассматривать обучение грамматической структуре языка как двойственному процессу изучения строя и приобретения навыка.

Однако, все же многие языковеды считают, что грамматика достаточно сложна и не является первостепенной (или даже равностепенной) при обучении иностранному языку.

Раскрывая важность обучения грамматическому строю речи, Scott Thornbury "How to teach grammar" (Longman, 1999) выдвинул ряд аргументов в защиту значимости тщательного изучения грамматики и формирования грамматического навыка:

- ◆ *аргумент конструкции предложения*, который не удовлетворяет предположению того, что существует включение изучения единиц языка (слов и фраз) в сам процесс обучения иностранному языку; это происходит в связи с тем, что существует, по мнению лингвиста, лимит воспроизводимых структурных единиц, который однажды может закончиться; если же обучающийся обладает определенными знаниями грамматики и имеет сформированный грамматический навык, то такой языковой "запас" способствует удовлетворению потребности обучающегося в свободном образовании грамматических конструкций;

- ◆ *аргумент смыслового значения*, который позволяет глубже понять суть, смысл и значение той или иной грамматической конструкции;

- ◆ *аргумент самостоятельного формирования грамматического навыка*, основанный на потребностно-мотивационной сфере обучающегося, которая обеспечивает продуктивность и результативность изучения иностранного языка;

- ◆ *аргумент тьюторского сопровождения*, который показывает, что грамматический навык формируется быстрее и эффективнее, если обучающего сопровождает педагог;

- ◆ *аргумент грамматических единиц*, который дает понятие того, что язык не является напичканной бесформенной массой, а структурирован в специфические блоки правил; грамматика приводит язык в порядок, организовывая его в определенные категории, чем делает сам язык адаптированным для обучающихся [7].

Таким образом, мы видим, что обучение грамматическому строю языка является достаточно сложным и важным для формирования коммуникативной компетенции процессом, который имеет определенные трудности и требует поиска творческих эффективных путей его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановская, Т. А. Теория и практика обучения иностранному языку. Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции) / Т. А. Барановская. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. – С. 11–17.
2. Миньяр-Белоручев, Р. К. "Примитивная" грамматика для изучающих иностранный язык / Р. К. Миньяр-Белоручев // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 4. – с. 27–29.
3. Образцов, П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов / П. И. Образцов, О. Ю. Иванова. – Орел: ОГУ, 2005. – 114 с.
4. Пассов, Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам / Е. И. Пассов. – Изд-во "Русский язык". – 1998.
5. Филатчева, М. М. Формирование речевых навыков у студентов неязыковых вузов. Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции) / М. М. Филатчева. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. – С. 163–172.
6. Wajnryb, Ruth. Grammar. Dictation. Resource books for teachers/ Ruth Wajnryb. – Oxford University Press. – 230 p.
7. Thornbury, Scott. How to teach grammar / Scott Thornbury. – Longman, 1999. – 182 p.

© О.В. Володина, И.В. Дорохина, (sirotinetsov@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕШТАТНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ И ЕГО ОЦЕНКА

ASSESSMENT OF THE LEVEL OF READINESS OF COLLEGE STUDENTS TO WORK IN CONDITIONS OF ABNORMAL PRODUCTION SITUATIONS

A. Kivileva

Annotation

The article discusses the issue of increasing the level of formation of readiness of students GAPO "Regional technical College" to work in conditions of abnormal production situations using problem-based learning. As it is still in the public consciousness has not formed the understanding that one of the main factors of safe operation of production facilities, reduction of natural and technogenic dangers is the level of professional training of specialists and managers. That is why today there is a need of formation of readiness of College students to work in conditions of abnormal production situations.

Keywords: student SPO, emergency production situation, problem-based learning.

Кивилева Анна Вячеславовна

*ГАПОУ "Краевой политехнический колледж",
Пермский край, г. Чернушка*

Аннотация

В статье рассматривается вопрос повышения уровня сформированности готовности студентов ГАПОУ "Краевой политехнический колледж" к деятельности в условиях штатных производственных ситуаций через проблемное обучение, риск-ориентированный подход. Так как до сих пор в общественном сознании не сформировано понимание того, что одним из главных факторов безопасного функционирования производственных объектов, снижения природных и техногенных опасностей является уровень профессиональной подготовки специалистов и руководителей. Именно поэтому на сегодняшний день возникает необходимость формирования готовности студентов колледжа к деятельности в условиях штатных производственных ситуаций.

Ключевые слова:

Студент СПО, штатные производственные ситуации, проблемное обучение.

Формирование готовности студентов колледжа к деятельности в условиях штатных производственных ситуаций как одного из ведущих результатов профессиональной подготовки в современных условиях является актуальной проблемой профессионального образования в условиях ФГОС.

Сегодня под проблемным обучением понимается такая организация учебных занятий, которая предполагает создание под руководством преподавателя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность обучающихся по их разрешению, в результате чего и происходит формирование готовности студентов колледжа к деятельности в условиях штатных производственных ситуаций.

Под штатными или чрезвычайными ситуациями понимаются внешние воздействия, приводящие к невозможности функционирования предприятия в обычном, регламентируемом соответствующими стандартами данного предприятия режиме.

К таким внешним воздействиям в первую очередь относятся:

- ◆ Отключение электроэнергии;
- ◆ Пикетирование и забастовки;
- ◆ Прорывы водопровода или канализации;
- ◆ Террористические акты или их угроза;
- ◆ Выход из строя кондиционеров;
- ◆ Гражданские беспорядки;
- ◆ Пожары;
- ◆ Локальные конфликты;
- ◆ Природные катаклизмы.

В качестве мер по повышению уровня безопасности функционирования производственных объектов Правительством Российской Федерации в 2011 году была одобрена "Концепция совершенствования государственной политики в области обеспечения промышленной безопасности с учетом необходимости стимулирования инновационной деятельности предприятий на период до 2020 года". Основная задача данного документа – обеспечение безопасной эксплуатации производ-

ственных объектов, использование риск-ориентированного подхода.

Однако до сих пор в общественном сознании не сформировано понимание того, что одним из главных факторов безопасного функционирования производственных объектов, снижения природных и техногенных опасностей является уровень профессиональной подготовки специалистов и руководителей.

Именно поэтому на сегодняшний день возникает необходимость формирования готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций как компонентов культуры безопасности жизнедеятельности. Для решения данной проблемы необходимы высококвалифицированные специалисты с новым типом мышления – риск-ориентированным мышлением, для которых обеспечение безопасности является главенствующим.

Известно, что риск-ориентированное мышление – это способность выяснить условия нестандартных ситуаций, выявить их первопричины и найти решение по их устранению.

Продуктивность готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций студентов колледжа в контексте риск-ориентированного мышления включает шесть качеств: быстрота, гибкость, глубина, критичность, самостоятельность, последовательность, каждое из которых, оставаясь элементом целостности, имеет собственное содержательное наполнение и функциональное своеобразие.

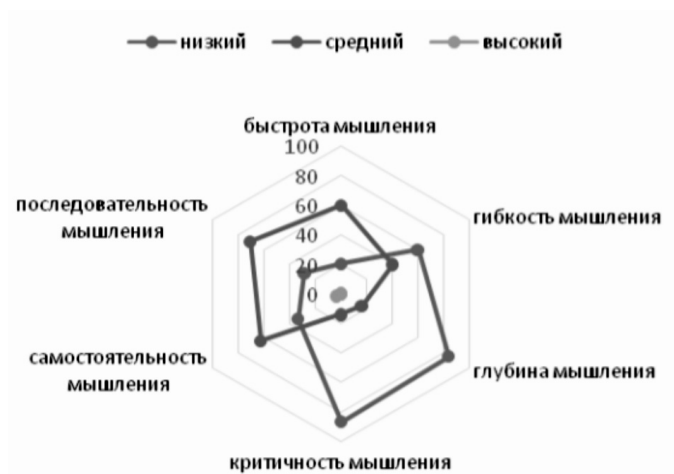
С целью выяснения уровня сформированности готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций было проведено диагностическое исследование, в котором приняли участие 217 студентов 1–2 курсов ГАПОУ "Краевой политехнический колледж".

Задачами исследования были:

- ◆ выявить современное состояние проблемы уровня сформированности готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций;
- ◆ подобрать инструментарий для оценки степени сформированности готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций.

Для исследования были использованы следующие методики: методика изучения быстроты мышления, гибкости мышления, тест когнитивных способностей (Шейн Фредерик), тест структуры интеллекта Р. Амтхауэре, тест

Липпана "Логические закономерности", определение типов мышления и уровня креативности (диагностика по методике Дж. Брунера).

Анализируя результаты анкетирования студентов по выявлению степени сформированности готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций, делаем вывод, что сформированность готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций находится на низком уровне. Есть необходимость активизировать работу со студентами на этапе формирующего эксперимента.

Как показало исследование, формирование готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций является одним из факторов успешного развития студента СПО.

С целью повышения уровня готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций преподаватели СПО полностью должны пересмотреть содержание дисциплины, ключевые вопросы преподавания и составить свои рабочие программы так, чтобы были разработаны примеры проблемных задач производственного характера, что в свою очередь влечет за собой огромные возможности для подготовки конкурентоспособного выпускника колледжа, способного:

- ◆ быстро находить проблемы в меняющихся жизненных ситуациях и грамотно применять пути их решения на практике;
- ◆ четко осознавать область применения своих знаний, планировать новые идеи и творчески мыслить;
- ◆ быть коммуникабельными в различных социальных группах, уметь работать в команде.

Такое преподавание будет направлено не только на развитие у обучающихся способностей, необходимых для

овладения профессиональными навыками, профессиональным опытом, но и на достижение высокого уровня

развития готовности студентов колледжа к деятельности в условиях нестандартных производственных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушкин Х. Х. Проблемный урок в среднем специальном учебном заведении: структура, содержание, технология//Среднее профессиональное образование. 2005. № 5
2. Белоновская И.Д., Езерская Е.М. Формирование готовности будущего инженера к управлению производственно–технологическими рисками//Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого–педагогические науки. 2015. № 1
3. Гальперин П.Я.. Введение в психологию: Учебное пособие для вузов. – 2–е изд. – М.: "Книжный дом "Университет",2000.
4. Гайфуллина Ф. К. Концепция проблемного обучения как способа развития творческого и критического мышления//Среднее профессиональное образование. 2006. № 9
5. Гитман Е.К., Мертвищев А.Н. Влияние педагогических технологий на формирование личностных качеств курсанта военного вуза внутренних войск МВД России // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2.
6. Кирсанов В.В. Основы промышленной и экологической безопасности опасных производственных объектов. Монография. Казань: Изд–во Казан.гос.техн.ун–та. 2011.
7. Лаврентьев Г. В., Лаврентьева Н. Б., Неудахина Н. А. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов (часть 2), Барнаул: Изд–во Алтайск. ун–та, 2003.
8. Психологические тесты: в 2 т./т.1 под ред. А.А.Карелина. – М.: Владос, 1999.
9. ФЗ "О промышленной безопасности опасных производственных объектов" (с изменениями на 7 марта 2017 года), (редакция, действующая с 25 марта 2017 года).

© А.В. Кивилева, (kivianna-87@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ГАПОУ "Краевой политехнический колледж", Пермский край, г. Чернушка

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА КНР*

* Данная статья отражает результаты реализации проекта департамента образования провинции Шэньси 2016 года по изучению социального развития деревенских детей в возрасте 3-12 лет (номер проекта: 16JK1260).

FEATURES OF SOCIAL DEVELOPMENT OF CHILDREN PRESCHOOL IN CHINA

Li Xicai

Annotation

Studies conducted by Chinese educators and psychologists have not yet formed a clear conceptual definition and structural system for the social development of preschool children, but they all emphasize that the social development of children should be expressed in teaching them the right attitude to themselves, businesses, other people and the collective. Scientists believe that the game plays an extremely important role in the social development of preschool children. However, in the practice of Chinese preschool education, teachers mainly focus their attention on teaching knowledge and do not pay due attention to how to promote the social development of preschool children. Compared with China, the Russian Federation attaches great importance to the promotion of the social development of preschool children in various areas and pays more attention to teaching games. Nevertheless, there are still many opportunities for the development of research in the field of teacher training for the use of games for the socialization of preschool children. Studies in the field of social development of preschool children in China and Russia in the future, in our opinion, should be focused on the study and implementation of pedagogical conditions for the effective use of games for the social development of preschool age.

Keywords: social development, features of socialization of preschool children of China, preparation of teachers for the use of games for the socialization of children of preschool age.

Ли Сицай
Аспирант,

Московский педагогический
государственный университет;
Доцент, Вэйнаньский педагогический
университет, ВПУ КНР

Аннотация

Исследования, проведенные китайскими педагогами и психологами, еще не сформировали четкого концептуального определения и структурной системы социального развития детей дошкольного возраста, но все они подчеркивают, что социальное развитие детей должно выражаться в обучении их правильному отношению к себе, делам, другим людям и коллективу. Ученые считают, что игра выполняет чрезвычайно важную роль в социальном развитии дошкольников. Однако в практике китайского дошкольного образования, учителя в основном фокусируют своё внимание на обучении знаниям и не уделяют должного внимания тому, как содействовать социальному развитию детей дошкольного возраста. По сравнению с Китаем в Российской Федерации придается большое значение содействию социальному развитию детей дошкольного возраста по различным направлениям и уделяется больше внимания обучающим играм. Тем не менее, есть еще много возможностей для развития исследований в области подготовки педагогов к использованию игр для социализации дошкольников. Исследования в области социального развития детей дошкольного возраста в Китае и России в будущем, по нашему мнению, должны быть сосредоточены на изучении и реализации педагогических условий эффективного использования игр для социального развития дошкольного возраста.

Ключевые слова:

Социальное развитие, особенности социализации дошкольников КНР, подготовка педагогов к использованию игр для социализации детей дошкольного возраста.

Старшие дети (дети 5–6 лет) находятся в переходном этапе между дошкольным и начальным образованием. Этот этап обучения не только способствует приобретению ими знаний и навыков, но и готовит к обучению в начальной школе. В то же время они не можем игнорировать тот факт, что они дети. Мы можем различными путями и средствами способствовать социальному развитию детей дошкольного возраста, которое окажет значительное влияние на дальнейшее развитие детей. Педагогам необходимо понимать цели и со-

держание, особенности социального развития детей дошкольного возраста, решать проблемы, существующие в социализации детей старшего возраста. Только таким образом можно способствовать их личностному развитию и успешной адаптации в обществе.

1. Концепция и содержание социального развития

Социальное развитие является важным аспектом психологического развития детей младшего возраста.

Чжоу Цзункуй (1992), Шэнь Цзилян (1993) и Чэнь Йими (1994) интерпретируют социальное развитие детей как неинтеллектуальное развитие и интерпретировали его как просоциальное поведение, осознание своей половой принадлежности, самосознание, отношения со сверстниками, агрессивное поведение и т. д. [1] [2] [3], Панг Лицзюань и Ян Цзе (1997) полагают, что социальное развитие детей включает в себя развитие социальных эмоций, развитие социального познания и развитие социального коммуникативного поведения, способностей и развитие межличностных отношений. [4]

В Постановлении "Руководство по обучению и развитию детей в возрасте от 3 до 6 лет" (2012 г.), обнародованном Министерством образования Китая, подчеркивается, что межличностное общение (включается желание общаться и дружить со сверстниками, и проявлять уверенность, самоуважение и самостоятельность, заботиться о близких) и социальная адаптация (адаптироваться в детском коллективе, соблюдать важнейшие нормы общественного поведения, соблюдать дисциплину, уметь подчиняться общим правилам в коллективе) составляют основное содержание социального обучения для детей дошкольного возраста, а также основным способом их социального развития. [5]

Чжоу Шихуа, Ци Житао (2012) и Чжан Йили (2016) раскрывают важнейшие характеристики развития дошкольников и определяют соответствующие образовательные мероприятия, направленные на совершенствование их самосознания, межличностного общения, социального познания и гендерной принадлежности, социального взаимодействия, развития личности в современном поликультурном мире. Они также подчеркивают важность подготовки педагогов к осуществлению успешного социального развития детей. [6] [7]

Российские ученые также придают большое значение социальному развитию детей старшего дошкольного возраста, исследуют педагогические условия социализации детей. И.Ю.Кузнецова(1988) выделяет три основные этапы социализации, связанные с формированием ценностных ориентаций подрастающего поколения. "На первом этапе происходит осознание тех или иных ценностей и образование на этой основе определенных ценностных представлений, которых выступают исходным "строительным материалом", являя собственный индивидуальный опыт личности. Важную роль в этот период играет семья, родители, вторичные факторы социализации (дошкольные, школьные учреждения, группы сверстников и ближайшая окружающая социальная среда) [8]. Пятница Т. В. (2011)отмечает, что обычно механизмы социализации классифицируют следующим образом: традиционный (через семью и ближайшую окружающую среду); институциональный (через различные институты общества); стилизованный (через субкультуры); межличностный (через

значимых лиц); рефлексивный (через опыт и осознание) [9]. По мнению Леонтьева А.А.,(1999) социализацию нельзя отождествлять с развитием личности, которое происходит и вне общества. Социализацию нельзя также сводить и к воспитанию. Бесспорно, суть воспитания состоит в построении таких взаимосвязей детей с обществом, которые обеспечивают их социализацию, т.е. овладение ими совокупностью общественных норм и отношений к окружающему миру: к обществу, человеку, себе. [10]

На основе сопоставления концептуальных положений социального развития дошкольников в Китае и России, мы можем констатировать, что в исследованиях ученых посвященных этой проблеме есть и общие подходы, например, определены важнейшие категории и направления социального развития дошкольников: самосознание, межличностное общение, социальная адаптация и социальная среда, социальные нормы, социальная культура и т.д. Ученые двух стран единодушны во мнении, что управление социальным развитием детей должно быть воплощено в педагогическом руководстве детьми, как правильно относиться к себе, делам, человеку и коллективу. Исследователи считают, что суть социального развития детей – это процесс "роста", в котором маленькие дети взаимодействуют с другими людьми и окружающей средой, то есть процесс становления квалифицированной (компетентной) социальной личностью[11]. Многие ученые прогнозируют, что с развитием общества исследовательский контент детского социального развития будет далее распространен на новые сферы, такие как социальное потребление и информационные технологии.

2. Характеристики и методы социального развития детей старшего возраста

В "Руководстве по воспитанию детей дошкольного возраста" (2001 г.), "Руководящих принципах обучения и развитию детей в возрасте 3–6 лет" (2012 г.) и "Правилах работы в детских садах" (2016 г.), обнародованных Министерством образования КНР, подчеркивается, что "социальное образование характеризуется рядом особенностей. Исследования, активная деятельность, восприятие прямого опыта, деятельность и игры – это основные способы обучения маленьких детей ". Отмечается, что детские сады должны использовать игры в качестве важной формы всестороннего развития для детей дошкольного возраста" [12] [13]. Новые стандарты дошкольного образования в России ориентируются на культивирование детских ценностей и повышение роли игры в образовании детей. Считается, что детство является важным самоценным этапом развития ребенка и не должно ограничиваться подготовкой к начальной школе. Медведев Д.А. отметил, что новый стандарт дошкольного образования не может быть дубликатом начальной школы, и ему следует уделять больше внимания воспитанию детской личности. [14]

А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин рассматривали игру как особую форму практического проникновения ребенка в мир социальных отношений. В игре ребенок естественен, активно действует, искренне чувствует, придумывает, творит, воображает. [15]

Анализ важнейших китайских и российских документов об образовании и взглядов ученых двух стран свидетельствует, что игры выполняют ведущую, определяющую роль в развитии детской социальной жизни. Однако в практике образования в Китае исследователи и дошкольные педагоги в основном фокусируют свое внимание на обучении знаниям и подготовке к поступлению в начальные классы школы. Не обращают должного внимания на социальное развитие детей. Некоторые передовые детские сады обращают внимание на социальное развитие детей дошкольного возраста, но не оценивают те игры, как мощное средство социализации дошкольников.

В "Руководящих принципах обучения и развития детей в возрасте 3–6 лет" (2012) содержатся конкретные предложения и рекомендации, направленные на социальное развитие дошкольников КНР, включая показатели межличностной коммуникации и социальной адаптации. Например, подробно раскрывается роль воспитателей и педагогов в формировании у детей таких социальных умений, как готовность адаптироваться в конкретной окружающей социальной среде, понимать и принимать мнение других людей, иметь собственное мнение и прислушиваться к мнениям других. Например, при недружественном поведении детей при соперничестве за игрушку, педагогам рекомендуется проводить детей к анализу и оценке своего поведения. Взрослые предлагают детям подумать, учат их понимать мнения и чувства других детей, мирно, по-доброму разрешать конфликты и споры. В Китае детские сады придают большое значение созданию благоприятной для образования предметно развивающей среды. В детских садах существует традиция рисования детьми "Трех символов" и "Дисциплинарных правил" и остальных контентов традиционной Китайской культуры. В детских садах построены мини-магазины и библиотеки, в аудитории устроены разные зоны: "уголок для чтения", зона практики, игры и др. Они призваны содействовать обогащению социального опыта детей, развитию умений сотрудничества и межличностной коммуникации. Кроме того, много внимания уделяется практическому освоению детьми правил и норм вежливого общения со сверстниками и взрослыми. Например, утром дети приучаются здороваться друг с другом и со взрослыми, прощаться, покидая детсад, соблюдать дисциплину в группе детского сада, соблюдать тишину и порядок во время обеда, оказывать взаимопомощь друг другу и т.д. Учителя осуществляют социальное развитие детей только по методике объяснения. Например, рассказывают классические сказки для китайских детей, "Волк идет", "

Детский сад – мой дом", чтобы воспитать честность детей и чувство партнерства и сотрудничества. Педагоги организуют и проводят с детьми свободные, творческие игры (самостоятельно выбранная детьми тема, чтобы понимать и творчески выполнять социальную роль) и тематические мероприятия (например, "игры в семью", "отмечаем праздник детей"). Дети более узнают о культуре своей страны, важнейшие нормы поведения. Только некоторые учителя организуют с детьми сюжетно-ролевые игры (например, "кукольный дом", "переходить дорогу" и др.). В этих играх дети сами выбирают свою роль. Используются и творческие игры (например, "парикмахерская", "такси" и другие игры). Дети выполняют разные роли и могут импровизировать, проигрывая разные ситуации. В детских садах часто используются подвижные, спортивные игры ("муравьи двигают бобы", "маленькие гекконы ловят насекомых" и др.). В играх у детей формируются умения сотрудничать, готовность совместно решать проблему. Педагоги приобщают детей в игровой форме к посильному труду (например, учителя и родители приводят детей собирать клубнику и виноград).

В России обращают больше внимания на использование разнообразных форм и методов социального развития старших дошкольников. Например, Попова А.Д. (2015) считает, что педагог может создать программу сопровождения социализации детей в игровой деятельности и использовать в ней следующие методы и приемы:

1. *Развивающие игры;*
2. *Упражнения;*
3. *Тренинги;*
4. *Психогимнастика;*
5. *Рисование;*
6. *Беседы.* [16]

Все перечисленные методы и приемы имеют единую цель. В дошкольном образовании Китая и России большое внимание уделяется использованию игры в социализации детей. Многие российские ученые считают, что сюжетно-ролевая игра – важное условие успешной социализации ребенка-дошкольника. Словесная игра "Угадай, о ком я говорю!"(Цель: закрепить знания детей о различных профессиях и расширить их перечень новыми.)."Подбери то, что тебе нужно для работы"(Цель: обогатить словарь детей профессиональной терминологией: оператор, диктор, звукооператор, режиссер),Игра "Не пропусти профессию"(развитие способности к переключению внимания, расширение кругозора)и т.д. [17]

3. Анализ педагогических условий социального развития детей дошкольного возраста

Климина Л.В. (2013) подчеркивает, что развитие дошкольного образования и качества учителей имеет решающее значение[18]. В настоящее время Китай придает большое значение непрерывному образованию и

обучению педагогов дошкольного образования. Министерство образования специально разработало "национальную учебную программу" для повышения квалификации учителей дошкольного образования. Однако есть такие вопросы, как общий уровень подготовки и чрезмерная формализация учебного процесса. Педагоги не готовы к самообразованию и повышению своей квалификации. Воспитатели детских садов в целом признают, что игры выполняют существенную роль в социальном развитии маленьких детей. Однако, многие педагоги затрудняются в выборе социально направленных игр для детей, имеют недостаточно четкие представления о методике организации и проведения игр, не всегда объективно могут оценить эффективность игр в социализации дошкольников.

Актуальной для дошкольного образования Китая является проблема социального развития детей через обучение. Это также практическая проблема, которая должна быть решена в дошкольном образовании на сегодняшний день. Она также вызывает серьезную озабоченность у российских педагогов и исследователей дошкольного образования. Осознается потребность в совершенствовании теоретической и методической подготовки педагогов дошкольного образования. Внимание педагогов-исследователей Китая сегодня сосредоточено на решении проблем: способы коммуникации учителей с родителями детей, совершенствование социального развития детей, сотрудничество детского сада, семьи и общественных организаций в образовании детей дошкольного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джо Цзункуй. "Социализация младенцев". [М]Хубэй:Хубейское детское издательство.1993. 242–268
2. Шэнь Цзилян.и т.д. "Прогресс современной детской и подростковой психологии", Чжэцзянское образовательное издательство.1993.280–285
3. Чэнь Гомэй. "Дошкольное образование для детей дошкольного возраста "[J]. Исследование дошкольного образования.1997(5):3–5
4. Пан Лицзюань. "Социальное развитие учителей и детей", вторая глава,руководство учителями к социальному развитию детей "[J]. Исследования дошкольного образования, 1997 (3): 9–20.
5. Министерство образования КНР "Руководящие указания по развитию и обучению детей в возрасте 3–6 лет", сентябрь 2012 г.
6. Чжоу Шихуа, Гэн Чжитао. "Социальное воспитание детей дошкольного возраста. Пекин: издательство "Гаодэнцзяоюй". 2011:94
7. Чжан Илэй. "Реконструирование учебной модели, направляюще развитие способностей детей в процессе дошкольного воспитания." Научный вестник Университета Цзиньчжун. 2016(8):80–82
8. Лаврентьева Г.П. "Культура общения дошкольников" – К.: Рад. Школа. 1988.– 128с.
9. Пятница Т. В. "Социализация дошкольников через игру": Пособие для педагогов дошкольного учреждения. – Мозырь: ООО ИД "Белый ветер", 2011. – 67 с.
10. Леонтьев А.А. " Психология общения". – М.: Смысл, 1999. – 294 с
11. Гань Цзяньмэй. "Содержание, особенности и статус учебной программы социального воспитания детей дошкольного возраста". Журнал. Изучение дошкольного образования. 2011(1):54–59
12. Министерство образования КНР "Основные положения по направлению воспитательной деятельности в детских садах (экспериментальные)" март, 2001.3 г.
13. Министерство образования КНР "Регламент функционирования детских садов", №3, 2016 г.
14. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. N 1155 г. Москва "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования"
15. Ли Хай. "Российский первый государственный стандарт дошкольного образования получил утверждение от Министерства образования".[J]Всемирная образовательная информация.2013.20:75.
16. А.Н. Леонтьев, Эльконин Д. Б. "Детская психология". – 4–е изд., стер. – М.: Издательский центр "Академия", 2007. – 384 с.
17. Попова А. Д. " Социализация детей старшего дошкольного возраста в игровой деятельности" // Молодой ученый. – 2015. – №1. – С. 477–479.
18. Климина, Лариса Владимировна. "Региональная система повышения квалификация педагогов дошкольного образования"[J].Теория и методика профессионального образования.2013.

© Ли Сицай, (1052480224@qq.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И МИБО

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С УЧАСТИЕМ РОДИТЕЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

ORGANIZATION OF FAMILY LEISURE
IN THE INSTITUTIONS OF ADDITIONAL
EDUCATION WITH INVOLVEMENT
OF THE PARENT COMMUNITY:
METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS

A. Naumenko

Annotation

The article presents practical experience of the organization of family leisure in the institutions of additional education with involvement of the parent community. The author has developed the forms and methods of working with the parent community in the organization of family leisure; a set of methodological recommendations has been presented.

Keywords: family leisure, institutions of additional education, the parent community, methodical recommendations.

Науменко Александр Андреевич
Аспирант,
Московский городской
педагогический университет

Аннотация

В статье представлен практический опыт организации семейного досуга в учреждениях дополнительного образования с привлечением к участию родительской общественности. Автором разработаны формы и методы работы с родительской общественностью при организации семейного досуга, представлен комплекс методических рекомендаций.

Ключевые слова:

Семейный досуг, учреждения дополнительного образования, родительская общественность, методические рекомендации.

Дополнительное образование является независимым структурным компонентом всей системы образования, тем самым, реализуя принцип непрерывности. Современная система дополнительного образования – это не только отдельные учреждения, направленные на развитие тех или иных способностей детей и подростков, это система, дающая возможность получения дополнительного образования в любой образовательной организации, начиная с дошкольной.

Проведенное нами научное исследование (2016–2018гг), позволяет сделать вывод, что современная система дополнительного образования является развивающим пространством для ребенка и его семьи, направленным на организацию семейного досуга. При этом, важной задачей для современной системы учреждений дополнительного образования является организация комплексного взаимодействия учреждений дополнительного образования с родительской общественностью в вопросах организации семейного досуга.

Семейный досуг – это вид развивающей деятельности, определяющий возможности для каждого ее участника по реализации здорового образа жизни, духовного

развития, личностного роста при учете индивидуальных интересов и потребностей [4, с. 92]. На сегодняшний день в социальной педагогике не разработано достаточно четкой концепции педагогически направленной системы организации досуга семьи. В этой же связи нуждаются в переоценке возможности специально создаваемых структур для предоставления многообразных рекреационных услуг различным категориям населения, и в первую очередь молодым семьям, имеющим детей [3, с. 91].

Актуальным является вопрос методического сопровождения организации семейного досуга в учреждениях дополнительного образования с родительской общественностью. С целью комплексной организации семейного досуга в учреждениях дополнительного образования с родительской общественностью нами были разработаны методические рекомендации для системы дополнительного образования.

Первой рекомендацией для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью являются организационные требования к структуре мероприятия (занятия) в системе дополнительного образования. Мероприятия для родителей по организации

семейного досуга в системе дополнительного образования следует начинать вовремя. Необходимо выдерживать темп и ритм мероприятия, при этом, обязательным условием является реализация индивидуального подхода к каждому участнику занятия. Правильное начало – положительно настраивает на работу. Очень важно создавать на занятиях атмосферу заинтересованности и активности.

К основным требованиям организации мероприятий мы относим:

- ◆ тщательную подготовку к мероприятию. Важно использовать учебный план занятия и соблюдение основных его пунктов;
- ◆ своевременную подготовку и начало занятия;
- ◆ достижение привлекательности занятия, поддержания интереса к нему;
- ◆ стремление к увеличению эффективности и рациональности занятия;
- ◆ использование продуманных методов, приемов и содержания работы. Контролируйте темп занятия, помогайте родителям и детям поверить в свои силы. Держите в поле зрения всю группу;
- ◆ обязательное подведение итогов занятия.

Вторая методическая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью касается организации воспитательной работы в учреждениях дополнительного образования с целью организации семейного досуга.

Педагог дополнительного образования совместно с администрацией и педагогическим коллективом учреждения определяет структуру взаимодействия с родительской общественностью по вопросам организации семейного досуга. При этом обязательно:

- ◆ учитывать добровольность включения в деятельности объединения;
- ◆ правильно поставить цель при организации планирования работы объединения;
- ◆ совместное участие в выявлении проблем, принятии решений и организации их выполнения;
- ◆ поддерживать участников как эмоционально, так и ресурсно при работе.

Кроме того, важной задачей педагога системы дополнительного образования является реализация нравственно-патриотического воспитания обучающихся. Здесь важно, чтобы воспитательные мероприятия включали в себя вопросы гражданско-патриотического формирования личности. Важно, мотивировать детей и подростков на достижение созидательной деятельности, личных достижений, устремленных на благополучие в обществе. Использовать государственную символику на занятиях и уроках, а также в рамках организации мероприятий, касающихся гражданско-патриотического вос-

питания и формирования у молодого поколения эмоционально-положительных социальных установок, выработки ответственной гражданской позиции. Важным аспектом является также создание условий для стимулирования и активизации участия обучающихся в мероприятиях, посвященных значимой общественной деятельности, например, участия в волонтерском движении для оказания самой различной помощи нуждающимся в ней (ветеранам войны и труда, сиротам, инвалидам и другим категориям граждан).

Учитывать в своей работе возрастные и индивидуальные особенности развития личности ребенка – является третьей рекомендацией по работе с родительской общественностью в системе дополнительного образования. Это позволяет, в полной мере, реализовать индивидуальный подход к членам семей во всех видах деятельности. Знание индивидуально-типологических особенностей участников досуговых мероприятий позволяет более продуктивно строить занятие, выбирать более подходящие виды деятельности.

Четвертая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью по организации семейного досуга: педагог в своей работе должен максимально использовать различные технологии обучения. К таким современным технологиям относят:

- ◆ технологии современного творческого воспитания;
- ◆ технологии коллективного взаимообучения;
- ◆ технологии адаптивной системы обучения;
- ◆ технологии полного усвоения;
- ◆ технологии разноуровневого обучения;
- ◆ технологии исследовательского обучения;
- ◆ технологии модульного обучения.

Данные технологии позволяют относиться к семье как к субъекту обучения, а к педагогу, как к организатору творческого обучения. Благодаря данным технологиям процесс обучения носит активный характер, у членов семьи более интенсивно проходит процесс познавательного развития. В условиях данных технологий, знания являются средством развития их способностей.

Пятая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью по организации семейного досуга: педагогу дополнительного образования очень важно заниматься саморазвитием и самообучением. В условиях развития стратегии дополнительного образования важно постоянно следить за научной литературой, практическими разработками коллег.

Результаты деятельности педагога дополнительного образования проявляются в реализации поставленных целей его работы и отражают уровень эффективности и целесообразности воспитательно-образовательного процесса учреждения дополнительного образования.

К основным критериям оценки деятельности педагога дополнительного образования в образовательном учреждении относят:

- ◆ наличие лично-ориентированной воспитательной системы;
- ◆ уровень развития у обучающихся потребности в самообразовании, самовоспитании, самоуправлении;
- ◆ степень развития у обучающихся таких умений, как: принятие решения в сторону нравственности; саморегуляция поведения и поступков; анализ, оценка и контроль своих действий;
- ◆ осмысление обучающимися понятий достоинства личности, осознание жизни как высшей ценности, само ценности; оптимистическое мировосприятие, умение ставить цели и достигать их, стремление в определенной смысле жизни, стремление к духовно-нравственным идеалам;
- ◆ усвоение образцов этически-нравственного, культурного поведения;
- ◆ адекватное восприятие и реакция в отношении воспитательных воздействий.

В начале своей профессиональной деятельности молодой преподаватель сталкивается с определенными трудностями. Неумение точно рассчитать время на занятия, логично выстроить последовательность этапов занятия, затруднения при объяснении материала, отсутствие взаимопонимания с детьми и коллегами, сложности при наборе детей в объединения – вот далеко не полный перечень невзгод, подстерегающих педагога-новичка. Часто начинающие педагоги испытывают чувство неуверенности в своих действиях, вследствие чего возникают проблемы. По данным психологов 87 % начинающих педагогов ставят на первое место именно отсутствие навыка преподавания, общения с детьми [6, с. 62].

Начинающий педагог должен освоиться в новом коллективе, наладить правильные отношения с детьми, уметь грамотно и эмоционально говорить на занятиях, стараться заинтересовать детей своим предметом. То есть, коротко говоря, научиться учить. Ему необходимо выработать свой индивидуальный стиль общения с детьми, коллегами и администрацией учреждения. Для педагога это новая личностная ситуация – ответственность за качество своей работы, результат, который ожидают педагоги, обучающиеся, родители. Начинающему специалисту необходима постоянная товарищеская помощь. Начинаящим педагогам было бы легче начинать свою педагогическую деятельность, если бы старшее поколение преподавателей стремилось передать им свой опыт, а они при этом готовы были его принять [5, с. 89].

Шестая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью рекомендует педагогу дополнительного образования изучать возможности, потребности, достижения обучающихся в области образования и проектирование на основе полученных результатов образовательных дисциплин,

программ и индивидуальных образовательных маршрутов обучения, воспитания, развития.

Седьмая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью по организации семейного досуга направлена на организацию обучения и воспитания в сфере дополнительного образования, которая должна осуществляться с использованием технологий, соответствующих возрастным особенностям обучающихся и отражающих специфику областей знаний.

Восьмая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью по организации семейного досуга связана с тем, что в системе дополнительного образования необходимо организовывать взаимодействие с общественными и образовательными организациями, детскими коллективами и родителями для решения задач профессиональной деятельности.

Девятая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью по организации семейного досуга направлена на обеспечение возможностей образовательной среды для обеспечения качества образования, в том числе с применением информационных технологий.

Десятая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью по организации семейного досуга направлена на осуществление профессионального самообразования и реализации педагогов дополнительного образования, проектировать дальнейший образовательный маршрут и профессиональную карьеру.

Одиннадцатая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью по организации семейного досуга: важно в области культурно-просветительской деятельности: изучать, сформировать и реализовать потребности детей и взрослых в культурно-просветительской деятельности; организации культурного пространства.

Двенадцатая рекомендация для работы в системе дополнительного образования с родительской общественностью по организации семейного досуга: педагог дополнительного образования должен быть готов к проведению научно-исследовательской деятельности: сбору, анализу, систематизации и использованию информации по актуальным проблемам науки и образования; разработке современных педагогических технологий с учетом особенностей образовательного процесса, задач воспитания, обучения и развития личности; проведению экспериментов по использованию новых форм учебной и воспитательной деятельности, анализ результатов.

Стратегия сотрудничества учреждений дополнительного образования и семьи не может быть определена без ясного представления о тех педагогических проблемах, которые можно решить только совместно. Среди таких проблем: совместная забота о здоровье детей; формирование и развитие интересов, ценностных ориентации в

сфере культуры, досуга, самообразовательной деятельности; выявление одаренности и развитие способностей ребенка; содействие в достижении ребенком благоприятного статуса в группе ровесников или разновозрастном творческом коллективе; развитие культуры поведения юношей и девушек; установление взаимопонимания между разновозрастными поколениями семьи.

Для успешного взаимодействия специалистов учреждений дополнительного образования и семьи воспитанника необходимо: постоянное обновление содержания, форм, методов работы с родителями; пробуждение у родителей интереса к процессу самообразования в области психолого-педагогических знаний; расширение сферы совместной деятельности, общения педагогов и родителей с детьми [7, с.35]. По нашему мнению, наиболее востребованными может быть цикл культурно-досуговых программ для детей и родителей с целью повышения качества организации семейного досуга. Программа работы может включать в себя методики стимулирования потребностей родителей в общении с театральным и другими видами искусств, стимулирования семейного художественного творчества, потребности в занятиях физической культурой и спортом, реализации воспитательного потенциала семейных праздников.

В условиях педагогического взаимодействия учреждений дополнительного образования с родительской общественностью работа, направленная на повышение культуры семейного досуга, характеризуется усовершенствованием традиционных и появлением новых форм со-

трудничества субъектов образовательного процесса, использованием инновационных методов просветительной, образовательной, воспитательной и рекреационной работы с родителями. Значение и роль специальных организованных усилий, направленных на обеспечение полноценного отдыха, в современных условиях становятся все более ощутимыми. Отдых, организуемый на основе точного знания психологии и физиологии человека и учета соответствующих психофизиологических закономерностей, позволяет решать рекреационные задачи с гораздо большей эффективностью [1, с.76]. Организация отдыха и развлечений должна носить развивающую направленность и быть нацеленной на повышение культурного уровня личности [2, с. 44]. В сфере свободного времени человек всегда ищет занятия, способные компенсировать то, чего он не получает в течение рабочего дня. Для полноценного проведения досуга необходим определенный психологический отрыв от обычной обстановки. В каких бы конкретных видах он не представал, это всегда процесс, повышающий общий тонус человека, возвращающий ему жизненное равновесие [8, с. 45].

Таким образом, представленные методические рекомендации, разработанные в целях оказания методической помощи в работе с родительской общественностью в системе дополнительного образования, направлены на организацию социально оправданного интересного семейного досуга в учреждениях дополнительного образования с участием родительской общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е.В. Творческая самореализация молодежи средствами социально-культурной анимации. Социально-культурная анимация: от идеи к воплощению материалы X Международного форума: 22–23 апреля 2016 года, Москва; Вып. 10. – М.: МГИК, 2017. 240 с. – С. 76–79
2. Ганьшина Г.В. Психолого-педагогические основы рекреации и анимации. – М.: МГПУ, 2016. – 98 с.
3. Ганьшина Г.В., Бабаева Е.В., Муравьева Ж.В., Старых Л.В. Формирование здорового образа жизни семьи средствами рекреативных технологий. Современные проблемы науки и образования. – 2017. № 3. – С. 91–99
4. Грибкова Г.И. Умеркаева, С.Ш. Организация семейного досуга в условиях культурно-образовательной деятельности музея// Социально-культурное партнерство: вуз – музей – библиотека в условиях инновационного развития/ Бакланова Т.И., Ганьшина Г.В., Грибкова Г.И.–Москва, 2016. –С. 90–99.
5. Киселева О.И., Медведь Э.И. Исторический экскурс педагогических основ формирования эстетической культуры личности / Медведь Э.И., Киселева О.И. // В сборнике: Российская наука в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции. Отв. редактор: Соловьев В.Б.. 2015. – С. 88–98.
6. Левина И.Д. Художественно-творческое развитие детей средствами народной культуры / И.Д. Левина, Н.А. Опарина // Среднее профессиональное образование. – 2016. – № 3 – С. 62–65.
7. Науменко А.А., Умеркаева С.Ш. Взаимодействие учреждений дополнительного образования с родительской общественностью как форма организации семейного досуга. ФЭН-НАУКА. – № 7 (46), 2015. 44 с. – С.34–36
8. Формирование здорового образа жизни современной семьи: коллективная монография / Бабаев А.В., Бабаева Е.В., Ганьшина Г.В., Григорьева Е.И., Грибкова Г.И., Заварина С. Ю., Муравьева Ж.В., Старых Л.В./ под ред. Г.В. Ганьшиной. – М.: ГГТУ, 2017. – 205 с.

РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ТЕОРИИ КЛАССОВ

DEVELOPMENT OF STUDENTS' COGNITIVE ABILITIES IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH GRAMMAR USING THE THEORY OF CLASSES

*I. Petrova
Yu. Aparina*

Annotation

The article deals with the results of the experiment to study the role of class theory in the development of cognitive abilities of students. The research was based on such grammatical phenomenon as the order of adjectives in complex attributive groups. The materials of the study comprise protocols of lessons and surveys conducted among school teachers and students – future teachers in the course of the experiment. The analysis of lesson protocols was based on a certain mechanism of formation of the grammatical skill, which was implemented through the three component structure, appropriate methods and techniques used at the lessons. The problem of research at this stage was the study of class theory and its role in the cognitive development of pupils. The main conclusion, which follows from the experiment, is the confirmation of the effectiveness of the theory in the context of cognitive development of students and teachers' desire to actively introduce such teaching methods in the study of English grammar.

Keywords: cognitive development, teaching English grammar, class theory, attribute group.

*Петрова Инна Михайловна
К.филол.н., доцент,
ГАОУ ВПО "Московский
городской университет"
Апарина Юлия Игоревна
К.п.н., доцент,
ГАОУ ВПО "Московский
городской университет"*

Аннотация

В статье отражены результаты исследования роли теории классов в процессе изучения такого грамматического явления как порядок следования прилагательных в сложных атрибутивных группах для развития когнитивных способностей обучаемых. Материалом исследования стали протоколы уроков и анкетирование учителей школ и студентов-будущих учителей в ходе проведенного эксперимента. Анализ протоколов уроков проводился с опорой на определенный механизм формирования грамматического навыка, который реализовывался посредством применения учителем на уроке трех компонентной структуры, соответствующих методов и приемов. Проблемой исследования на указанном этапе стало изучение теории классов и ее использование в процессе когнитивного развития учащихся. Основным выводом, который следует из проведенного эксперимента, – это подтверждение эффективности рассматриваемой теории в контексте когнитивного развития учащихся и стремление педагогов к активному внедрению подобных методов обучения при изучении английской грамматики.

Ключевые слова:

Когнитивное развитие, обучение грамматике, теория классов, атрибутивные группы.

Проблема обучения грамматике английского языка представляет интерес для многих исследователей. Результат этого интереса находит отражение в разнообразных подходах, которые вырабатывают специалисты при рассмотрении вопросов обучения грамматике. В ряду данных подходов рассматривают, например, системный подход [21; 9], коммуникативный подход [12], личностно-деятельностный подход [6], индуктивный подход [8], интерактивный подход [11] и др. Целью применения какого-либо из означенных выше подходов является формирование у учащихся определенных грамматических навыков. В любом случае, формирование грамматических навыков начинается с познавательной деятельности ученика, в процессе которой он постепенно "открывает" для себя систему правил но-

вого языка на основе выделения элемента языковой системы и установлении его функции в обозначении действительности. Как отмечает Н.Н.Никитенко: "... основная задача этапа познания – создать у детей ориентировку в грамматической системе языка через выделение в каждом речевом действии объективных ориентиров для его выполнения"[15].

В рамках данной статьи мы намерены рассмотреть теорию классов, которая обладает значительной объяснительной силой. Наиболее активно данную теорию в исследовании языковых единиц в современном отечественном языкознании использовала О.А. Сулейманова, которая в своих работах показала, что класс, понимаемый как "продукт" когнитивной категоризации, получает

отражение в естественном языке. Это, в свою очередь, позволило объяснить ряд сложных грамматических явлений, а именно: через теорию классов может интерпретироваться значение категории неопределенности и, соответственно, употребление неопределенного артикля [18]. Кроме того, эта теория может быть использована для обучения и другим грамматическим явлениям, в частности, при усвоении порядка следования определений в сложной атрибутивной группе.

В ходе исследования роли теории классов для обучения порядку следования компонентов в атрибутивной группе в этой статье мы попытаемся показать какие когнитивные процессы активизируются и как происходит их развитие. Таким образом, предметом исследования в данной статье выступает теория классов, а объектом исследования – когнитивные способности учащихся. Цель настоящей работы – определить, эффективна ли теория классов для развития когнитивных способностей учащихся в процессе изучения грамматики английского языка. В качестве гипотезы данного исследования мы выдвигаем тезис о том, что использование теории классов, в процессе обучения порядку следования компонентов атрибутивной группы, активизирует в сознании обучающихся такие когнитивные процессы как генерализация и конкретизация понятий.

Проблема описания порядка следования определений регулярно становится объектом исследований современных лингвистов. В ряду последних работ в этой области можно упомянуть работы Lars M. Blohdorn [23], P.H. Matthews [29], а также исследования отечественных лингвистов, например, Е.А. Воронцовой [3], Н. С. Молчановой [14] и Е. В. Ивановой [5]. В большинстве учебных материалов при рассмотрении прилагательного присутствует формальное представление данной цепочки в традиционном порядке следования компонентов, например, в работах J. Eastwood [25], M.Foley [26], M. Hewings [28], Т.Ю. Дроздова [4], Крылова, И. П. [7] и др.: *opinion, size, quality, age, shape, colour, participles, origin, material, purpose*.

Как показывают результаты проведенного нами исследования, представленная схема, хотя и выглядит достаточно убедительной, на деле не всегда позволяет успешно использовать ее в процессе обучения в силу того, что на практике обучаемые часто забывают именно данную последовательность. Это обстоятельство обусловило необходимость поиска более эффективных подходов к решению означенной задачи. В результате, проведя анализ литературы по рассматриваемому вопросу, мы пришли к заключению, что теория классов позволяет организовать обучение этому правилу таким образом, что у учащихся активизируются когнитивные механизмы и повышается успешность выполнения заданий.

Объяснительная природа теории классов может быть продемонстрирована на примере из работы M. Halliday: "Так, говоря о таком понятии, как *trains*, можно выделить несколько классов: *electric trains, passenger trains, toy trains*". Согласно M. Halliday, в атрибутивной группе, включающей следующие компоненты, как: *Deictic, Numerative, Epithet and Classifier* иногда одно и то же слово может функционировать как эпитет или как классификатор с некоторым изменением значения, например, *fast trains* могут обозначать либо *'trains that go fast'* (*fast = Epithet*), либо *'trains classified as expresses'* (*fast = Classifier*) (Halliday 2014: 364). Важно отметить существенное отличие между эпитетами и классификаторами, которое заключается в том, что классификаторы не имеют степеней сравнения и не сочетаются со словами усилителями. Нельзя сказать *a more electric train* или *a very electric train*. Выступая в качестве классификатора, слово вступает в достаточно большое количество разнообразных отношений в рамках таких категорий, как например, *material, scale and scope, purpose and function, status and rank, origin, mode of operation* [27].

Большинство классов предметов организованы в форме таксономий: *a wild strawberry* является разновидностью *strawberry*, которые входят в класс *berry*, который, в свою очередь, является элементом класса *fruit*, а если обобщать далее – класса *food*.

Таким образом, теория классов позволяет нам сделать акцент на включенность предмета в определенный класс, активизируя процессы категоризации в сознании обучаемых. Как отмечает Дж. Лакофф, "эффективность когнитивных процессов, например, при изучении и запоминании, зависит от общей структуры концептуальной системы и от того, что эти концепты значат" [10]. Данные теоретические положения легли в основу разработанного нами спецкурса для будущих учителей английского языка и экспериментального исследования, направленного на изучение процесса развития когнитивных способностей учащихся, при использовании теории классов в ходе обучения грамматике английского языка.

Для решения поставленных задач были определены основные методы практического исследования, а также были изучены актуальные для данной статьи вопросы подготовки будущих учителей иностранного языка [20; 22; 17; 13; 2; 1]. Из множества методов эмпирического исследования были выбраны наблюдение (фиксация речевых воздействий учителя), протоколирование уроков, анкетирование и беседа (фиксация субъективных мнений респондентов).

В качестве эмпирического исследования – наблюдения за развитием когнитивных способностей учащихся в процессе работы учителя с классом – применялось протоколирование уроков, фиксация применяемых учителем

методов и приемов, способствующих развитию когнитивных способностей учащихся при обучении грамматике английского языка на материале теории классов на уроке иностранного языка.

Анализ протоколов проводился с опорой на структуру формирования грамматического навыка, выраженных через применение учителем на уроке трех компонентной структуры и соответствующих методов, и приемов: ознакомление, тренировка и применение. Экспериментальное исследование состояло из трех этапов: констатирующего, формирующего и контрольного.

На этапе констатирующего эксперимента проводилось протоколирование уроков учителей средних общеобразовательных №№ 1210, 1005, 1874 города Москвы в количестве 32 человек.

Полученные экспериментальные результаты определили ход дальнейшего исследования. Был начат поисковый этап нашего эксперимента, состоящий в поиске возможных путей решения проблемы. Учителя-респонденты были ознакомлены с теоретическими положениями нашего исследования, включающими теорию классов употребления прилагательных. По окончании ряда методических объединений по программе "Когнитивное развитие учащихся при обучении английской грамматики на материале теории классов" было проведено протоколирование уроков у 32 учителей иностранного (английского) языка из 3 школ.

На формирующем этапе респондентам был прочитан разработанный нами спецкурс по теме "Развитие когнитивных способностей учащихся при изучении английской грамматики на материале теории классов" в количестве 10 часов – 2 часа лекций и 8 часов практических занятий. В том числе в формирующем и контрольном эксперименте принимали участие 23 студента 5-х курса МГПУ, обучающиеся в Институте Педагогики и Психологии Образования и Институте Иностранных языков.

Студенты МГПУ обучались на занятиях по специально разработанному спецкурсу "Развитие когнитивных способностей учащихся при изучении английской грамматики на материале теории классов" в процессе семинаров, деловых игр с реализацией разработанной нами системы упражнений в курсе.

Учителя школ обучались по спецкурсу "Развитие когнитивных способностей учащихся при изучении английской грамматики на материале теории классов" на курсах повышения квалификации, ежегодно проводимых на факультете начальных классов МГПУ.

Анализ научно-методической литературы и собственный опыт свидетельствует о том, что средством развития

компетентности в области развития теории классов могут служить деятельностные средства обучения – упражнения и деловые игры. В качестве типологии упражнений выбраны лексико-грамматические упражнения и формируемая в них лингвистическая компетентность.

Заключительный контрольный этап, заключался в протоколировании уроков учителей иностранного языка и студентов-респондентов. Сопоставление экспериментальных данных до и после формирующего этапа эксперимента дало нам возможность обосновать основные положения гипотезы и практически реализовать возможности развития когнитивных способностей учащихся при изучении английской грамматики на материале теории классов в образовательном процессе.

Будущие педагоги (МГПУ) и практикующие учителя рассматривают теорию классов как средство развития когнитивных способностей учащихся (95,8 % ответов).

Необходимость обучения учащихся теории классов поэтапно от употребления двух прилагательных, принадлежащих к разным классам до четырех – пяти, когда учащиеся оказываются на более высоком лингвистическом уровне понимают (70,8%).

Когнитивное развитие понимается респондентами как мотивированное и осмысленное обучение посредством целенаправленного педагогического воздействия (76,7%), спонтанное развитие (23,3%).

Стремление к совершенствованию своей профессиональной компетентности в области когнитивного развития учащихся характерно для 96,7% опрошенных.

Наиболее действенными и эффективными средствами для когнитивного развития учащихся при изучении английской грамматики студенты считают расширение познавательного пространства учащихся относительно теории классов (23,3%), обозначение проблемы употребления прилагательных, принадлежащих к разным классам в английском языке (13,3%), организация порядка учебных действий при распределении прилагательных на классы и употреблении в соответствии с установленным порядком (20%), организация индивидуальной, групповой (парной) формы работы (13,3%), формирование внутренней мотивации к грамотному применению классовой теории употребления прилагательных (20%).

По итогам опроса респондентов МГПУ можно заключить, что в подавляющем большинстве случаев респонденты однозначно и достаточно комплексно понимают значение применения теории классов для когнитивного развития школьников при изучении английской грамматики.

Проведенное анкетирование продемонстрировало, что осведомленность студентов и школьных учителей о путях применении теории классов для когнитивного развития школьников при изучении английской грамматики не превышала 30 %. Анализ результатов анкетирования показал достаточную осведомленность респондентов о теории классов, меньшую, однако, о путях когнитивного развития учащихся при изучении английской грамматики.

Принимая во внимание контингент испытуемых и анализ результатов поискового и констатирующего эксперимента, была разработана программа и варианты ее реализации для студентов – будущих учителей и практикующих учителей иностранного языка.

Реализуя методическое обеспечение программы, мы опирались на такие принципы подбора дидактического материала: принцип профессиональной ориентированности; принцип метапредметности; принцип интегрированности проблемного и контекстного подходов при отборе материалов и заданий для занятий.

В процессе обучения путям когнитивного развития учащихся, отбирались такие методы, приемы, пути и средства обучения, которые стимулируют речевую активность учеников, гибко управляют учебной деятельностью школьников. Задания применялись по принципу постепенного усложнения: от репродуктивных к конструктивным, требующим от учащегося решения лингвистической задачи.

Результаты заключительного этапа эксперимента

дали возможность сделать выводы об эффективности проведенной нами работы, ее практической целесообразности и практической значимости. Протоколирование уроков и наблюдение за ходом учебного процесса на уроках в школе по итогам эксперимента дало возможность получить следующие данные. В процессе анализа результатов контрольного этапа наблюдались позитивные изменения в части когнитивного развития учащихся при изучении английской грамматики.

Если сравнить результаты констатирующего и контрольного этапа, можно констатировать принципиальные различия. В среднем по всем наблюдаемым педагогам частота дидактических воздействий, направленных на формирование когнитивного развития учащихся увеличилась в 1,6 раза (с 17,8 до 29,8).

Важный вывод, который можно сделать из эксперимента, – это стремление всех педагогов к когнитивному развитию учащихся при изучении английской грамматики.

Общий итог экспериментальной работы позволяет увидеть, что когнитивное развитие учащихся при обучении английской грамматике осуществляется посредством внедрения трех ступенчатого подхода к формированию умения применения теории классов. В процессе специально разработанного обучения учитель английского языка осваивает методы и приемы организации работы учащихся при формировании навыка применения теории классов с целью их когнитивного развития при изучении английской грамматики на уроке иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апарина Ю.И. Педагогические условия формирования адаптивной речи студентов – будущих учителей начальных классов и иностранного языка: Дисс. канд. пед. наук. – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 206 с.
2. Будник А.С. Межкультурная коммуникативная компетенция в составе профессиональной компетентности учителя иностранного языка //В сб.: Профессиональное становление учителя иностранного языка в системе педагогического образования. Материалы международной конференции, посвященной памяти Профессора Галины Владимировны Роговой в связи со 100-летием со дня рождения. Под общей редакцией Н.В. Языковой, Л.Г. Викуловой. 2017. С. 76–79.
3. Воронцова, Е.А. Формально-содержательная асимметрия в сфере частей речи как основа их функционального сближения (на материале класса прилагательных в английском языке). – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. 142с.
4. Дроздова Т.Ю., Маилова В.Г., Берестова А.И. English Grammar: Reference and Practice. Version 2.0.– СПб.: Антология, 2012. –424с.
5. Иванова Е. В. Когнитивно-прагматические аспекты синтаксической организации высказываний с цепочками перцептивных прилагательных в современном английском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук – Уфа, 2017. – 19 с.
6. Коротеева О.В. Обучение младших школьников грамматике английского языка на основе личностно-деятельностного подхода //В книге: Современные технологии обучения иностранным языкам в вузе и школе Тезисы докладов научной конференции. 1997. С. 13–15.
7. Крылова И. П. Грамматика современного английского языка: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / И. П. Крылова, Е. М. Гордон. – 15-е изд. – Москва : Университет, 2009 (Киров: Дом печати – Вятка). – 443 с.
8. Куприенко В.А. Обучение грамматике английского языка детей младшего школьного возраста с использованием индуктивного подхода //Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 30. С. 215–219.
9. Лаврова Н.В., Поманисочка Э.В. Системный подход в обучении грамматике английского языка на среднем этапе в школе//В сборнике: Актуальные проблемы лингводидактики и методики организации обучения иностранным языкам сборник научных статей. Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары, 2014. С. 194–198.

10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории яз. говорят нам о мышлении – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.
11. Мартовицкая О.С., Путистина О.В. Интерактивный подход к обучению грамматике на уроках английского языка в средней общеобразовательной школе //В сборнике: Язык. Речь. Коммуникация сборник научных статей. Мурманск, 2016. С. 178–181.
12. Мелёшкина И.Д. Коммуникативный подход к обучению грамматике английского языка //В сб.: Актуальные проблемы лингводидактики и методики обучения иностранным языкам сборник научных статей. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2015. С. 147–153.
13. Межина А.В., Шоу Э. Особенности формирования коммуникативной компетенции учителя иностранного языка на уровне бакалавриата и магистратуры В сборнике: Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков. Материалы международной конференции. Под общей редакцией Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. 2016. С. 97–103.
14. Молчанова Н. С. Семантические связи в синкретических формах типа существительное / прилагательное в английском языке: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Молчанова Наталья Сергеевна; [Место защиты: С.–Петерб. гос. экон. ун–т]. – Санкт–Петербург, 2016. – 24 с.
15. Никитенко З.Н. Развивающая технология как инструмент реализации методической системы иноязычного образования в начальной – Москва: Прометей, 2012. – 205 с.
16. Никитенко З.Н. Концептуальные основы развивающего иноязычного образования в начальной школе – Москва : МПГУ: Изд–во Прометей, 2011. – 191 с
17. Рыбакова Н.А. Проблема содержания подготовки студентов по профилю "Теория и методика преподавания иностранных языков и культур" в условиях бакалавриата // Педагогика и просвещение. 2015 №1. с.28–35
18. Сулейманова О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы весь/целый и all/whole: автор. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
19. Сулейманова О.А. Category of definiteness / indefiniteness in didactic perspective // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 1 (56). С. 203–209.
20. Сулейманова О.А. Развитие научного потенциала высшей школы: к вопросу об оптимизации преподавания теоретических дисциплин в системе бакалавриата // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 1 (40). С. 60–65.
21. Сурикова–Камю Л.Г. Обучение грамматике английского языка с позиций системного подхода // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 4–2. С. 61–63.
22. Щепилова А.В., Сулейманова О.А., Фомина М.А., Водяницкая А.А. Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 68–82.
23. Blohdorn Lars M. Postmodifying Attributive Adjectives in English: An Integrated Corpus-based approach – PeterLang – 2009. 201 pages
24. Connor F. Meaning of Syntax: A Study in the Adjectives of English – Routledge.–The Taylor & Francis Group. – 2014 . 304 pages
25. Eastwood J. "Oxford guide to English grammar". – Oxford University Press. 2002. 453p.
26. Foley M., Hall D. "Advanced Learner's Grammar. A self-study reference and practice book with answers" / Pearson Education Limited, 2008. 384p
27. Halliday M.A.K. Halliday's Introduction to Functional Grammar. Fourth edition – Routledge. The Taylor & Francis Group. 2014. 808p.
28. Hewings M. Advanced Grammar in Use. – Cambridge University Press. 2002. 340p
29. Matthews P. H. The Positions of Adjectives in English – Oxford University Press – 2014 – 288 pages
30. Side R., Wellman G. Grammar and Vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency. – Pearson Education Limited. 2000. 286p.

© И.М. Петрова, Ю.И. Апарина, (miinna@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Образовательный центр
"Языки и культуры
мира"
Открыт набор на
языковые курсы
www.wlc.vspu.ru

РЕКЛАМА

СЕМЕЙНЫЙ ТЕАТР В ДЕТСКОМ САДУ КАК ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПЕДАГОГОВ, ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

FAMILY THEATRE IN THE KINDERGARTEN
AS A CREATIVE COMMUNITY TEACHERS,
CHILDREN AND PARENTS

*Ch. Sagdy
S. Huren-ool
S. Salchak*

Annotation

The article describes the experience of organizing theatrical and play activities of children in kindergarten, i.e. the creation and development of a family theater in kindergarten practice. The stages of the opening of the family theater are presented. The problem of speech development of native Tuva and Russian is presented. The task of teachers is to teach children to master speech at the level of vocabulary development. The practice of kindergarten also uses theatrical games with plane models, games with masks, theatrical fashion, theatrical games made of natural material.

Keywords: drama-play, family theater, nursery, parents, play.

Сагды Чечекмаа Тулуш-ооловна

Д.б.н., профессор,

*Кызылский педагогический институт,
Тувинский государственный университет,
г. Кызыл Республика Тыва*

Хурен-оол Стелла Херел-ооловна

К.и.н., доцент,

*Кызылский педагогический институт,
Тувинский государственный университет,
г. Кызыл Республика Тыва*

Салчак Сайлыкмаа Калин-ооловна

Воспитатель, МДОУ детский сад

"Дюймовочка" села Хову-Аксы

Чеди-Холского района

Республики Тыва

Аннотация

В статье рассмотрен опыт организации театрально-игровой деятельности детей в детском саду, т.е. создание и развитие семейного театра в практике детского сада. Представлены этапы открытия семейного театра. Представлена проблема процесса развития речи родной тувинской и русской. Задача педагогов в том, чтобы научить детей овладеть речью на уровне словарного развития. В практике детского сада также используются театрализованные игры с плоскостными моделями, игры с масками, театрализованная мода, театрализованные игры из природного материала.

Ключевые слова:

Театрально-игровая деятельность, семейный театр, детский сад, родители, спектакль.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время накоплен большой теоретический и практический опыт организации театрально-игровой деятельности детей в детском саду, которая позволяет решать многие педагогические задачи, в особенности, речевого, интеллектуального и художественно-эстетического, нравственного развития детей. Он способствует развитию творческого потенциала ребенка, развитию его коммуникативных способностей, психических процессов, обеспечивают выраженность индивидуальности личности.

Однако, семейный театр в детском саду – особая конструктивная форма взаимодействия дошкольной общеобразовательной организации с семьей, способствующая взаимодействию детского сада с семьей [3].

Создание и развитие семейного театра в практике детского сада "Дюймовочка" с.Хову-Аксы Чеди-Хольского кожууна (района) Республики Тыва началась с создания консультативного пункта, куда родители приходили с детьми 5–7 лет, не посещающих детские сады два дня в неделю по три часа. И там же ежемесячно один раз проходили мероприятия "Малый университет" для родителей.

С родителями обсуждали Основную образовательную программу, разработанную с учетом требований ФГОС ДО, особо обращая внимание родителей на раздел "Взаимодействие детского сада с семьей".

В процессе обсуждения сами родители предложили открыть семейный театр в детском саду.

Начало работы семейного театра

Вначале родители и дети обыгрывали небольшие стишки, народные песенки, потешки "Кошкин дом", "Привяжу я козлика", "Котик и козлик", "Перчатки", стихи А. Барто, С.Маршака. Постепенно, от обыгрывания потешек, стихов, перешли к сказкам "Лиса и кувшин", "Заяц-хвостун", "Чудесные истории про зайца по имени Лек".

К постановке первого спектакля "Репка" мы шли не спеша. Дети узнали по рассказам родителей, что такое репка, как она выращивается, как используется людьми. Так репка-героиня сказки стала не отвлеченным понятием, а вполне осязаемым овощем, который необходимо вырастить, а потом и вытянуть.

Первые выступления детей не усложняли костюмами. Вполне хватает того, что каждый исполнитель держит в руках куклу-прообраз действующего лица. Так ему проще представить себе того, кого он играет. Слов в сказке практически нет, главное слышать, что зовут именно тебя (внучку, Жучку, кошку...), и, выбежав, испытать радость от участия в общем деле.

Следующий этап – желание "расширить" текст. Детям уже недостаточно одной – двух фраз. Так сценарий над сказкой "Репка" обрастает стишками. Примерно так же строилась работа и над другими сказками "Теремок", "Заячья избушка", "Колобок" и др. Мы увеличиваем число действующих лиц, так как в сказке их бывает немного, а

участвовать хотят все дети, подбираем стихи. Система наших занятий такова, что все дети знают все роли на двух языках – на русском и на тувинском. Сказки мы играем разными составами, меняясь ролями. Распределение роли доверяем детям. Дети почти всегда безошибочно распределяют между собой роли.

Языковая проблема

Однако, процесс развития речи родной тувинской и русской, которой хотим учить детей овладеть на уровне словарного развития, явился проблемой, которую необходимо было преодолеть. Естественно, совместная игра детей с родителями здесь приносит весомую помощь.

Для развития выразительной речи необходимо создание условий, в которых ребенок мог бы передать свои эмоции, чувства, желания, взгляды, как в обычном разговоре, так и публично, не стесняясь слушателей. Огромную помощь в этом оказывают занятия по театрализованной деятельности.

Необходимо было преодолеть возрастную зажатость мышц речевого аппарата, монотонность речи. Проводили систематически кратковременные упражнения и игры для формирования правильного дыхания, дикции, выразительности интонации, развития творческого воображения. Например, традиционные дыхательные гимнастики "Бумажный кораблик", "Морской бой", "Стирка белья", "Звонок"; артикуляционные гимнастики "Хвостливые вер-

блюды", "Попади в цель" и т.д. Использовали варианты игр со скороговоркой, игры на развитие внимания и творческого воображения "Чи шаги", "Шум на улице", "Хруст яблока", "Шелест листа, ткани, бумаги, клеенки и т.д.

Дети и родители прослушивали запись театральных шумов. Предлагали детям нарисовать отрывок из сценария, например, попробуйте нарисовать, что услышали:

а) где сейчас Красная Шапочка? (в лесу, в деревне, на берегу реки, дома с мамой);

б) кого встретил колобок? (Волка, Петуха, Собаку, Кошку);

в) какая погода на улице? (дождь, солнышко, ветер);

г) нарисовать машину, которая проехала (разные типы автомобилей);

д) над каким местом пролетает "ковер-самолет"? (над морем, над лесом, над городом).

Предлагали детям изобразить (пантомима) того, кого слышали: кошку, собаку, петуха, корову и т.д. Проводили упражнения на развитие выразительной мимики: Солёный чай. Ем лимон. Сердитый дедушка. Лампочка потухла, зажглась. Тепло – холодно. Встретили хорошего знакомого. Обиделись. Удивились. Испугались. Умеешь лукавить (подмигивание) и т.д.

Предлагали упражнения на воображение: Ребята, представьте, что вы – художники. Носом вдыхаем запах: чем пахнет? (Свежим хлебом, чесноком, сладким медом...). Развитие выразительности и воображения "Танец розы" под красивую мелодию (грамзапись, аудиозапись, собственный напев).

В целом развивали выразительность мимики и пантомимики, умение передавать в мимике, позе, жестах разнообразную гамму чувств (страх, радость, удивление, настороженность, восторг, тревогу и т. д.); умение импровизировать, а также умение придумывать свое, опираясь на полученные знания; способность запоминать текст, музыку и движения (проявляются разнообразные виды памяти: музыкальная, двигательная, зрительная, образная).

Почти у всех детей сумели развить устойчивый интерес (любовь) к театральному искусству, умение давать оценку поступкам действующих лиц в спектакле, владение выразительностью речи, способность понимать эмоциональное состояние другого человека и адекватно выражать свое.

Всегда старались развивать основные навыки театрализованного мастерства – способность сопереживать герою сказок, эмоционально реагируя на поступки действующих лиц, умение вживаться в создаваемый образ, постоянно совершенствуя его, находя наиболее вырази-

тельные средства для воплощения, используя мимику, жесты, мимику, движения.

Приобщению взрослых и детей к театральному искусству имеет большую воспитательную и образовательную ценность в семейных взаимоотношениях.

Театрализованные игры обеспечивают социально-коммуникативное, познавательное, речевое, художественно-эстетическое и физическое развитие детей в соответствии требованиям федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования.

В связи с выше сказанным совершенствование разработки содержания сценариев театрализованных игр и оформления образовательной среды, включая костюмы, наряды, игрушки, а также отработки методов и педагогических приемов являются всегда актуальными.

Многие театрализованные игры настольные, теневые, игры на фланелеграфе, игры драматизации на пальчиках и с куклами бибабо и другие должны иметь специальные приспособления-средства. Наши дети вместе со взрослыми создают и готовят персонажи, декорации, оформляют сцену.

Виды театрализованных игр

В нашей практике обычны также театрализованные игры с плоскостными моделями, которые развивают эмоционально – чувственную сферу, познавательные процессы, эстетический вкус, творческую фантазию [1]. Инструментами для изготовления персонажей, декораций и атрибутов являлись фанера, лобзик, копировальная бумага, выжигатель, наждачная бумага, краски, лак. Героев сказки переводили с иллюстрации на фанеру, вырезали лобзиком. Вырезанные фигурки обрабатывали, края выравнивали, используя наждачную бумагу, масляную краску. Затем фигурки расписывали с обеих сторон и покрывали бесцветным лаком и укрепляли к подставке. Персонажей плоскостного театра создавали коллективно: родители подготавливали фигурки, дети принимали участие в их художественном оформлении. Плоскостной театр – великолепное украшение интерьера групповой комнаты, спальни, приемной. Фигурки используются не только театрально-игровой деятельности детей, а также на занятиях и во время досуга.

Также часто используем бросовый материал для театрализованных игр. Этот театр развивает творческое воображение, конструктивные способности, закрепление навыков работы с бросовым материалом, совершенствование умений самостоятельно определять последовательность работы. Персонажи: заяц, лиса, собака, волк, медведь, петух, декорации и атрибуты. Матери-

ал изготавливается из пустых коробочек, яиц киндер-сюрприза, шишек. Коробочки обклеиваются цветной бумагой, им придается вид лубяной и ледяной избушек. Из еловых шишек различной величины, окрашенных в зеленый цвет, делаются деревья и кустарники. Яйцам киндер-сюрприза придаются образы персонажей сказки: к ним прикрепляются вылепленные из пластилина уши, хвосты, лапы, приклеиваются глаза. Дети проявляют изобретательность, фантазию как в изготовлении фигурок, декораций, так и в самой игре-драматизации. По мере знакомства с театром и его героями у детей появляется желание объединиться в небольшие творческие группы, что служит естественным условием развития коллективной игры [6].

Театрализованные игры с масками очень любят дети и взрослые. Этот театр развивает эмоциональную сферу, воображения, эстетического восприятия, художественного вкуса [3]. Маски делали из самых тонких полиэтиленовых матрасиков, которые продаются в любом хозяйственном магазине. Их можно легко стирать, изменить гуашью внешнее художественное оформление. Их одевают на подставку. Материал для художественного оформления: вода, белая водоземлюсионная краска, гуашевые краски, кисти, палитра, баночки для воды, стеки,

салфетки; для подставки приспособили одинаковые пластмассовые горшочки). Маски украшают интерьер группы, побуждают детей к театрализованной игре, при этом могут использоваться педагогом не только в театрально-игровой деятельности, но и в работе по развитию эмоциональной сферы дошкольников [3].

Театрализованные игры из природного материала очень доступны. Это развивает выразительность речи, воображения, творчества, самостоятельности, формирование умений доводить начатое дело до конца, расширение опыта взаимодействия с детьми и взрослыми [6]. Материал и его особенности изготовления активизируют изобретательность детей, ориентируют в решении возникающих проблемных ситуаций, дают пищу для создания неожиданных образов. В ходе творческой деятельности дошкольники экспериментируют с различными материалами, делают открытия, добиваются личных достижений. Использование игрушек из природного материала возможно как на занятиях, так и в процессе продуктивной и свободной игровой деятельности детей. Дошкольники гордятся своими поделками, относятся к ним бережно, с любовью, охотно играют с ними, разыгрывают известные литературные или придуманные самостоятельно сюжеты [2].

Театрализованная мода с родителями

Здесь знакомят детей с историей костюма, декором и их назначением, развитие творчества, воображения, фантазии, формирование коммуникативных навыков, опыта взаимодействия, воспитание нравственных качеств. Персонажи: куклы "Барби", декорации. Кукла изготавливается из лоскутков цветной и однотонной ткани разной фактуры, пряжи, украшений. Проявление самостоятельности в выборе собственного стиля жизни дети начинают с самого понятного – стиля в одежде. Дошкольники знакомятся с историей костюма и элементами декора, рассматривают иллюстрации, журналы мод. Вместе со взрослыми придумывают и делают эскизы, выкраивают и шьют простые модели для кукол, изготавливают аксессуары. Занятие это необыкновенно увлекательное. Готовые классические, романтические, авангардные костюмы и аксессуары дети используют в роле-

вых играх, драматизациях. Играют с куклами долго и увлеченно, не только девочки, но и мальчики [4].

Родители не только готовят, но и включаются вместе с педагогами в изготовлении костюмов, нарядов, игрушек вместе с детьми, а также активно участвуют в разработке содержания сценариев театрализованных игр и оформлении образовательной среды.

Проводя эксперимент по реализации двух экспериментальных проектов, во-первых, проект "Семейный театр в детском саду" и, во-вторых, "Проектная деятельность при формировании развивающей предметно-пространственной среды в дошкольной организации" выявили непосредственную роль театрализованной деятельности детей и взрослых для развития двуязычной речи – государственной общероссийской и государственной тувинской – в условиях Республики Тыва.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васюкова, Н. Развивающий потенциал игр-драматизаций // Детский сад от А до Я. – 2008. – № 4. С. – 36–42.
2. Гераскина Л. Занятия по театрализованной деятельности // Дошкольное воспитание. 2000. № 8. С. 106–110.
3. Майер, А. Система театров в дошкольном образовательном учреждении // Детский сад от А до Я. – 2009 №4. – С136–143.
4. Сагды Ч.Т., Тугер С.Ю. Театрализованные игры в формировании представлений о семейных отношениях у дошкольников // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: материалы III Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – Кызыл: РИО ТувГУ.
5. От рождения до школы. Примерная основная образовательная программа дошкольного образования / Под ред. Н.Е.Вераксы, Т.С.Комаровой, М.А.Василевой. – М.: Мозаика-синтез, 2014.
6. Татаринцева, Н. Игра-драматизация как условие приобщения дошкольников к семейным ценностям // Детский сад от А до Я. – М., 2008. – № 4. – С. 43–50.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

THE USING OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

*O. Fisenko
Yu. Karpova
M. Parshina*

Annotation

Methods of teaching Russian as a foreign language involves the using in the educational process of new interactive technologies that contribute to activation of cognitive processes by students. This article shows the training technology of capabilities "directed reading" on material of the story by Alexander Grin "Voice and Eye".

Keywords: Russian as a foreign language, interactive equipment "directed reading", a literary work.

*Фисенко Ольга Сергеевна
К.филол.н., доцент,*

*Российский университет
дружбы народов, Москва*

*Карпова Юлия Владимировна
Ст. преподаватель,*

*Российский университет
дружбы народов, Москва*

*Паршина Маргарита Владимировна
Российский университет
дружбы народов, Москва*

Аннотация

Методика преподавания русского языка как иностранного предполагает использование в учебном процессе новых интерактивных технологий, способствующих активизации познавательных процессов у обучающихся.

В данной статье на материале рассказа Александра Грина "Голос и глаз" показаны обучающие возможности техники "направленное чтение".

Ключевые слова:

Русский язык как иностранный, интерактивная техника "направленное чтение", художественный текст.

ВВЕДЕНИЕ

Современная система образования немислима без включения в учебный процесс интерактивных инновационных методик, обеспечивающих успешное формирование знаний, умений и навыков.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования Российской Федерации, основанный на функционально-коммуникативном подходе к обучению в условиях поликультурного мира, предполагает включение в процесс обучения новых обучающих технологий, которые основаны на непосредственном взаимодействии педагога и обучающихся [6, с.25–26], в результате чего создается особая образовательная среда, способствующая эффективному обучению.

Новая педагогическая модель, реализуемая высшей школой, основана на интерактивной связи студента и педагога – субъектов педагогического взаимодействия. От

того, какова будет атмосфера взаимодействия преподавателя и студента зависит успех развития речи. Безусловно, успешное выстраивание взаимоотношений в процессе обучения во многом обусловлено личностью преподавателя, его умением осуществлять постоянную рефлексию и корректировку процесса обучения.

Методы

Материалом исследования является художественный текст небольшого формата. На его основе продемонстрированы обучающие возможности интерактивной техники "направленное чтение". В рамках интерактивного обучения происходит моделирование образовательной ситуации. Педагогическая значимость интерактивного обучения заключается в диалоговости, взаимодействии обучаемых друг с другом, с педагогом, учебным материалом. Развитие речи происходит благодаря расширению использования интерактивной методики "направленное чтение" на семантическом, лексическом, грамматическом и текстовом уровнях.

Роль и значение личностно-ориентированной модели в формировании вторичной языковой личности.

Особое место отводится в ней учебно-образовательным программам, которые активно внедряют в учебный процесс в рамках зарекомендовавшего себя в российской системе образования личностно-ориентированного подхода (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов и др.) [1, с.26–54]. Такая личностно-ориентированная модель существенно расширяет задачи, стоящие перед теорией и практикой обучения и воспитания в вузе.

Дидактические возможности интерактивных методов обучения русскому языку как иностранному в формировании вторичной языковой личности, способной к речевому взаимодействию на межкультурном уровне и готовой к иноязычному общению в коммуникативных ситуациях профессиональной деятельности, велики. Интерактивные технологии позволяют сделать учебный процесс более продуктивным, так как индивидуализируют учебно-познавательную деятельность студентов, что позволяет в итоге создать базу для решения проблем после окончания обучения. Благодаря интерактивным методам обучения русскому языку как иностранному иностранные студенты в непринужденной обстановке коммуникации овладевают русским языком. Активная роль педагога и обучающегося в создании образовательной модели способствуют конечной цели высшего профессионального образования – повышению эффективности обучения за счет усвоения и практического использования полученных знаний.

Общие положения техники "направленное чтение".

Использование в группах иностранных студентов, смешанных в языковом отношении, техники "направленное чтение" способствует более быстрому выходу на коммуникативную компетенцию [5] как необходимого условия обучения русскому языку как иностранному. Посредством техники "направленное чтение" иностранные студенты учатся слушать и слышать русскую речь, вступать в диалог. Отметим, что именно диалогу принадлежит главенствующая роль как форме общения. "Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной жизни является незавершенный диалог. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п." [9, с.70].

В педагогическом общении выделяется три стороны: перцептивная, коммуникативная и интерактивная [3, с.328]. Педагогическое общение не сводится только к передаче знаний, но и выполняет функцию эмоционального заражения, возбуждения интереса, побуждения к совместной деятельности и т.п. Такой подход к обучению реализуется в диалогической форме общения.

Диалог начинается с формирования речевой интенции и мотивации к речевой деятельности. Учебный диалог не исключение. В связи с этим Э.С.Смелкова отмечает: "Главное – создание внутренней мотивации к предстоящей совместной работе, обеспечение психологического комфорта, установки на активный поиск и обретение новых знаний" [8, с.154]. Следует сделать акценты на три условия, позволяющие создать "замысел" диалога: внутренняя мотивация, психологический комфорт и установка.

Внутренняя мотивация – это потребность вступить в общение, исходящая от самого говорящего. Внутренняя мотивация "обусловлена значимостью информации" [3, с.232].

Работа с применением техники "направленное чтение" над текстом формирует у обучающихся языковую и лексическую компетенции, на основе которых создаются коммуникативно-речевые умения, служащие основой для выработки коммуникативной компетенции в учебно-научной и социо-культурной сферах общения. Техника "направленное чтение" выступает как эффективный прием формирования мотива обучения, стимулирования познавательной деятельности, поскольку связана с созданием проблемных ситуаций, в процессе решения которых происходит речевое общение, способствующее формированию речевой коммуникации. Происходит увеличение лексического запаса, что позволяет иностранным студентам быть активными участниками иноязычного общения.

Описание интерактивной техники "направленное чтение" на примере текста "Голос и глаз".

Организацию работы по технике "направленное чтение" мы предлагаем рассмотреть на примере текста "Голос и глаз", представленного во многих учебниках по русскому языку как иностранному.

Исходным пунктом работы по методике "направленное чтение" является предельно детализированное задание, которое отражает целевую установку изучения учебного предмета и локальные цели, которые относятся к отдельным фрагментам текста (остановкам). Логика процесса обучения при этом реализуется в единстве содержательной и процессуальной сторон. Психологическая комфортность ведения диалога во многом зависит от контакта между преподавателем и студентом. Так, уже отмечалось, что логика диалога зависит от обеих сторон учебного диалога – обучающегося и обучаемого. Оба участника должны перед вступлением в общение иметь представление о том, с какой целью и как будет выстраиваться общение. На практическом занятии по русскому языку преподаватель должен создать внутреннюю мотивацию к разговору: "Как вы понимаете выражение "Красота души"?; О каком человеке мы можем сказать "Человек с

красивой душой"?; Встречали ли Вы в своей жизни человека, о котором можно сказать "у него красивая душа"?". Студентам предлагается в тетрадях записать характеристики человека, с красивой душой. Далее заслушиваются ответы нескольких студентов. Возможны следующие ответы: толерантность, любовь к ближним, забота о старших и младших, больных и т.д.

Затем студентам задается вопрос: "Как Вы думаете о чем пойдет речь в рассказе под названием "Голос и глаз"? Студентам дается 2–3 минуты на обдумывание ответа. В ходе обдумывания студенты высказывают свои версии. Преподаватель внимательно выслушивает ответы студентов, не отвергая ни одно из предложенных мнений. Преподаватель признает право обучаемого на ошибку, когда тот пытается сам разобраться в каком-либо сложном процессе, пусть даже предлагая не всегда эффективные и неточные пути решения проблем. Обучаемый выражает собственное понимание и собственное представление, пытается найти новые подходы. Для того, чтобы воспитать творческую, самостоятельно думающую, сомневающуюся и умеющую принять решение личность, педагог должен поощрять это в своих подопечных, стимулировать их самостоятельную работу, давать им возможность ошибаться, принимать решения и быть ответственными за свои решения. Только так студент приобретает необходимые навыки, как личностные, так и профессиональные, без которых невозможен успех в современном мире. Основная функция педагога – направляющая. Студент и преподаватель выступают в качестве равноправных партнеров образовательного процесса.

Рассказ "Голос и глаз" условно делится на 6 логических частей (остановок), заканчивающихся на интригующем моменте. Помимо текста повести, у каждого студента на парте находится чистый листок бумаги, которым студентам предлагается прикрыть текст и читать его только по заданию преподавателя. После того как текст будет прочитан, рекомендуется отложить текст.

Затем продолжается чтение текста, работа над вопросами к каждой части. Происходит критическое осмысление текста студентами. Последний вопрос к каждой части: "Как Вы думаете, что произойдет дальше"? служит вызовом к другой части. Психологическая комфортность достигается не только формулировкой вопроса, но и тем, что предоставляется время на обдумывание ответа. Это немаловажный фактор в построении диалога. "Речевое поведение каждого участника диалога можно разбить на такты: один такт – речь, другой – молчание. Эти такты постоянно сменяют друг друга, что позволяет считать диалог ритмичным процессом" [8, с.131].

Комфортность на занятиях создается, если четко сформулирован вопрос; если вопрос связан с предшествующим вопросом; если вопрос корректный, если вопрос

задается в доброжелательной форме. Информация, предлагаемая студентам на практических занятиях в условиях диалогового обучения, должна быть отобрана с учетом имеющихся у них опыта, должна способствовать достижению комфортности в разрыве между знанием и незнанием. Это позволит сформировать внутреннюю мотивацию к предстоящей речевой деятельности.

Рассмотрим этапы работы над текстом. На этапе обоснования целей обучения и отбора учебного материала необходимо учитывать последующую деятельность педагога и обучающихся по достижению поставленных целей.

Установка преподавателя: "Сейчас мы будем читать рассказ "Голос и глаз", но читать мы будем следующим образом. Мой текст разбит на несколько остановок (частей). Вначале мы с вами читаем текст до 1–й остановки. Я задаю вам вопросы, а вы на них отвечаете. Потом мы читаем текст до II–й остановки. Я опять вам задаю вопросы, и вы отвечаете на них. Вам понятно, как мы будем работать? Пожалуйста, приготовьте листочки бумаги, вы им будете прикрывать части текста. Готовы?"

Читаем текст до I остановки".

Слепой тихо лежал с повязкой на глазах. Ему нельзя было двигаться после операции. Рабид, так звали слепого, волновался, думая, что скоро снова сможет видеть. Профессор сказал ему, что операция прошла удачно. Каждый день, уходя из клиники, профессор говорил Рабиду:

- Не волнуйтесь, я сделал для вас всё, что возможно.

После чтения фрагмента текста студентам предлагается ответить на вопросы по тексту. На этом этапе, с одной стороны, осуществляется проверка степени усвоения материала студентами, а с другой – простые, легкие вопросы способствуют включению студентов в учебный процесс.

Задача педагога – нацелить студентов на полные, односложные ответы, которые направлены на коммуникативный уровень владения языком. По возможности надо дать возможность высказаться каждому студенту. Уже на этом этапе необходимо продемонстрировать студентам то, что принимается любое мнение. Неправильных ответов нет.

Вопросы по тексту:

О ком идёт речь в данной абзаце?; Почему он лежал в больнице?; Почему больному нельзя было двигаться?; Как звали больного?; Почему волновался Рабид?; Что говорил Рабиду профессор, уходя из клиники?

Цикличность техники "направленное чтение" позволяет студентам быстро понять суть работы и включиться в процесс.

Далее следует чтение текста до "Остановки 2". Материал следует подавать одновременно с лексикой, которая может вызвать затруднения.

I ОСТАНОВКА

Почти месяц Рабид ждал операцию, и всё это время за ним ухаживала Дези, девушка, работавшая в клинике.

В первый день, когда Рабида привезли в клинику, он услышал молодой женский голос, звонкий и нежный. Этот чудесный голос уверенно и спокойно говорил кому-то, куда положить нового пациента, заботливо спрашивал Рабида, удобно ли ему. И Рабид сразу поверил этому голосу. Этот тёплый голос дарил ему надежду.

Девушку, чей голос делал Рабида счастливым, звали Дези. Три недели Рабида готовили к операции, и каждый день начинался для него с прихода Дези. Добрая и весёлая, она помогала ему ждать и надеяться. Сделав всё, что нужно для больного, она садилась около его кровати, и они подолгу разговаривали. Рабид рассказывал ей о своей жизни, Дези говорила о том, что происходит сейчас. Жизнь в рассказах Дези была такой же доброй и чистой, как она сама.

Далее студентам предлагается ответить на вопросы:

Сколько времени Рабид ждал операцию?; Кто за ним все это время ухаживал?; Что услышал Рабид в первый день, когда его привезли в клинику?; Почему он обратил внимание именно на голос?; Каким был голос, который услышал Рабид?; Обратим внимание на характеристику этого голоса: молодой женский голос, звонкий и нежный. Как еще характеризует голос Дези?; Как Вы думаете, эту характеристику голосу Дези дает автор или он передает впечатление, которое произвел голос Дези на больного?; Чему поверил Рабид?; Что подарил голос Дези Рабиду?; Сколько времени Рабида готовили к операции?; С чего начиналось каждое утро Рабида в клинике?; Какой был характер у Дези?; В чем помогала Дези больному?; О чем разговаривали Дези и Рабид?

Далее следует вызов:

Хотите узнать, что произойдет дальше? Читаем до III-й остановки?

II ОСТАНОВКА

Рабид давно понял, что любит эту девушку, но не мог сказать ей о своей любви. Он считал, что у слепого нет права говорить молодой девушке о любви. Для нее, для Дези, он хотел снова стать здоровым, снова видеть. В своих мечтах он видел её молодую, прекрасную, как тёплое летнее утро. Он слушал её милый голос, как лучшую музыку. И сейчас, после операции, он больше всего боялся, что никогда не увидит Дези. Конечно, он верил профессору, но в душе его жил страх.

Вопросы по 3 части:

Почему Рабид полюбил Дези?; Почему он считал, что не имеет права говорить молодой девушке о любви?; Для кого он хотел стать здоровым?; Какой он видел в своих мечтах Дези?; С чем сравнивается голос Дези?; Чего больше всего боялся Рабид после операции?; Как Вы думаете, почему в душе Рабида жил страх?

Вызов к следующей части:

Как вы думаете, как будут развиваться события дальше? Хотите узнать, что будет дальше? Читаем до III-й остановки.

III ОСТАНОВКА

Рабид не знал, что девушка, которую он так хотел поскорее увидеть, ждала этого момента со страхом и грустью. Она была не красива.

Дези знала, что Рабид любит её, и боялась, то чувство его исчезнет, когда он её увидит. Их дружба, их долгие разговоры нужны ей, она поняла, что тоже любит его. И вот теперь она смотрела на себя в зеркало и со страхом думала, что будет.

Вопросы к части:

О чем не знал Рабид?; Почему Дези со страхом и грустью ждала тот момент, когда ее сможет увидеть Рабид?; Дези знала, что Рабид любит её?; Чего боялась Дези?; Как вы думаете, почему ей дорога была их дружба, их долгие разговоры?

Вызов:

Как вы думаете, как будут развиваться события дальше?

IV ОСТАНОВКА

Но её честное любящее сердце говорило ей: "Пусть кончится этот хороший месяц, Рабид должен видеть, и будь что будет!"

И вот наступил этот день. Сегодня наконец снимут повязку. Рабид волновался, как никогда: сегодня он может увидеть Дези.

Врачи сняли повязку, и Рабид услышал голос профессора:

- Откройте глаза!

Рабид открыл глаза и увидел какую-то занавеску, которая мешала ему.

- Уберите занавеску, - сказал он, - она мешает.

И тут он понял, что снова видит. От волнения ему трудно было говорить, слезы текли по его лицу. Когда первые минуты волнения прошли, Рабид внимательно осмотрел комнату. Ему хотелось скорее увидеть Дези. В комнате были врачи, профессор, не было.

Вопросы к части:

Почему Дези все-таки хотела, чтобы Рабид снова видел?; Почему Рабид волновался перед встречей с Дези?; Когда врачи сняли повязку, чей голос услышал Рабид?; Что увидел Рабид?; Что понял Рабид?; Что произошло в следующее мгновение?; Почему Рабид начал внимательно осматривать комнату?; Кого хотелось увидеть скорее Рабиду?; Кто был в тот момент в комнате?; Кого не было в комнате?; Как вы думаете, почему?

Вызов:

Как вы думаете, как будут развиваться события дальше? Читаем до V-й остановки.

V ОСТАНОВКА

А Дези, узнав результат операции, вернулась в свою маленькую чистую комнату. Она знала, что эта встреча будет последней. Надев красивое летнее платье, она причесала свои прекрасные тёмные волосы, открыв розовое от волнения лицо. С улыбкой на лице и болью в душе она вышла из комнаты.

Около двери в палату Рабида она остановилась, сейчас она почти хотела, чтобы всё осталось по-старому. Наконец она дверь.

Вопросы к части:

Как поступила Дези, узнав результат операции?; Почему на встречу в Рабиду Дези шла "с улыбкой на лице и болью в душе"?; Почему около двери в палату Рабида, Дези остановилась? Почему она почти хотела, чтобы всё осталось по-старому?

Вызов:

Как вы думаете, как будут развиваться события дальше? Хотите узнать, что произойдет дальше? Читаем до VI остановки.

VI ОСТАНОВКА

Рабид смотрел на неё.

- Кто вы? - улыбаясь, спросил он.

- Правда, я как будто новый человек для вас? - сказала она.

Звук её голоса сразу вернул Рабиду всё их короткое прошлое.

В его чёрных глазах Дези увидела огромную радость, и боль ушла из её сердца. Нет, чуда не произошло, но вся её любовь, её волнение отразились в такой улыбке, что она показалась Рабиду прекрасной. Её стройная фигура в лёгком платье, розовое от волнения лицо, нежная улыбка, её голос - всё это было для Рабида чудесной музыкой. Она была хороша в свете любви.

- Теперь, только теперь, - сказал Рабид, - я понял, почему у вас такой голос. Я любил его слушать даже во сне. Простите меня, но сегодня мне можно разрешить говорить всё.

Вопросы к части:

Почему Рабид сразу не узнал Дези?;

Что произошло после того, как Рабид услышал голос Дези?; Что увидела в его чёрных глазах Дези?; Почему Рабид обрадовался увидев Дези, а не разочаровался в ней?; Почему Дези показала прекрасной Рабиду?

Работа над текстом по технике "направленное чтение" заканчивается вопросами, направленными на рефлексию: Почему рассказ был назван "Голос и глаз? Сравним с тем, что говорили в начале. Давайте подумаем в чем по-вашему мнению заключается "красота души"? Как вы думаете, чем закончится вся эта история? Итогом работы является сочинение-продолжение рассказа. В конце занятия преподаватель может предложить поделиться своим высказыванием (сочинения зачитывают 2-3 студента).

Механизм обратной связи "учащийся - педагог" говорит об эффективности интерактивной методики и об уровне сформированности умений и навыков учащихся, о приобретенных знаниях. Они позволяют индивидуализировать учебно-познавательную деятельность, создавая условия и для дифференциации процесса обучения.

ВЫВОДЫ

Таким образом, интерактивные методы обучения русскому языку как иностранному в рамках функционально-коммуникативного подхода формируют интерес к русскому языку у обучающихся, устанавливая новый уровень взаимодействия между студентами и преподавателем и между студентами в группе. Одной из интерактивной методик, которую необходимо внедрять в систему обучения иностранных студентов русскому языку, является техника "направленное чтение". Она позволяет развивать эвристическую деятельность студентов-иностранцев. Этапы вызова, обсуждения и размышления служат поиском вариантов решения поставленной преподавателем учебной задачи. Ее цикличность позволяет студентам быстро понять суть работы и включиться в учебный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии. - 1966. - С. 26-54
2. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. - М.: ИНФРА-М, 2004. - 272 с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология. - М.: Логос, 2005. - 384 с.
4. Казарцева О.М. Культура речевого общения. Теория и практика обучения. - М. Флинта, Наука, 1999. - 280 с.
5. Каргина Н.В., Фисенко О.С. Интерактивные методы чтения повести А.С. Пушкина "Метель" в иностранной аудитории (на примере техники "направленное чтение") // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки, - 2016. - №3. - С. 148-151
6. Матвеев В.Э. Ключевые компетенции иностранного студента-филолога // Социокультурные исследования: история и современность. Сборник научных и учебно-методических статей. - М.: Перо, 2016. - С. 25-26
7. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие. - Ростов н/Д.: Феникс, 2002. - 320 с.
8. Смелкова З.С. Педагогическое общение. Теория и практика учебного диалога на уроках словесности. - М.: Флинта, Наука, 1999. - 350 с.
9. Третьяков В.П. Грамматика общения. - 2-е изд. - М.: Смысл, 1999. - 268 с.
10. Цупикова Е.В., Фисенко О.С. Интеграция наук в поисках смысла в рамках современной семасиологии // Наука о человеке: гуманитарные исследования. - 2016. - № 1 (23). - С. 70-71
11. Цупикова Е.В., Фисенко О.С. Интеграция наук в поисках смысла в рамках современной семасиологии // Наука о человеке: гуманитарные исследования. - 2016. - № 1 (23). - С. 70-71

МЕСТО СЦЕНИЧЕСКОЙ РОЛИ В СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРЕ

Цзинь Яньлун

Аспирант,

Российский государственный
институт сценических Искусств,
г. Санкт-Петербург

THE PLACE OF THE SCENIC ROLE IN THE MODERN THEATER

Jin Yanlong

Annotation

The article describes the formation of modern theater, its pros and cons, reveals its function as for the education of moral values of the young generation, and for the viewer as a whole. The definition of stage role from the point of view of theatrical figures and science psychology is given and its importance in modern theatrical activity is emphasized. Changes in theatrical activity under the influence of new trends and introduction of modern technologies are analyzed.

Keywords: theatrical activity, stage role, artistic image, dramatic action the dynamics of the scene, the character.

Аннотация

В статье описывается становление современного театра, его плюсы и минусы, раскрывается его функция, как для воспитания нравственных ценностей молодого поколения, так и для зрителя в целом. Дается определение сценической роли с точки зрения театральных деятелей и науки психология и подчеркивается ее значимость в современной театральной деятельности. Анализируются изменения в театральной деятельности под влиянием новых веяний и внедрения современных технологий.

Ключевые слова:

Театральная деятельность, сценическая роль, художественный образ, драматическое действие, динамика сцены, персонаж.

С начала 90-х годов прошлого столетия после распада СССР интерес к театральной деятельности в нашей стране начал угасать. Даже самые популярные представления с участием самых известных актеров не всегда могли собрать достаточное количество зрителей. Причин такому явлению можно найти множество, но основной из них является то, что театр перестал соответствовать современной жизни и не отображал текущей действительности. Однако всегда считалось, что театр должен отвечать современным веяниям, в связи с этим начало происходить развитие этого вида деятельности, и стали появляться альтернативные театральные постановки и принципиально новые театральные труппы. Современный театр в настоящее время кардинально отличается от классической драматургии.

Сейчас театральное творчество, способное привлечь молодое поколение, никак не может иметь классические очертания по причине абсолютного несоответствия духу времени, в связи с этим у современного театра практически нет никаких канонических ограничений. Театральное действие сейчас может проводиться буквально в любом месте, от заброшенного здания до перекрестка на улицах города, а не только на театральных подмостках, как это было ранее. Также существенно отличается и формирование самого драматургического действия, классические произведения теперь представляют в новом формате, в них добавляются современные элемен-

ты, характерные для текущего времени. Некоторые считают такие изменения негативным фактором, искажающим классику, но другие видят только преимущества, так как значительно возрастает интерес молодых людей, которые не слишком интересуются классической драматургией.

Также изменилась и организационная основа современного театра. Ранее при формировании подачи спектакля учитывались актерские особенности, а сейчас главенствующую роль в театральной постановке играет режиссер-постановщик, а актерский состав формируется из разнообразных типажей. Однако в современной театральной деятельности есть и определенное негативное влияние. Можно отметить, что все больше спектаклей проводятся, преследуя исключительно коммерческие цели, что существенно мешает самовыражению и искусству, но даже в этом случае все равно имеются положительные факторы. Подобные постановки иногда представляют собой настоящие массовые шоу, приводящие в восторг многочисленных зрителей.

Определяя сценическую роль в современном театре в качестве категории искусства для более глубокого изучения ее содержания, нужно обратиться к значениям, которые придают этому понятию актеры, режиссеры и видные театральные деятели. При обобщении подходов К.С. Станиславского, М.А. Чехова, Вс. Мейерхольда, А.

Демидовой, С. Юрского, Л. Додина, М. Захарова и других известных российских театральных деятелей можно сделать выводы, что роль определяется в искусстве в качестве сценического образа, который создается драматургом, режиссером, актером и зрителем. Следовательно, категория роли может рассматриваться в контексте категорией художественного образа. Однако эта связь может определяться в разных ипостасях. С одной стороны, образ является представлением о том, каким хочется показать героя, а роль – это совокупность вербальных, визуальных и других действий, с помощью которых и создается образ. Исходя из этого, результатом роли, которая создается актером, режиссером и другими участниками спектакля, в том числе и зрителями, является художественный образ. То есть роль – это путь к созданию сценического образа. Но, с другой стороны, роль – это совокупность образов, следовательно, роль динамично интегрирует многие образы–представления. Следовательно, роль составляется из образов и своим конечным результатом имеет также образ. Зарождение роли происходит из образов и представлений, которые возникают в результате психической активности, в результате прочтения драматургического материала. Затем возникает художественный образ, который способен преобразить реальность и пробудить эстетическую реакцию. То есть ролью является не сам образ как продукт сознания, а художественное пространство или процесс, который способствует трансформации образов–представлений авторов в художественный образ. Этот вопрос часто вызывает полемику и требует дальнейших более глубоких исследований. [1]

Еще одно определение роли дается в качестве события, механизма динамики сцены, ситуации, части целого события как драматического действия, совместной творческой деятельности, которая осуществляется для того чтобы достичь духовных, эстетических или нравственных целей. В данном случае ролевая категория рассматривается во взаимосвязи с категориями бытия, то есть субъектного существования и действия, драматического и наполненного переживаниями. Это говорит о том, что все, относящееся к действию: мотивация, направленность, адресность, элементность, – имеет самое непосредственное отношение и к роли. То есть роль – это последовательность действий, каждое из которых обусловлено переживанием или содержит его.

К.С. Станиславский вводит понятие – артистическая роль, подчеркивающее ее художественную природу, что и позволяет рассматривать роль в контексте создаваемого всеми участниками сценического или реального события, художественного образа. Природа художественного образа и роли является воплощением психики всех ее творцов, но в большей степени актера и зрителя, в объекте взаимодействия, под которым понимается все содержание преподносимого и воспринимаемого произ-

ведения, будь то спектакль или реальная ситуация взаимодействия.

Рассматривая теории ролей, всегда обращалось внимание на ролевой репертуар личности, в частности на то, что он должен быть достаточно наполненным и разнообразным, для того чтобы обеспечивать эффективное развитие и успешную социализацию личности. В данном контексте можно обратиться еще к одному определению роли, которое дал К. С. Станиславский, – это путь к сверхзадаче через борьбу и контрасты. Можно остановиться на том, что роль – это определенный путь, где предоставляются новые возможности в процессе социализации личности. Таким образом, можно вывести еще одно определение роли – это возможность стать кем–либо. Когда говорят, что кто–то играет важную роль в развитии того–то, подразумевается, что этот человек оказывает влияние на определенный процесс. Следовательно, понятие роли также рассматривается и в контексте значений, например, как возможность получить значимость в каком–либо процессе. [2]

На театральных афишах обычно пишут: роли и исполнители, или действующие лица и исполнители – это дает возможность рассматривать определение роли в соотношении с понятиями "действующее лицо" и "исполнитель".

Таким образом, можно сделать вывод, что роль это категория, которая обобщает такие понятия, как действующее лицо, персонаж, герой. Она также содержит представления множества людей разных поколений о своем содержании. У каждой роли есть исполнитель, который посредством своего воплощения в роли осуществляет свое предназначение в жизненном спектакле. То есть с точки зрения психологии роль можно еще трактовать и как ипостась – форму и сущность бытия, то есть одно из воплощений личности. Следующий вывод, что роль – это действующее лицо, подводит к тому, что роль больше связана с действием и динамикой, чем со статикой. Роль всегда является процессом развития, ее невозможно просто присвоить или взять, ее надо сыграть, прожить, воплотить, исполнить, в ней можно выступить, состояться и даже прославиться. Актер, который гениально сыграл ту или иную роль, проходит путь от типажа к герою, то есть можно сказать, что изначально пустой образ он наполняет содержанием, в результате чего происходит рождение нового героя на сцене. При этом совершенно не важна величина этого героя, это может быть второстепенная или эпизодическая роль, но она исполнена определенным образом, что повлекло за собой изменения отношений, идеи, действия людей. Роль стала значимой, она преобразовала окружение в результате своей творческой деятельности, что соответствовала пониманию героя. Таким образом, роль – это деятельность, которая определена целью, направляю-

щую свою активность на субъект. Если попытаться изобразить ее взаимодействие схематично, то вполне это возможно в виде вектора, обозначающего активность перехода из одного состояния в другое.

Если соотнести понятия "роль" и "персонаж", то персонажем называют действующее лицо драматургического произведения. То есть это персона (человек, лицо), которая своими действиями, мыслями и переживаниями создает действие, производит событие, тем самым творит целое произведение. В связи с этим роль как психологическая категория имеет прямое отношение к личности, хотя эти два понятия не являются синонимами.

В психологии существует разделение социальных и личностных ролей, а в театральном искусстве такого разделения нет. Актер при работе над партитурой роли не разделяет свое личностное "я" и сценический образ. Основываясь на актерском мастерстве, личностная роль является первичной в заданной динамике драматического действия, а также позиция и самочувствие актера, работающего над воплощением образа. Остальное – это шаблоны и стереотипы, применяемые для восприятия роли других, но не для собственного воплощения в роли, так как в этом случае не получится искреннего включения в роль, полную творческой природы игры.

Сами же актеры дают самое распространенное определение роли, как части пьесы, текста, который написан драматургом и иногда снабженный ремарками: пояснениями автора пьесы относительно внешнего вида, поведения и интонаций действующего персонажа. Воплотить роль – означает наполнить ее своим содержанием, одухотворить, оживить героя пьесы. Именно от того, кто исполняет роль, напрямую зависит то, чем будет наполнен текст, написанный драматургом, и насколько полно он будет выражен. В жизни в случае с социальными или профессиональными ролями происходит то же самое, каждый человек имеет представление о какой-либо роли: друга или профессионала. Это содержание вполне стандартно, за счет чего роль и становится понятной всем. Это нельзя назвать содержанием роли, скорее всего, совокупностью внешних признаков, по которым можно предполагать, что воспринимаемый человек занимает некую позицию. Но эта совокупность не одухотворена субъектными смыслами, эмоциями, мотивами, она абсолютно безлика. У нее нет направленной цели, поэтому и воспринимается нейтрально, не пробуждая ответных реакций. Но вероятно это нельзя назвать ролью, потому что роль является произведением взаимодействия, которое включает в себя содержание всех участников представления. Если размышлять в данном контексте, то можно прийти к выводу, что роль – это расстояние от актера до зрителя и создание обоюдного понимания, от эмоций артиста к эмоциям и чувствам того, на кого направлено это действие.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что роль – это путь к желаемому образу, а образ, в свою очередь, является результатом ролевого взаимодействия. Следовательно, роль может выстраиваться только в отношениях и в ходе события. Предназначение роли – это увлекать в совместную деятельность, инициировать мыслительную и эмоциональную активность свою и партнера по сцене. Роль не может иметь своей целью достижение только какого-то одного результата, поэтому она не и представляет особой значимости. В данном случае наиболее близко мнение, что роль является процессом творчества и вовлечения в созидание чего-то очень важного и значимого.

Если взять за основу определение среды в качестве совокупности, как внешних, так и внутренних свойств, обстоятельств, качеств, определяющих развитие личности, то роль вполне может считаться таковой. Ведь именно ролевой репертуар в целом и качество, содержание каждой роли в частности создают определенные условия для прогресса или, наоборот, деградации некоторых свойств личности. Сами актеры отмечают, что роль, которую они исполняют на определенное время, становится для них атмосферой, в которой проходит их сценическая и реальная жизнь. Оценивая свойства исполняемой роли и примеряя себя к ней, выстраивая роль в себе, актер какое-то время ориентируется на то, как бы поступил исполняемый им герой в данной ситуации, что бы он сказал, как бы отреагировал. Он находится в определенной системе, которая задана ролью, то есть роль на какой-то промежуток времени задает алгоритм общения, как с внутренним миром, так и с внешней средой. Следовательно, сценическая роль определяет свое место в театре, как один из наиболее значимых элементов театральной деятельности, на которой и основывается драматургическая постановка и без нее невозможно в принципе.

Сегодня современный театр представляет собой полноценный эксперимент над содержанием и формой. Условные эксперименты начались еще в прошлом веке, когда театр Мейерхольда поражал и шокировал публику. Но так или иначе значительная часть из наследия нестандартного театрального искусства довольно органично существует в практике современного театра.

Экспериментировать над содержанием театральной деятельности является сложной задачей, которая тесно связана с работой драматургов. Любые кардинально новые и неординарные действия в произведениях требовали, как обновленных сценических решений, так и нового зрителя. В процессе того, как авторы выходили из классического репертуара, они постепенно отказались от трех первооснов: места, времени, действия, тем самым получив совершенно новые ресурсы и неограниченные выразительные возможности. [3]

В последнее время российский театр в некоторых случаях стал объектом, который привлекает к себе внимание правящих структур, вступая в диалог с властью и церковью по причине того, что театр находится на пороге развития и выявления новых форм, языка и стиля. Самое начало двухтысячных годов является временем самовосстановления после существенных разрушений театральной системы и очевидных проблем в 90-х годах. А вот во втором десятилетии уже начинается процесс поиска, изучения, перенимания зарубежного опыта и попыток создания своего нового стиля. Сегодня у современного театра сформировался новый, более требовательный зритель, который на почве театра консервативного желает видеть принципиально обновленные формы самовыражения.

Очевидно, что происходят изменения в самой профессиональной основе театра. На сегодняшний день наступила эпоха деканонизации театрального формата, и впервые за довольно большое количество лет оказались на пороге свободного выбора, но еще и с фактом размытых критериев.

Нынешний век предоставил также новейшие информационные возможности, которые стали причиной резкого радикального изменения восприятия мира, снятия и преодоления топологических и временных границ. Таким образом, новые условия жизни способствовали перестройке и изменению человеческого сознания на всех уровнях. Произошла глобальная интеграция технологий в жизненный процесс, начиная с компьютера, интернета, заканчивая робототехникой и различными гаджетами, которая оставила свой отпечаток на всю психологическую и ментальную структуру личности молодых людей. В результате получили переориентацию индивида с традиционного цивилизационно – культурного опыта на радикально иной, далекий от предыдущего обозримого периода истории. Также организация социальной культуры претерпевает значительные изменения. Произошла резкая поляризация различных направлений в искусстве, с одной стороны, это элитарное направление, узко ориентированное на интровертную, замкнутую по характеру аудиторию, а с другой – массовые явления, которые предполагают обширную публику, которая обладает доступным и открытым характером. Механизмы массовой коммуникации оказали мощнейшее влияние на создание и формирование нового социального состава аудитории вместе с обновленными психологическими установками. Они также стали неким новым средством трансляции искусства, его функционирования и распространения. [4]

В конечном итоге современный зритель, как и во все времена, вновь проявил себя как эстетически неоднородный. Осознанная ориентированность массовой культуры на некий усредненный уровень создала собствен-

ных массовых потребителей. Появились такие понятия как: поп-культура, коммерческая культура и культура развлечений. Пресса, радио, видео и звукозаписи, кино и телевидение сейчас выступают в качестве главного канала массовой культуры. На сегодняшний день мы имеем форму интеллектуального, эстетического самодтверждения общественных групп, выделяемых по возрастному или социальному признаку. Как отмечают социологи, культура интеллектуальной элиты усредняется и вступает во взаимодействия с массовой культурой. В настоящий момент довольно четко прослеживается ответственность театра на массовые вкусы зрителя и погоно за кассовым сбором, что способствует рождению и проявлению произведений искусства, которые не могут выдержать испытание временем. Мода на них недолговременна и публика, приобретая новые вкусы, забывает о своих прежних кумирах.

Индустрия развлечений такова, что сегодняшнему зрителю нужно получить информацию и узнать своеобразие правила игры, по которым с ним сегодня будут играть за первые пятнадцать минут от начала спектакля. Основная нагрузка лежит на режиссере – умело объяснить эти правила массовому зрителю, для этого нужен определенный режиссерский талант. А талантом зрителей является умение эти правила воспринять. Если требуется повернуть правила вспять, поломать структуру и создать тут же новую игру с новыми правилами, – это уже гений режиссера.

Театр во все времена является тем искусством, которое в первую очередь учит быть человеком, чувствовать и сопереживать, только театр способен оказать на людей такое сильное эмоциональное влияние. И только театр может дать заинтересованному человеку живое восприятия действительности, одаривает своих зрителей истинными ощущениями и эмоциями. Театральное искусство дает своему зрителю, прежде всего, личностное развитие и стремление к совершенству в работе над собой, своими слабыми сторонами характера и привычками.

Театральная деятельность, благодаря сценическим образам, воплощаемым на сцене, структурирует определенным образом аудиторию и публику, которая уже приобщена к культуре. Сегодня формируется уже новая структура ценностей, что введет к утрате просветительских ценностей, согласно которым культура должна доставлять именно эстетическое удовольствие, а не только носить развлекательный характер. В результате новых веяний режиссура начинает функционировать уже как замкнутая система. Исходя из уже сложившейся, возникает необходимость в формировании тесного взаимодействия и информационных связей между театральной публикой и коллективами театров.

Театральное искусство неоднородно, оно включает в себя различные искусства, которые взаимно могут дополнять друг друга, поэтому целью визита в театр для большинства зрителей могут служить разные потребности. Необходимость в посещении спектакля может быть обусловлена эстетической и социальной направленностью.

Так же четко прослеживается, что театральная деятельность оказывает значительное влияние на формирование культуры социума. Необходимо все время расширять репертуар, ставить спектакли, которые побуждают интерес сегодняшнего зрителя. Особенно важно обратить внимание на зрителя нового поколения и сделать все, что бы привлечь его к театру.

Театральное искусство, как и любое истинное искусство, должно воспитывать нравственные основы личности. Любой зритель, приходящий на спектакль, с каждым новым посещением должен духовно развиваться. Театр помогает людям рассмотреть все жизненные проблемы со стороны, тем самым показывая все возможные выходы из подобных жизненных ситуаций, которые показываются в театральных действиях. Также театр является одним из самых сильных инструментов, который затрагивает чувственную сферу, ведь зритель сопереживает героям пьесы, сложным жизненным ситуациям, проявляя естественный гуманизм, формирует такие качества, как человечность и доброту. Театральное искусство способно воспитывать и даже душевно исцелять в диалоге со зрителем. Исцеляющее воздействие такого совместного творчества в ходе спектакля связано с тем, что психологическое состояние участников действия начинается для них в ситуации защищенности от всех разочарований и эмоционального напряжения, которое сопровождается переживанием радости в игре. Все эти качества, по мнению психологов, стимулируют человека на переоценку ценностей в своей жизни. [5]

Восприятие новой эпохи сквозь призму новых веяний и понимание режиссерского замысла не всегда может выглядеть адекватным. Подобные факторы иногда приводят к провалу спектакля или существенно понижают его художественную ценность. Расширение жанровой перспективы затронуло как элитарную, так и массовую область художественной культуры. Появились принципиально новые жанры, которые требуют использовать возможности новых технологий – видеоинсталляции в любой форме инструментального театра, компьютерные технологии, а также разнообразные СМИ.

Таким образом, в контексте постмодернизма уже сформировалось направление видео арта, создание отдельных инсталляций. Современные технологии, которые преобразовывают видео-аудио ряд, нашли свое широкое применение в условиях театральной сцены.

Наряду с этим довольно заметной областью становится создание определенной среды путем наращивания мощности декоративного оформления. Однако вышеперечисленные факторы несколько не умаляют значимости сценической роли в современном театре, а, наоборот, только помогают придать яркости и выразительности воплощаемым образам.

Развитие индустрии неизбежно диктует потребности к новым театральным приемам. Таким образом, все театральные жанры приобрели высочайший коммуникативный потенциал и перспективу дальнейшего развития, сформировалась новая огромная аудитория, которая создает и двигает этот процесс дальше. Новые направления и коммерциализация творческих проектов придают значительное усиление внешней среды воздействия. Информационные технологии в свою очередь делают театральный процесс гораздо совершеннее и интереснее. Необходимо только бережное обращение с классическими литературными источниками, музыкальным материалом, чтобы не исказить первоначальный смысл произведений и не превратить все в театральную пошлость в угоду массовости. Неоспоримым фактом является то, что новое искусство вполне самодостаточно, оно позволяет преподнести обществу театр в качестве новой формы коммуникации. Благодаря эмоциональной насыщенности театр по праву сохраняет статус искусства уникального и востребованного, прежде всего, неся эстетико-интеллектуальный смысл.

Современное искусство идет в ногу со временем, современный театр уже совсем не такой, как был раньше. Одной из основных тенденций сегодня становится прочтение в новой интерпретации классических произведений. Достаточно вспомнить Владимира Высоцкого в роли Гамлета. Все, кто приходил на спектакль, замирали, когда он произносил: "Быть или не быть?". Тогда стало абсолютно неважным, что в это время Гамлет был одет не в панталоны и длинный камзол, главным является воплощаемая сценическая роль, благодаря которой происходит единение зрительного зала и сцены, актёра и зрителей. Спектакли подобного уровня актерского мастерства будут актуальны во все времена.

Однако постановкой классических произведений репертуар современного театра не ограничивается. На сцене все чаще можно увидеть спектакли, в основе которых положены произведения современных авторов. На смену глубоким философским рассуждениям актеров приходят легкие комедии, новые, иногда довольно провокационные постановки, носящие сугубо развлекательный характер. Бывает, что подобные постановки не всегда понятны зрителю, в некоторых из них для усиления действия используются весьма нестандартные подходы, например, до недавнего времени могла применяться обсценная лексика. Это лишнее доказательство,

что театр является живым организмом, который развивается сообразно времени и ищет своё применение в новых условиях.

Театр дает людям праздничную атмосферу, торжественность обстановки и значительно большие эмоции, чем может дать просмотр кинофильма. Зритель становится участником событий, а не посторонним наблюдателем, в театре есть то, что нет на ТВ и в кино, – это искренность. Ведь в театральной постановке актёры играют вживую, они переносятся в разные эпохи, играют непохожих друг на друга людей и делают это так, что не сопереживать им просто невозможно. Именно за это они награждаются зрительским признанием и овациями.

Сейчас люди идут в театр за мыслями и чувствами и пищей для размышлений. Ведь современный театр – это

не только развлечение, он доносит до зрителей острые проблемы современности, такие как безразличие, одиночество и др. Режиссеры и актёры заставляют зрителя задуматься о своей личности, своем образе жизни, об окружающей его действительности. Потому что за рутиной ежедневных дел у людей просто не остается времени на философские вопросы. А театральные постановки, особенно классические, помогают взглянуть на обычные вещи совершенно с другого ракурса, сквозь призму времени, ведь многие вопросы и проблемы тех времен будут актуальны во все времена. Иными словами, театр будет интересен всегда. Независимо от экономической ситуации, тотальную занятость и высокий темп жизни, люди все равно будут находить время для его посещения. Хотя бы для того, чтобы, переступив порог театра, уйти от своих проблем и насладиться прекрасным миром искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопаткова И.В. Определение роли: от искусства к психологии или от психологии к искусству? Журнал "Актуальные проблемы психологического знания" Изд.; МПСУ г. Москва № 4, 2011 С. – 6–17
2. Станиславский, К. С. Работа актёра над собой [Электронный ресурс] / К. С. Станиславский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/stanislawskij_k_s/text
3. Веллингтон А.Т. Современный театр. Эксперименты над формой и содержанием Журнал "Историческая и социально-образовательная мысль" Изд.; КМАП г. Краснодар № 3, 2017 С. – 139–145
4. Астафьева Т. В. Новые технологии в современном постановочном процессе: на материале театрального искусства Санкт-Петербурга 1990–2010 гг. : диссертация. – Санкт-Петербург, 2011. – С. – 187
5. Дубовцева Т.Ф. Социализация личности средствами театральной деятельности Изд.; "Эврика" г. Новый Уренгой № 2, 2015 С. – 23–26

© Цзинь Яньлун, (bulaiks2395@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

**Каллиграфия
для всех**

ИХО ул. Баррикадная 15 тел: +7-902-311-16-46 94-00-06

РЕКЛАМА

ВЛИЯНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ "ТЕХНОЛОГИЯ"

INFLUENCE OF PEDAGOGICAL CONDITIONS
FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL
SELF-DETERMINATION OF THE OLD
SCHOOLS IN THE SUBJECT FIELD
"TECHNOLOGY"

*M. Sabdenov
E. Kurkchi*

Annotation

The article essence of certain pedagogical terms, filling, opens up which the high enough level of readiness of senior pupils must provide the environments of subject area of "Technology" to professional self-determination. The questions of influence of the indicated terms are examined on changing in the structural indexes of readiness to professional self-determination.

Keywords: professional self-determination of senior pupils, pedagogical terms.

Шабдинов Марлен Лимдарович

К.п.н., доцент,

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь

Куркчи Эмиль Усеинович

Ст. преподаватель,

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь

Аннотация

В статье раскрывается сущность определенных педагогических условий, наполнение которыми среды предметной области "Технология" должно обеспечить достаточно высокий уровень готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению. Рассматриваются вопросы влияния указанных условий на изменения в структурных показателях готовности к профессиональному самоопределению.

Ключевые слова:

Профессиональное самоопределение старшеклассников, педагогические условия.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема профессионального самоопределения учащихся старших классов не является новой в научных исследованиях, ее решение, в течение длительного времени, избирается, в качестве специального предмета изучения, в трудах педагогов, психологов и социологов. В разное время, в зависимости от общественных запросов на уровень и качество подготовки специалистов и достижений в области профессиональной ориентации, в системе формирования профессионального самоопределения старшеклассников, доминировали различные формы и методы педагогической работы.

Теоретический анализ научных исследований проблемы формирования у старшеклассников профессионального самоопределения позволил сделать вывод о том, что в современной воспитательной теории и практике ученые все чаще обращаются к новой тактике и технологии педагогической работы, направленной на активизацию механизмов профессиональной самооценки, самопознания и самосовершенствования личности (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович, И.А. Зимняя, Л.И. Рувинский, В.А. Сухомлинский). Для достижения данной цели учеными предлагается (И. Бех, Е. Климов, А. Коберник, Б. Федоришин и др.) модернизировать традиционную

систему профессиональной ориентации учащейся молодежи в направлении совершенствования ее содержания и педагогических условий реализации в различных типах учебных заведений. Однако в современных условиях введения в практику старшей школы профильного обучения, вопросы формирования профессионального самоопределения решаются не в полной мере. При этом, учебно-воспитательная среда профильной подготовки, согласно утвержденных Федеральных государственных образовательных стандартов среднего (полного) общего образования в России, позволяет старшеклассникам уточнить будущий социально-профессиональный статус и начать, через активную познавательную-преобразующую деятельность, формирование необходимых, для выбранной профессиональной сферы, профессионально-важных качеств [5]. В данном контексте, не является исключением технологический профиль, в целом, и сфера инженерно-технических и рабочих профессий (далее ИТРП), в частности [7].

Формулировка цели статьи

Учитывая отмеченное выше, целью статьи является раскрытие сущности определенных педагогических условий, наполнение которыми среды предметной области

"Технология" должно обеспечить достаточно высокий уровень готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению (далее ГСПС).

Изложение основного материала статьи

Понятие "педагогическое условие" рассматривается в современных исследованиях как обстоятельство (В. Андреев), способствующее развитию определенного педагогического процесса [1]. Введение в традиционный учебно-воспитательный процесс такого "обстоятельства" должно обеспечить достижение заранее заданного результата, которым в нашем исследовании является готовность старшеклассников к профессиональному самоопределению в сфере ИТРП. Такая цель достигается через решение ряда задач, таких как: повышение когнитивной составляющей и адекватной самооценки системы знаний старшеклассника о себе и будущей, выбранной или желаемой профессии; обеспечение дифференцированного отношения к различным рабочим и инженерно-техническим профессиям и принятие себя как субъекта выбранной профессии; развитие комплекса необходимых, для выбранной в сфере рабочих и инженерно-технических профессий профессионально важных качеств, которыми являются настойчивость, профессиональная мобильность и проектно-технологические умения. Достижение таких задач возможно в, соответствующем образом организованной, среде формирования профессионального самоопределения учащихся.

Введение в учебно-воспитательный процесс старшей школы определенных педагогических условий предполагает определение конечной цели формирования (изменения в структуре ГСПС) и промежуточных задач (изменения в показателях структуры ГСПС), которых можно достичь с помощью соответствующих педагогических средств. Современные технологии профориентационной работы, раскрыты в трудах отечественных ученых (согласование профилей программ профориентационного направления и др.) и выступают педагогическими условиями, выполнение которых приводит к повышению уровня сформированности определенного явления (направленности, интересов, мотивов, качеств личности и т.п.).

Этот вывод подтверждается при уточнении сущности понятия "формирование", которое в психолого-педагогических исследованиях (Б. Мещеряков, В. Зинченко) понимается, с одной стороны, как совокупность приемов и способов внешнего воздействия на индивида, имеющий целью создание у него системы определенных социальных ценностей, а с другой – процесс создания, под влиянием приемов особого типа системных образований внутри целостной психологической организации личности [3].

Важность второй составляющей процесса формирования отмечает в своих трудах И. Бех. Ученый утверждает, понятие формирования не исчерпывается одним содержанием, оно подразумевает также процесс образования, под влиянием различных социальных действий,

особого типа системных отношений внутри целостной психологической организации личности [2, с. 237]. Определение понятия формирования в той части, где речь идет об организации способов воздействия на личность, уравнивается с понятиями "обучение" и "воспитание". Следует учитывать, что и воспитание, и обучение как процессы состоят из деятельности педагога и собственной деятельности ребенка. Деятельность ребенка возникает и трансформируется в ходе протекания этих процессов, педагог лишь направляет его на пути становления. Поэтому эффективность его педагогической деятельности определяется эффективностью формирования собственной деятельности воспитанников, поскольку именно на ее основе происходит их развитие. В то же время есть основания считать, что не всякая собственная деятельность ребенка, а лишь та, которая целенаправленно формируется педагогом и осуществляется в ходе постоянного, активного участия в ней самого ребенка, как субъекта этой деятельности, оказывает влияние на его психическое развитие [2, с. 238].

Таким образом, введение в процесс технологической подготовки учащихся старших классов определенных педагогических условий, должно обеспечить целенаправленное формирование педагогом деятельности профориентационной направленности, через активное участие в ней самого старшеклассника, как субъекта этой деятельности. Результатом собственной профориентационной деятельности, на этапе окончания средней общеобразовательной школы, должна стать готовность старшеклассников к профессиональному самоопределению. В ходе проведенного нами исследования, целью деятельности ученика в, целенаправленно организованной педагогом, профориентационной среде технологического направления профильного обучения, должна быть его готовность к профессиональному самоопределению в сфере ИТРП. При этом, целенаправленно организованный, профориентационный процесс и составляет сущность педагогических условий, позволяющих достичь поставленной воспитателем цели [7].

Промежуточным звеном между требованиями будущей профессии и возможностями ученика является его самостоятельная деятельность (собственные эмоционально-волевые усилия воспитанника) в направлении уравновешенности (через сформированное отношение к профессии и к себе, как к субъекту будущей трудовой деятельности) объективных требований профессионального пространства (объективно заданная потребность в выборе будущей профессии) и субъективных факторов, влияющих на овладение, в будущем, желаемой профессией. Поэтому педагогическими условиями и должны быть такие обстоятельства, которые будут обеспечивать, через организацию самостоятельной деятельности старшеклассника, согласование им знаний о содержании и структуре ИТРП и их требований, предъявляемых к человеку, со сложившимися и осознанными им (в процессе развития) возможностями и потребностями [7].

Для определения необходимых педагогических условий, отмечает А. Коберник, которые обеспечат в будущем достижение цели, представленной в идеальной модели, используются процессы педагогического проектирования. Целью такого проектирования является побуждение старшеклассника к внутренней самодеятельности, направленной на самостоятельное согласование актуальных проблем профессионального самоопределения в процессе технологической подготовки [4].

Каждый школьный предмет, в пределах его возможностей, открывает перед учащимися мир труда и профессий. Профильные учебные предметы и курсы по выбору предметной области "Технология", помимо развития, в процессе познавательно-преобразовательной деятельности, общетрудовых умений и навыков, создают еще и условия для формирования профессионально важных качеств, необходимых в выбранной старшеклассниками профессии. Технологическое направление профильного обучения старшеклассников открывает перед ними также и возможности допрофессиональной или профессиональной подготовки. Существенно расширяют такие возможности и очень большой спектр курсов по выбору, факультативов, способов осуществления учебной, производственной и летней практики, индивидуальных и групповых занятий. Одновременно с такими возможностями у старшеклассников возникают и проблемы с обоснованным выбором. Эти проблемы связаны с тем, что такой выбор должен не только совпадать со сформированными профессиональными интересами, мотивами и намерениями, но и, в будущем позволить, через активное участие в познавательно-преобразовательной деятельности, начать формирование необходимых для выбранной профессии профессионально важных качеств.

Учитывая отмеченное выше, первым этапом формирования готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению является педагогическое обеспечение познавательно-поисковой профориентационной деятельности, через выполнение ими профессионально-исследовательских задач. Указанный познавательно-поисковый этап профориентационной деятельности старшеклассников позволяет им проверить непосредственно в учебно-воспитательном процессе правильность осуществления выбора, при необходимости вовремя его скорректировать и определить программу изучения профильных предметов, специализированных курсов допрофессиональной подготовки и профессионального обучения. Такие поисковые шаги и составляют сущность индивидуальной образовательной траектории в овладении содержанием выбранного учебного профиля, который должен быть связан с определенной сферой профессиональной деятельности человека. При этом содержание технологической подготовки охватывает трудовую деятельность человека в сфере ИТРП.

Внедрение первого этапа формирования ГСПС решает очень широкий круг проблем: для учеников – выбор профиля обучения и индивидуальной учебной программы;

для школы – комплектование профильных классов не только в зависимости от количества желающих, но и от их возможностей в совершенстве овладеть содержанием выбранного профиля.

Однако для повышения когнитивной сложности и адекватной самооценки системы знаний старшеклассника о себе и о будущей профессии, а тем более обеспечения дифференцированного их отношения к профессиям и самопринятия себя, как субъекта выбранной рабочей или инженерно-технической профессии, только познавательно-поискового этапа недостаточно. Поэтому следующим этапом нами определен проектно-позиционный, который предусматривает овладение учащимися старших классов содержанием курса профориентационной направленности "Профессиональное самоопределение в сфере инженерно-технических и рабочих профессий". Учебные программы таких курсов должны являться обязательной и неотъемлемой частью подготовки старшеклассников к профессиональному самоопределению, содержание которого служит системообразующей основой для обобщения учеником полученных знаний о мире профессий и направления построения будущей профессиональной карьеры. Реализация программы курса может осуществляться за счет часов вариативной части учебных планов общеобразовательной школы [7].

Учитывая специфику технологического направления профильного обучения и заданной им сферы профессионального труда человека, нами определено главной целью учебной программы курса профориентационной направленности "Профессиональное самоопределение в сфере инженерно-технических и рабочих профессий" формирование у учащихся 10–11-х классов готовности к профессиональному самоопределению. Реализация указанной цели возможна через ознакомление их со спецификой рабочих и инженерно-технических профессий, требованиями и спросом на рынке труда в специализации этой отрасли.

Следующий этап формирования ГСПС – практически-результативный. Содержанием этого этапа нами определены профессиональные пробы, в форме проектно-технологических работ, которые старшеклассники выполняют в процессе практических работ, учебной и производственной практики по профильным предметам, индивидуальных и групповых занятий. Организация технологической подготовки на основе проектно-технологического подхода, предусматривает выполнение старшеклассниками определенного проекта (индивидуального, группового, коллективного). Такой проект охватывает деятельность учащихся от формулировки цели до обоснования экономической целесообразности в процессе изготовления определенного продукта (изделия).

Отметим, такой подход в предметной области "Технология", при котором акцент переносится на самостоятельную и активную деятельность старшеклассников, в последнее время все чаще приходит на смену репродуктивному обучению, в ходе которого происходило пассив-

ное воспроизведение полученных знаний, сформированных умений и навыков. В основе проектно-технологического подхода лежит личностно-ориентированное обучение и воспитание ("обучение, в центре которого находится ученик"). Роль учителя при использовании такого подхода заключается в поддержке деятельности учащихся. Он обеспечивает материалами, косвенно руководит их деятельностью, ставит перед ними проблемы и помогает их решать. В итоге, учебный процесс сводится к сотрудничеству и продуктивному общению учащихся, направленному на совместное решение проблем, формирование умений выделять важное, ставить цели, планировать деятельность, распределять функции, ответственность, критически рассуждать. Результатом обучения становится уже не просто усвоение знаний, умений и навыков, а формирование основных способов деятельности, которые обеспечивают успех практической деятельности (элементы компетентностного подхода).

Работа по методу проектов предполагает постановку определенной проблемы и последующее ее раскрытие, решение, с обязательной формулировкой идеи и гипотезы решения проблемы, четким планированием действий, распределением (если рассматривается групповая работа) ролей, то есть наличием задач для каждого участника, при условии их тесного взаимодействия, ответственности за свою часть работы, регулярного обсуждения промежуточных шагов и результатов. Метод проектов является эффективным в том случае, когда в учебном процессе поставлено определенное исследовательское, творческое задание, для решения которого необходимы интегрированные знания из различных областей, а также применение исследовательских методик [6]. Стоит отметить еще один очень важный аспект практически-результативного этапа формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению в сфере ИТРП, который заключается в самопринятии учеником себя, как субъекта трудовой деятельности.

ВЫВОДЫ

Таким образом, введение в традиционный учебно-воспитательный процесс технологического направления профильного обучения такого "обстоятельства" как реализация поэтапного формирования ГСПС (выделенные нами познавательный-поисковый, проектно-позиционный и практически-результативный этапы) и составляет сущность педагогических условий, обеспечивающих включение учащихся в соответствующую профориентационную деятельность. Суть первого этапа заключается в осуществлении старшеклассниками профессиографически-исследовательской деятельности. В ходе второго этапа происходит овладение ими содержанием курса профориентационной направленности. Проведение профессиональных проб, в форме проектно-технологических работ должно обеспечить самостоятельное согласование знаний о содержании и структуре рабочих и инженерно-технических профессий и их требований к человеку со сложившимися и осознанными, в процессе развития профессиональными возможностями и потребностями.

Обоснованные педагогические условия и имеют целью обеспечить организацию такой самостоятельной деятельности старшеклассника, которая, в конце концов, приведет: к повышению когнитивной сложности и адекватной самооценки системы знаний старшеклассника о себе и будущей выбранной или желаемой профессии; к формированию необходимых профессионально-важных качеств, которыми в сфере рабочих и инженерно-технических профессии являются настойчивость, профессиональная мобильность и проектно-технологические умения; к обеспечению дифференцированного отношения к различным рабочим и инженерно-техническим профессиям и самопринятию себя, как субъекта выбранной профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития. Казань, 1996. С.568.
2. Бех І. Д. Виховання особистості: підручник / Іван Дмитрович Бех. – К.: Либідь, 2008. – 848 с.
3. Большой психологический словарь (3-е изд., доп. и перераб.) / [под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко]. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. – 672 с.
4. Коберник О. М. Теорія і методика психолого-педагогічного проектування виховного процесу в школі / О. М. Коберник. – К.: Наук. світ, 2001. – 182 с.
5. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт среднего (полного) общего образования / утвержден приказом Минобрнауки России от 17 мая 2012 года № 413.
6. Шабдінов М. Л. Учнівський проект у професійному самовизначенні старшокласників / М. Л. Шабдінов // Теоретико-методичні проблеми виховання дітей та учнівської молоді: збірник наукових праць / [ред. колег. О. В. Сухомлинська, І. Д. Бех та ін.]. – К.: Інститут проблем виховання АПН України, 2008. – Кн. № 1. – Вип. № 12. – С. 371 – 379.
7. Шабдінов М.Л. Формування професійного самовизначення старшокласників у процесі технологічної підготовки: дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.07 "Теорія і методика виховання" / М.Л. Шабдінов. – К.: Ін-т проблем виховання НАПН України, 2010. – 307 с.

ГНОМИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ВО ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

APHORISMS IN TIME CONTINUUM

S. Anokhina

Annotation

The article describes aphoristic utterances originating from various lingua-cultures and from various time periods but reflecting the same concepts. From this point of view these aphorisms can be interpreted as expressions of universal human values, their relations being described in the terms of cultural syntagm and cultural paradigm.

Keywords: Aphorism, absolute monocultural syntagm, relative monocultural syntagm, bicultural paradigm, polycultural paradigm.

Анохина Светлана Петровна

*Д.филол.н., профессор,
Тольяттинский государственный
университет, г. Тольятти*

Аннотация

В статье описывается корпус гномических высказываний, которые принадлежат различным лингвокультурам, различным временным эпохам, но касаются одних и тех же концептов. Такой подход даёт возможность интерпретировать подобные афоризмы как выражение универсальных ценностей и наметить их отношения и связи во времени как культурные синтагмы и культурные парадигмы, привлекая аналогию с синтагматико-парадигматической моделью языка.

Ключевые слова:

Афоризм, абсолютная монокультурная синтагма, относительная монокультурная синтагма, бикультурная парадигма, поликультурная парадигма.

Афоризмы являлись предметом исследования в различных языках как зарубежными, так и отечественными учёными. Отметим лишь некоторые работы: в когнитивном аспекте [1; 9; 15]; в рамках лингвопрагматики [22]; таксономия гномических высказываний [5; 18; 19; 20; 23]; в композиционно-структурном и стилистическом аспектах [4; 7; 10; 24; 2; 14; 21; 17].

Наша работа отвлекается от вышеупомянутых аспектов, поскольку материалом послужила выборка из книги "Энциклопедия мудрости" (РОССА), где представлен корпус разноязычных гномических высказываний в переводе на русский язык. Объектом нашего описания служат "панхронические" афоризмы, т.е. такие, которые принадлежат различным лингвокультурам и различным временным эпохам, но касаются одних и тех же концептов, точнее, их ценностной составляющей, что даёт возможность интерпретировать подобные высказывания как выражение универсальных ценностей, а также задаться вопросом об их первичном авторстве.

Афоризмы – яркое свидетельство антропоцентричности языка, с одной стороны [3], и ценностной ориентации их авторов, с другой стороны, так как ценностный уровень является одним из важнейших в структуре языковой личности в целом [12] и языковой личности в ситуации общения, в частности [11].

Как правило, концептосферы в каждом виде гномических высказываний нашей выборки: собственно афоризмы, максимы и сентенции [22, с.8] – не имеют общих

сегментов за редкими исключениями, такими как "мера во всём", "знание, обучение" (афоризмы и максимы).

Однако, с целью системного описания в терминах синтагматико-парадигматической модели мы сочли оправданным оставаться в рамках каждого из видов гномических высказываний, что создаёт объективные предпосылки выявления их сходств и различий в данном аспекте.

В этом отношении наибольшее разнообразие наблюдается для афоризмов, как и наибольшее тематическое разнообразие. Одной из важнейших ценностей и универсалий культуры является Время. В афоризмах отражено понимание времени и как линейного, и как циклического.

Иллюстрацией первого служат следующие из них: 1) Всеми своё время и время всякой вещи под небом (Екл., 3:1). 2) Время на всё есть: свой час для беседы, свой час для покоя (Гомер, 26) – XII–XIII в.в. до н.э. 3) Каждому человеку дано своё дело, и каждому делу – своё время (Эзоп, 35) – VII в. до н.э. 4) Каждому делу – своё время (Сенека, мл., 136) – I в. до н.э. 5) Для каждой малости есть своё время (Мурсаки Сикибу, 203) – Япония, X в. н.э.

Данные высказывания могут быть представлены как сложная модель: 2) и 3) соотносятся между собой как абсолютная монокультурная синтагма, так как их авторы принадлежат одной культуре и их разделяет только время; оба эти высказывания в соотношении с 4) можно

представить как относительную монокультурную синтагму, так как древние римляне считали себя наследниками культуры античной Греции и в той или иной мере она была ими ассимилирована, тем более, что нельзя исключить знакомства Сенеки с сочинениями Гомера и Эзопа, и в таком случае речь может идти даже об интертексте (об интертекстуальности ср. [6]). В целом же все пять высказываний представляют собой поликультурную парадигму с "встроенными" синтагмами, так как их авторы – представители разных лингвокультур, и их разделяют значительные промежутки времени.

Об интертексте в современном понимании данного термина можно говорить и в случае следующей пары метафорических высказываний, выражающих линейное время: Время залечивает раны (Менандр, 86); – IV в. до н.э. Время врачует раны (Августин Блаженный, 181) – IV в.н.э. Но и полностью исключить относительно синтагматические связи также нельзя, поскольку второе принадлежит автору эпохи поздней Римской империи.

Циклическое время репрезентируют афоризмы, формирующие бикультурную парадигму, так как они принадлежат двум различным культурам и их разделяет значительное время: Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовет прошедшее (Екл., 3:15). Непрестанно держи в уме, док какой степени всё то, что бывает ныне, бывало и раньше; и держи в уме, что это же самое предстоит и в будущем (Марк Аврелий, 178) – II в. Приведённые афоризмы, являются лингвистическим аргументом в пользу того, что в эти эпохи у данных народов ещё не сформировался чистый тип полихронной культуры, к которым относятся их потомки в современное время [13, с.81–85].

Сложная поликультурная парадигма имеет варианты. Примером этого служат афоризмы, реализующие такую ценность как Разум: 1) Кого боги задумали погубить, того они лишают рассудка и всё представляется ему в ложном свете (Древний Мир, 12). 2) Кого Бог хочет погубить, того он сначала лишает разума (Софокл, 75) – V в.до н.э. 3) Несчастных прежде всего оставляет разум (Овидий, 120) – II в.до н.э. 4) Чтоб погубить, судьба лишает разума (Сир Публий, 13)–II в.н.э. В данную парадигму "встроены" относительная монокультурная синтагма – высказывания 2) по отношению к 3) и 4), и абсолютная монокультурная синтагма – высказывания 3) и 4) по отношению друг к другу.

Ещё один вариант сложной поликультурной парадигмы представляет собой следующий ряд афоризмов: 1) Друг познаётся в беде... (Древний Мир, 9).2) Истинный друг познаётся в несчастье (Эзоп, 35) – VII в. до н.э. 3) Друзья познаются в беде (Цицерон, 101) – II в.до н.э. 4) В беде познаёшь друга (Петроний, 153) – I в.н.э. 5)В несчастье познаётся друг и изобличается враг (Эпиктет, 170) – I в.н.э. 6) Храбрый испытывается в скорбное время, а

верные друзья – в беде (И.Дамаскин, 92) – VII в.н.э. Высказывания 1) и 5) с одной стороны, и 3) и 4), с другой, можно интерпретировать и как абсолютные монокультурные синтагмы, и как интертекст каждую пару, в особенности 3) и 4). Высказывания 2) и 5) по отношению к 3) и 4) можно интерпретировать и как интертекст, и как относительную монокультурную синтагму. Высказывания 6) и 2) – 5) – это и бикультурная парадигма, если учитывать такой параметр как "христианская – языческая культура", и как интертекст, так как выдающиеся христианские богословы изучали не только высшую науку (христианское учение), но и внешнюю философию (произведения языческого мира).

Особенностью следующего варианта поликультурной парадигмы являются два вида "встроенного" интертекста: "внутренний" – высказывания 2) и 3) как принадлежащие христианской литературе, и "внешний": эти высказывания по отношению к 4), автор которого также принадлежит к христианской культуре, но по критерию "восприятие времени" – уже к другому типу культуры – монохронной: 1) Самая пагубная из страстей – алчность (Эзоп, 36). 2) Ибо корень всех зол есть сребролюбие (1-е Тим.,6:10) – I в.н.э. 3) Алчная душа всем злым делам начало (И.Дамаскин, 191). 4) Жадность – корень всех зол (Чосер Дж., 236) – XIV в.н.э.

Как видим, второй и третий варианты сложной поликультурной парадигмы репрезентируют ценностную составляющую концепта Дружба, и антиценность – Сребролюбие.

Примерами бикультурных парадигм являются афоризмы, репрезентирующие ценностную составляющую концепта Истина: Один есть путь – путь истины и всё остальное – не пути (Древний МИР). Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь (Иоан., 14: 6). Любовь как проявление божества: ... потому что Бог есть любовь (1-е Иоан., 4:8, 16). Бог есть любовь; ... (Махатма, 563). Такая ценность как Мера: Мера важнее всего (Клеобул из Линда, 42) – VI в.до.н.э. Мудрец избегает всякой крайности (Лао Цзы, 47) – VI в.до н.э. Такая ценность как смирение: ... а люди все – земля и пепел (Сир., 17: 31). Мы лишь прах и тень (Гораций, 1111) – I в.до.н.э.

Когнитивная метафора, уподобляющая жизнь театру, представлена многочисленной относительно монокультурной синтагмой и репрезентирует такую ценностную составляющую концепта Межличностные отношения как "человеческое достоинство": Жизнь подобна театру, в ней часто весьма дурные люди занимают лучшие места (Пифагор, 50) – VI в. до н.э. Жизнь как пьеса в театре: важно не то, сколько она продлится, а насколько хорошо сыграна (Сенека мл., 135) – I в.до н.э. Весь мир играет комедию (Петроний, 153) – I в.н.э. Весь мир – театр, мы все актёры поневоле (Ронсар, 279) – XVI в.Господний мир – театр (там же). Весь мир – театр, но труппа никуда не го-

дится (Уайльд, 722)–XIX в. Жизнь – самый лучший театр, да жаль, репертуар из рук вон плох (Уайльд, 727). Продолжив аналогию с концепцией трактовки языковых и речевых явлений в их единстве как рече–языковой континуум [16], мы можем говорить, в данном случае, о культурном континууме, так как римская культура наследовала греческую, а западноевропейская аккумулировала и ту, и другую.

Аналогичная картина наблюдается и в наборе афоризмов, репрезентирующих такую ценность как "приобретение мудрости через опыт": Ошибки совершать всем людям свойственно (Менандр) – IV в.до н.э. Каждому свойственно заблуждаться, но упорствует в заблуждении только неразумный (Цицерон, 102) – II до н.э. Ошибаться – человеческое свойство (Сенека ст., 142). Всякий у нас ошибается (Петроний, 153). Ошибаться – свойство человека, прощать – свойство Богов (Поп Александр, 339) – XVII в. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает (Рузвельт, 682).

Объединяет эти две синтагмы и наличие в каждой из них двух абсолютных монокультурных синтагм: афоризмы эпохи Древнего Рима, с одной стороны, и афоризмы Нового времени – с другой, причём не исключена и возможность интертекста, во всяком случае с большой долей вероятности, для высказываний Ронсара и Уайльда и Попа и Рузвельта.

Культурный континуум может иметь и другую форму, когда в относительно монокультурной синтагме в целом присутствует абсолютная монокультурная синтагма: Начало есть половина всего (Пифагор, 51) – VI в.до н.э. Начало – это, по всей видимости, больше половины дела (Аристотель, 83) – IV в.до н.э. Начало – половина всего (Лукаан Марк, 151) – I в.н.э., что репрезентирует такую ценность как "взвешенный подход к любому делу", а также: Выпущенное слово не поймаешь (Гораций, 109) – I в.до н.э. Слово – что камень: коли метнет его рука, то уже потом назад не воротить (Сервантес, 283) – XVI в. Выпустить слово – легко, да поймать трудно (Грасиан–и–Моралес Бальтасар, 300) – XVII в., что в принципе репрезентирует ту же ценность, только в отношении к речи.

Относительную монокультурную синтагму формируют афоризмы, репрезентирующие такую ценность как "патернализм родины": Где хорошо, там и родина (Аристофан, 60) – V в.до н.э. Где хорошо, там и отечество (Цицерон, 101) – II в.до н.э.

Абсолютные монокультурные синтагмы формируют афоризмы, репрезентирующие такие ценности, как "воздержанность": Запретный плод сладок (Овидий, 119) – I в.до н.э. Всё запретное слаще (Тацит, 165) – I в.н.э. "счастье как результат деятельности человека": Мудрый сам куёт себе счастье (Плавт, 105) – II в.до н.э. Каждый кузнец своего счастья (Саллюстий, 131) – I в.до н.э. Каждый куз-

нец своей судьбы (Цезарь, 146) – I в.до н.э.; в последнем случае можно предполагать и интертекст: высказывание Цезаря по отношению к предыдущим.

Такая ценность как "патриотизм" представлена в абсолютной монокультурной синтагме с последующим интертекстом: Кто везде, тот нигде (Сенека мл., 136). Тот, кто всюду живёт, не живёт нигде (Марциал, 153) – I в.н.э. ... ибо, как говорится, кто везде, тот нигде (Монтень, 276) – XVI в.; маркером интертекста является глосса "как говорится".

Следующие афоризмы, репрезентирующие ценность денег, формируют простую поликультурную парадигму: Деньги – станова яила войны (Тацит, 105). Деньги – суть артерии войны (Пётр I, 343). В основе искусства и литературы, как и в основе войны, лежат деньги (Батлер, 539) – XIX в.

О бикультурной парадигме в узком смысле можно говорить, если высказывания противопоставляются по критерию "античная – христианская культура", хотя авторы афоризмов в последней могут быть разных национальностей: Славнейшая победа – победа над самим собой (Сир Публий, 129) – I в.до н.э. Нет ничего отважнее, чем победа над собой (Эразм Роттердамский, 260) – XV в. Важнейшая победа – победа над самим собой (Кальдерон де Ла Барка, 311) – XVII в. Нет победителя сильнее того, кто сумел победить самого себя (Бичер Генри Уорд, 551) – XIX в.; репрезентируют ценность "самообладание" концепта Межличностные Отношения. Учёность – это сладкий плод горького корня (Исократ, 70) – V в. до н.э. Ученья корень горек, да плод сладок (Л.да Винчи, 245) – XIV в.; репрезентирует ценность ученья.

Интертекстуальную форму культурного континуума представляют собой следующие афоризмы: Капля камень долбит (Овидий, 120). Капля долбит камень не силою, а частотой падения (Дж.Бруно, 262) – XVI. (репрезентируют такую ценность как "настойчивость в достижении результата). Маркером интертекстуальности является продолжение афоризма Дж.Бруно. Маркером интертекстуальности следующего афоризма К.Маркса по отношению к высказыванию Г.Гейне является временная последовательность и перестановка членов предложения в предложении тождества: Опиум – тоже религия (Г.Гейне, 386). Религия есть опиум народа (Маркс К., 643): репрезентирует такую ценность как "атеизм". Дым отечества сладок (Гомер, 26). И дым отечества нам сладок и приятен (Грибоедов, 409): репрезентирует ценность "патриотизм".

Характеристики личности и государственных органов представляют следующие прецедентные высказывания: Мы в действительности ничего не знаем (Плато, 72) – V в.до н.э. Я знаю, что я ничего не знаю (Софрат, 74) – V в.до н.э. Существуют три разновидности лжи: ложь, гнусная

ложь и статистика (Дизраэли Б., 582) – XIX в. Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика (Твен М., 704).

Отличительной чертой максимы является постулативность, эксплицитно выраженная авторизованность [22, с.9]. В нашем материале они представлены двумя формами культурного континуума: абсолютной монокультурной синтагмой (1) и относительной монокультурной синтагмой (2). (1): Всякому – своё (Цицерон, 101). Каждому – своё (Плиний ст., 155). Главное правило в жизни – ничего сверх меры (Теренций Публий, 100) – II в. до н.э. Мера должна быть во всём (Гораций, 111). (2) Лучше научиться поздно, чем никогда (Эзоп, 36). Лучше поздно, чем никогда (Ливий Т., 115). Учиться никогда не поздно (Квинтилиан М.Ф., 150) – I в. н.э.

К афоризмам. Ценность "сдержанность" того же концепта репрезентируют и следующие афоризмы, формирующие сложную поликультурную парадигму: 1) Кроткий язык – дерево жизни, но необузданный – сокрушение духа (Притчи, 15:4). 2) Язык – самое опасное оружие: рана от меча легче залечивается, чем от слова (Кальдерон де Ла Барка, 312) – XV в.; эти высказывания можно трактовать как относительную монокультурную синтагму, так как они принадлежат христианской культуре; их отношения к последующим двум можно интерпретировать как парадигматические, как и отношения между каждым из 3) и 4). 3) Развязность языка сама себя корит, рождает сотни бед, несчастий и обид (Навои А.Н., 255) – XV в. 4) Нет правды в человеке, который не в состоянии контролировать свой язык (Ганди М., 563) – XIX в.

Такая ценность концепта как "Межличностные отношения репрезентируется как "самокритичность, смиренность" репрезентируется афоризмами, формирующими вариант сложной парадигмы, в которую "встроена" абсолютная монокультурная синтагма: Легко увидеть грехи других, свои же, напротив, увидеть трудно (Древний Мир, 13). Чужие пороки у нас на глазах, а свои за спиной (Сенека мл., 142). У другого ты видишь вошь, а у себя и клещей не замечаешь (Петроний, 154).

Отличительной чертой сентенций является преобладание императивной ситуации над оценочной [22, с. 9] и фактор бенефикативности для адресата. По нашему материалу в них преобладают парадигматические отношения, например при репрезентации ряда ценностей концепта Межличностные Отношения; бикультурная парадигма (постоянство в любви к женщине): не будь переменчив, не водись с распутницей, иначе все грехи её перейдут на тебя (Древний Мир, 14). Не отдавай души твоей блуднице, чтобы не погубить наследства твоего (Сирах, 9:16); метафорически выраженная ценность "Человеколюбие": Кто расставляет сети, сам в них поведётся, кто роет яму сам в неё свалится; кто точит меч, сам от меча погибнет (Древний Мир, 13). Кто роет яму, сам упадёт в

неё, и кто ставит сеть, сам будет уловлен ею (Сирах, 27:28); эксплицитное выражение этой ценности: Все наши дела, мысли и речи следуют за нами – творите же добро! (Древний Мир, 7). Уклоняйся от зла и делай добро, ищи мира и стремись к нему (1–е Петра, 3:11).

Эту же ценность (с большей или меньшей степенью эксплицитности) репрезентирует и многочленная поликультурная парадигма: А делать ближним добро – это делать для них то, чего желал бы самому себе (Древний Мир). Не делай другому того, что было бы неприятно тебе самому (Древний Мир, 15). Потому, что нежелательно тебе, то и другим ты делать не старайся (Древний Мир, 18). Поступай с человеком так, как он сам поступает с другими (Древний Мир, 19). Человек! Не делай другим животным того, чего не хочешь, чтоб они делали тебе. (Пифагор, 52). И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними (Лука, 6:13).

Эту же ценность, но в превосходной степени, репрезентируют следующие сентенции, организованные в сложную парадигму: бикультурная парадигма – 1) –2) и интертекст – 3): Долг человека в том, чтобы любить тех, кто его оскорбляет (Марк Аврелий, 178) – II в. н.э. Но вам слушающим говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас (Лука, 6:27). Прощайте врагов ваших – это лучший способ вывести их из себя (Уайльд Ч., 736). Эта же ценность, но в самом обобщённом виде, репрезентирована в высказываниях с интертекстуальными отношениями: Никому не воздавайте злом за зло, но пеки-тесь о добром перед всеми человеками (Римл., 12:17). Люби всех, доверяй избранным, не делай зла никому (Шекспир У., 287).

Сложную парадигму, состоящую из бикультурной и интертекста, представляют собой и сентенции, репрезентирующие такую ценность как "почтение к родителям": Родителей всегда почитай наравне с богом Меландр, 88). Почитай отца и мать и люби ближнего твоего как самого себя (Матф., 19:19). Во всяком возрасте почитай родителей (Екатерина Великая, 456). Аналогичная картина наблюдается и в сентенциях, выражающих ценность "человеколюбие" метафорически: Нельзя посеять одно, а получить другое (Древний Мир, 16). Что посеет человек, то и пожнёт (Гал., 6:7). Что посеешь в юности, то пожнёшь в зрелости (Ибсен Г., 600). Что посеешь в юности, то пожнёшь в зрелости (Сенкевич Г., 684).

Бикультурная парадигма репрезентирует ценность "не осуждай ближнего" также метафорически: Если хочешь, чтобы друг твой горбов у тебя не заметил, сам не смотри на его бородавки (Гораций, 110). И что ты смотришь на сучек в глазе брата своего, а бревна в своем глазе не чувствуешь? (Матф., 7: 3). По отношению к самому себе, к внешнему благополучию, такая же бикультурная парадигма репрезентирует ценность "непритязательность": Будь доволен тем, что есть, однако, стремись к лучшему (Исок-

рат, 68). Каждый оставайся в том звании, в котором призван... Но если можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся (1-е Коринф., 7: 20-21).

Описание гномических высказываний в концепции синтагматико-парадигматической модели позволяет выстроить их иерархию в следующем виде: к универсальным ценностям можно отнести такие, которые выражаются в сложной поликультурной парадигме; затем в порядке убывания степени универсальности располагаются ценности, репрезентируемые поликультурной, бикультур-

ной парадигмами, относительной монокультурной синтагмой и абсолютной монокультурной синтагмой; нулевую ступень универсальности в этой иерархии образуют интертекстуальные высказывания. В таком контексте можно выстроить и другую иерархию: наиболее универсальными являются предложения, которые характеризуются единством представляемого концепта: Межличностные Отношения в различных его ценностях. Затем следуют афоризмы, которые формируют не только парадигмы, как предложения, но и различные синтагмы, и замыкают ряд максимы, формирующие только синтагмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аммер А.В. Вербализация фрагмента концептосферы "морально-этические ценности" в афоризмах и пословицах (на материале английского и русского языков) / Дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 186 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 384 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Барли Н. Структурный подход к пословице и максиме (пер. с англ. А. Быковой) // Паремнологические исследования. Сборник статей. – М.: Наука, 1984. – С. 127–149.
5. Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. – Отв. ред. д-р филол. наук В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 1992. – С. 5–50.
6. Ваганова Е.Ю. Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности (на материале немецкого языка) / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 20 с.
7. Ван Лин. Композиционно-синтаксическая организация русских афоризмов второй половины XIX века / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 19 с.
8. Васечко В.Ю. Моральная максима как феномен познания культуры. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 230 с.
9. Демидкина Е.А. Фразеологизмы, паремии и афоризмы как средство объективации концепта "Leben" в немецкой языковой картине мира / Дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007. – 261 с.
10. Землянская Е.В. Структурно-семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 19 с.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 4-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
13. Кулинич М.А., Кострова О.А. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2017. – 248 с.
14. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка) / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1981. – 24 с.
15. Наличникова И.А. Когнитивно-прагматические особенности афористического дискурса / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 19 с.
16. Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума: Монография. – Самара: Изд-во "НТЦ", 2004. – 178 с.
17. Садовая Г.Г. Языковая природа и стилистические функции предложения (на материале английского языка) / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 23 с.
18. Соловьёва А.А. Речевой жанр "совет" в разных типах дискурса (на материале современного английского языка) / Дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 21 с.
19. Тангир К.М. Русские антиномичные афоризмы: рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности / Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2007. – 55 с.
20. Тийтанен Т.Э. Языковой афоризм как мировоззренческое отражение бытия обыденным сознанием / Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – Свердловск, 1985. – 17 с.
21. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М.: Наука, 1990. – 419 с.
22. Яковлева И.Ю. Лингвопрагматические характеристики англоязычных афористических высказываний / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2011. – 20 с.
23. Geary J. The World in a Phrase. A Brief History of the Aphorism. – Bloomsbury, 2005. – 229 p.
24. PranjkoVIC I. Phraseologismus und Aphorismus // Europhras 95. – Bochum, 1998. S. 709–718.

СИСТЕМА ОБРАЗОВ И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В СОВРЕМЕННЫХ БАШКИРСКИХ ПОВЕСТЯХ

Валеева Фарзана Файзулловна
Аспирант
Башкирский государственный
университет, г. Уфа

THE SYSTEM OF IMAGES AND THE TYPOLOGY OF HEROES IN THE MODERN BASHKIR BULLETINS

F. Valeeva

Annotation

The article deals with the theme of loyalty and devotion to the Motherland, an unconditional love for her. Bashkir writers "Iliklitsy" T. Garipova and R. Kamala "Beda" are involved in the comparative analysis. The stories analyze the life of three soldiers of the Great Patriotic War, whose fate is connected with the native village of Ilekla and one big unrequited love for the beautiful girl Khatire. Analyzed literary hero R. Kamal, in which he becomes a victim in an unequal struggle, wishing to save his native land, chasing a better life for the people, winning freedom for the real masters of the earth. The author of the article reveals the system of images contained in the story and the typology of heroes whose fate is connected with their native land.

Keywords: T. Garipova; R. Kamal; a story; typology of heroes; character; conflict; system of images.

Аннотация

В статье рассматривается тема верности и преданности Родине, безусловного чувства любви к ней. Для сравнительного анализа привлечены повести башкирских писателей "Иликлинцы" Т. Гариповой и Р. Камала "Беда". В повестях анализируется жизненный путь трех солдат Великой Отечественной войны, судьба которых связана с родной деревней Илеклы и одной большой неразделенной любовью к девушке – красавице Хатире. Анализируется литературный герой Р. Камала, в котором он становится жертвой в неравной борьбе, желая спасти родную землю, гоняясь за лучшей жизнью для народа, завоевывая свободу для настоящих хозяев земли. Автором статьи раскрыты содержащиеся в повести система образов и типология героев, судьба которых связана с родной землей.

Ключевые слова:

Т. Гарипова; Р. Камал; повесть; типология героев; характер; конфликт; система образов.

Тансулпан Гарипова – известная писательница, внёсшая весомый вклад в развитие башкирской прозы. Её искренность в творчестве и активная писательская деятельность обогатили литературный жанр – повесть, своей новизной. Повесть "Иликлинцы" рассказывает читателю о жизни солдат Великой Отечественной войны. Главные герои повести "Иликлинцы" три товарища – Нурулла, Ахметзян и Гиндулла, повествование ведётся то от лица Нуруллы, то – Ахметзяна, а то – от Гиндуллы. Вместе с описанием жизни героев в современное время, рассказывается и об их детстве, молодости, военных и послевоенных годах.

Нурулла, Ахметзян и Гиндулла родились на свет в деревне Илеклы, здесь – на земле своих прадедов, в лоне природы божественной красоты сделали они свои первые шаги, все трое пошли в один класс. Все трое полюбили одну и ту же девушку – красавицу Хатиру. Всех троих Хатира проводила на фронт Великой Отечественной, подарив каждому платок. На платочках Ахметзяна и Нуруллы были вышиты розы, на платочке Гиндуллы – сердце, которое лишило покоя тех двоих. Оставшись наедине с собой, Нурулла даже плакал от охвативших его чувств обиды. Спортсмену Ахметзяну и гармонисту Нурулле бы-

ло не понять, почему стройная и красноречивая красавица Хатира предпочла видным, шустрым, смелым и красивым парням, как они, намного уступавшего им в росте, веснушчатого, худощавого тихоню, запиनावшегося на каждом слове, Гиндуллу. Они не могли ни принять этого, ни пережить. Больше всего они любили своё "любить Хатиру", были пьяны от этих чувств, глаза их были закрыты любовной пеленой. Эти brave ребята были далеки от понимания чувств Хатиры, они не желали видеть и признавать, что Хатира и Гиндулла любили друг друга. Даже по прошествии многих лет Нурулла сказал Гиндулле, зашедшему по делам в сельский совет, такие тяжелые слова: "Наверное, Хатира не любила тебя, наверное, она тебя лишь жалела" [5, с. 60].

В начале повести читателю о Гиндулле известно только то, что его называют поп Гапун. Из всех троих друзей только у Гиндуллы судьба оборачивается самой тяжкой, мучительной и жестокой.

Пробуждение Гиндуллы ото страшного сна в главе, начавшейся со странной фразы "Антретен!", и сам этот сон коротко, но ясно и ярко выражают те ужасы, с которыми герой столкнулся, пребывая в фашистском плену.

Окончив Казанское военное училище, Гиндулла прибывает на войну уже капитаном, попадает в плен к фашистам и проходит весь ад концлагеря. Благо, у Бога на него были свои планы и он чудом остаётся в живых. Он благодарен за свое спасение Жанне, которая буквально принесёт его в свой дом из морга и вернёт с того света. Несмотря на нестерпимое желание вернуться в родные края, он считает своим долгом поставить на ноги детей Жанны после её преждевременной смерти. Только выполнив этот человеческий долг, он начинает готовиться к возвращению на Родину. Однако здесь его ждёт более тяжёлая участь, чем в плену, – он сталкивается с насмешками и унижениями, а любимая им больше жизни Хатира оказывается без вести пропавшей. Ахметзян и Нурулла, видевшие жестокую несправедливость войны своими глазами, не желают понимать того, что Гиндулла попал в плен, не простят ему этого.

Таким образом, жизнь пленника Нюрбергского концлагеря, годы жизни, проведённые им во Франции, отбрасывая Гиндулла на другой берег бытия, и герою, столь сильно стремившемуся вернуться к своей Хатире, в свой Илекай, к своим друзьям, вдруг открывается истина, что "с этого берега ох как сложно вернуться обратно на берег к нуруллам, ахмедзянам, хатирам. А, может, и вовсе – невозможно" [5, с. 73].

Друзья, о которых он вспоминал при свете дня и которых видел во сне в ночи, живя в трёх тысячах километрах от них, встречают его душераздирающим холодом, становясь по отношению к нему чужими. Нурулла, в своё время со скандалом заставивший указать имя Гиндуллы на обелиске в память погибших на войне, по возвращению того через двадцать долгих лет закрашивает его имя на камне чёрной краской. Гиндулла же глубоко задет тем фактом, что друзья похоронили его заживо.

Несмотря на все тяготы жизни, потери и испытания Гиндулла предстаёт перед читателем сильной личностью, способной находить в жизни радости. Родник, откуда в своё время они с Хатирой весело таскали воду, теперь, несмотря на то, что течёт он не под звонкую трель смеющейся Хатиры, всё же приносит покой его сердцу: "Нет у меня ни детей, ни любимой в утешенье..., есть хотя бы этот родник. Есть земля, которая хранит её следы. Разве это не счастье?" [1, с. 359] – говорит он. "Хоть десять лет проживу на своей родной земле, не жалел бы об этом" [1, с. 362], – думал Гиндулла, но прожил он здесь более срока и не оставлял при этом надежды однажды увидеть Хатиру вновь и терпеливо ждал момента, когда он сможет объясниться со своими товарищами.

Жизнь была более благосклонна к Ахметзяну и Нурулле, чем к Гиндулле, однако тоже не раз испытывала их. Первым из друзей с фронта возвращается Ахметзян. Война отнимает у него руку, но дома его ждёт надёжная

опора – отец, способный вести зажиточное хозяйство и мать, которая берегла крепкий не по временам очаг. Благодаря им Ахметзян смог с головой уйти в работу в колхозе. Парень, увидевший своими глазами богатую жизнь западных стран, со всем рвением берётся за восстановление обедневшего хозяйства: "Ахметзян старался: расширил поля, велел построить закрытые загоны для скотины, посадить плодово-ягодные питомники, разводил птицу... несмотря на миллионные доходы, "Красный Октябрь", возглавляемый им, всё-равно оставался в числе "убыточных"... цены на сельскохозяйственную технику были слишком высокие, а цены на продукт, производимый сельским хозяйством, наоборот, очень низкие. А что, если самим перемалывать зерно и продавать муку, даже можно печь хлеб и поставить в городе свой ларёк? Консервировать мясо, ягоды и фрукты, овощи? Если из молока производить масло, творог и корот, и реализовывать это всё? Все эти свои идеи он как-то донёс и до райкома. Его выслушали. А позже едва не сняли с должности: по осени до зёрнышка вымели всю пшеницу с его складов... Колхоз, который с гектара собрал по двадцать пять-тридцать центнеров пшеницы, всю зиму покупал у государства фураж за баснословные деньги" [5, с. 75].

Трудолюбивый, талантливый и хозяйственный руководитель Ахметзян не раз теряет дух в борьбе с трудовыми условиями, которые создаются социалистическим строем, много раз готов был он бросить село и уехать, но останавливают его мудрые и основательные слова его отца, и снова приходится ему, любящему свою землю человеку, впрягаться в исполнение очередных социалистических задач, стиснув зубы выполнять ошибочные приказы бездарных управленцев страной, "метаясь между совестью коммуниста и правдой жизни".

Лишила судьба Ахметзяна семейного счастья. Несмотря на то, что колхоз построит ему новый дом после трагедии с его женой и детьми, не найдёт он радости в этом. "После освобождения из когтей партии", Ахметзян обретёт смысл жизни и душевный покой в религии, в религиозных книгах, с жадностью удовлетворял он в религиозных учениях свои духовные нужды. Бывший коммунист призывает своих односельчан, "оставшихся без духовной опоры – партии – жить по велению Аллаха", на свои деньги строит мечеть и назначает себя имам-хатипом.

Нурулла тоже пройдёт через многие испытания судьбы. Считавший себя виновным в том, что Хатира покинула деревню, после смерти матери он женится на соседке Закие. К сожалению, когда-то озарившим один за другим их семейный очаг своим рождением сыновьям не суждено было прожить долгую жизнь. О своих дорогих детях Нурулла говорит так: "Один вернулся в гробу из Чехословакии. Младший не оправился от своих ран, полученных в Афгане. Остался нам от него сын – Гарей. Так

оно, не получилось создать большую семью, друзья" [5, с. 78]. Единственным продолжателем рода остался только Гарей.

Возвратившиеся с войны Ахметзян и Нурулла однажды сильно повздорят на поляне горы Илеклы и, оставив там Хатиру стоять одну, в сторону деревни спустятся каждый по разным тропам. Так и по жизни они пройдут разными тропами, никогда не сближаясь. И если в течение этих долгих лет председатель колхоза Ахметзян и глава сельской администрации Нурулла сталкивались по рабочим моментам, после перемен в государственном строе и власти, они уже спорили о религии и приверженности.

Таким образом, не только любовь к одной девушке и ревность, но и происки судьбы, уклад жизни в Советской стране, законы социалистического общества, взгляды и принципы самих же героев, одним словом, не только любовный треугольник, но и множество других общественно-политических, социальных, духовно-нравственных причин разделяют друзей, столь дорогих и близких друг другу с детства.

О таинственных флажках, которые поражают сильный конфликт и ведут к кульминации сюжета, первым Нурулле сообщает Ахметзян, рассказывает ему об этой странной картине, которую он увидел, придя помолиться за души усопших иликлинцев: "Если б это была деревня, то как раз бы до центральной улицы дошли – вот прямо рядами флажки расставлены. Что интересно, так они еще и через кладбище проходят" [5, с. 18]. Писательница не торопится раскрыть историю этих флажков, кто их воткнул и для чего, она распутывает этот тайный клубок постепенно. Нурулла не может спросить своего внука Гарей об этих флажках, тот ухаживал за гостями, а сноха ничего не знала. Правнук Нуруллы, приехавший на побывку Илекай, сделав попытку спросить отца, главу сельсовета, об этих флажках и запрещающих въезд в деревню Илекай знаках, встречает только жесткий и непонятный гнев Гарей.

Раздумья старика Нуруллы о друге Гарей Семёне тревожат его не просто так: "И Семён, конечно же, не чужой нам, вместе они росли. И в первый класс вместе пошли" [5, с. 66], – утешает он себя.

Когда-то дед Нуруллы выделил часть своей земли русскому крестьянину Кузьме, который прибил к деревне Илекай, спасаясь после пугачёвских выступлений от наказания. Позже же дети Нуруллы сами служили разбогатевшему мельнику Кузьме. После революции отец Нуруллы в свою очередь помог построить дом внуку Кузьмы, сосланного в Сибирь, Захару. Захар "все приглядывался к землям деда (вернее, землям деда Нуруллы), измерял их, распрашивал все, но советская власть

жесткая была в то время", оказалось невозможным прибрать себе имущество.

С сыном Захара Степаном Нурулла вырос вместе. О жадности, бестыдстве и ненасытности потомков рода Кузьмы писательница рассказывает в назидательных эпизодах. В детстве Степан силой отбирал у Нуруллы пойманную им рыбу и Нурулла оставался ни с чем, а его внук Семён не удовлетворялся только одной игрушкой, и если Гарей был рад одному сделанному своими руками трактору или танку, то Семён одновременно делал себе по три штуки.

И вот сейчас, вернувшись с Севера на двух машинах, Зацепин собирался на одну из них, ту, которая похуже, купить Илеклы. Из художника, который в детстве любил рисовать пейзажи Илеклы на своём мольберте и мечтавший через эти картины доносить красоту природы, вырос хищный бизнесмен-олигарх. Хозяин золотых приисков Семён, которому всегда всего мало, стремится сорвать большую выгоду: "Земля здесь хорошая. А красота! Оттуда такой вид открывается, что в мире нигде больше не встретишь! И все это даром... пропадает... Я там хочу построить горнолыжный комплекс. Я тут такое заворочу!.. Через картины я мечтал открыть эту красоту всему миру. Но зачем создавать картины, когда можно их купить? Нужно только взорвать "Поляну Илеклы", а остальное – как по маслу. Затрат будет меньше". Вот так "не чужой" Семён оказывается слепым и неблагодарным по отношению к приютившим его предков в самый трудный момент иликлинцам, протянувшим им руку помощи и дружбы, ни к людям, ни к природе. Не окажется в нём ни чувства родства, ни благодарности, ни способности восхищаться красотой, наслаждаться ею и беречь, все его стремления были направлены только на поиск быстрой и большой личной выгоды.

В повести один за другим описываются возникающие тревожные мысли Нуруллы, касающиеся этих странных флажков, и его удивляет, что Гарей называет себя хозяином "Фольксвагена". "Наши генералы да руководители в своё время постыдились бы сесть за немецкие машины. Если б жив был Сталин, он уж давно б придумал автомобили, в десять раз проворнее" любил говаривать ветеран войны Нурулла, а тут его внук Гарей вот за эту самую "немецкую машину" продаёт родную землю, свою честь.

Писатель постепенно раскрывает суть характера продолжателя рода Нуруллы Гарей, который с детства получал то, что хотел, рос баловнем стариков, в итоге ставший упрямым, капризным, ветренным, бессердечным человеком. Эти черты раскрываются в основном из его речи, поведения, которые сопровождаются комментариями автора. Такие портретные характеристики, как "он посмотрел оценивающе... густые черные брови сошлись в одной точке на сморщенном лбу... из глаз сыпались злоб-

ные искры", бездушные реплики в адрес своего деда "Черт, даже поздравить забыл... напои старика чаем. Ты, Илекай, посматривай за ним, раз уж до сих пор не встаёт смотри, как бы не разлагался уже" отражают внутренний мир Гарей.

Сон, приснившийся Гарю, предвещает собой предстоящую трагедию: "Гарей проснулся в поту... Слышались какие-то стоны.. Гора разваливалась, а он, стараясь спастись, взбирался на её вершину [5, с. 79]". Картина на озере так же несёт в себе символический смысл: двое из трёх прилетевших на озеро лебедей – чёрные, что означает наличие среди Илекаевых, преданных своей малой родине, и таких, кто готов продать её за деньги и материальные блага. Увидев этих лебедей, Гарей перестаёт сомневаться и решает продать Илеклы: "Неужели лебеди наших времён – чёрные? Да уж, все равно одному Гарю не под силу изменить требования сегодняшнего дня. Раз уж я человек этого времени, видимо, не возможно мне не жить согласно этим требованиям [5, с. 59]".

По мнению профессора, доктора филологических наук, Г.Н. Гареевой, еще один образ повести – образ Илекая играет важную роль в раскрытии содержания повести. Если оба старших сына Гарей уедут на Север за "большими деньгами", самый младший правнук Нуруллы Илекай, в отличии от братьев, привязан к своей земле и глубоко любит её. Его образ предстаёт перед глазами читателя тонким, чувствительным, любящим свою Родину молодым человеком. Нурулла растит правнука прививая в нём любовь к земле, всегда поддерживая его [1, с. 354].

Важная часть кульминации включает в себя эпизод беседы трёх товарищей в единственном сосновом доме в деревне Илеклы, который старик Шайдулла оставил сыну Хайрулле, а он – сыну Нурулле, и который крепко простоял бы еще сто лет.

Вернувшиеся с полей боя солдаты умирают. Уйдут из жизни иликлинцы, защищая свою малую родину. Жестокая реальность вдребезги разбивает надежду Нуруллы, его веру в то, что его жизнь продолжится в правнучке Илекае, покой его души – прерывается и жизнь Илекая.

"Народ похоронил Илекая, Нуруллу, Ахметзяна, Гиндуллу Илекаевых на вершине горы. Так, на высоте, древние хоронили своих святых [5, с. 81]", подчёркивает автор. Стиль легенды-сказания позволяет выразить идею произведения, подняв образ Хатиры, олицетворяющий чистоту и божественную любовь, на поэтическую высоту, придав ей этим возвышенность и яркость: "Каждую весну кто-то сажает на могилках на горе цветы, ухаживает за ними. Сельчане, знавшие Хатиру, поговаривают: "Это дух Хатиры...". Может, оно и так: говорят, девушка, которая приходит к могилкам, как две капли воды похожа на Хатиру... Может, и правда. Народ уж пустое нести не будет

[5, с. 81]". Таким способом пропавшая Хатира и любимая Илекая, молодая Хатира, превозносятся в целостном поэтическом образе.

Таким образом, повесть "Иликлинцы" Т. Гариповой не является историческим, в то же время через художественные образы многое узнаем о событиях военных и послевоенных лет и о типологии героев, постигая жизнь по ее повести.

Подводя итог, следует отметить, что повесть пронизана поразительным по своей красоте национальным колоритом, посредством художественного творчества ярко воплощены в данной повести темы верности, дружбы, любви, преданности к Родине, которые раскрываются на примере судеб обычных людей, тех суровых лет. Размышления о родной земле, дальнейшей судьбе страны и ее людей исполнены героического пафоса и трагизма. Повесть "Иликлинцы" – это живая речь самого народа, с его точным, веско звучащим словом. Тансулпан Гариповой, свойственно искренность, правдивость в подаче типологической системе художественных образов, заставляет читателя пережить жизнь героев повести вместе с ними, полностью погрузиться в атмосферу того времени, затрагивает глубокие патриотические чувства, усиливает любовь и гордость к своей стране.

Творчество Рината Камала, одного из активных писателей башкирской литературы, он проявил себя как наблюдательный и тонкий психолог, как глубокий и серьезный мыслитель, чувствующий дыхание времени. Он обогатил башкирскую прозу, создавая неповторимые образы и затрагивая актуальные проблемы, стоящие перед человечеством.

Главный герой повести Р. Камала "Беда", директор совхоза "Билан" Камиль Гайсин, один из колоритных его образов. Он трудится день и ночь во благо своего хозяйства с целью улучшить жизнь людей, увеличить производительность в разных отраслях хозяйства и получать хороший урожай пшеницы в лесных зонах. Благодаря его стараниям в деревне построят большую школу, теплые гаражи, мастерскую, загоны для скота. Помимо всего этого он планирует в будущем основать в Билане кирпичный завод, а на берегу прекрасного Ика открыть дом отдыха. Он, агроном по профессии, стремится воплотить в жизнь такие планы, как засеивать поля новыми дорогами культурами, новыми сортами пшеницы, гречихи, изменить также циклы посева, то есть все, о чём до него говорили было только на словах.

Однако, все начинания инициативного, упрямого, самостоятельного директора встречают на своем пути преграды, созданные чиновниками района, функционерами партии. Все потому, что на различных собраниях и совещаниях Гайсин разоблачает руководителей совхозов и

колхозов, которые занимаются хищениями, говорит о том, что стиль управления таких людей сводится на самом деле к преследованиям, угнетению и клевете тех, кто является настоящими хозяйственниками, и наказывают их за раздутые малейшие промахи. Он разоблачает райкомовцев, управление сельского хозяйства, "Сельхозтехнику", которые вместо того, чтобы обеспечивать хозяйства запчастями, кормами, зерновыми культурами и решать насущные вопросы, занимаются преследованиями и увольнением принципиальных, прямолинейных председателей колхозов и директоров совхозов.

Камиль ставит перед собой целью служить своей стране, не жалея себя, своему народу, учить таких же как он ценить землю, уметь ее использовать, он готовит себя к бескомпромиссной борьбе. Однако, по решению бюро директор, добившийся большого урожая в лесных зонах, перевыполняющий планы по сдаче государству мяса и молока, поставивший совхоз в один ряд с сильными хозяйствами, освобождается со своей должности. Герой поднимается на борьбу против среды, в которой перекрывают кислород воле и духу, против общества, построенного на тоталитарной системе, он стремится к самостоятельности, и оказывается затоптанным этой системой и функционерами местных партий, которые питают эту систему. В этой жестокой борьбе гибнет личность – сильная, талантливая, целенаправленный руководитель, ценный кадр для государства.

Нужно заметить, что Камиль Гайсин не делает открытых выступлений перед народом о порядках, господствующих в стране, он также и не собирается покидать свою страну. Он всего лишь стремится приносить пользу стране, государству, борется с явлениями и руководителями, которые препятствуют его благому делу, этим герой и история особенно потрясают и поучают. Об этом, литературовед С. Сафуанов, очень точно подмечает: "Ринат Камалов описывает отношения между личностью, стремящейся к свободе воли и тоталитарным обществом не через какие-либо чрезвычайные события, а во всей напряженности через призму нашей обыденной

жизни... "грязное, немытое тело" общества описывается через ежедневные события, с помощью деталей, связанных с обыденной жизнью людей, через жизни конкретных людей" [4. с 6].

Другими словами, жизнь Камиля Гайсина и близких ему по духу людей общая, типичная, препятствия, которые возникают у него на пути – это такие препятствия, с которыми сталкиваются везде, во всех хозяйствах. В плане самоотверженной отдачи Камиль повторяет образ руководителя-коммуниста передовых взглядов, человека труда, положительного героя, созданного в 60–70 е годы. В то же время он сродни с героями, которые боролись против руководителей партии, негативных устоев в обществе в произведениях 80–х годов А.Абдуллина "Тринадцатый председатель", "Последний патриарх", начала 90–х годов – Д. Булякова, Р. Султангареева, Н. Мусина, Б. Рафикова.

Таким образом, герой повести "Беда" – он не борец, не победитель, в конце повести нет торжества справедливости, не определяются положительные изменения, которые закономерны для произведений соцреализма и привычны для читателя. В какой-то мере Камиль Гайсин напоминает героя повести Наиля Гаитбая "Буран", Гумера. Гумер, встав на путь борьбы против руководителей завода, против гонки сафроновцев за планом, за похвалой и карьерой, оказывается поверженным, погибает в финале, желая в прямом смысле спасти жизни людей. Герой Р. Камала так же становится жертвой в неравной борьбе, желая спасти родную землю, гоняясь за лучшей жизнью для народа, завоевывая свободу для настоящих хозяев земли.

Таким образом, в современных башкирских повестях идет романтизация, поэтизация человека, это вызывает изменения в стиле. Основными приемами для изображения характера, кроме описания поступков, портрета героя, широко используются детали, различные формы внутреннего монолога, несобственно-прямой речи, демонстрирующие диалектику души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гареева Г.Н. Башкирские прозаики. – Уфа: БашДУ, 2012. 495 с.
2. Гареева Г.Н. Вопросы мастерства в башкирском прозе. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2014. 204 с.
3. Гареева Г.Н. Сегодняшняя повесть // Агидель. 2012. №3. С. 140–152.
4. Гареева Г.Н., Муллагулова А.М. "Концепция героя в современной башкирской прозе. – Уфа: Гилем, 2007. 120 с.
5. Гарипова Т.Х. Иликлинцы. – Уфа: Китап, 2013. 408 с.
6. Камал Р. Тая-Танхылу: Роман и повести. – Уфа, Китап, 1996. 368 с.
7. Фоменко Л. Искусство малой прозы // Звезда. 1960. №3. С. 191–192.
8. Ахмедьянов К.А. Теория башкирской литературы. – Уфа: Китап, 2003. 392 б.

МИФОПОЭТИКА В ПОВЕСТИ Т. ГАРИПОВОЙ "ЛУНА И СОЛНЦЕ НЕРАЗЛУЧНЫ"

Валеева Фарзана Файзулловна
Аспирант
Башкирский государственный
университет, г. Уфа

MYTHOPOETICS IN THE STORY OF T. GARIPOVA "THE MOON AND THE SUN IS NOT IMMINABLE"

F. Valeeva

Annotation

The question of the genre originality of T. Garipova's story "The Moon and the Sun are inseparable" is considered. Attention is paid to the mythological consciousness of modern people. The results of the comparative analysis of the protagonist are revealed, he is troubled by the actual social problems of our time, such as the relationship between children and parents, the role of the father and mother in the family, the relationship of men and women, moral and ethical problems, people's attitude to nature, the place of good and evil in world. Questions of reliability of certain aspects of the story are raised. Particular attention is paid to the structure of the text, which determines the presence in it of two evaluation strata. The novelty of the research is seen in the fact that the story of T. Garipova develops ideological ideas of ancient Bashkirs and Aryans. The relevance of the study is due to the fact that the mythopoetics of T. Garipova's story to date has not been the subject of a special analysis, despite the long-standing interest of critics to the writer's work. It is proved that myth and reality are combined in the artistic world, the mythological motif is transformed in accordance with the author's intention both consciously and subconsciously the historical memory of the writer. It is concluded that myth serves the author as a means of assessing the consciousness of modern people.

Keywords: T. Garipova; story; Moon; The sun; good; evil; character; poetic image; mythology.

Аннотация

Рассматривается вопрос о жанровом своеобразии повести Т. Гариповой "Луна и Солнце неразлучны". Уделяется внимание на мифологичность сознания современных людей. Представлены результаты сопоставительного анализа главного героя, выявляется что, его беспокоят актуальные социальные проблемы современности, как взаимоотношения детей и родителей, роль отца и матери в семье, отношения мужчины и женщины, морально-этические проблемы, отношение людей к природе, место добра и зла в мире. Поднимаются спорные вопросы достоверности отдельных аспектов повести. Особое внимание уделяется строению текста, в котором определяется наличие в нем двух оценочных пластов. Новизна исследования видится в том, что повесть Т. Гариповой развивает мировоззренческие идеи древних башкир и арийцев. Актуальность исследования обусловлена тем, что мифопоэтика повести Т. Гариповой до настоящего времени не был предметом специального анализа, несмотря на давний интерес критики к творчеству писателя. Доказано, что миф и реальность совмещаются в художественном мире, мифологический мотив трансформируется в соответствии с замыслом автора как сознательно, так и подсознательной исторической памятью писательницы. Делается вывод, что миф служит для автора средством оценки сознания современных людей.

Ключевые слова:

Т. Гарипова; повесть; Луна; Солнце; добро; зло; характер; поэтический образ; мифология.

Т. Гарипова является автором многих прозаических произведений. Характерной особенностью повестей писательницы является создание художественной картины мира на основе мифологических мировоззрений башкирского народа.

В своем творчестве Т. Гарипова воссоздает глубинные структуры мышления, которые позволяют выявить архетипические элементы человеческого сознания. Автор для создания своей собственной картины мира в повести "Луна и Солнце неразлучны" заимствовала из фольклора, мифических легенд отдельные образы и мотивы, мифические легенды проникают в поэтическую структуру произведения.

В повести "Луна и Солнце неразлучны" события происходят в двух временных плоскостях: одна плоскость –

это современность, лирическая героиня Айсылу уже немолода, тяжело больна, лежит в предоперационной палате больницы; вторая плоскость художественного времени – она в своих воспоминаниях возвращается в свое далекое детство. События, описываемые глазами маленькой девочки, происходят в башкирской деревушке Зауралья в послевоенные годы. Маленькая героиня здесь рассказывает о жизни своих односельчан, об их образе быта, о духовной жизни, взаимоотношениях. Своеобразной чертой строения текста в повести является наличие в нем двух оценочных пластов.

Во-первых, в восстановленных в памяти картинах прошлого чувствуются эмоциональные, душевно-психологические состояния, переживания маленькой девочки того времени, ее детская оценка происходящего. Во-вто-

рых, уже немолодая, много выдавшая героиня, вновь воспроизводя далекие события в своей памяти, их анализирует, обобщает, делает выводы, ищет ответы на свои вопросы. А у героини много вопросов. Ее беспокоят актуальные социальные проблемы современности, как взаимоотношения детей и родителей, роль отца и матери в семье, отношения мужчины и женщины, морально-этические проблемы, отношение людей к природе, место добра и зла в мире. Проблемы анализируются на философском уровне. Отец рассказывает дочери легенду-миф о Солнце, когда-то эту легенду он сам услышал от своей матери. В этот отрывок вместились емкий философский замысел произведения. В понятиях "Легенда", "предание" положено символическое значение. Фольклор – это память этноса, оно содержит в себе многовековую мудрость народа. В нем содержатся история этноса, философия жизни, гуманистические идеи нации. П.А. Сорокин считает: "Деморализация и ее губительные последствия в обществе могут быть остановлены лишь посредством увеличения производства и аккумуляции незгоистической любви к человеку и человечеству. Главная историческая миссия человечества состоит в накоплении и усовершенствовании "Истины", "Красоты" и "Добра" в самой природе человека, в человеческом уме и поведении, в общественной жизни и вне ее, в отношении человека к миру и друг другу" [15, с. 10]. Творческая любовь представляет собой огромную силу. Именно такая любовь может положить конец агрессивности людей в отношении к друг другу, поскольку любовь порождает любовь. В этом и заключается философская идея произведения Т. Гариповой.

Автор в повести описывает разные проявления любви между людьми. С особой теплотой вспоминает отношения Галии со своей матерью. Восхищается безусловной материнской любовью Гульбики к своему ребенку. До сих пор не может понять героиня странную любовь Кабира к Сайде. Вроде бы разумно любит свою красавицу жену, в то же время ее зверски избивает, а когда она уходит от него, очень страдает. Айсылу старается понять причину равнодушия, меркантильного отношения Марины – дочери Анны к своей матери. Анна больна раком, ей осталось жить недолго. К ней в больницу никто не приходит. У Анны двое детей: взрослая дочь, замужем, живет в далеком городе. Письма редко пишет домой, ее не интересует жизнь и здоровье матери и брата. Если пишет, то только когда возникают проблемы с деньгами. Сыну Анны Алеше не до матери, он – наркоман. По рассказам Анны мы видим, что она очень старалась быть хорошей женой Михаилу и матерью своим детям. Много трудилась, работала на нескольких работах. Терпела ради семьи грубости, побои пьяницы-мужа. Сейчас, находясь в предоперационной палате, она хочет понять причину равнодушного отношения детей к себе, и в конце концов делает вывод – виновата только она сама, не сумела правильно воспитать детей своих. "А почему всегда виноваты только матери, в этом нет вины твоего мужа?" – спрашивает Айсылу.

Анна не хочет развивать эту тему, отвечает коротко: "Это уже другое дело" [7, с. 208].

Образы Луны и Солнца в произведении имеют глубокого символического смысла. Эти образы в содержании появляются не раз. В начале произведения мы встречаем поэтического образа Солнца в легенде. Как рассказывается в ней, когда то в горах Ирандык жила большая башкирская племя. Вождя племени по традиции выбирали аксакалы на собраниях. Вот однажды новоиспеченный вождь влюбляется в очень красивую девушку и женится на ней. А девушка оказалась Юхой, то есть змеей-оборотенью в обличье девушки. Женщина так соблазняет мужчину, он кроме нее никого не видит и не слышит. По просьбе жены убивает святую птицу-журавля, вырывает из нее сердечку и отдает Юхе. Другой раз по ее просьбе вождь закрывает аксакала рода в пещере. Когда у них родился сын по имени Явыз (Зло), исчезает Солнце. Человеческий род начинает постепенно вымирать – в племени перестают рождаться дети, беременные женщины не смогли родить своих детей, страдали от адских болей. Нарушается гармония в природе. Солнце появляется только тогда, когда беременные женщины рода приносили себя в жертву Богу-Тангре. Юха со своим сыном Явызом убегают. От ребенка человека и змеи-оборотеня Явыза на земле распространилось зло. На основе этой легенды лежит всемирные мифологические мотивы. Солнце – это источник света. А свет – то жизнь, любовь и доброта. Тьма – это уход от света и любви, потеря этой живительной энергии, тьма – это зло. В этом и заключается философия самой первой религии зороастризма – религии арийцев. По преданиям местного народа и самих арийцев, когда то арийские племена жили на Урале. "Зороастризм – очень древняя религия, названная по имени своего основателя пророка Заратуштры. Религия эта настолько древняя, что большинство её последователей совершенно забыли, когда и где она возникла. Исходя из содержания и языка сложных Зороастром гимнов, теперь установлено, что в действительности пророк Зороастр жил в азиатских степях, к востоку от Волги" [11, с. 153] – пишет известная английская исследовательница Мэри Бойс. Зороастр учил, что высшим божеством является Ахура-Мазда и поклонение верховному божеству выражалось в поклонении огню. Огонь представлялся в различных видах: небесный огонь, огонь молнии, огонь, дающий тепло и жизнь человеческому телу. В легенде о Явызе, мы видим особое отношение людей к домашнему очагу (здесь "очаг" употребляется в прямом значении, как устройство для поддержания огня, печь). Очаг в легенде – это символ жизни, семейного счастья, теплоты.

Писательница Т. Гарипова в своей повести "Луна и Солнце неразлучны" показывает, как глубоко сидит в сознании башкир почитание огня, света. Например, героиня в душе обожествляет Солнца и Луну, их каждый раз приветствует, делится с ними со своими мыслями, им молится. Эти привычки она переняла от своих родителей, от тетушек.

В структуру произведения вошли отдельные фрагменты обычаев, ритуалов башкир, сохранившихся в селах еще в послевоенные годы. Например, автор описывает весеннего праздника "Воронья каша", где женщины села устраивали трапезу на горе. Этот праздник справлялся по случаю пробуждения природы. Праздник состоялся из приготовления праздничных блюд, варки каши, совместной трапезы и игр, плясок. Этот праздник языческий. Его проводили на горе, женщины обратились к природе, Солнце с просьбой даровать благополучие. Обращение к Солнышку в повести встречается в детских прибаутках.

Это не импровизация Айсылу, таких рифмованных прибауток, потешек знали дети башкир не одного поколения. Детские фольклорные тексты передавались из уст в уста, они хранили в себе мировоззренческие устои народа. И в этом приведенном небольшом тексте отразилось верование башкир, как поклонение к солнцу, обычай жертвоприношения. Обычай жертвоприношения к Верховным божествам нашло отражение и в башкирской легенде, приведенной в повести. Здесь изображается как беременные женщины бросались с горы, принося себя в жертву Господу. В легенде мы находим много общего с ирано-арийской мифологией. Например, если посмотреть на действия жертвоприношения в легенде – это своеобразное копирование действий обычаев зороастризма. Древние арийцы больших, мертвых бросали из высокой башни – закурата, таким образом они как бы избавлялись от темных сил [12, с. 309].

Таким образом, Т. Гарипова в своей повести развивает мировоззренческие идеи древних башкир и арийцев. Философское содержание произведения заключается в описании вечной борьбы тьмы и света, то есть добра и зла в сказочном мире и в мире современных людей. Зло проявляется в жестокости Михаила и Кабира по отноше-

нию к своим жёнам. Безразличие, равнодушие к родным, эгоизм, алкоголизм, наркомания – все это результат торжества темных сил. По мнению автора, причиной возникновения зла в людях является отсутствие любви, душевного тепла. Любовь со Злом несовместимы, утверждает автор. В исторической памяти народа навсегда остались культы огня и воды, тотемизм, мифологические темы ответственности человека перед судьбой, о судном дне, рае и аде, очищении и исцелении, коллективные обряды верности родному очагу и справедливости.

В повести Т. Гариповой удачной, емкой художественной деталью является образ журавля. По легендам башкир, в древности наши предки поклонялись журавлям. В повести есть два эпизода, где изображается журавли. В первый раз о журавлях упоминается в легенде как о священной птице. Там убийство журавля описывается как большой грех, посягательство на святое. А второй раз в произведении журавлей мы встречаем на болотах близ деревни. Чтоб остановить работу мелиораторов на болоте, местные жители выходят вооружившись вилами, палками и начинают их выгонять. Для жителей села болото, где живут журавли, святое место. Люди знают, что осушить болото нельзя, это нарушит и гармонию в природе, и в духовной жизни сельчан. Здесь автор подчеркивает, что признание экологического интереса приоритетным перед экономическим отвечает общечеловеческим ценностям, то есть высшим ценностям жизни.

И так, как мы видим, в повести Т. Гариповой "Луна и Солнце неразлучны" миф и реальность совмещаются в художественном мире, мифологический мотив трансформируется в соответствии с замыслом автора как сознательно, так и подсознательной исторической памятью писательницы. Миф служит для автора средством оценки сознания современных людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина А.Ш. Поэтика современной башкирской прозы. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – 341 с.
2. Ахмедьянов К.А. Теория башкирской литературы. – Уфа: Китап, 2003. – 392 с.
3. Гареева Г.Н. Башкирские прозаики. – Уфа: БашДУ, 2012. – 495 с.
4. Гареева Г.Н. Вопросы мастерства в башкирском прозе. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2014. – 204 с.
5. Гареева Г.Н. Сегодняшняя повесть // Агидель. 2012. №3. – 140–152 с.
6. Гареева Г.Н., Муллагулова А.М. "Концепция героя в современной башкирской прозе. – Уфа: Гилем, 2007. – 120 с.
7. Гарипова Т. Луна и Солнце неразлучны. – Уфа: Башк. Кн. Изд-во, 1990. – 269 с.
8. Ковтун Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика. – Москва: Флинта, 2015. – 325 с.
9. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. – Москва: ФЛИНТА, 2018. – 595 с.
10. Мэри Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1987. – 301 с.
11. Мэри Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – СПб: Центр "Петербург. востоковедение", 1994. – 278 с.
12. Мэри Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – СПб: Азбука-классика: Петерб. Востоковедение, 2003. – 342 с.
13. Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 146 с.
14. Фоменко Л. Искусство малой прозы // Звезда. 1960. №3. – 191–192 с.
15. Фролов И.Т. Сущность и значение глобальных проблем. – М.: Знание, 2002. – 48 с.
16. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 418 с.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Велиева Гюлер Исафил гызы
Аспирант, Бакинский
славянский университет

ON THE QUESTION OF THE ORDER OF JOINING OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN THE STRUCTURE OF AN ARTISTIC TEXT

G. Veliyeva

Annotation

In the presented article, the author's attention is focused on one of the interesting aspects of linguistics related to the question of the order of joining syntactic structures in the structure of an artistic text. In connection with the stated topic, this article clearly falls into two parts: in the first one we are talking about two variants of a rhema-thematic connection. The second part of the article talks about the progression in the complex sentences of the Russian language.

Keywords: actual division of the sentence, theme and rhema, constant and derivative topics, communicative-syntactic level, functional perspective, structure.

Аннотация

В представленной статье внимание автора сосредоточено на одном из интересных аспектов языкознания, связанных с вопросом о порядке присоединения синтаксических конструкций в структуре художественного текста. В связи с заявленной темой настоящая статья чётко распадается на две части: в первой речь идёт о двух вариантах рема-тематической связи. Во второй части статьи говорится о прогрессии в сложноподчинённых предложениях русского языка.

Ключевые слова:

Актуальное членение предложения, тема и рема, константная и производная темы, коммуникативно-синтаксический уровень, функциональная перспектива, структура, конструкция.

В конце XX века видный чешский языковед Франтишек Данеш в одной из своих работ предложил на рассмотрение такое актуальное членение предложения, части которого связаны между собой синтаксическими отношениями. А именно, учёный выделил пять основных типов тематической прогрессии. С 1978 года, когда была разработана данная теория, минуло почти полвека. За этот период некоторые языковеды, специально занимавшиеся этим вопросом (М.К. Хэллидей, Н.А. Слюсарева, В. Матезиус и другие) как бы подретушировали гибкий порядок слов, отражающий актуальное членение. В результате получилась унифицированная система, состоящая из трёх типов: линейная тематическая последовательность; константная тема и производная тема.

Главным конструктивным элементом текста является тема. Чаще всего она включает в себя стандартизированное опорное слово (или словосочетание), смысл которого пространнее раскрывается в последующих частях предложения. Тема – это изначальная точка факта, имени или события. От неё, как с плацдарма, начинается движение в содержании текста. Характер этого движения может быть различным. В одних случаях тема сохраняется и повторяется в определённых частях текста (эллиптического или сложного синтаксического целого). В других

происходит переход к новой теме. Рема, как известно, распространяет тему, привнося в предложение новое содержание. Как отмечает Л.В. Шешукова, "тема есть некая исходная точка высказывания (не обязательно, кстати сказать, данная, то есть известная); рема же – это такая часть высказывания, в которой заключена его главная информация и которая между тем представляет собой основную цель высказывания. Соотнесением этих компонентов, по мнению языковеда, собственно, и создаётся предложение как динамическая структура" (10, с. 70).

Продолжим мысль учёного. Динамизм предложения, как любой другой законченной единицы, по природе своей подразумевает определённый набор специфических для темы и ремы свойств. Это: предметность, субъективность, объективированность, целостность, структурность, константность, активность, категориальность, осмысленность и некоторые другие. Но, как будет ниже показано в нашей статье, эти варианты в процессе анализа определённых присоединительных конструкций могут быть весьма разнообразными.

Разнообразие вариантов вполне объяснимо с логической точки зрения. Дело в том, что реализация мысли в структуре художественного текста не всегда осуществ-

ляется плавно и гибко. Нередки случаи прерывистых наращений отдельных компонентов. Но, возникая в качестве дополнительного "сырья", они в конкретном контексте по своей семантической значимости, как правило, обусловлены не случайностью, а целенаправленностью речевого выражения (имеется в виду речь автора или его героев). Но если говорить сугубо о языковой стороне вопроса, то следует уточнить: присоединительные конструкции обнаруживаются в сфере речевого общения, точнее, на коммуникативно-синтаксическом уровне системы. Следовательно, характер присоединительных конструкций с их многочисленными вариантами надлежит проводить в аспекте актуального членения предложения. Это и означает разделение предложения на тему и ремю. При этом необходимо помнить, что рема продуцирует возникновение добавочных компонентов, которые должны быть мотивированы появлением нового коммуникативного задания, в свою очередь связанного с заданием основного предложения. Возникая в соответствии с дополнительным коммуникативным заданием, присоединённые компоненты своей семантико-функциональной значимостью решают задачи более полного речевого выражения. При этом необходимо помнить, что условия выделения нескольких тем не тождественны условиям выделения нескольких рем. Поэтому при анализе синтаксических присоединительных конструкций в художественном тексте высказывания одного типа следует считать отвечающими однонаправленному коммуникативному заданию, с соответствующей одноплановой функциональной перспективой. В то же время необходимо отделять их от высказываний другого типа, отвечающим многонаправленному коммуникативному заданию, с соответствующей многоплановой функциональной перспективой.

Констатируем: наличие определённого рода присоединительных компонентов прежде всего обуславливаются взаимодействием двух основных факторов: вневременной константностью, то есть определенностью своего возникновения и коммуникативно-функциональной заданностью (или предопределённостью). Показательно заметить, что для процесса прогрессии в русском языке некоторые лингвисты (Ю.Н. Караулов, А.В. Исаев и другие) считают, что временная непредсказуемость является самым важным, а порою и единственным фактором при присоединении синтаксических конструкций. Другие же (Л.М. Грановская, А.И. Шахбазова, Л.В. Шешукова, Я.И. Гаряев, М.Е. Шафиро) полагают, что неправомерно урезать роль коммуникативно-функциональной предопределённости. Признание последнего фактора одним из главных, который определяет саму специфику присоединения, позволяет объяснить ту семантико-функциональную значимость присоединённых компонентов, роль которых принижается первыми вышеназванными учёными. Правда, добавим, что в согласии с таким делением в художественном тексте мы нередко встречаемся с такой

картиной: конструкции с синтаксическими присоединёнными компонентами с психологической доминантой рече-мыслительного процесса вступают в столкновение с логико-грамматическими особенностями. Позиция художников слова, как правило, привносит в ремю ту новую информацию, которая вызвана последовательностью ощущений, что в свою очередь сопровождается комплексом психологических признаков восприятия говорящих предметов или явлений окружающей действительности. "Психологи рассматривают восприятие как активный творческий процесс познания, как непрерывный когнитивный процесс извлечения информации из внешнего мира" (9, с. 50). Логичным в этом процессе выглядит, к примеру, кредо В.Б. Касевича о наличии в рема-тематической связи "психологического субъекта" и "психологического предиката". На этой основе исследователь вообще считает, что в художественных текстах тема-рематические членения практически любых высказываний следует отнести к "двучленной структуре пропозиции по линии "субъекта-предиката" (5, с. 244–245).

Мы также солидарны с тем суждением, что в такого рода художественных текстах наличествует временная непредусмотренность синтаксического присоединённого компонента, некая послевременность его возникновения. В процессе рече-мысли порождения рема способна расширить тему в аспекте психологического обоснования того или иного познавательного процесса. Вместе с тем трудно, на наш взгляд, согласиться с теми названными учёными, которые рассматривают чисто временную непредусмотренность вне её связи с последующей коммуникативно-функциональной значимостью информации, идущей от ремы.

Поясним эту мысль. В художественной литературе можно столкнуться с такими случаями, когда послевременное функционирование добавочного компонента обуславливается определённой последовательностью появления некоторых образов, представлений или воспоминаний, непосредственно не связанных в момент речи с данными реальной ситуации. Иными словами, они в начале своего возникновения как бы не прогнозируются со стороны говорящего. "Употреблённые в метафорах абстрактные существительные полностью реализуют своё значение в контексте и становятся частью ассоциативного плана повествования" (4, с. 67).

С таким явлением чаще всего сталкиваются в тех случаях, когда источником для добавочного сообщения становятся отсутствующие в момент речи литературного героя лица, предметы или события. Некоторый "срез действительности" оказывается временно исключённым из поля зрения говорящего. Функции учёного, исследователя норм актуального членения предложений, и задачи писателей расходятся. Последний проецирует прошлые воспоминания на будущие высказывания; с позиции вы-

деления рема–тематических отношений данный отрезок речи оценивается именно как коммуникативно необходимый для более полной и точной реализации мысли, адресуемой собеседнику.

А теперь соединим эти два момента с помощью примеров, взятых из художественного текста:

" - А мне вот будто бы и вспомнить-то нечего, - вздохнула она. Только одно и помню - море. И собаку хозяина. Её Шайтаном звали. А она вовсе и не злой была. И меня очень любила" (8, с. 54).

Или: *"Игорь вспомнил жену профессора. Красоточка. И весёлая"* (6, с. 108).

"Куда идешь-то, красотка? Эх, калинушка ты моя. Горьковатая" (11, с. 161).

Следовательно, временная непредусмотренность опеределённой присоединительной конструкции в начале рече–мыслительного процесса и его добавочное появление значимо как с логико–грамматической, так и коммуникативной точки зрения. Рема (вторая часть двух приведённых предложений) распространяет тему в плане функционирования ощущений, черт и признаков социальной перцепции, то есть образов, представлений, воспоминаний и т.п.

С другой стороны, послевременное возникновение присоединённого компонента, но также в соответствии с определённым коммуникативным заданием происходит в тех случаях, когда языковед интересуется не столько данные реальной ситуации, сколько речевой. Это означает наличие такой темы, которая предполагает рему в форме утверждения речевой исчерпанности высказанной мысли, чаще адресуемой в коммуникативных целях явному или предполагаемому субъекту. Писатель же, как правило, стремится воплотить в художественном тексте максимально большую степень осведомлённости собеседника в предмете настоящего разговора. И чаще всего не более того. Рема различными грамматическими и синтаксическими средствами становится от этого более насыщенной необходимыми фактами, которые и надо передать в соответствующем тексте.

Временную непредусмотренность дополнительного сообщения оформляет присоединённый компонент. И это находит логическое объяснение уже не в особенностях познавательного процесса со стороны собеседника (как было приведено нами в первом случае), но более критической оценкой говорящим высказанной им предыдущей мысли с позиции её коммуникативной исчерпанности.

Корректнее, по нашему мнению, рассматривать подобные конструкции с такими, наиболее частыми в художественных текстах лексико–грамматическими средствами, как местоимения. Квантитативный анализ предложений разных типов с рема–тематической связью по-

казывает, что значение местоимений полнее конкретизируется в определённом контексте. Если же конкретизация отсутствует или указана автором не достаточно чётко, то высказывание в целом (включая тему и рему) приобретает характер семантико–функциональной неопределённости. Но именно эту нечёткость в оформлении мысли, размытость границ в данном случае отчасти снимают добавочные сообщения, конкретизирующие в известной степени отвлечённое речевое выражение одного из компонентов предложения.

Например:

"Не будем этому придавать слишком уж большое значение. Тому, что ты здесь писала" (7, с. 104).

"Я тебя всё больше иным представляла. Немного нерешительным, без такой вот житейской пробивной силы" (3, с. 117) и т.д.

Как видно из двух примеров, присоединённые компоненты возникают в соответствии с определёнными добавочными конструкциями с коммуникативными заданиями. При использовании в предложении местоимений эти задания своим составом отвечают на конкретно поставленный вопрос. В первом случае: Чему не будем придавать значения? Во втором: Каким я тебя представляла?

Рема–тематическая связь может быть также основана на повторе с помощью местоимения. Например, в стихотворении Н. Гумилёва есть такие строки:

*"Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны"* (2, с. 223).

Здесь главное тематическое слово "сады" в реме заменяется местоимением "в них".

Итак, выше были рассмотрены конструкции, в которых синтаксический присоединительный компонент в реме распространяет тему с целью компенсировать семантико–функциональную недостаточность одного из них. Исследователями уже давно отмечено, что тема, как правило, предшествует реме. Однако это нельзя считать явлением, узаконенным в художественном тексте. Известно также немало случаев, когда рема занимает препозицию по отношению к теме. Чаще всего это встречается в сложноподчинённых предложениях русского языка.

Это легко объяснимо. Простые предложения преимущественно имеют одноплановую функциональную перспективу; сложные же в большинстве случаев характеризуются соответственно многоплановой. Природа сложного предложения русского языка такова, что в его составе всегда соединены два или несколько предикативных единиц. Следовательно, появляется возможность для возникновения всевозможных вариантов перемещения

ремы и темы в пространственном континууме (так называемая расщеплённая тема) и в лексико-семантическом отношении.

Частный план функциональной перспективы сложно-подчинённых предложений допускает несколько ступеней актуального членения, отражает различные виды построения. Скажем, линейное – при последовательном соподчинении синтаксических членов внутри предикативных единиц.

Например, в стихотворении А. Ахматовой:

*"Мне странно в тот день была прогулка,
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах"* (1, с. 173).

На первой ступени членения первая строка распадается на тему, которая является придаточной частью предложения и реме (главная часть). Переброс частей (по сравнению с первыми примерами в настоящей статье) связан со специфическим структурированием поэтического текста. Именно в реме реализуется сообщение о не-

котором развёрнутом действии ("Ослепил меня / Прозрачный отблеск..."). Реализация происходит в определённой временной ситуации (... "когда я вышла"). Содержание придаточной части в этом стихотворении представляет лишь косвенные факты. Поэтому можно утверждать, что взаиморасположение частей находится здесь в соответствии с объективным словопорядком высказывания.

Приходим к некоторым выводам и обобщениям: анализ фактического материала, подкреплённый некоторыми примерами, взятыми нами из художественной литературы, продемонстрировал, что присоединённые компоненты в своём возникновении чаще обуславливаются взаимодействием двух факторов. С одной стороны, это временная непредусмотренность, а с другой – коммуникативно-функциональная предопределённость. Иными словами, прогнозируемость последующего высказывания, реализуемая в реме. Возможность возникновения различных вариантов тема-рематической связи ярче проявляет себя в сложноподчинённых предложениях, так как это диктуется их природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1989. 416 с.
2. Гумилёв Л. Стихотворения. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. 365 с.
3. Еленин М. 1994 – Еленин М. Семь смертных грехов. М.: Прогресс, 1994. 213 с.
4. Карпова Л. С. О лингвопоэтической функции метафоры в текстах разных повествовательных типов // Вестник МГПУ. Сер. "Филология. Теория языка. Языковое образование". 2014, №3 (15). С. 63–70.
5. Касевич В. Б. Труды по языкознанию. М.: Наука. 2006. 664 с.
6. Кетлинская В. К. Иначе жить не стоит. Роман. Л.: Художественная литература, 1980. 187 с.
7. Панова В. Жестокие сказки. М.: Самиздат, 2011. 201 с.
8. Рутько А. И. Под солнцем: рассказы. М.: Художественная литература, 1935. 96 с.
9. Чалей О. В. Комплексное восприятие вкусовых ощущений в художественном дискурсе // Вестник МГПУ. Сер. "Филология. Теория языка. Языковое образование". 2016, № 2 (22). С. 49–54.
10. Шешукова Л. В. 1972 – Шешукова Л. В. Об актуальном членении сложных предложений // Филологические науки, 1972, № 1. С. 69–78.
11. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. В кн.: Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 3–4. М.: Художественная литература, 1988. 383 с.

© Г.И. Велиева, (bitkovskayay@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru
АСЭР
 ГРУПП

КОМПЛАЕНС-КОНТРОЛЬ И АУДИТ В КОМПАНИИ:
 построение успешной системы правовой защиты бизнеса

1 июня 2018
 Отель "Арагат Парк Хаятт", Москва

РЕКЛАМА

ГК Агентство Социально-Экономического Развития
 тел: (495) 971-5681
 http://www.asergroup.ru

АНГЛИЙСКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ SOMEONE И SOMEBODY В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (на материале художественного дискурса)

Гайкалова Наталья Ивановна
Аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный университет

THE ENGLISH INDEFINITE PRONOUNS
"SOMEONE" AND "SOMEBODY" IN TERMS
OF TRANSLATION (based on the literary dis-
course)

N. Gaikalova

Annotation

The article considers different variants for actualizing the pronouns "somebody" and "someone" in the contemporary English-language literary discourse, studies the problem of their interchangeability and reveals the set of translation shifts that occur in Russian translations when rendering the given pronouns. It also studies the reasons for the translator to use these shifts. The latter are interpreted in line with the cognitive-and-discourse approach and are viewed as translation methods that can be applied by translators when working on different originals.

Keywords: indefinite pronouns; translation shifts; literary discourse; cognitive-and-discourse approach; the English language.

Аннотация

В статье рассматриваются варианты актуализации местоимений *someone* и *somebody* в современном англоязычном художественном дискурсе, исследуется вопрос об их тождественности и выявляется совокупность переводческих сдвигов, которым они подвергаются при переводе на русский язык. Анализируются факторы, обуславливающие применение переводчиком данных сдвигов. Переводческие преобразования интерпретируются в русле когнитивно-дискурсивного подхода и рассматриваются в динамическом аспекте.

Ключевые слова:

Неопределенные местоимения; переводческие сдвиги; переводческие трансформации; художественный дискурс; когнитивно-дискурсивный подход; английский язык.

Тему данного исследования определила рабочая гипотеза о том, что местоимения *someone* и *somebody*, функционирующие в современном англоязычном художественном дискурсе как тождественные лексические единицы, при переводе могут подвергаться различным переводческим сдвигам, относящимся к разным уровням языка.

Цель исследования – выявление транслатологического потенциала местоимений *someone* и *somebody* в русских переводах англоязычной прозы, обусловила следующие задачи: выделение и обобщение наблюдаемых переводческих преобразований, а также их интерпретацию в русле когнитивно-дискурсивного подхода. Под транслатологическим потенциалом понимается совокупность видов переводческих сдвигов (трансформаций), которые могут использоваться при переводе определенного класса лексических единиц. Материалом для исследования послужили современные англоязычные произведения: роман Джоан Роулинг, опубликованный под псевдонимом Роберт Гэлбрейт, "Career of Evil" [19], романы Иэна Бэнкса "Walking on Glass" [14], Стивена Кинга "It" [20] и их переводы на русский язык (соответственно): "На службе зла" [3], "Шаги по стеклу" [2] и "Оно" [6].

Понятие неопределенности является общенаучной категорией, которая первоначально разрабатывалась в философии и логике, а позже и в лингвистике. В философском плане категория неопределенности используется для обозначения "необособленности объекта в том или ином отношении от других объектов или процессов" [4, с. 64].

"Словарь лингвистических терминов" О. Ахмановой предлагает следующую дефиницию значения неопределенный: "не имеющий ясно выраженного вещественного значения, не соотношенный с определенным предметом, представляющий данное содержание в наиболее общем виде" [1, с. 247].

В "Словаре лингвистических терминов" Ж. Марузо дается следующая трактовка: "неопределенный – представляющий понятие в наиболее общем виде, без соотношения его с определенным существом или предметом: неопределенный артикль, неопределенное местоимение, неопределенное прилагательное" [9, с. 174].

Категория неопределенности, наряду с категорией определенности (часто в лингвистике они рассматрива-

ются как единая категория определенности/неопределенности – КОН), свойственны как артиклевому, так и безартиклевому языку. Внимание лингвистов к КОН объясняется двумя факторами: во-первых, для выражения данных понятий используются различные языковые средства (употребление артиклей, местоимений, актуальное членение предложения, морфологическими показателями и др.) и во-вторых, они связаны с коммуникативным аспектом языка, поскольку данные знаки получают смысл только в коммуникативной ситуации. Определенность/неопределенность – это не свойство предмета или предложения, они возникают лишь в плане сообщения и достижения взаимопонимания, о каком предмете идет речь [4].

Неопределенность считается одной из семантических доминант русского языка, в котором данная семантическая сфера "хорошо разработана": показатели неопределенности образуют систему, позволяющую выражать тонкие смысловые различия, невыразимые в других языках [10].

В данной работе мы рассматриваем художественный дискурс как коммуникативный акт, в котором коммуникантами являются автор, порождающий дискурс и определяющий его форму, и реципиент, воспринимающий дискурс и интерпретирующий его содержание. Художественное произведение, как правило, состоит из нескольких подтипов дискурса, "вложенных" в произведение, которые выделяются в зависимости от повествовательной формы. К ним относятся традиционный нарратив (обычно 3-го лица с экзегетическим повествователем), свободный косвенный дискурс (роль повествователя выполняет персонаж), художественный диалог (прямая речь персонажей) и др. [11]. В рамках произведения в большинстве случаев один тип дискурса сменяется другим.

Каждому из упомянутых подвидов дискурса свойственны свои грамматические подсистемы. Например, в традиционном нарративе отсутствуют некоторые дейктические элементы языка и существуют ограничения на типы иллокутивного речевого акта. В художественном диалоге отсутствуют многие этикетные высказывания, фатические реплики и т.п., и весь текст подвергается компрессии; в свободном косвенном дискурсе дейктические элементы возвращаются в распоряжение героя, заменившего повествователя.

Исследуемые нами языковые единицы *someone* и *somebody* относятся к неопределенным местоимениям, представленным в английской грамматической традиции как наиболее многочисленный и разнородный разряд, включающий в себя несколько самостоятельных и пересекающихся подразрядов. Мнения исследователей относительно выделения данных подразрядов различны: некоторые лингвисты выделяют, прежде всего, собственно неопре-

деленные местоимения (*some, any, no*, их производные, а также местоимение *one*) и дистрибутивные местоимения (*all, every, each, other, another, either, neither, both* и производные от *every*) [15, 12]. Другие к неопределенным местоимениям относят в первую очередь местоимения утвердительные, утверждающие наличие определенного количества или качества (*some*, производные от *some* и местоимение *one*), неутвердительные (*any* и его производные) и отрицательные (производные от *no*) [21, 7].

Русскими соответствиями английских неопределенных местоимений являются неопределенные, отрицательные и перечисляющие [12]. Е.В. Падучева различает в русском языке три типа неопределенных местоимений: нереферентные (типа *какой-нибудь, кто-нибудь*); 2) собственно неопределенные (типа *какой-то, кто-то*) и 3) слабоопределенные (типа *кое-какой*, а также *один, некоторые*). Собственно неопределенное местоимение обозначает объект, который говорящий не может опознать; а нереферентное местоимение употребляется в контексте, где никакой конкретный объект не имеется в виду. С помощью слабоопределенного местоимения говорящий вводит в денотативное пространство текста объект, известный ему, говорящему, не предполагая, что он известен слушающему (т.е. говорящий не предполагает у слушателя возможности идентифицировать этот объект) [10].

Перейдем к рассмотрению английских собственно неопределенных местоимений *someone* и *somebody*. Вопрос о том, являются ли они тождественными, в лингвистике окончательно не решен. По мнению О. Есперсена, эти местоимения тождественны, хотя условия их употребления несколько различны [5]. По мнению Д. Болинджера, данные местоимения (и другие производные от *-one* и *-body*) не являются тождественными. В результате исследования на материале американского варианта английского языка, им было выделено три признака для противопоставления указанных производных: близость/дальность (пространственная и психологическая), индивидуализация/отсутствие индивидуализации и определенность/неопределенность. По мнению исследователя, близость, индивидуализация, определенность характеризуют производные *-one*, а дальность, отсутствие индивидуализации, неопределенность характеризуют производные *-body* [16]. Аналогичные результаты были получены О.Н. Селиверстовой и А.Г. Елисейевой на материале британского варианта английского языка [13].

Обратимся к современным словарным дефинициям *someone* и *somebody*. Словарь The Cambridge Dictionary предлагает следующие трактовки: "Someone – pronoun, 1. Used to refer to a single person when you do not know who they are or when it is not important who they are. Usage: "Someone is not usually used in negatives and questions" [23]. "Somebody – pronoun, 1. Some person; someone. 2. A person of importance or authority" [22].

Данный словарь приводит следующий комментарий к словоупотреблению: "Someone and somebody have no difference in meaning. Somebody is a little less formal than someone. Someone is used more in writing than somebody. Somebody is more common in speaking" [24].

Словарь The Oxford English Dictionary содержит следующие словарные представления: "Someone – pronoun 1. An unknown or unspecified person; some person; 2. A person of importance or authority" [18]. "Somebody – pronoun 1. Some person; someone. 2. A person of importance or authority" [17].

Приведенные словарные дефиниции позволяют сделать вывод, что при небольших различиях в словоупотреблении, основными значениями местоимений someone and somebody являются следующие: 1) указание на неизвестное, неопределенное, неназванное лицо; некий человек 3) высокопоставленный, значимый или влиятельный человек.

В ходе исследования было отобрано 75 высказываний: 30 с местоимением someone и 45 с местоимением somebody, при переводе которых использовались не словарные соответствия, а применялся тот или иной переводческий сдвиг. Данные нашего корпуса позволили выявить три вида переводческих сдвигов при передаче исслеуемых местоимений на русский язык. В настоящей работе мы рассматриваем переводческие сдвиги в динамическом плане, то есть как способы перевода, которые могут быть использованы при работе над другими оригиналами; нами используется классификация переводческих приемов, предложенная в труде А.В. Корячкиной [8].

1. Межразрядовый сдвиг состоит в передаче местоимения одного разряда исходного языка (ИЯ) местоимением другого разряда переводящего языка (ПЯ).

В примере 1 неопределенное местоимение ИЯ someone заменено на относительное местоимение кто в ПЯ.

1) *"If someone crossed him they were marked..."* [19].
"Кто его разозлил, тот, считай, уже меченый..." [3].

Данное высказывание относится к нарративу третьего лица, в котором экзегетический повествователь описывает одного из героев романа, маньяка-убийцу Дональда Лэйнга. Характеризуя героя, автор прибегает к использованию разговорного стиля и сниженной лексики. Переводчик, стремясь передать указанные характеристики оригинала, реализует прием компрессии, заменяя придаточное условное на инвертированное местоименно-определятельное придаточное с относительным местоимением кто для придания высказыванию окраски, свойственной разговорному стилю.

2. Межкатегориальный сдвиг охватывает случаи преобразования местоимения ИЯ в другую часть речи,

либо в словосочетание ПЯ.

В примере 2 произведена замена местоимения someone на словосочетание "местоимение + существительное".

2) *"I'm surprised it's taken him this long to go for someone like her. Ticks all his boxes"* [19].

"Удивительно, что он только сейчас нашел себе такое сокровище. Подходит ему по всем статьям" [3].

Вновь переводчик имеет дело с диалогом героев, двух сотрудников детективного агентства, обсуждающих, "студентку Лондонской школы экономики, а по совместительству – стриптизершу", за которой они должны следить. Переводчик заменяет стилистически нейтральное местоимение на словосочетание такое сокровище для усиления экспрессивности высказывания.

В примере 3 представлена замена местоимения somebody на субстантивный фразеологизм, являющийся словосочетанием "существительное + существительное".

3) *"What I look like," Slater said, coming forward and taking Graham by the elbow to continue walking, "is somebody who has discovered an old pair of RAF pilot's boots at a market stall in Camden"* [14].

"Выгляжу как баловень судьбы, - перебил Слейтер, взяв Грэма под локоть и увлекая его вперед, - который на барахолке в Кэмдене откопал настоящие летчицкие ботинки" [2].

Перед нами реплика героя, веселого и уверенного в себе молодого человека Ричарда Слейтера. Используя прием идиоматизации, переводчик производит замену стилистически нейтрального местоимения somebody на фразеологизм баловень судьбы для усиления экспрессивности высказывания, как и в примере выше.

В следующем примере местоимение someone заменено словосочетанием "предлог + существительное" по почте.

4) *"I mean, if he's already sent someone a - what exactly did he send?" she asked, a little nervously* [19].

"...коль скоро тот один раз уже отправил по почте ... что там он отправил? - нервно поинтересовалась Робин" [3].

Данный пример представляет случай невынужденного переводческого преобразования, являющегося креативным переводческим решением.

3. Межуровневый сдвиг в нашем корпусе представлен тремя типами преобразований. В примерах 5 и 6 мы наблюдаем первый тип преобразования – нулевой перевод.

5) *"Someone sent us an effing leg"* [19].

"Нам, видишь ли, [Ø] прислали отрезанную ногу" [3].

Рассматриваемое высказывание относится к художественному диалогу. Использование неопределенно-лич-

ного предложения с отсутствующим субъектом указывает на то, что референт субъекта, по мнению переводчика, является несущественным для говорящего (в отличие от другого возможного варианта с использованием неопределенного местоимения. Ср. "Нам, видишь ли, кто-то прислал отрезанную ногу"). Данная трансформация использована для придания естественности звучания и сходства художественного диалога с живой речью.

б) *"Now she came to think of it, the form had looked amateurish, as though it had been put together on someone's laptop, and she said as much"* [19].

"Теперь ей вспомнилось: бланк действительно выглядел как-то кустарным, будто сляпанным на [Ø] компьютере. Так она и сказала" [3].

Местоимение ИЯ в притяжательном падеже – *someone's*, опущено в ПЯ, поскольку переводчик счел его избыточным в дискурсе художественного диалога.

Вторым типом переводческого преобразования в данной группе является передача местоимения предикативной единицей.

7) *"When Webby pointed out Mellon, Steve Dubay said he thought the other fag was named Don somebody, and that he'd picked up a kid from Derry High hitching and then tried to put a few moves on him"* [20].

"Когда Паук указал на Меллона, Дюбей сказал, что он вроде бы знает второго педика. Его звали Дон, фамилию он не помнил, и этот педик подвозил одного ученика средней школы Дерри и пытался к нему подкатить" [6].

Местоимение *somebody* в традиционном нарративе ИЯ заменено на предикативную единицу фамилию он не помнил ПЯ для эксплицитности высказывания.

Третий тип преобразования в рассматриваемой группе – семантико-синтаксическое преобразование предикативной единицы, содержащей местоимение.

В примерах 8 – 10 переводчик вновь имеет дело с традиционным нарративом.

8) *"He had two spare hats in his room just in case he ever lost his usual one, or somebody stole it"* [14].

"У него в комнате хранились еще две запасные на случай потери или кражи" [2].

В данном случае предикативная часть сложного предложения *in case ... somebody stole it* заменена словосочетанием *на случай ... кражи*; это прием компрессии, использованный для усиления динамики повествования.

Использование аналогичного приема мы видим и в примере ниже.

9) *"The other one could not play on alone or find somebody else to play, and if the games could not be played and ended, the riddle could not be answered"* [14].

"Оставшийся игрок не имел права продолжить партию или подыскать замену, а если игра прерывалась и не доводилась до конца, то вопрос загадка оставался без ответа" [2].

Предикативная единица *somebody else to play* преобразована в существительное замену с целью компактности изложения и достижения естественности звучания.

10) *"Of course, he had known they would use the Microwave Gun on him; they always did when he was up in front of somebody..."* [14].

"Конечно, он знал, что против него будет использована Микроволновая Пушка; это происходило всякий раз, когда он пытался постоять за себя..." [2].

Замена предикативной части сложного предложения ИЯ *was up in front of somebody*, содержащего фразовый глагол *be up* на предикативную единицу *пытался постоять за себя*, включающий фразеологизм "постоять за себя" выполнена переводчиком для передачи метафоричности высказывания ИЯ; при этом в ПЯ метафоричность усилена (прием идиоматизации) для большей экспрессивности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что английские неопределенные местоимения *someone* и *somebody* обладают высоким транслатологическим потенциалом. В зависимости от задач и факторов преобразования могут использоваться внутриразрядовые, межкатегориальные и межуровневые сдвиги при передаче данных местоимений на русский язык. Результаты исследования в процентном соотношении приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Вид сдвига	Сущность преобразования
Межкатегориальный сдвиг	1. <i>Someone/somebody</i> → предлог + существительное (~2,5%). 2. <i>Someone/somebody</i> → местоимение + существительное (~14,5%). 3. <i>Someone/somebody</i> → существительное + существительное (~12%).
Межуровневый сдвиг	1. <i>Someone/somebody</i> → Ø (~13%). 2. <i>Someone/somebody</i> → предикативная единица (~10%). 3. Предикат. ед. с <i>someone/somebody</i> → существительное (~12%). 4. Предикат. ед. с <i>someone/somebody</i> → существительное + существительное (~12%). 5. Предикат. ед. с <i>someone/somebody</i> → другая предикат. ед. (~24%).

Проведенное исследование показало, в современном англоязычном художественном дискурсе местоимения *someone* и *somebody* употребляются как тождественные. Обращает на себя внимание тот факт, что из 30 высказываний с местоимением *someone*, отобранных методом сплошной выборки, 24 (90%) принадлежат произведению

Роберта Гэлбрейта (Джоан Роулинг), в то время как с местоимением somebody из данного произведения отобрано только 4 высказывания. По всей видимости, это дает повод для выдвижения гипотезы о том, что в художественном дискурсе использование одного или другого из рассматриваемых местоимений относится к характерным чертам языкового портрета писателя. Однако для окончательного вывода требуется отдельное исследование.

Было выявлено, что основными факторами переводческих сдвигов являются стремление переводчика придать высказыванию определенную стилистическую окраску, большую экспрессивность, достичь естественности звучания или усилить динамику повествования. Также отмечены случаи невынужденных, креативных переводческих сдвигов, использующих транслатологический потенциал исследуемых местоимений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 2004. 607 с.
2. Бэнкс И. Шаги по стеклу. Пер. Е. С. Петровой. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
3. Гэлбрейт Р. На службе зла. Пер. Е. С. Петровой. М.: Изд-во "Иностранка", 2016. 544 с.
4. Емельянова О. В. Актуальные проблемы теории референции. Прагматический и когнитивный аспекты: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, Филологический факультет, 2010. 120 с.
5. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. – 404с.
6. Кинг С. Оно. Пер. В.А. Вебер. М.: Астрель, 2012. 1248 с.
7. Кобрин Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. Пособие. М.: Высшая школа, 2007. 368 с.
8. Корячкина А. В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его коммуникативно-интерпретативного перевода: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2017. 312 с.
9. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. 440с.
10. Падучева Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс]. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf (Дата обращения 26.01.2018)
11. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. Языки славянской культуры, Москва, 2011. 480 с.
12. Петрова Е. С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика. М.: Академия, 2011. 365 с.
13. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
14. Banks I. Walking on Glass. Futura Publications, London, 1986. 341 p.
15. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. – Longman, 1999. 1175 p.
16. Bolinger D. Meaning and Form. London, 1977. – 212p.
17. Definition of "Somebody" in Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/somebody> (Дата обращения 21.02.2018)
18. Definition of "Someone" in Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/someone> (Дата обращения 21.02.2018)
19. Galbraith R. Career of Evil. Mulholland Books, London, 2015. 492 p.
20. King S. It. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/King_Stephen/It.html (Дата обращения 22.12.2017)
21. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. Harlow, Longman, 1985. 351 p.
22. Meaning of "Somebody" in Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/somebody> (Дата обращения 21.02.2018)
23. Meaning of "Someone" in Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/someone> (Дата обращения 21.02.2018)
24. Usage of "Someone, somebody" in Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/pronouns/someone-somebody-something-somewhere> (Дата обращения 21.02.2018)

© Н.И. Гайкалова, (propartners@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский международный книжный салон

Время читать!
Time to read!

"Ни о чем не думает лишь тот, кто ничего не читает."
Д.Дидро

Реклама

ПОЖЕЛАНИЕ И КОМПЛИМЕНТ КАК РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТЬ В РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ, КОРЕЙЦЕВ И ЯПОНЦЕВ

A WISH AND A COMPLIMENT AS SPEECH
TACTICS OF STRATEGY POLITENESS
IN RUSSIAN SPEECH OF CHINESE,
KOREAN AND JAPANESE PEOPLE

M. Gonchar

Annotation

The article deals with the problem of polite verbal behavior. The article gives the attitude to politeness from East Asia's point of view. The specificity of speech tactics compliment and wish is given, special aspects of it's implementation in Russian by Chinese, Korean and Japanese is shown in the text.

Keywords: politeness, cultural studies, verbal behavior, ethics in speech, speech tactics, speech act, compliment, wish.

Гончар Мария Сергеевна
Санкт-Петербургский
Государственный Университет

Аннотация

Статья посвящена проблеме вежливого речевого поведения в речи на неродном языке. В статье представлено понимание вежливости с позиций культур Восточной Азии, обозначена специфика применения речевых тактик комплимент и пожелание в китайском, корейском и японском языках, а также выявлены особенности реализации данных тактик в русской речи носителей этих языков.

Ключевые слова:

Вежливость, лингвокультурология, речевое поведение, речевой этикет, речевые тактики, речевой акт, комплимент, пожелание.

Вежливость как понятие существует в любом этносоциуме. Её установки универсальны, однако проявление в речевом поведении обуславливается национальными традициями, религией, спецификой межличностных отношений и пр. В ситуации межкультурного общения особенно значимым становится знание определённых правил демонстрации расположения к собеседнику.

В языках Восточной Азии (далее – ВА) наблюдается особое грамматическое и лексическое проявление вежливости, отличающееся от европейских языков. В общении приоритет отдается коммуникативным ролям говорящих, а не личности как таковой. Вежливое речевое поведение в языках ВА находится в прямой зависимости от возраста и социального положения адресата. Это объясняется тем, что исторически данные культуры складывались как коллективистские с высокой дистанцией власти [6].

Для коллективистских культур характерен аффективный стиль коммуникации, заключающийся в ориентации на слушающего. Теоретические сведения работ, посвященных речевой культуре и поведению представителей ВА [1, 2, 3, 4, 5, 7], позволяют выделить следующие общие особенности речевого поведения и, соответственно, специфику речевой вежливости представите-

лей ВА: внимание к статусности (что предполагает соответствующие формы обращений); избегание категоричных суждений и прямых ответов; сдержанность в выражении оценок.

Проявление вежливости как основной стратегии общения в речи может быть выражено рядом тактик, в частности поддержанию гармоничных отношений способствует применение *комплиментов* и *пожеланий*. Русские *комплимент* и *пожелание*, по данным проведенного нами исследования, транслируют положительное отношение к собеседнику через оценку адресата, его качеств и пр. Средствами выражения оценки выступают языковые единицы: эмотивно-оценочные прилагательные и наречия, междометия, различные лексические интенсификаторы (наречия, определительные местоимения и др.), обращения.

Русские неформальные *комплимент* и *пожелание* характеризуются высокой эмоциональностью, оценочностью, образностью, распространенностью, применением различных средств выразительности.

Например: *выглядишь просто сногшибательно! / глазки сияют, этот изумрудный так красиво их оттеняет! / желаю море удачи и дачу у моря! / любви вселенную!*

В русских *комплиментах* прослеживается тенденция обратить внимание на детали, подчеркивающие образ собеседника: *макияж и наряд подобраны с тонким вкусом! / это платье тебе очень идет / какая ты сегодня красотка, восточный стиль тебе к лицу* (примеры наши – М.Г.).

Специфика китайских, корейских и японских *пожеланий*, на наш взгляд, заключается в плане значимого наличия/отсутствия *пожелания* как такового.

В китайском, как отмечают носители языка, *пожелание* представляется избыточным, если собеседники находятся в родственных или дружеских отношениях.

Типичные японские пожелания лаконичны и не распространены (например, ситуация поздравление с днем рождения: *будь счастлив* или *будь здоров*; пожелание на свадьбу: *долгих лет счастья*). В официальных письмах и на церемониях могут произноситься более длинные пожелания. Как правило, поздравления не содержат пожелания, представляя собой перформативное высказывание "поздравляю".

В китайском языке *комплименты* часто связаны с темой здоровья, в русском языке, напротив, здоровье представляется табуированной темой в *комплиментах*, но типичной в *пожеланиях*. Ситуации применения пожеланий в русском и китайском языках совпадают (приветствие, прощание, поздравление, напутствие), за исключением ситуации благодарности – китайцы не используют *пожелания* в данной ситуации. Набор тактик *пожеланий* при напутствии в китайском языке численно превосходит применяемые в русском языке единицы. Ценностные доминанты русских и китайских *пожеланий* при поздравлении также совпадают: долголетие, благополучие, удача и счастье.

Как отмечает корейский исследователь Пак Эян, в корейском языке присутствуют два типа *комплиментов*:

- 1) комплименты, цель которых выражение учтивости;
- 2) формальные комплименты, цель которых выражение лести [8, с. 67–90].

В русской речевой традиции принято разделять *лесть* и *комплимент*. Предполагаем, что применение *комплиментов* второго типа в речи на русском языке, может привести к неверному восприятию интенций говорящего носителями русского языка.

Что касается содержательной части *комплиментов*, исследователи, которые в основном подходили к изучению данной темы с точки зрения сравнения с другими лингвокультурами, отмечали, что корейцы склонны чаще делать *комплименты* в отношении поведения, качеств характера и личности [7, с. 72–73].

Однако носители современного корейского языка отмечают тенденцию повышения внимания к внешности в комплиментах. Заметить любое изменение во внешности собеседника означает выразить внимание. В качестве примера приведем следующую ситуацию: у девушки проблема с кожей на лице, возникла необходимость приклеить пластырь. Её подруга отмечает, что картинка на пластыре интересная. Интенция кореянки – проявить внимание к собеседнице, показать свою наблюдательность и сделать комплимент по поводу решения проблемы.

В корейских, китайских и японских *комплиментах* о внешности человека принято использовать сравнение с другим человеком.

Например: *ты выглядишь как фотомодель / ты такая красивая, прямо как Ким Тхэ Хи!* (Ким Тхэ Хи – популярная южнокорейская актриса, прим. наше – М.Г.).

Применение корейцами, японцами и китайцами *комплиментов* и *пожеланий* в речи на русском языке, по нашим наблюдениям, имеет некоторые специфические особенности. Данные проведенного исследования выявили, что представители ВА избегают оценочных и эмоционально-окрашенных единиц в речи на русском языке. Поэтому при всех прочих соблюденных условиях построения высказывания, диапазон применяемых средств в русских речевых тактиках *пожелание* и *комплимент* представляется недостаточным.

Фатические эмотивы в речевых тактиках *комплимента* и *пожелания* в речи представителей ВА на русском языке представлены следующими типичными единицами.

Китайский:

- *хороший, большой, красивый, молодец, действительно, очень, весь, лучше.*

Корейский:

- *молодец, такой (активный, энергичный, умный и пр.), молодой, моложе, красивый, хорошо, тебе идет (что?), прекрасно, какой/какая (красавица и др.), замечательный.*

Японский:

- *молодец, очень (+ прил. или нар.), красивый, тебе идет (что?), прекрасно.*

Анализ полученного материала позволяет выявить ряд общих для представителей ВА особенностей в реализации стратегии вежливость, обусловленных влиянием их национального речевого поведения:

1. Китайцы, корейцы и японцы предпочитают не использовать *пожелание* при поздравлении.

2. В ситуации напутствия и поздравления стараются не использовать *пожелания и комплименты*.

3. Не создают индивидуализированные *пожелания*.

4. Не используют средства образности и выразительности в *пожелании и комплименте*, ограничиваясь универсальными речевыми образцами.

5. Совершаемые системные ошибки в большинстве случаев относятся к уровню грамматики.

Знание типичных грамматических моделей построения комплимента и пожелания видится недостаточным при освоении прагматики языка.

По всей видимости, неуверенность в уместном применении оценочной лексики в той или иной прагматической ситуации и приводит к речевой "скованности" представителей культур ВА в выражении комплиментов и пожеланий на русском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 288 с.
2. Куротченко К.Б. Принципы общения и взаимоотношений в корейском обществе: [Электронный ресурс] URL: <http://www.liveinternet.ru/users/oprichnik46/post198518148/> (дата обращения 20.03.2017).
3. Фролова О.П. Японский речевой этикет: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics4/frolova-97.htm> (дата обращения 07.02.2016).
4. Цветов В.Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldgazette.ru/lib/zvetov/reandzi/index.html> (дата обращения 10.09.2016).
5. Brown, Lucien. Politeness and second language learning: The case of Korean speech styles. Journal of Politeness Research. 2010. P. 243 – 270.
6. Hofstede G. Cultures and Organizations. Software of the Mind. N.Y.: McGraw-Hill, 1997. 576 p.
7. Jeon, Youngsook, "A descriptive study on the development of pragmatic competence by Korean learners of English in the speech act of complimenting". Unpublished doctoral dissertation. Texas A & M University. Texas, 1996. P. 72–73.
8. 박애양. “한·중 칭찬화행의 문화 대조 분석.” 『중국학연구』. 제 권, 2008. P. 67–90.

© М.С. Гончар, (eveninghaze@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ "ВЕЖЛИВОСТЬ"

Гончар Мария Сергеевна
Санкт-Петербургский
Государственный Университет

GENERAL AND SPECIFIC ERRORS
IN RUSSIAN SPEECH OF EAST ASIA'S
REPRESENTATIVES CARRYING OUT
THE COMMUNICATIVE STRATEGY
"POLITENESS"

M. Gonchar

Annotation

The article deals with the problem of verbal politeness demonstration while speaking a foreign language. The article gives errors that appear when a representative of East Asia uses Russian speech tactics compliment and wish. We provide a classification of such errors by Interpretation the errors we got out from the questionnaire. Three types of errors were found out. The data we got allowed to confirm relation between pragmatic errors and special aspects of speaker's national speech behavior.

Keywords: cross-cultural communication, politeness, speech strategy, speech tactic, wish, compliment.

Аннотация

Статья посвящена проблеме проявления речевой вежливости в условиях общения на неродном языке. В статье рассмотрены нарушения, возникающие при осуществлении русских речевых тактик комплимент и пожелание представителями Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Анализ ошибок, полученных в ходе анкетирования, позволил создать классификацию нарушений стратегии вежливость, было выявлено три типа таких нарушений. Полученный материал позволил подтвердить взаимосвязь возникновения прагматических трудностей с особенностями национального речевого поведения, влиянием родной культуры говорящего.

Ключевые слова:

Межкультурное общение, вежливость, речевая стратегия, речевая тактика, пожелание, комплимент.

Вопрос о природе вежливости поднимался с позиций лингвистики, психологии, межкультурной коммуникации, антропологии, культурологии и др. В настоящее время выделяют несколько основных концепций теории речевой вежливости, каждая из которых обосновывает своё понимание данного феномена [10; 11; 12; 13; 15; 16; 17]. В лингвистических работах вежливость коррелирует с понятиями речевой этикет (далее – РЭ) и культура речи [1; 3; 5; 10; 11].

Как лингвистическое явление вежливость оказалась областью возникновения различных нарушений при осуществлении её средствами иностранного языка. В данной статье предпринимается попытка установления типологии нарушений при реализации данной речевой стратегии в русской речи представителей Восточной Азии (далее – ВА). Для построения классификации нарушений было проведено специальное анкетирование носителей китайского, корейского и японского языков, результаты которого позволили выявить типичные ошибки и, таким образом, составить данную типологию.

Активный рост межкультурных связей, наблюдаемый в последние десятилетия, обуславливает необходимость

получения сведений о специфике национального речевого поведения в различных культурах, а также требует выявления способов минимизации факторов, затрудняющих межкультурную коммуникацию. Несмотря на то, что ошибки в области РЭ, а также ошибки, обусловленные социокультурными факторами, уже становились предметом исследований, до сих пор не была представлена общая классификация нарушений речевой стратегии вежливость, не были выявлены нарушения, совершаемые при её реализации представителями ВА.

Первыми к проблеме социокультурных ошибок при изучении иностранного языка обратились В.В. Сафонова и Л.Г. Кузьмина [6, 7]. В.В. Сафонова определяет социокультурные ошибки как "все те погрешности и недостатки письменной речи русских обучающихся, овладевающих английским языком или использующих его в условиях межкультурного общения, которые являются следствием различий в социокультурном восприятии мира" [9, с. 105–106].

Данное определение, безусловно, отражает специфику выбранного автором материала исследования – письменная речь русских, изучающих английский язык. Одна-

ко природа социокультурных ошибок универсальна, и их возникновение справедливо в условиях контакта других языков, а также в устной речи.

Д.Б. Гудков, предлагая собственную классификацию коммуникативных неудач, выделяет дискурсивные ошибки как самостоятельный тип ошибок. Дискурсивные ошибки, по мнению автора, связаны не с незнанием системы языка, а с неверным использованием этой системы по незнанию норм и ценностей соответствующей культуры. К дискурсивным относятся две подгруппы ошибок: этикетные и ошибки, связанные с использованием стереотипов [4]. Обращение к коммуникативному и этическому компонентам культуры речи привело к необходимости пересмотра классификации речевых ошибок. Поэтому современные лингвисты все чаще обращаются к ошибкам, связанным с нарушением этико-речевых норм [2].

Известно, что вежливость представляет собой универсальное понятие для всех культур, однако в речевом поведении она может быть обусловлена многими экстралингвистическими факторами: традициями, религиозными и социокультурными представлениями и пр. Ситуация межкультурного общения требует знаний, установленных в данном этносоциуме, правил демонстрации расположения к собеседнику. Т. В. Ларина подтверждает обусловленность вежливости национальной культурой и предлагает следующее определение: "вежливость – универсальная коммуникативная категория, представляющая собой систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера" [8, с. 22]. В данной статье вежливость понимается как национально-специфичная стратегия, представленная рядом тактик.

Комплимент и пожелание представляются особо значимыми русскими речевыми тактиками ввиду частотности и мультиситуативности их применения носителями языка. Относясь к сфере РЭ, данные единицы призваны выполнять контактоподдерживающую функцию. Основная задача адресанта комплимента и пожелания заключается в демонстрации положительного отношения к собеседнику, что достигается путём оценки объекта, его качеств.

Национальная специфика проявления речевой вежливости предопределяет возникновение нарушений в речи на неродном языке. Появление ошибки может, с одной стороны, свидетельствовать о недостаточной сформированности речевых навыков, с другой, означать факт влияния родного языка и культуры говорящего. В первом случае речь идёт о системных ошибках (интонационных, лексических, грамматических, словообразовательных) [4]. Во втором случае возникают ошибки, природа которых восходит к культурным феноменам, и которые поэто-

му принято называть социокультурными и лингвокультурными. В последнем случае требуется особый комментарий к речевой ситуации в целом и поиск причин возникновения нарушений.

Для доказательства данных теоретических предположений, был проведен эксперимент – анкетирование носителей китайского, корейского и японского языков. Был выполнен квалифицированный перевод инструкции и вопроса на вышеперечисленные языки. Анкета конструировалась посредством сервиса для создания электронных опросов Google forms [18], что позволяло получать доступ к ней через интернет. Задания анкеты были даны на русском и родном языках респондентов. В служебном поле анкеты требовалось указать следующую статистическую информацию: возраст, пол, образование (среднее/неоконченное высшее/ высшее), также требовалось указать профессию респондента, общее количество лет изучения русского языка, пройденных стажировок по изучению русского за границей (с указанием страны, где проходила стажировка). Сведения служебного поля применялись при установлении причин возникновения нарушений.

В инструкции содержалась просьба дать ответы на двух языках: на русском в ситуации общения с русскими и на родном для участника анкетирования языке. Материал родного языка участников анкетирования обеспечивал контроль в спорных случаях, когда возникала необходимость консультации лингвистов-носителей данных языков.

Общее количество участвовавших в анкетировании китайцев составило 32 человека (14 мужчин и 18 женщин) в возрасте от 17 до 28 лет. Корейцев – 30 человек (15 мужчин и 15 женщин) в возрасте от 21 до 40 лет. Японцев – 30 человек (15 мужчин и 15 женщин) в возрасте от 20 до 54 лет. Общее число проанализированных высказываний – 1932.

В ходе исследования были выявлены нарушения, которые возникают в русской речи представителей ВА при осуществлении стратегии вежливости. Анализ полученного материала позволил предложить классификацию таких нарушений.

Выделенные типы представляют различную природу возникновения нарушений:

I. Нарушения, вызванные лингвокультурологической интерференцией:

1. Перенос тактики родного языка в речь на изучаемом языке;
2. Применение тактики другого ранее изученного иностранного языка.
3. Нарушения, вызванные недостаточным знанием РЭ изучаемого языка (некорректное использование

стереотипов, невыполнение ожидаемых типичных речевых тактик изучаемого языка];

II. Осуществление тактик, не отвечающих экстралингвистическим параметрам ситуации общения (например, официальность/неофициальность).

III. Системные ошибки: фонетические, грамматические, лексические, словообразовательные, стилистические и др.

Обобщая полученные данные, приходим к выводу, что нарушения, вызванные лингвокультурологической интерференцией, как правило, представляют собой результат контакта двух или более языковых систем. В случае переноса тактики родного языка в речь на изучаемом языке наблюдаем дословный перевод тактики, принятой в родном языке говорящего. Ошибки данного типа относятся к случаям прагмалингвистического переноса, то есть попытки говорящего воспроизвести в разговоре на иностранном языке определённые высказывания и формулы, которые при общении на родном языке в сходной коммуникативной ситуации обладают желаемой иллюквативной силой, что часто приводит к коммуникативной неудаче и недопониманию со стороны носителей другого языка. Например, кореец или японец делает комплимент "у тебя такое лицо маленькое!". В корейской и японской культурах маленькое лицо считается красивым, что обуславливает возникновение данного комплимента. В русской же культуре его применение может привести к коммуникативной неудаче.

Отдельным типом нарушений полагаем применение тактики другого ранее изученного иностранного языка. Сама ситуация осуществления речи на неродном языке может представлять определенную трудность для говорящего. Причины тому могут быть как психологического характера (например, стеснение), так и лингвистического (например, отсутствие языковой практики, неразвитость речевых навыков и умений). Первый ранее изученный иностранный язык является опорным в межъязыковой коммуникации. Примером такого нарушения может служить вербальное отражение интенции прощания "увиджу тебя". Данное выражение используется при прощании в русском (увидимся!) и в английском языках (see you!). Китайские информанты, изучавшие ранее английский язык, использовали прощание "увиджу тебя", производя дословный перевод с английского. Китайские испытуемые также не учитывали регистр общения, применяя эту тактику к представителям всех возрастных групп.

Нарушения, вызванные недостаточным знанием РЭ изучаемого языка (некорректное использование стереотипов, невыполнение ожидаемых типичных речевых тактик). Например, ни один из опрошенных не пожелал собеседникам приятного аппетита в ситуации "встреча в столовой", как того требует русский РЭ. В качестве приветствия испытуемые использовали следующие тактики:

здравствуйте! / Привет! / Как дела? / Ты один? / Давно не видел вас! / Что ты заказала? / Ой, ты тоже здесь!

Еще одним примером подобного нарушения может служить речевое поведение представителей ВА в следующей смоделированной ситуации: ваш коллега три раза сдавал экзамен на водительские права. Он сдал с четвертой попытки. Что вы ему скажете, когда узнаете эту новость? Реакции корейских, китайских и японских респондентов в большинстве случаев ограничились поздравлением (*поздравляю!*), русские помимо поздравления делают комплимент собеседнику и/или хвалят его: *поздравляю + молодец, настойчивый! / Сам? Я тобой горжусь! / Ты такой молодец! Это просто круто! / Я была уверена, что ты сдашь! Всегда по-хорошему завидовала твоей целеустремленности. / Главное результат! Теперь ты супер водела!*

Нарушения, выражающиеся в использовании тактик, не отвечающих экстралингвистическим параметрам ситуации общения, представлены неразличением ты/вы общения: "увидимся!" (преподавателю); "хорошо Вам отдохнуть" (другу или подруге). Нарушение фактора официальность/неофициальность ситуации: выбор испытываемыми русской речевой тактики пожелания "здоровья, счастья, удачи во всем и, конечно, море любви" при поздравлении начальника также является нарушением, поскольку тактика не соответствует официальной тональности ситуации.

Системные ошибки возникают на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом, стилистическом. Это наиболее многочисленный тип нарушений. Примером подобного нарушения может служить смешение форм глагола (*слушать* вместо *слышать*), неверное словоупотребление (например, комплимент *у вас хорошее состояние* вместо комплимента *вы хорошо выглядите*), ошибочное употребление предлогов и падежей (например, *я горжусь за тебя* вместо *я горжусь тобой*), неверное употребление формы глагола (например, *выглядит лучше* вместо *выглядишь лучше*) и т.п.

Нарушения в речи представителей ВА могут носить как общий, так и специфический характер. Представленная ниже таблица содержит статистические данные о количестве полученных нарушений каждого типа в процентном соотношении.

Таблица 1.

Язык	Тип нарушений, %		
	I	II	III
китайский	43	9	46
корейский	37	3	60
японский	47	10	43

Системные языковые ошибки (фонетические, грамматические, синтаксические, стилистические и др.) представляют собой наиболее многочисленную группу нарушений, совершаемых китайцами, корейцами и японцами – 46%, 60% и 43% соответственно. На втором месте по количеству встречающихся ошибок – нарушения, обусловленные действием лингвокультурологической интерференции. Процент нарушений достаточно высок – 43% (от всех ошибок) у китайцев, 37% у корейцев и 47% у японцев. Наименьшее число нарушений возникает в случае осуществления тактик, не отвечающих экстралингвистическим параметрам ситуации общения – 9% (от всех ошибок) у китайцев, 3% у корейцев и 10% у японцев. Статистически нарушения всех типов распределились практически в равных долях у китайцев, корейцев и японцев. Это может служить еще одним подтверждением некоторой близости национального речевого поведения данных культур.

В языках ВА наблюдается особое грамматическое и лексическое проявление вежливости, отличающееся от европейских языков. В корейском, китайском и японском РЭ большое значение придается возрасту и социальному положению адресата. Это объясняется тем, что исторически данные культуры складывались как коллективистские с высокой дистанцией власти [14]. Поэтому, например, приемлемым будет считаться вопрос относительно возраста и семейного положения человека, участвующего в общении. Эта информация помогает правильно

строить диалог с позиций вежливости и кооперативного общения. Стремление сохранить "коммуникативное равновесие", предвидеть интенции собеседника представляет собой проявление конфуцианской этики. Ради поддержания гармоничных отношений представители культур ВА стремятся делать все возможное, чтобы не вступать в противоречие с собеседником. Поэтому для корейского, китайского и японского РЭ характерно избегание категоричных отрицаний и прямых ответов. Специфика национального речевого поведения в культурах ВА предопределяет особое функционирование комплимента и пожелания в русской речи представителей данных культур. По нашим наблюдениям, оно заключается в языковой сдержанности комплиментов и пожеланий, отсутствии средств выразительности и образности, избегании оценочности в языковых единицах.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в речи на изучаемом языке говорящий в значительной степени опирается на стереотипы поведения своего языка и культуры. Иностранцы в разговоре на неродном языке даже при высоком уровне его владения часто испытывают трудности и допускают прагматические ошибки, связанные с неверной трактовкой ситуативного значения языковых единиц или несоответствием высказывания контексту данной лингвокультуры. Перспектива исследования видится в дальнейшем выявлении специфики речевых тактик в разных языках и в описании связанного с ними национально-культурного пласта знаний о мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А. А., Формановская Н. И. Речевой этикет (в таблицах и упражнениях). М.: Русский язык, 1973. 87 с.
2. Барина А. В. Ошибки речевые // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд. М.: Флинта: Наука. 2009. С. 454-455.
3. Гольдин В. Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. 112 с.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
6. Кузьмина Л. Г., Сафонова В. В. Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучающихся // Иностранные языки в школе. 1998. № 5. С. 31-34.
7. Кузьмина Л. Г., Сафонова В. В. Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучающихся // Иностранные языки в школе. 1998. № 6. С. 10-18.
8. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций. М.: Языки славянских культур: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.
9. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 150 с.
10. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982. 126 с.
11. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.
12. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: University Press, 1987. 348 p.
13. Grice H. P. Logic and Conversation // P. Cole, J. Morgan (eds.) Syntax and Semantics. Volume 3: Speech Acts. NY: Academic Press. 1975. P. 41-58.
14. Hofstede G. Cultures and Organizations. Software of the Mind. N.Y.: McGraw-Hill, 1997. 576 p.
15. Lakoff R. Talking power. New York: Basic Books, 1990. 324 p.
16. Leech G. Principles of Pragmatics. L., NY: Longman, 1983. 250 p.
17. Watts R. Politeness. Cambridge: CUP, 2003. 304 p.
18. Google forms: [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.com/intl/ru_ru/forms/about/. (Дата обращения: 18.02.2018).

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ "САМОДОСТАТОЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ" В РУССКОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ

Денисов Денис Русланович
Аспирант,
Московский государственный
областной университет

THE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF THE SEMANTIC FIELD "SELF- SUFFICIENT PERSON" IN THE RUSSIAN CULTURAL FIELD

D. Denisov

Annotation

The author conducts a system analysis of the concept of the semantic field 'a self-confident personality' based on the analysis of the main hero's characteristics of a Solzhenitsyn's work 'One day in the life of Ivan Denisovich'. During the research by method of interpretation, description as well as a synchronic method, lexics of this semantic field is marked as well as characteristics forming the concept in Russian people's mentality are defined. The author sees the research rationale in awareness of concepts and operation with their lexical units, which helps in realization of communication among people of different cultures and facilitates their mutual understanding. The conducted analysis proved that the concept 'a self-confident personality' is different from culturalogical positions but at the same time has a holistic basis determined by special words and word collocations as well as by a person's behavior and life experience.

Keywords: Semantic field, concept, culturological field, self-confident personality, language system, psychological characteristics.

Аннотация

В статье автором проведен комплексный анализ концепта семантического поля "самодостаточная личность" на примере характеристики главного героя повести А.И. Солженицина "Один день Ивана Денисовича".

В ходе исследования методом интерпретации, а также с применением описательного и синхронического методов, обозначены лексические единицы, относящихся к данному семантическому полю, определены и проанализированы характеристики, образующие данный концепт в сознании носителей русского языка и культуры. Актуальность работы автор видит в том, что знание концептов и оперирование их лексическими единицами в языке помогает реализовывать максимально эффективные коммуникации между людьми разных культур и способствует их лучшему взаимопониманию. Проведенный анализ показал, что концепт "самодостаточная личность" разнится в контексте культурологической дифференциации, но при этом имеет целостный базис, детерминированный определёнными словами и сочетаниями слов, а также поведением и жизненным опытом человека.

Ключевые слова:

Семантическое поле, концепт, самодостаточная личность, культурологическое поле, психолингвистические свойства, языковая система.

Раскрывая актуальность комплексного исследовательского поля данной статьи, целесообразно отметить, что поле семантическое объективно является наиболее крупной, целостной смысловой парадигмой, которая позволяет носителям той или иной культуры, оперируя различными лексическими единицами в языке реализовывать максимально эффективные коммуникации.

При этом следует заметить, что семантическое поле "самодостаточная личность" – различно в контексте индивидуально-личностной дифференциации, однако обнаруживает целостный базис, некую общность которая позволяет рассматривать названное понятие и как системное.

Например, в русском языке имеет место де-факто полностью тождественная конструкция английского ус-

тойчивого выражения 'self made man' – "человек, сделавший себя сам". Данный концепт хорошо узнаваем практически во всех культурах, однако может иметь не одно семантическое поле с точки зрения лингвокультурологии.

Доказательство наличия значимых особенностей, образующих концепт семантического поля "самодостаточная личность" именно в русскоязычном культурологическом спектре – определим как цель нашей статьи.

Задачи исследования – исходя из сформулированной темы и цели – следующие:

- ◆ рассмотреть понятие "семантическое поле" с точки зрения психолингвистики;
- ◆ коротко дать характеристику концепту семантического поля с указанием основных свойств последнего;

- ◆ проанализировать семантический признак, лежащий в основе семантического поля, как некоторую понятийную категорию;

- ◆ аттестовать концепт "самодостаточная личность" в разрезе соответствующего семантического поля, определить содержание концепта семантического поля "самодостаточная личность", "самодостаточный человек" в сознании носителей русского языка.

Новизна представленного в статье материала детерминирована собственно проведением комплексного анализа семантического поля конкретной категории – "самодостаточная личность" и заключается в доказательстве того, что концепт названного семантического поля включает в себя не только слова, словосочетания и т.д. определенного языка (в нашем случае русского), но и мысли, поступки, людей – носителей этого языка, то есть выделяемый и анализируемый нами концепт имеет определенную культурологическую направленность как при его обозначении, так и в дальнейшей его интерпретации.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности и необходимости осуществления комплексного подхода к определению и анализу концептов семантических полей, при этом, несомненно, базируясь на уже имеющихся теоретических знаниях из научных трудов отечественных исследователей (Ю.Д. Апресяна [2], В. Г. Гака [5], Ю. Н. Караулова [6], В. В. Виноградова [4], А. М. Кузнецова [10], З. Д. Поповой [12] и др.

Практическая значимость работы обусловлена наличием в ней комплексного анализа семантического поля "самодостаточная личность", который рассматривается в контексте повести А. И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича", что, в свою очередь, может послужить примером для выделения иных концептов семантических полей и их анализа в других произведениях как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Итак, перейдем к трактовке понятия "семантическое поле" с точки зрения психолингвистики. В своей статье "Дифференциация понятия "лексико-семантическое поле" в рамках изучения языковой картины мира" К.А. Кочнова трактует категорию "семантического поля" как некоторую совокупность языковых единиц, которые объединены общностью содержания (в некоторых случаях, также имеет место общность формальных показателей) и отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [9].

Семантическое поле обнаруживается, по мнению того же автора, как родовое, базисное понятие по отношению к лексико-семантическому, лексико-фразеологическому, фразео-семантическому и морфосемантическому полям [9], [8].

Н.Ф. Алефиренко предлагает еще одно научное понимание семантического поля как определенной системы языковых единиц, которые объединены содержательной общностью, отражают понятийное, функциональное либо предметное сходство некоторых явлений, которые они обозначают [1, с. 43].

Полагаем, что семантическое поле – как концепт – обнаруживает наличие системы свойств, его определяющих.

Этот концепт включает в себя, во-первых, интуитивную понятность: носители той или иной культуры, используя различные лексические единицы из разных частей речи как компоненты семантического поля, способны воспринимать информацию на интуитивном уровне.

Считаем, что концепт "самодостаточная личность" может трактоваться или характеризоваться как субъект, который, например, ответственен за свои поступки, активен, способен иметь собственную точку зрения и умеет ее обосновывать и т.д.

Во-вторых, этот концепт подразумевает собой некоторую автономность: фактически он представляет собой относительно независимую языковую подсистему, которая характеризуется одновременно и инвариантностью трактовок, и концептуальным автономным единством.

В-третьих, в понятие данного концепта входит наличие определенной корреляции с другими системными семантическими полями, в результате чего происходит образование языковых систем более широкого культурологического и психолингвистического свойства.

Анализируя семантический признак, лежащий в основе концепта определенного семантического поля, как некоторую понятийную категорию, сформулируем собственную позицию: можно говорить о том, что этот признак в том или ином контексте соотносится с окружающей конкретного человека действительностью, с его уникальным индивидуально – личностным опытом.

При этом – и данный аспект обоснован в работах А.В. Бондаренко [3], И.М. Кобозевой [7], Й. Трира [15] – сколь либо значимое противопоставление понятийных и семантических категорий (понятий) отсутствует. Важным является и тот факт, что интегральный признак – как принципиальное основание семантического поля – детерминирован компонентом "психологически реальное": каждый носитель языка является одновременно и носителем опыта [1, с. 46], [11].

Концепт "самодостаточная личность" в разрезе соответствующего семантического поля обнаруживает наличие следующего круга слов разных частей речи и слово-

сочетаний: самодостаточность, цельность, самовладение, самостоятельность, значимость, самоуважение, значительность, независимый, внутренне свободный, имеющий мнение, имеющий позицию и способный ее защищать, способный к противостоянию с большинством и т.д.[13].

Для доказательства состоятельности теоретической части статьи и с целью решения задач последней, рассмотрим пример, в котором представлен, с нашей точки зрения, концепт семантического поля "самодостаточная личность", "самодостаточный человек" и то, как формируется данный концепт в сознании именно носителей русского языка, а конкретно, дадим характеристику герою повести А.И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича" – Шухову.

"В пять часов утра, как всегда, пробило подъём – молотком об рельс у штабного барака..." [14, с. 87] – этой фразой начинается повесть А.И. Солженицына, и читатель стремительно, во всей "плотности литературного гения Солженицына", оказывается в гнетущей атмосфере лагеря для заключенных, где для них нет даже просвета для улучшения условий содержания в нем, а есть только тяжелый гнетущий в рабских условиях труд, "жизнь" (существование?) без всякой надежды на будущее.

Предполагаем, что А.И. Солженицын описывает всего лишь один день из жизни своего героя, а дней, подобных этому Он (герой) пережил – три тысячи шестьсот пятьдесят три – именно столько длился срок его заключения.

Шухов в повести А.И. Солженицына определенно позиционируется автором, как личность самодостаточная: цельная, самостоятельная, имеющая значимый опыт личностного развития.

Судьба человека в период тоталитарной власти, описанной автором, – власти, которая регламентирует, определяет и контролирует практически все области жизни каждого жителя своей страны – есть, как видится нам, жизнь с единой и единственной целью – остаться Человеком.

Почему Шухова можно считать героем, который, судя по содержанию произведения, формирует концепт семантического поля "самодостаточная личность"?

Ведь Иван Денисович по заключению "советской карающей машины" – "шпион" и "государственный преступник". В действительности Шухов – это простой человек, из крестьян, привыкший к тяжелому труду на земле; и, будучи настоящим гражданином и патриотом своей Родины, он 23 июня 1941, на второй день с момента нападения фашистской Германии на СССР, идет добровольцем на фронт защищать ее рубежи. Самодостаточ-

ность личности героя Солженицына видится нам и в ее способности совершить поступок при полном понимании потенциально губительных последствий для самой себя. Однако для Шухова как личности самодостаточной, человека русского – этот поступок не является геройским сам по себе.

Самодостаточная личность, в нашем понимании, это не просто человек, подчиняющийся обстоятельствам, а личность, способная к самопожертвованию во имя великой цели. Иначе самодостаточный человек – в сознании носителей русского языка и культуры – поступить просто не может.

Из истории жизни героя.

В феврале 1942 года Шухов попадает в окружение, а затем в немецкий плен. Этому предшествует невероятное по напряженности и драматизму событие – советское командование фактически бросило своих солдат на произвол судьбы: люди голодали, мерзли...

Пережив все тяготы войны и плена, Шухов оказывается на Родине и кажется, что все страшное уже было позади, однако скоро он попадает в лагерь – на этот раз советский: его, человека честного и принципиального, осудили как шпиона и диверсанта. В те времена такого рода приговор был, к сожалению, нередко жестокой действительностью.

События, описанные в повести, поступки ее героев дают нам право предположить, что в содержание концепта семантического поля "самодостаточная личность" в сознании носителей русского языка и культуры по мимо использованных в рассказе автором слов/лексических единиц из списка, приведенного в начале работы, и фраз-характеристик, также входят и примеры с описанием поведения героя, простого русского человека, способного к ежедневному преодолению, но "не предательству!" самого себя. Это невероятно сложно: остаться не человеческой особью, цель которой – и это инстинктивно заложено – выжить в условиях голода и холода (рабский труд, отсутствие достойного или хотя бы достаточного питания), но сохранить себя, свою цельность, целостность и при этом не озлобиться.

Концепт семантического поля "самодостаточная личность" в сознании носителей русского языка и культуры формируется в процессе преодоления этой личностью жизненных преград. Этот же концепт помимо традиционных качеств, обозначенных словами и выражениями, упомянутыми нами в начале статьи и присущих данному семантическому полю, еще и включает в себя понятия, характеризующие личность, наделенную значимой силой духа, устремленной к тому, чтобы сохранить себя, прежде всего, в философском ключе, т.е. сохранить свой человеческий вид, остаться Человеком вопреки.

Герою А.И. Солженицына удалось остаться таким Человеком, то есть личностью самодостаточной, сохранить внутри себя то ядро, которое позволяет не изменить прежде всего самому себе.

Подводя некоторый итог, сформулируем ряд выводов и заключений.

Концепт семантического поля "самодостаточная личность" справедливо рассматривать в качестве целостной, относительно обособленной системы языковых единиц, таких как: самодостаточность, цельность и т.д. (см. выше). К тому же в результате нашего исследования концепт семантического поля "самодостаточная личность", согласно сознанию русского человека, может быть представлен также словосочетаниями: сделавший себя сам; человек с жизненным опытом и трудной судьбой, человек с закаленным характером и др.

Названные единицы объединены содержательной общностью, отражают понятийное, функциональное либо предметное сходство некоторых явлений, которые они обозначают. Концепт семантического поля "самодоста-

точная личность" инвариантен в контексте культурологической дифференциации, однако обнаруживает целостный базис, детерминированный определёнными словами и сочетаниями слов, а также поведением человека.

В результате проведенного анализа, мы пришли к выводу об имеющей место определенной "психолингвистической параллели": английское выражение 'self made man' в дословном переводе означающее "человек, сделавший себя сам". В известной степени, семантическое поле "самодостаточная личность" подразумевает цельность, способность к внутреннему прогрессивному развитию, способностью извлекать уроки из положительно-го и негативного опыта.

Концепт семантического поля "самодостаточная личность" в сознании носителей русского языка и культуры включает в себя характеристики человека, способного к преодолению жизненных преград, сложностей, трудностей какого бы масштаба они ни были. Это субъект внутренне цельный, который не изменяет своим принципиальным позициям, ориентированный на сбережение, сохранение и развитие лучших своих качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики Текст. Монография. / Н. Ф. Алефиренко. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С.7–15
3. Бондаренко А.В. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры СПб.: Наука, 2005. 480 с.
4. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 616 с.
5. Гак В.Г. Статья. Из коллективной монографии "Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность". СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика М.:Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
8. Кочнова К.А. Языковая модель пейзажа писателя: аспекты исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–1 (45). С.115–117.
9. Кочнова К.А. Дифференциация понятия "лексико-семантическое поле" в рамках изучения языковой картины мира // Филология и литературоведение. 2015. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/05/1370> (дата обращения: 30.11.2017).
10. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу Монография. М.: Наука, 1986.126 с.
11. Новикова Н.С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филология. 2013. № 1. С. 41–49.
12. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. 314, с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия)/
13. Полный словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс]. (дата обращения: 30.11.2017) <http://словарь-синонимов.рф/>
14. Солженицын А. И. Собрание сочинений в тридцати томах / Ред.-составитель Наталия Солженицына. М.: Время, 2006. Т. первый. Рассказы и крохотки.
15. Trier J. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Lothar Schmidt (Hrsg.). – Darmstadt, Wiss. Buchgesellschaft, 1973. 502 S.

© Д.Р. Денисов, (denisderden2015@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ВИДЕОБЛОГОВ

□ ARNIVALESQUE OF THE VIDEOBLOGS COMMUNICATIVE SPACE

I. Zagoruiko

Annotation

In the postmodern era consciousness of communicants has changed, this period is characterized by social transformations and all this entails the activation of the virtual world, with its basic human values review.

Virtual reality is determined by the desire to hide from the daily routine of the modern world. The Carnavalesque of the communication process favour to realize it and it is understood as the struggle of low culture with the high morality that exists in society.

In conditions mediated by virtuality, people's communicative interaction is more anonymous, in absentia and voluntarily.

These facts create special conditions for the traditional forms of carnival realization, when the obvious aggression towards the interlocutor, the explicit expression of domination and the deposition of universally recognized authorities come first.

The most vivid and original effect of the carnivalesque in the conditions of modern network communication space is revealed through special platforms and online services such as videoblogs.

Keywords: carnivalesque, virtual reality, videoblog, video blogger, aggression, obscene vocabulary, postmodern.

Загоруйко Илья Николаевич

К. филол. н.,

Ижевский государственный

технический университет

им. М.Т. Калашникова, г. Ижевск

Аннотация

Изменение сознания коммуникантов в эпоху постмодерна, которая характеризуется значительными социальными преобразованиями, влечет за собой уход в виртуальный мир, где произошло переосмысление базовых человеческих ценностей.

Виртуальная реальность детерминирована желанием скрыться от повседневности современного мира посредством карнавализации коммуникативного взаимодействия, понимаемая как борьба низменной культуры с комплексными социальными установками, которые предопределены общественной моралью.

В условиях, опосредованных виртуальностью, коммуникативное взаимодействие людей в большей степени анонимно, заочно и добровольно.

Все это создает особые условия реализации традиционных форм карнавала, когда на первый план выходят явная агрессия к собеседнику, эксплицитное выражение доминирования и низложение общепризнанных авторитетов. Наиболее ярко и самобытно эффект карнавализации в условиях современного сетевого коммуникационного пространства раскрывается посредством специальных платформ и онлайн-сервисов – видеоблогов.

Ключевые слова:

Карнавализация, виртуальная реальность, видеоблог, видеоблогер, агрессия, obscene лексика, постмодерн.

Актуальность исследуемой проблемы

Современное коммуникационное пространство все больше и больше подвергается воздействию различных технических средств, опосредованных Интернетом, представляющего собой стержень функционирования общества, который перерос просто значимое техническое изобретение. Он вызвал бурное развитие научного знания, и стал важным социальным явлением, в которое вовлечены все члены общества, несмотря на пол, возраст, образование, социальное положение. Интернет-пространство создает особый мир, который наполнен мнимой безграничной свободой и вседозволенностью, формирующей особое коммуникативное поведение, реализуемое посредством видеоблогов, важного компонента мультимедийной среды виртуального пространства.

Цель исследования – выявление особенностей коммуникативного взаимодействия видеоблогеров, опосре-

дованного современными формами карнавализации сетевого общения.

Для достижения поставленной цели в работе использовались общенаучные методы анализа и синтеза материала, лингвистические методы: дискурсивный анализ, коммуникативно-прагматический анализ, стилистический анализ.

Результаты исследований и их обсуждение

В России XXI века языковое и культурное пространство все больше и больше подвергается воздействию различных технических средств, опосредованных Интернетом, понимаемых молодежью как фундамент общества, который перерос просто значимое техническое изобретение, превратившись в элемент культуры постмодерна.

Эпоха постмодерна характеризуется критическим духовным поворотом в самосознании людей, который был вызван бурным развитием программно-управляемых электронных устройств обработки информации, разрушением классических идей рационализма, возрождением древних форм мистицизма [4], что в свою очередь ведет к отрицанию понимания значимости подлинной реальности, истины, искажению традиционных ценностей, доминированию концепции индивидуализма.

В условиях выхода человека за границы подлинной реальности, ее место занимает мир, воспринимаемый как условность, единство автономных объектов иного порядка – виртуального. В попытке ухода от современной повседневной реальности, главной детерминантой среди молодежи становится феномен "карнавализации" [5]. Участники виртуального коммуникативного взаимодействия отходят от роли пассивного потребителя информации, и приобретают статус трендсеттера, определяя своей основной целью минимизацию значимости непрерываемого социального авторитета.

Для того чтобы анализировать современные карнавные формы, реализуемые в рамках виртуальной реальности, обратимся к концепции карнавализации, которая была изложена М.М. Бахтиным, и представляет собой культурный феномен, разрушающий общепринятые ценности и обладает набором характерных черт [2].

- ◆ Фамильярность, представляющая собой излишнюю откровенность, помогает освободиться из-под власти всякого иерархического положения вещей. Меняется мироощущение людей, конкретно-чувственная природа языка выходит на первый план.

- ◆ Эксцентричность, как неотъемлемый элемент карнавала, аккумулирующий имплицитное желание людей освободиться от разнообразных правил и ограничений, которые регулируют общество.

- ◆ Объединяющий смех, позволяющий снизить напряженность обыденных, зачастую табуированных тем, и недопустимых для публичного обсуждения вопросов.

- ◆ Профанация, связующий элемент потребности непринужденного перехода от ценностных ориентиров к сентиментальной непристойности [1].

"Карнавал" 21 века, опосредованный социальными и культурными явлениями, детерминирован перманентной борьбой "низкой" народной культуры с комплексными стандартизированными моральными установками. Он в полной мере передает поведенческие и коммуникативные особенности современного общества, где большая часть важных для общества явлений, в которые оказались вовлеченными практически все члены общества, несмотря на пол, возраст, образование, вероисповедание, географическое местоположение, разворачивается в сети, и приобретают черты зрелищности, праздничности.

Отметим, что коммуницирование людей в современном языковом пространстве представляет собой гибридный письменного и устного информационного взаимодействия и, реализуясь в рамках виртуальной среды, приобретает характер заочного, анонимного, в большей степени, "псевдонимного" общения (мечковская про карнавал). Наблюдается тенденция минимизации возможности получения адекватной информации о собеседнике, несмотря на наличие анкетных данных в виде краткой биографической справки, а в некоторых случаях и фотографий. Участники сетевого пространства стремятся к максимальному сокрытию своей личности, предоставляя ложные сведения. В связи с чем в Интернете проявляется уникальная особенность, проявляющаяся в коммуникативном поведении собеседников: экспансивная раскрепощенность и фактическая безответственность, что придает ей маскарадно-карнавальные черты. Пользователь сети располагает большими свободами в высказываниях относительно реального общения, позволяя себе оскорблять собеседника, использовать бесценную лексику и т.д. Нарушается стройная система процесса привычного общения, регулируемая нормами и традициями социума [9].

Однако условие добровольности и желательности контактов присутствует повсеместно, нет никаких строгих правил, регламентирующих активизацию собеседника, пользователи добровольно вступают в контакт или уходят от него.

Наиболее ярко и самобытно эффект карнавализации в условиях современного сетевого коммуникационного пространства раскрывается посредством специальных платформ и онлайн-сервисов, представляющих особую организацию социальных взаимоотношений – видеоблогов.

Видеоблог (сокращенно влог) – это видеоканал, с регулярно обновляемым видеоконтентом и текстовыми комментариями полилогического характера. Как часть глобального коммуникационного пространства "влог" в виде сетевого проекта был запущен в 2000 году, и за несколько лет стал важным элементом жизни не только отдельно взятых участников сетевого общения, но и страны в целом.

Для рассмотрения особенностей реализации карнавализации коммуникативного поведения в видеоблогах, обратимся к видеоблогерам, работающим на площадке YouTube* с количеством подписчиков от 100 тыс. участников, именно эта цифра является минимальной для признания влога актуальным и востребованным.

* Данная платформа является популярнейшим видеохостингом и вторым сайтом в мире по количеству посетителей.

Основываясь на композиционно–структурных особенностях наиболее популярных российских влогов и интенциональной палитре содержания высказываний участников коммуникативного взаимодействия, представляется возможным выделить ряд качественных характеристик, отличающих его от других Интернет–площадок современного глобального коммуникационного поля и подчеркнуть его комплексный характер.

1. Ярко выраженная развлекательная направленность, превалирует непристойный юмор, оскорбляющий чувства участников взаимодействия, играющий роль своеобразного фильтра и идентификатора в отношении "свой – чужой". Участники влога позиционируют себя как настоящих актеров, создают "смеховой фон", уходя от формализма.

2. Высокий информационно–оценочный потенциал, позволяющий охватывать наиболее активное население страны или мира, все зависит от востребованности видеоканала [8].

3. Эксплицитная агитационно–императивная тенденция видеоматериалов, направленная на побуждение пользователей к решительным действиям, волевого изменения поведенческих стереотипов и формирования особых конфликтных моделей поведения.

Так, влог пропагандирует идею ухода от любых норм, ограничений, и даже запретов, присущих обычной жизни, акцентируя усилия участников взаимодействия на отмене, прежде всего, ценностного иерархического строя и все связанные с ним формы страха, благоговения, пьетета, этикета и т.п. [3].

Влогеры, не скрывая, демонстрирует свое превосходство, занимая положение "над" ситуацией, делая упор на таких характеристиках как гендерная принадлежность, возраст, социальный статус и др. Реализуется как в виде прямой агрессии, так и посредством саркастического тона*.

* Приводимые примеры представлены в оригинальном, неизменном виде, таким образом, иллюстративный материал, который содержит обценную лексику, бранные, вульгарные и непристойные выражения будет сокращен и отмечен звездочкой.

...проходит буквально минутку и нарисовывается какой-то стрёмный тип и говорит вам, что вы, почему-то, оказались на его месте парковки, он всегда здесь паркуются, и он договорился со всеми своими соседями, что это чисто его место, что только он здесь вот такой вот чётенький... А ты сюда приехал, ты вообще здесь никто... их личное место парковки в их дворе на которой никакое другое быдло кроме них ставить свои проклятые быдловозки права не имеет...[15].

В вашем с... городе, чувак реально написал: "подскажите, если я куплю 2 билета...", я уверен, что ты, с..*, где-то здесь,*

тебе должно быть стыдно за этот вопрос, что с тобой не так, да тебе жить с такой головой на плечах...[16].

...спасибо всем людям, а их было очень много, которые писали в комментариях о том, что я жирной и не имею никакого права критиковать жирных и называть их жирными, спасибо вам огромное... серьезно, если бы не вы, мой мир, моя жизнь была бы очень скучной, серьезно, очень сильно благодарю вас, низкий вам поклон...[19].

Как показывают исследования и наблюдения за коммуникативным поведением во влогах, авторы берут на себя роль арбитра, который способен задавать особую систему норм корпоративного общения.

Подаваемая влогерами информация эгоцентрична, она раскрывается в виде гипертрафированных оценочных суждений, которые приобретают формы прямой вербальной агрессии:

...слышь ты, Шойгу в погонах, думаешь еще на кого-то производит положительное впечатление, может быть на офицеров, бомжей или на военных, которые живут в отвратительных условиях даже в Москве ...то есть думаешь без твоих напутственных слов не ощутит никто этот дух, ты прям профессор Ксавье, слушай, псковская область, это, штампует пушечное мясо одевая в хакки, раздавая награды...[10].

Явное акцентирование внимания автором влога на фривольном коммуникативном поведении, раскрывающем всю суть фамильярного карнавального поведения с его "откровенным карнавальным словом" (Бахтин поэтика ст. 72). Репрезентация санкций против авторитета, против официальных символов силы и власти проявляется в виде нарочитой огрубленности речи, использования обращения "на ты", экспрессивов, обценной лексики, и т.п.

...режим никогда не будет говорить населению что он скот и быдло, он будет себя вести по отношению к населению так, как будто население скот и быдло...[13].

...дело было так, Володенька собрал заседание министров и сказал: "Ребятам Сердюков давно был тянем б... спички, мы естественно этого делать не будем, сами понимаете"...[20].*

Такой карнавальный смех над авторитетом и властью выражается тяжеловесно, появляется явное неуважение адресата, подкрепленный визуальными образами, он способен привести к непредсказуемым результатам.

Несмотря на предупреждения, что видео создано исключительно в юмористических целях и не ставит целью нанести кому–либо нравственные страдания, не редки случаи судебных тяжб между влогерами и теми, кто подвергся их нападкам. В 2017 году разгорелся конфликт результатом которого было возбуждение уголовного дела по статье "Клевета" [7].

Отметим, что содержательный аспект современных влог площадок, подобно средневековым карнавальным кощунствам и непристойностям, характеризуется гипертрофированным символизмом, проявляющимся в виде неуместных аналогий, пародий и переодеваний, а возможность трансляции именно записанного видеоконтента позволяет доводить ситуацию до полного абсурда, создавая прецедент низменных, пошлых моделей поведения в стремлении эпатировать зрителей.

Так представляется возможным выделить следующие профанации, которые присутствуют в большей или меньшей степени у каждого крупного влогера:

1. Попраание традиционных семейных ценностей

...несколько изменений и в своей жизни, во-первых, я начал встречаться с женщиной с прицепом это проще чем вы можете себе представить свинг ф.ф. надо просто делиться деньгами и показывать ребёнку свинку Пенпу...[18].

...сегодня решил раскрыть причины, почему же решил не оставлять после себя детей. Поэтому присаживайтесь поудобнее, хотя если у вас уже есть дети, то тебе не присесть, приятель, иди и убирай разного рода дерьмо за своим выводком...[17].

2. Фривольное отношение к религии

...вы никогда не задумывались в чем ценность религии, не, и капитал, он как раз огромен и очевиден, а именно ценность, чем она полезна, что она умеет делать такого уникального, зачем она нам. Это очень объемный вопрос, о котором можно долго спорить...стою я в церкви деревенской местной, недавно построили на месте вырубленного парка, ковыряю свечку рукой, жду, когда батюшка появится, благо ему не далеко, ему дом построили рядом с церквушкой, Большой такой, больше по площади чем сама церковь...[12].

...пока Илон Маск строит метро до марса или что там делает обезумевший абсолютно человек, который не думает о духовности...[11].

3. Глумление над памятью поколений

...знаете какой вывод из этого напрашивается, люди, которые украсили свою грудь медалями, бойцы, убийцы они, по большому, счету, психи...[14].

...конечно, мы все понимаем, что основная новость прошедшей недели и будущих нескольких дней, ей уже 70 лет, это победа над нацистской Германией, 70 лет назад советский народ так задолбал уже всех воевать с Гитлером, что тот не выдержал, психанул и застрелился...[21].

Резюме

Таким образом, современное коммуникационное пространство определяет формы карнавализации, которые принимают особые, неповторимые черты, продиктованные сложившимися условиями взаимодействия пользователей видеоплощадок. Коммуникативное поведение видеоблогеров отличается пренебрежением, а иногда и полным отсутствием, норм. Влогеры высоко ценят возможность низложения устоявшихся общественных норм и морали, создавая при этом уникальный символизм, который базируется на непредсказуемых пародийных ситуациях, порождая тем самым низменные проявления человеческой природы, являя собой значимую проблему современной культуры постмодерна, культивирующей отрицание традиционных ценностей и искажение общеизвестных истин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Фрагменты речи влюбленного. – Ад Маргинем, 2002. – 432 с.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 72.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 72.
4. Билан, О.А. Индетерминизм в системе предпосылок философского постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2006. – 28.
5. Вербина, О.В. Карнавализация сознания молодежи в современной культуре. Наука. Искусство. Культура. 2016. №3 (11). С. 140 – 144.
6. Мечковская, Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета. Русский язык в научном освещении. – № 2 (12). – М., 2006. – С. 165–185.
7. Оскорбивший Тинькова блогер из Nematia вызван на допрос в Москву. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/18/734300-blogger-iz-nematia-dopros> (Дата обращения 14.03.2018)
8. Пресс-выпуск № 3551: Эпоха цифровых медиа: бумага против экрана URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116624> (Дата обращения 14.03.2018)
9. Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А. Русские: Коммуникативное поведение. Изд.2, испр. и доп., М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
10. <https://www.youtube.com/watch?v=1kh9P7BZQjY>
11. <https://www.youtube.com/watch?v=1kh9P7BZQjY>
12. <https://www.youtube.com/watch?v=3lwDsN8okR8>
13. <https://www.youtube.com/watch?v=7UZxlgKjbUM>
14. <https://www.youtube.com/watch?v=euYSMA2QAJ8>
15. <https://www.youtube.com/watch?v=FD9QaEbYhHw>

16. https://www.youtube.com/watch?v=fl28Y4_Uqlg
17. <https://www.youtube.com/watch?v=IU20Mps9oXM>
18. https://www.youtube.com/watch?v=K_BJmJRK3ek
19. <https://www.youtube.com/watch?v=P80tgIVzayQ>
20. <https://www.youtube.com/watch?v=rIRI3gvWQEc>
21. <https://www.youtube.com/watch?v=zSkAeDjsWbE>

© И.Н. Загоруйко, (ilyazag@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

MiningWorld
Central Asia

РЕКЛАМА

MiningWorld

Новые рынки для
Вашего бизнеса

24-я Центрально-Азиатская Международная Выставка
ГОРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ, ДОБЫЧА
И ОБОГАЩЕНИЕ РУД И МИНЕРАЛОВ

19 - 21 июня 2018
Астана, Казахстан

Больше информации на
www.miningworld.kz

ГИБЕЛЬ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА: ОТКЛИКИ В БАКИНСКОЙ ПРЕССЕ (1925-2017)

SERGEY ESENIN'S DEATH: RESPONSES IN THE BAKU PRESS (1925-2017)

Isahan Isakhanli

Annotation

The article widely analyzes published in 1925–2017. in the Baku press materials on the death of the great Russian poet Sergei Yesenin, the versions in them about the causes of the poet's death are examined against the backdrop of the socio-political panorama of the era. Various opinions and arguments are presented from different Russian and Azerbaijani authors: they are divided into two camps – some consider that it was suicide, and another camp seeks to prove that before the death Yesenin was overflowing with the living and creating. At the end of the article are the author's own judgments on this issue. It lies in the fact that despite the interesting enough and tempting judgments of the supporters of the version about the murder of the poet, a number of serious problems that Yesenin faced: family issues, alcohol addiction, stay in a psychiatric hospital shortly before death, etc., testify to a greater degree in favor of version of suicide.

Keywords: Sergei Yesenin, Yesenin and Azerbaijan, Esenin in Baku, Yesenin's death, Yesenin's contemporaries.

Исахан Исаханлы

*К.п.н., доцент, Университет
Хазар, Баку, Азербайджан;
Институт Литературы
им. Низами Гянджеви, Национальная
Академия Наук Азербайджана*

Аннотация

В статье широко анализируются опубликованные в 1925–2017 гг. в Бакинской прессе материалы, посвященные смерти великого русского поэта Сергея Есенина, изложенные в них версии о причинах смерти поэта, рассматриваются на фоне общественно-политической панорамы эпохи. Приводятся различные мнения и доводы от разных российских и азербайджанских авторов: они делятся на два лагеря – одни считают, что это было самоубийство, а другой лагерь стремится доказать, что перед смертью Есенина переполняло желание жить и творить. В конце статьи приводятся собственные суждения автора по этому вопросу. Оно заключается в том, что, несмотря на достаточно интересные и заманчивые суждения сторонников версии об убийстве поэта, ряд серьезных проблем, с которыми Есенин столкнулся: семейные вопросы, увлечение алкоголем, пребывание в психиатрической больнице незадолго до смерти и пр. свидетельствуют в большей степени в пользу версии о самоубийстве.

Ключевые слова:

Сергей Есенин, Есенин и Азербайджан, Есенин в Баку, смерть Есенина, современники Есенина.

Хотя долгие годы самоубийство Есенина и констатировалось как факт, к концу 80-х годов в российской печати стали появляться новые, загадочные рассуждения. В различных газетах и журналах [1] молниеносно распространились многочисленные суждения о новой версии смерти поэта – Есенина убили, а потом уже повесили. Сенсация сделала свое дело, и смерть Есенина уже стала в России одной из самых популярных тем. Один за другим проводились авторские расследования на эту тему, печатались статьи.

Чтобы положить конец всему этому, в 1989-ом году по инициативе Союза Писателей СССР, при Институте Мировой Литературы им. М.Горького АН СССР был создан Всесоюзный Комитет Есенина, а при Комитете – Комиссия по расследованию причин смерти поэта. Хотя окончательный вердикт Комиссии указал на полную безосновательность сенсационных заявлений, противоположные суждения все еще продолжают иметь место.

Связанные со смертью Есенина доводы обеих сторон выглядят обоснованными. А.В.Маслов [2], считающий

мысль об убийстве Есенина бредом, с одной стороны, исходит из официального заключения "Есенинской комиссии", а с другой стороны, старается доказать, что самоубийство Есенина довольно естественно. Основываясь на написанных поэтом в различные годы, начиная с молодости, стихотворениях и на мотивах смерти в них, он приходит к выводу, что Есенин давно "искал смерть". А завершенная в ноябре 1925-го года поэма "Черный человек" свидетельствует о том, что смерть была уже совсем близко.

Представители противоположного лагеря – юрист и писатель Э.А.Хлысталов [3], поэтесса Н.З.Сидорина [4], И.П.Козлов [5] и др. же, наоборот, стремятся доказать, что перед смертью Есенина переполняло желание жить и творить. Они приводят в пример отражающие это желание стихотворения поэта, и даже говорят о его планах по переезду в Великобританию. Авторы задаются вопросом: "Почему, в таком случае, он должен был прибегать к самоубийству, и разве для этого надо было отправляться в Ленинград?" (Известно, что Есенин поехал в Ленинград

за 4 дня до смерти – ночью 23-го декабря).

Хотя после создания Всесоюзного Есенинского комитета и прошло более чем 20 лет, полемика вокруг загадочной смерти поэта не стихает. Видимо, споры по этому вопросу продолжаться и еще долгие годы будут находиться в центре внимания общественности. Число сторонников версии об убийстве Есенина еще более возросло после выхода на экраны в 2007-ом году фильма о Есенине. Особенно легко и твердо воспринимают версию убийства поэта простые люди.

Какие же суждения выдвигались по поводу смерти Есенина в бакинской печати? С этой целью мы исследуем относящиеся к различным периодам материалы из прессы и постараемся обобщить суждения на эту тему.

Посвященные смерти Есенина первые материалы в бакинской прессе появились 30-го декабря. В тот день в "Бакинском рабочем" были напечатаны три статьи [6], а в газете "Труд" – одна [7]. Один из материалов "Бакинского рабочего" – "Трагическая смерть Сергея Есенина" имела характер некролога. В двух других материалах авторы также не высказывают конкретных суждений по поводу причин смерти поэта. Конечно, было бы наивно ждать в те годы от кого-то сенсационных заявлений об этом. Во всех материалах самоубийство Есенина констатируется как факт и только после этого высказываются определенные суждения о причинах этой трагической смерти.

Яковлев А. пишет: "И вот Есенин повесился. В Ленинграде. В пустом номере гостиницы, среди им же разорванных рукописей, оставив кровью написанную записку. То, что казалось безумно нелепым, во что нельзя было верить, случилось. Он умер мучительной смерти. Он повесился. Есенин выполнил одно из самых страшных своих обещаний" [8].

Пессимист, кратко рассмотрев жизнь Есенина от прихода в литературу до конца его творчества, приходит к выводу: "Конечно не "житейские неудачи" привели Есенина к одинокой торопливой смерти на распутье, в пустынном номере ленинградской гостиницы, среди чемоданов и коридорных звонков. Он недавно женился, материальная жизнь его была благополучна, Госиздат внимательно издавал полное собрание сочинений лучшего русского лирика наших дней... Он весь слушал себя, свою песню. И когда он ничего не услышал – васильковые, выцветшие его глаза сами собой закрылись навсегда... навсегда умолк рязанский соловей – золотоволосый крестьянский Пушкин нашего века" [9].

Михаил Камский так объясняет причину самоубийства поэта: "*Что заставило поэта кончить самоубийством? Что было в предсмертных клочках записок, нацарапанных кровью из перерезанных вен?* - *Осталось неизвестным.*

- *Не стало Есенина! Сгубила белокурого поэта разгульная кабацкая жизнь. Только ли?*

- *"В родной стране я словно иностранец..."*

- *Вот в чем главная причина самоубийства поэта. Он в стране рабочих и крестьян чувствовал себя "иностранцем", он не мог войти в нашу новь, он не сумел (как не стараясь) настро-*

ить свою действительно чудесную лиру на наш рабочий лад - и в этом его трагедия" [7].

Вот что пишет об этом Михаил Данилов:

"... Я пришел на эту землю,

Что-б скорей ее покинуть.

Да, скоро, черезчур скоро ушел от нас Есенин. Странно ушел. Почему? Потому ли, что

... Не изменят лик земли напевы,

Не стряхнут листа...

Или потому, что лик земли, родной земли Есенина так изменился, что

... Язык сограждан стал мне так чужой.

В своей стране я словно иностранец".

Вернее и то и другое заставило уйти Есенина. Певец "голубени", певец "гречневых просторов", молившийся "на алы зори" и "причащавшийся у ручья", очутившись в "песенном плену" в каменной тесноте нового советского города почувствовал слишком больно и то, что его напевы "не изменят лика земли" и то, что близкий лик земли изменили до неузнаваемости другие силы, которых ему не понять, не осилить... И родная голубень стала иной, ноющей до чужести. Отсюда – тоска. Страшная, безысходная тоска.

... Моя поэзия здесь больше не нужна.

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

... Тоска и кабак задушили Есенина в холодный ленинградский день в одиноком номере гостиницы.

... Нет Сережи Есенина, чудесного, неповторимого певца родной голубени, лучшего лирика наших дней, исключительного мастера языка и стиха.

Нет! Невольно вспоминается сейчас его взлохмаченная буйная голова, его пленительная детская улыбка и голубые цветки глаз в окне вагона:

- Я скоро приеду...

Не пришлось. Черный человек помешал" [10].

А вот мнение А. Лежнева:

"Города не мог Есенин принять и понять до конца. "Смешного" жеребенка из его стихотворения пугал, как и поэта паровоз - "машинная культура". Он остался романтиком соломенной России. И есть что-то символическое в его гибели: Лель повесившийся на трубе центрального отопления. И оно, ведь, достиженье культуры" [11].

В небольшом материале "Памяти Сергея Есенина" К.Хмурый отмечает: "Попытки объяснить причины, побудившие величайшего поэта наших дней покончить жизнь самоубийством остались бесплодными. Большая чуткая душа Есенина, этого гениального взрослого ребенка, с ясными голубыми глазами, осталась закрытой для его современников" [12].

Профессор Селиханович видит причину трагедии поэта в недостаточном внимании к нему со стороны власти и общественности: "Чуткий и впечатлительный художник для своего нормального роста должен пребывать в здоровой среде, уберігающей его и от пагубных влияний и уклонов. Надо признаться, что здесь у нас не все благо-

получно. Побольше внимания, со стороны власти и общественной ответственности к нашему художественному молодняку" [13]... "По своему мастерству Есенин – современный Пушкин. Громадное его достоинство, как поэта в том, что он остался искренним до самого конца... В самоубийстве Есенина есть что-то Вертеровское, молодое – он не выдержал противоречий, бушевавших его душу. Больше внимания нашим художникам и нашей литературной молодежи! Больше поддержки! Больше теплоты" [14].

В своем выступлении в траурном вечере памяти Есенина Пир отметил: "Мы потеряли одного из крупнейших поэтов эпохи. Смерть Есенина – трагическая смерть. Но трагедия Есенина не есть трагедия отдельной личности, а трагедия определенного общественного слоя, определенной группы интеллигенции, которая оказалась между двумя силами. Нельзя говорить о Есенине вне революции. Как бы ни был велик поэт, но и он подчинен законам революции. Есенин – выходец из деревни, он – крестьянский поэт. Он ушел из деревни и не примкнул к городу. Но человек не может быть одиноким, какому-то лагерю он должен пристать. Есенин же был на распутьи. И в этом его трагедия. Поэта встретили и всячески готовы были ему помочь многие из наших руководящих товарищей. Но Есенин и все такие, как он, уже давно отмирают. Нам глубоко жаль, что талантливый поэт не пожелал полностью внять голосу революции, не захотел почувствовать радостей величайших побед, которых много еще впереди" [14].

У Льва Троцкого свой подход к трагедии Есенина: "Революция вломилась и в структуру его стиха, и в образ, сперва нагроможденный, а затем очищенный. В крушении старого Есенин ничего не терял, ничего не жалел. Нет, поэт не был чужд революции, но он был несроден ей. Есенин интимен, нежен, лиричен, революция публична, эпична, катастрофична. Оттого-то короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой" [15].

29 января в газете "Бакинский рабочий" была опубликована поэма "Черный человек". В этом номере газеты были также перепечатаны еще 2 стихотворения Есенина – "Спит ковыль. Равнина дорогая..." и "Вижу сон. Дорога черная...", которые впервые печатались летом, 20 июля 1925-го года в "Бакинском рабочем". В конце есть примечание редактора: "В портфеле редакции имеется несколько доселе неопубликованных стихотворений Сергея Есенина. Эти стихи ярко отражают настроения и душевное состояние поэта, приведшие к трагическому исходу. Особенно характерна в этом смысле поэма "Черный человек". Стихи относятся к лету и осени 1925 г."

Спустя 2 недели, 12 февраля в "Бакинском рабочем" были опубликованы еще 4 стихотворения Есенина – "Какая ночь! Я не могу...", "Не гляди на меня с упреком...", "Ты меня не любишь, не жалеешь...", "Может, поздно, может, слишком рано..." со следующим примечанием: "Помещаемые стихотворения написаны Сергеем Есениным в клинике, где поэт находился перед отъездом в Ленинград. Сергей Есенин, бывавший в последние годы подолгу в

Баку, просил напечатать эти стихи в "Бакинском рабочем".

В этом же номере газеты, в статье "Письма из столицы" читаем: "Литературная жизнь Москвы после самоубийства Сергея Есенина протекает под знаком траура. Память поэта чтут стихами и воспоминаниями... Что будет дальше – неведомо. Во всяком случае, следовало бы уже теперь, по горячим следам, поступить к сбору материалов для обстоятельной и верной биографии Есенина. Его короткая жизнь была так пестра и бурлива, что досужие биографы будущих времен непременно разошьют на ней, как на крупной канве, фантастические узоры. Необходимо уже теперь, издав хорошую биографию Есенина, помешать этим жукам-могильщикам будущего воздвигать любимейшему поэту наших дней монументы из слюны и навоза... Строки:

Не гляди на ее запастья

И с плечей ее льющийся шелк.

Я искал в этой женщине счастья

А нечаянно гибель нашел –

являются интересным признанием и, быть может, дадут кое-что для разгадки трагедии Сергея Есенина" [16].

1 марта в Доме Просвещения состоялся диспут о творчестве Есенина где выступил и профессор Вагрий, который высказал свое мнение о трагедии поэта: "Профессор Вагрий ссылаясь на нервное расстройство поэта, как главную причину трагедии. Он говорил о спирте, который погубил поэта. Он наконец указал на то, что Есенин находился под влиянием различных литературных направлений, как например, Блока, который по формам своего творчества, по внешности своей поэзии был близок поэту. Всего этого, конечно, отрицать нельзя. Но и алкоголизм Есенина, и формальная близость его к Блоку, все это объясняется опять-таки глубокими социальными причинами. Трагедия Есениных в том, что они оказались на перепутье, с раздвоенным сознанием, не зная, к какому классу примкнуть и какую культуру признать" [17].

24 сентября в газете "Труд" вышла статья С.Мазявый, под названием "Лики Есенина. От херувима до хулигана". Эта статья – рецензия на одноименную книгу А.Крученых, вышедший в Москве в издательстве автора: "Под таким заглавием выпустил А.Крученых книжечку о поэте Есенине. Всякий, кто мало-мальски знал Сережу, кто читал его нежно-трогательные и грустно-трагические стихи, тот, наверное, задумывался над жизнью синеглазого юноши, стараясь осмыслить толково его трагедию. Но только такой поверхностный и абсолютно невежественный критик, как Крученых, способен бесцеремонно клеветать на Есенина, пыжась по лягушиному, изо всех сил, чтобы обязательно доказать "херувимность" поэта и его... внезапное превращение в хулигана. Глупо искать в Есенине черты какой-то "святости" или пошлого кабачного хулиганства. Он не был ни тем, ни другим! Его поэзия – это узел таких проблем, которые могла породить только наша переходная эпоха с ее глубочайшими, социальными по-

трясения–ми. Несомненно, революция своей грандиозностью и прямоотой как бы ошеломила поэта... Во всяком случае, к Есенину нужен более серьезный подход, чем это крученновское пустоболтунство" [18].

После этого долгие годы – почти до распада Советского Союза в бакинской печати не встречаем ни одного материала, где говорилось бы о причинах смерти Есенина. По крайней мере, нам таковые не попадались.

Наконец, ближе к концу 80–х годов, когда в российской печати стали появляться новые версии о смерти Есенина, в бакинской печати также стали печататься отдельные статьи на эту тему. Возглавляющий лагерь несогласных с официальной версией смерти Есенина Э.А.Хлысталов опубликовал в газете "Бакинский рабочий" статью "Как погиб Сергей Есенин?". В вступительной части статьи говорится:

"Э.Хлысталов не скрывает своего несогласия с официальной версией смерти поэта. Он считает, что было совершено убийство с последующей спекуляцией самоубийства" [19].

Вот как обосновывает автор необходимость изучения бакинского периода жизни Есенина в связи с его смертью: "Известно, что поэт четырежды приезжал в Азербайджан, здесь им написаны выдающиеся произведения, но только сейчас стало известно, что дважды Есенин приезжал в Баку, чтобы скрыться от ареста и судебной расправы, которая против него готовилась в Москве. Именно поэтому восстановление всех обстоятельств жизни поэта в Азербайджане представляет несомненный интерес... Я не сомневаюсь, что в Азербайджане живет много людей, которые лично знали С.А.Есенина или знают о его деятельности в Баку от своих родителей, родственников и знакомых. Их воспоминания помогут открыть много нового о выдающемся русском поэте" [19].

Хотя мы не располагаем информацией о поступлении автору каких-либо сведений после этой статьи, можем сказать, что после ее появления в бакинской печати имело место определенное оживление вокруг вопроса о смерти Есенина. Так, Галина Шипулина в ответ на указанную статью выступила со статьей "Уместно ли тут частное расследование?". В статье говорится: "Автор (Э.А.Хлысталов – И.Исаханлы), осуществляя своеобразное частное расследование, выделяет из биографии С.Есенина, из воспоминаний о нем, из литературной и политической ситуации 20–х годов лишь то, что его устраивает" [20].

После этого автор выражает конкретное отношение по поводу всех поставленных Э.Хлысталовым вопросов, старается доказать безосновательность затронутых моментов.

В тот период кроме статьи Галины Шипулиной нам не попадался другой материал на затронутую тему. Примерно, 10 месяцев спустя Г.Шипулина вновь вернулась к этой теме, выступив в журнале "Литературный Азербайджан" со статьей "Мифы о смерти С.А.Есенина". В статье приводятся ссылки из мемуаров изданных сразу после

смерти Есенина и выражается уверенность, что самоубийство поэта было естественным: "Поэтическое творчество Сергея Есенина очень светлое, радостное, жизнеутверждающее, и все же красной нитью через него проходит трагическая тема – тема смерти, увядания – начиная с первых стихов молодого поэта... Нами отмечено около 400 случаев упоминания смерти в произведениях Есенина, из них более трети приходится на последние два года (соответственно 296 и 101), причем в половине этих последних стихов поэт говорит о своей смерти, о самоубийстве... Мало того, через многие произведения проходит не просто тема смерти, самоубийства, но именно повешения, удушения" [21, с.108].

Автор приводит в качестве примера моменты "повешения, удушения" из написанных Есениным в разное время стихотворений и напоминает слова В.Полонского: "Он начал умирать задолго до самоубийства, оттого–то в его стихах последние двух лет так много мотивов гибели. Оттого–то его самоубийство не является озорством, чем–то таким, что можно осудить, не поняв" [22].

Далее автор приводит цитаты из высказываний проживавших в Европе и Америке литераторов–эмигрантов по поводу смерти Есенина, указывая однозначное восприятие ими смерти поэта как доказательство версии о самоубийстве. Автор пункт за пунктом опровергает выдвинутую Э.Хлысталовым версию об убийстве. Статья заканчивается следующими словами: "Мы смогли коснуться лишь некоторых аргументов в пользу версии убийства поэта, выдвигаемых авторами нашумевших статей. Но и сказанного, думается, достаточно, чтобы убедиться в несерьезности представленных ими доводов. Можно только сожалеть, что благодаря средствам массовой информации, в обсуждение трагедии поэта оказались вовлеченными люди, далекие от желания понять происшедшее, но решившие на сенсационном материале сделать себе имя" [23].

После этого полемика в бакинской прессе вокруг вопроса о смерти поэта почти стихает. Только после выхода в свет написанной автором этих строк книги "Неповторимый цветок поэзии – Сергей Есенин", в одной из посвященных ей статей профессор Джамал Мустафаев высказывает свою позицию по этому вопросу: "В данном вопросе мы на стороне противников версии о самоубийстве Есенина. Задумываясь над написанными им в конце автобиографии следующими словами: "Вот и все то, короткое, схематичное, что касается моей биографии. Здесь не все сказано. Но я думаю, мне пока еще рано подводить какие–либо итоги себе. Жизнь моя и мое творчество еще впереди". Самоубийство человека, мечтающего о будущем творчестве, с надеждой смотрящего в свое будущее выглядит неубедительно".

Таким образом, в материалах, напечатанных в бакинской прессе сразу после смерти Сергея Есенина в конце 1925 года и в 1926 году, факт самоубийства поэта воспринимается однозначно. Несомненно возможность появления в тот период какого–либо сенсационного пред–

положения в связи со смертью С.Есенина маловероятна. Вследствие этого во всех материалах информация о смерти поэта соответствовала официальной версии, а предположения касались только причин, толкнувших его на самоубийство. Только после появления в российских средствах массовой информации альтернативных самоубийству версий смерти С.Есенина, в азербайджанской прессе также появились подобного плана материалы. Хотя среди есениноведов Г.Шипулина и выступает как непримиримый сторонник версии самоубийства, другую версию – об убийстве Есенина не удалось предать забвению и у нее появились свои приверженцы.

Что же касается нашего отношения к данному вопросу, хотелось бы отметить, что несмотря на достаточно интересные и заманчивые суждения сторонников версии об убийстве поэта, ряд серьезных проблем, с которыми Есенин столкнулся по возвращении из Баку в Москву – семейные вопросы, вновь увлечение алкоголем, пребывание (26 ноября – 21 декабря) в психиатрической больни-

це незадолго до смерти и пр. свидетельствуют в большей степени в пользу версии о самоубийстве. Те, кто утверждает отсутствие связи между болезнью Есенина и его определением в больницу не должны забывать, что согласие человека лечь в психиатрическую больницу уже само является свидетельством наличия болезни и результатом постигших его тяжелых потрясений в то время.

Принимая во внимание большой интерес к Есенину и его поэзии в Азербайджане, можно с уверенностью сказать, что к этой теме пресса будет возвращаться еще долгие годы.

Как бы там ни было, ровно 93 года назад в ночь с 27-го на 28-е декабря мы, говоря словами Назима Хикмета, "потеряли одного из величайших и честнейших поэтов мира".

Потрясенный вестью о смерти Есенина Алексей Толстой писал: "Умер великий национальный поэт.... День его смерти должен быть отмечен в литературе трауром...".

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов М. Певец голубени. Газета "Бакинский рабочий", 1925, 31 декабря.
2. За гробом Есенина. "Красная газета", 1925, 31 декабря.
3. Исаханлы И. "Неповторимый цветок поэзии – Сергей Есенин. Баку, Издательство "Хазар Университети", 2010 (на азербайджанском языке).
4. Камский М. Сергей Есенин. Газета "Труд", 1925, 30 декабря.
5. Карандаш. Вечер Есенина. Газета "Труд", 1926, 3 марта.
6. Козлов И.П. Народ любит и помнит Сергея Есенина. ООО "Азбука-2000", Москва, 2005.
7. Лежнев А. Памяти Сергея Есенина. Газета "Бакинский рабочий", 1926, 1 января.
8. Мазявый С. Лики Есенина. Газета "Труд", 1926, 24 сентября.
9. Маслов А.В. Загадочная петля. Ростов-на-Дону, 2006.
10. Московит. "Письма из столицы". Газета "Бакинский Рабочий", 1926, 12 февраля.
11. Мустафаев Дж. Новый вклад в есениноведение. Журнал "X?z?r X?b?r" ("Хазар Вестник"), 2010, № 291, декабрь, стр.26–27.
12. Памяти Сергея Есенина. Траурный вечер. Газета "Труд", 1926, 6 января.
13. Пессимист. Песня. Газета "Бакинский рабочий", 1925, 30 декабря.
14. Сидорина Н.С. Тайны жизни и гибели Есенина. Москва, 1995.
15. Траурный вечер памяти Сергея Есенина. Газета "Бакинский рабочий", 1926, 6 января.
16. Троцкий Л.Д. Памяти Сергея Есенина. Газета "Бакинский рабочий", 1926, 20 января.
17. Хлысталов Э.А. Как погиб Сергей Есенин? Газета "Бакинский рабочий", 1989, 25 ноября.
18. Хлысталов Э.А. Тайна гибели Есенина. Записки следователя из "Англетера". Москва, Яуза – ЭКСМО, 2005.
19. Хлысталов Э.А. Тайна гостиницы "Англетер" История одного частного расследования. Журнал "Москва", 1989, № 7; Сидорина Н.С. Меня хотят убить. Журнал "Слово", 1989, № 10; Куняев С.С. Смерть поэта. Журнал "Человек и закон", 1989, № 8, и др.
20. Хмурый К. Памяти Сергея Есенина. Газета "Бакинский рабочий", 1926, 3 января.
21. Шипулина Г. Мифы о смерти С.А.Есенина. Журнал "Литературный Азербайджан", 1990, №11, ноябрь, стр.108.
22. Шипулина Г. Уместно ли тут частное расследование? Газета "Бакинский рабочий", 1990, 13 января.
23. Яковлев А. Есенин. Газета "Бакинский рабочий", 1925, 30 декабря.

© Исахан Исаханлы, (stig.usue@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЛЕКСИЧЕСКИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА

LEXICAL, GRAMMATICAL AND STYLISTIC FEATURES OF THE ENGLISH-LANGUAGE INTERNET SLANG

N. Kameneva

Annotation

The aim of the article is to study English-speaking Internet slang to get a more complete understanding of the features of the choice of lexical, grammatical and stylistic language tools used in a networked environment.

The object of research is communication in the Internet space, and the subject of research is the form of the language that exists in the network, the so-called Internet slang. The material of the research was the fragments of written discussions in English on various Internet sites.

In the process of interaction between oral and written speech, a special Internet slang was formed, characterized by grammatical simplifications, the introduction of new vocabulary, formed with the help of abbreviations that promote the rationalization of linguistic means, and the reflection of paraverbal means on the letter.

As a result of using descriptive, structural and quantitative methods of research, the author revealed the following patterns and tendencies inherent in the network language: preferential use of the Simple group time forms, the use of direct word order in interrogative sentences, omission of function words, double negation, which brings the Internet slang closer to the oral speech.

The author selected the most widely used in Internet communications models of network slang, formed by abbreviation. The above specifics of Internet slang is understandable to any experienced user and facilitates the simplification of network communications.

Keywords: literary norm of language; slang; communicant; language transformations; abbreviation; paralinguistic means.

Каменева Наталья Александровна
К.э.н., доцент, Московский
финансово-юридический
университет МФЮА

Аннотация

Целью статьи является исследование англоязычного интернет-сленга для получения более полного представления об особенностях выбора лексических, грамматических и стилистических средств языка, применяемых в сетевой среде.

Объектом исследования является коммуникация в интернет-пространстве, а предметом исследования – форма языка, существующая в сети, т.н. интернет-сленг.

Материалом исследования послужили фрагменты письменных высказываний на английском языке на различных Интернет-сайтах.

В процессе взаимодействия устной и письменной речи произошло образование особого интернет-сленга, характеризующегося грамматическими упрощениями, введением новой лексики, образованной при помощи сокращений, способствующих рационализации языковых средств, и отражением паравербальных средств на письме.

В результате использования описательного, структурного и количественного методов исследования автором были выявлены следующие закономерности и тенденции, присущие сетевому языку: преимущественное употребление времён группы Simple, использование прямого порядка слов в вопросительных предложениях, опущение служебных слов, двойное отрицание, что приближает интернет-сленг к устной речи.

Автором отобраны наиболее широко используемые в интернет-коммуникациях образцы сетевого сленга, образованного посредством аббревиации. Вышеописанная специфика интернет-сленга понятна любому опытному пользователю и способствует упрощению сетевых коммуникаций.

Ключевые слова:

Литературная норма языка; сленг; коммуникант; языковые трансформации; аббревиация; паралингвистические средства.

Человеческое общество нуждается в языке, который непрерывно подвергается многочисленным трансформациям на разных этапах развития цивилизации. Язык постоянно меняется и развивается, отражая уникальные условия жизни людей, деятельность которых он обеспечивает. Таким образом, "слово, речь – показатель общей культуры человека, его интеллекта, его речевой культуры" [4, с.6]. В процессе живого общения используемые человеком языковые средства часто отличаются от средств выражения мысли в письменной речи.

В связи с повсеместным использованием сети Интернет в последнее время можно условно выделить ещё одну форму языка, которая сложилась в результате наложения устной формы речи на письменную. Данная форма языка в некоторой степени приближена разговорной речи и появилась вследствие намеренного отхода интернет-пользователей от языковой нормы. Языковой нормой называют "совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы в результате социально-исторического отбора языковых элементов из числа существующих, образуемых вновь или извлекаемых из

пассивного запаса прошлого и возводимых в процессе общественной коммуникации в ранг правильных, пригодных и общеупотребительных" [5, с. 80].

С появлением интернета возникла особая форма общения – интернет-сленг, или сетевые коммуникации. Общение в сети интернет в достаточной степени отличается литературной нормы языка.

На данный момент тема сетевого общения или интернет-сленга недостаточно изучена, и научных работ, многосторонне раскрывающих особенности общения в сети Интернет, достаточно мало. Среди публикаций, посвященных отдельным аспектам языковых характеристик интернет-коммуникаций, можно назвать научные труды Асмус Н.Г. [1 с.27–35], Ботенко М.А. [3 с.20–22], Кузнецовой Н.В. [8 с.23–25], Кызлаковой В.Е. [9 с.93–95], Берчатовой И.С. [2 с. 28], Земляновой О.Г. [6 с. 34–36] и многих других.

Виртуальное пространство предоставляет широкие возможности для налаживания контактов с огромным количеством собеседников из самых разных стран. Возможность завести многочисленных друзей по переписке, постоянная спешка современного мира оказывают влияние на стиль и грамматику языка переписки. Общение, происходящее в интернете посредством письменных форм речи, претерпевает изменения в связи требованием адекватной передачи мысли при условии высокой скорости печати. На многочисленных интернет-сайтах и порталах коммуникации проходят в неформальной и непринуждённой атмосфере, и авторы письменных интернет-сообщений, часто отходят от литературной нормы языка. В язык интернета принимает устная форма речи, видоизменяя его письменную структуру и приводя в обороту интернет-сленга.

Интернет вливается в жизнь человека и становится его неотъемлемой частью, это даёт возможность общаться с представителями иноязычных культур, конечно, при условии знания иностранных языков для успешного преодоления языковых барьеров [7, с.80]. Преобладающим языком интернет-коммуникаций является английский язык. Речь в интернете подвергается ряду трансформаций, некоторые из которых рассмотрены в данной статье.

Языковые трансформации на уровне предложения

В результате анализа интернет-коммуникаций выявляется очевидная тенденция к упрощению и сокращению языковых средств, среди которых, в частности, можно назвать использование времен глагола группы Simple, двойного отрицания, частое опущение подлежащего, вспомогательных глаголов и служебных частей речи.

На сайтах www.facebook.com, www.twitter.com можно встретить: "I saw my old friend today", вместо: "I have seen my friend today" – "Я сегодня видел своего старого друга". Или "I'm running every morning for a year", что должно быть написано как: "I have been running every morning for a years" – "Я бегаю по утрам в течение 3 лет". Или такое высказывание (www.twitter.com): "So sorry haven't been here for ages". – "Так жаль, что не был(а) здесь целую вечность".

Другой пример (www.facebook.com): "A sunny midsummer day" – "Солнечный июльский день". В предложении отсутствуют слова "It was/is". В этом случае не трудно понять, о чём говорит автор, смысл сохранён, а значит, процесс коммуникации состоялся. В подобных случаях отклонения от нормы не мешают пониманию смысла сообщения, при этом количество слов в предложении уменьшаются, что помогает написать его быстрее.

В случае опущения подлежащего английские предложения становятся повествовательными, а не повелительными, как это предусмотрено грамматическими правилами, вопреки отсутствующему члену предложения. Например, (www.facebook.com): "Want to buy this", тогда как правильный вариант: "I want to buy this" – "Я хочу это купить".

Необходимо отметить также частое использование в интернет-сленге прямого порядка слов в вопросах, отсутствие служебных слов, не имеющих самостоятельного лексического значения, двойное отрицание, что укорачивает написание сообщений и укоряет передачу мысли. Использование двойного отрицания делает письменную интернет-коммуникацию похожей на устную речь, к примеру: "I won't go nowhere". – "Я никуда не пойду" (www.blog.com).

В результате проведенного исследования англоязычных чатов и блогов Интернет-сайтов можно отметить, что чаще всего используются времена группы Simple и опущение служебных частей речи. Реже используются прямой порядок слов в вопросительных предложениях и двойное отрицание, вероятно по причине того, что последнее не ведёт к сокращению числа символов в предложении и служит в основном для усиления смысла сказанного.

Языковые трансформации на уровне слова

Лексика интернет-общения существенно отличается от лексики устной и письменной форм речи. Проявляются они, в частности, в выражении устной формы речи через графические символы.

В основном это обусловлено необходимостью повы-

шения скорости печати. В отличие от обычных орфографических ошибок, сокращения и опущения букв в словах в сети являются преднамеренным и заведомо оговоренным ошибками, уже известным преобладающему большинству пользователей интернета или, по меньшей мере, участникам конкретной беседы.

В основном преднамеренные ошибки в Интернете служат для сокращения и опущения количества символов в письменном интернет-сообщении. (напр., "wot" - *what*, "hu" - *who*, "xcuse" - *excuse*, "coz" - *because* и т.д.)

Сокращения с сохранением последовательности букв могут быть понятны даже неискушенному пользователю. Как правило, в словах опускаются гласные. Наиболее распространенные из них даны в табл. 1.

При понимании смысла читаемого сообщения немаловажен контекст всей беседы, чата или блога.

Сокращения по аналогии со звучанием происходит в результате письменной фиксации произношения отдельных лексических единиц, что свидетельствует о влиянии устной формы речи на письменные коммуникации в Интернет. Для понимания незнакомых лексических новообразований пользователем огромную роль играет контекст, то есть смысл, ранее заложенный в тексте или предложении.

Пример 1 (www.facebook.com): *"im not sure wot she asking me...but im pretty sure she's full of questions"* - "Я не знаю, о чём она меня спрашивает...но я полностью уверен, что у неё куча вопросов".

Пример 2 (www.twitter.com): *"Werv u bin?"* ("*Where have you been?*") - "Где же ты был?".

Пример 3 (www.twitter.com): *"I wanna be a wrestler just 'coz uniform would be quite ez"*. - "Я хочу быть борцом, потому что у них удобная форма".

В этом случае происходит не только опущение букв, но и их замена на буквы, отражающие соответствующие в словах звуки. Следует отметить, что в большинстве случаев редко употребляемые слова сокращаются, только если предмет речи знаком собеседнику или если автор точно уверен в том, что из контекста будет понятен смысл, а такое сокращение не нарушит смысловую цепочку.

Сокращения по аналогии со звучанием числительных за счет совпадения звучания цифры и части слова также достаточно распространены и приводят к значительному уменьшению числа букв сообщения или поста.

Пример 1 (www.blog.com): *"im reminded of this by the gr8 show on TV, which will be starting 2moro! U gotta tune in! The show's first two episodes will run back to back for one hour 2moro, to kick off the new season"*. - "Это мне напомнило о замечательном шоу по телевизору, которое начнется завтра! Вам стоит посмотреть его! Стартует новый сезон, и завтра в течение часа покажут подряд первые два эпизода шоу".

Наиболее распространенные сокращения данного вида даны в табл. 3.

Во всех этих случаях часть слова или слово целиком замещены звучанием числительного. А в последнем случае за счёт звучания числительного даже происходит слияние двух языковых единиц таких как: "want" и "to" в одну.

Отсюда следует, что всевозможные сокращения иг-

Таблица 1.

Примеры сокращений с сохранением последовательности символов.
(на сайтах www.blog.com, www.twitter.com, www.facebook.com и др.)

Сокращённая форма	Письменная форма	Перевод
abt	about	о (чем-либо, ком-либо)
cld	could	мог
cnt	cannot, can't	не могу, не может
dnr	dinner	обед
gd	good	хороший, хорошо
pls	please	пожалуйста
spk	speak	говорить
ths	this	этот
tkn/thnx	thanks	спасибо
ur/u	You / you're (you are)	ты, вы (наст. время)

Таблица 2.

Сокращения по аналогии со звучанием.
(на сайтах www.blog.com, www.twitter.com, www.facebook.com и др.)

Сокращённая форма	Письменная форма	Перевод
wot	what	что
ez	easy	легкий, легко
il	I will, I'll	я (будущее время)
im	I am, I'm	я (настоящее время)
luv	love	люблю, любовь
xcuse	excuse	извините
nthing	anything	что-либо
tnx	thanks	спасибо
u	you	ты, вы
ur	your/ you're (you are)	ты, вы (наст. время)
xInt	excellent	отлично
c	see	вижу (-ишь)

Таблица 3.

Сокращения по аналогии со звучанием числительных.
(на сайтах www.blog.com, www.twitter.com, www.facebook.com, <https://ru.wiktionary.org/wiki> и др.)

Сокращённая форма	Письменная форма	Перевод
1t	want	Хотеть
2day	today	Сегодня
2moro	tomorrow	Завтра
4e	forever	Навсегда
b4	before	До
call me l8r	call me later	Позвони мне позже
gr8	great	Замечательно
l8	late	Поздно, поздний
8r	later	Позже
2	to (too)	К (слишком, очень)
4	for	Для
h8	hate	Ненавидеть
m8	mate	Товарищ
w8	wait	Ждать
wan2	want to	Хочу

рают большую роль в языке Интернета. Практически любое слово, даже такое короткое как "and" или "two" может быть сокращено, и практически любая буква может быть заменена или пропущена при переписке в интернет-коммуникации, если в написании слова существует какое-либо отличие от его звучания в устной речи.

Следующие общеизвестные сокращения распространенных английских глаголов стали неотъемлемой частью интернет-сленга. Примерами служат: "musta" (*must have*) *shoulda* (*should have*), *woulda* (*would have*); а также "gonna" (*go to*), "wanna" (*want to*), "hafta" (*have to*), "oughta" (*ought to*), *getta* (*get to*).

Пример (www.facebook.com): "I'm gonna die if i hafta do it". - "Я умру, если мне придётся сделать это".

Сокращения при помощи аббревиации слов возникают в результате образования новых лексических единиц из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание.

Приведенные ниже полученные сложносокращенные слова состоят из начальных букв слов в словосочетаниях. Аббревиатурами становятся и отдельно взятые законченные предложения, ответные реплики, широко распространенные в сети (см. табл. 4).

Таблица 4.

Образцы Интернет-сленга, полученные в помощью аббревиации.

(на сайтах www.blog.com, www.twitter.com, www.facebook.com, <https://ru.wiktionary.org/wiki> и др.)

Сокращённая форма	Письменная форма	Перевод
AFAIK	As far as I know	Насколько мне известно
ASL	Age/sex/location	Возраст, пол, место жительства
ATM	At the moment	В данную минуту, сейчас
BBIAM	Be back in a minute	Вернусь через минуту
BBIAS	Be back in a second	Вернусь через секунду
CM	Call me	Позвони мне
CUL	See you later	Увидимся
DK	Don't know	Не знаю
F2F	Face to face	С глазу на глаз, тет а тет
GR8	Great	Восхитительно
GTG	I got to go	Я должен идти
H&K	Hugs and kisses	Целую-обнимаю
HTH	Hope this help	Надеюсь, это поможет
ILU	I love you	Я люблю тебя
IMCO	In my considered opinion	По моему продуманному мнению
IMHO	In my humble opinion	По моему скромному мнению
IC	I see	Понятно, понял(а), понимаю
ILSHIBAMF	I laughing so hard I broke all my furniture	Я смеялся так сильно, что поломал всю мою мебель
IITYWISWYBMAD	If I tell you what it says, will you buy me a drink?	Если я скажу тебе, что это значит, ты мне купишь выпить?
JK	Just kidding	Просто шутка
YOLO	You Only Live Once	Живёшь только раз
KIT	Keep In Touch	Оставайся на связи
LOL	Laugh out loud	Громко смеяться
TFH	Thank for help	Заранее благодарен
OIC	Oh, I see	А, понятно!
PMJI	Pardon my jumping in	Прошу прощения, что я вмешиваюсь
POV	Point of view	Точка зрения
HRU	How are you	Как дела?
RL	Real life	Настоящая жизнь
ROFL	Rolling on the floor laughing	Кататься по полу от смеха
ROTFLASTC	Rolling on the floor laughing and scaring the cat	Катаясь по полу от смеха и пугая кота
RUOK?	Are you OK?	Ты в порядке?
SUP	What's up?	Как дела?
SY	Sincerely yours	Искренне ваш

Аббревиация позволяет значительно сократить текст послания, используя устойчивые выражения и отражая на письме соответствующие эмоции.

При прочтении фрагментов переписки на сайтах www.blog.com, www.twitter.com, www.facebook.com были собраны необходимые для анализа данные и найдены следующие примеры наиболее часто употребляемых сокращений при переписке в сети Интернет, связанные со сходством звучания слова.

Исследование фрагментов переписки на сайтах www.blog.com, www.twitter.com, www.facebook.com показало, что больше всего сокращений формируется с сохранением последовательности символов литературной формы слова или с сохранением последовательности символов разговорной формы слова. Реже используются сокращения при помощи аббревиации и замены части слова числительным, составляя ограниченный круг слов.

Графическое отображение паравербальных средств как результат влияния устной речи на сетевое общение

Так как язык интернета предполагает преимущественно письменную форму речи. В некоторых случаях очень трудно добиться необходимой реакции от собеседника, потому что передающий сообщение адресант не может уловить невербальные и паравербальные аспекты общения. Очень часто фраза, сказанная с разной интонацией, может иметь совершенно различное значение, вплоть до противоположного. Письменная речь, лишённая интонационных оттенков, может значительно снизить эффект ожидаемой реакции.

Поэтому в языке сети интернет появилось несколько способов, которые в некоторой мере могут передать те или иные паравербальные средства общения.

Конечно, у интернет-пользователей существует возможность письменно отражать отношение к происходящему, реакцию или эмоциональное состояние. Например: "You are very smart"; или: "It is very funny". Часто пользователю интернета трудно понять, в прямом или переносном смысле надо расценивать высказывания автора. Помимо этого, без соответствующих уточнений бывает сложно понять отношение виртуального собеседника к обсуждаемой теме.

Вследствие того, что появилась необходимость отображения таких паравербальных средств на письме, были придуманы различные краткие формы, позволяющие максимально приблизить письменный текст к живому общению и сократить текстовое сообщение. С помощью паравербальных средств передачи информации сделана попытка отражения в письменных коммуникациях тембра и ритма речи, а также ее интонационных характеристик.

Темп и ритм речи практически невозможно передать, но можно уловить их в способе написания. В частности, пишет ли коммуникант текст короткими и отрывистыми фразами, с соблюдением знаков препинания и пр. или наоборот, пишет быстро, много, пропуская знаки препинания и делая много ошибок. Последнее может быть отнесено и к опытным пользователям, которые давно общаются в сети, так как вначале почти каждый неопытный новичок старается писать близко к литературной норме и в малых количествах, пока не разовьются навыки быстрой печати. Если собеседники хорошо знакомы, то в письменной речи в сети можно уловить эмоциональные моменты – элементы беспокойства, радости, восторженности и пр.

Громкость речи на письме может быть отражена посредством написания слов или фраз заглавными буквами. Также часто для акцентирования внимания, в конце предложения ставят один или несколько восклицательных знаков, что может подразумевать крик, радостное восклицание и др.

При заполнении пауз пользователи сети довольно часто включают в письменную речь разнообразные звуки, такие как "uh", "um" и др., которые эквивалентны нашим "эээ", "mmm" и др. Они могут стоять в любой части предложения, а также служить для разделения частей текста. Таким образом коммуниканты могут передавать отношение к чему-либо.

Интонация при переписке в Интернете передаётся при помощи символов таких как: "!!!" ("warning!!!") - "обратите внимание", "???" ("what???",) – недоумение, "... – в большинстве случаев выражение того, что уже стало понятно и дальше не имеет смысла рассказывать или перечислять.

К примеру, "STOP", выделенное заглавными буквами, говорит о важности данного слова, в устной речи было бы выражено повышением интонации. "Co-o-ol" с многократным повторением гласной в слове предполагает его выделение интонацией.

Кроме того, разный вид шрифта и разное графическое оформление может играть свою роль для выражения интонации на письме.

Эмоции в интернете условно обозначаются комбинацией символов и знаков препинания, которые называются смайликами. Например:

☺ = :) ☹ = :(и т.д.

Наиболее часто используемых смайликов насчитывается несколько десятков. Всего в настоящее время насчитывается несколько сотен смайликов. Точный под-

счёт невозможен, так как их появление ограничивается только фантазией пользователей сети.

Кроме того эмоции могут обозначаться на письме какой-либо из выше описанных аббревиатур (LOL, ROFL и т. д.).

Звукоподражательные слова широко распространены в языке интернета. "Звукоподражание – это употребление слов, которые своим звучанием напоминают слуховые впечатления от изображаемого явления" [5, с.131]. Например: "blah-blah" (болтать чепуху), "hiss" (шипение, свист), "ding-dong" (звонок). Основное отличие таких слов в сети, заключается в том, что автор может воспроизводить их на письме так, как он слышит или воспринимает какой-либо звук. Другими словами, выражать его не общепринятой графической формой, а произвольной, отразив своё восприятие звука.

Удвоение глагола в интернете в основном происходит в целях усиления значимости действия, которое он обозначает. Например: "Win, win" (Победа! Победа!), "Lose, lose!" (Проиграл! Проиграл!) и пр.

Следовательно, к дополнительным средствам проявления устной речи на письме так же относятся: ненормативная лексика, эмоции, междометия, звукоподражательные слова, удвоение глагола. Они также помогают приблизить язык сети к устной речи.

Исследование показало, что в интернет-языке условно можно выделить два основных вида трансформаций, которые наиболее присущи языку сети: языковые трансформации на уровне предложения и на уровне слова.

К языковым трансформациям на уровне предложения относят трансформации, связанные с употреблением времен, эллиптические конструкции, изменение порядка слов в вопросительных предложениях, опущение служебных частей речи, и употребление двойного отрицания в письменных текстах.

На основе этого, используя описательный, структурный и количественный методы, были выявлены следующие закономерности и тенденции, присущие языку сети:

- ◆ употребление времён в процессе интернет-коммуникации преимущественно сводится к применению времён группы Simple, несмотря на то, что это противоречит литературной норме;
- ◆ часто используется прямой порядок слов в вопросительных предложениях, что в некоторых случаях может вызвать негодование, в случае если смысл фразы недопонят;
- ◆ в связи с тем, что язык сети стремится к упрощению, очень часто в текстах пропускаются служебные слова, по большей части вспомогательные глаголы и артикли;
- ◆ двойное отрицание, являющееся признаком устной речи, также широко применяется в процессе коммуникации в сети и зачастую служит усилением отрицания, как и в устной речи.

Ко второй группе языковых трансформаций на уровне слова относят следующие преднамеренные отступления от языковой нормы посредством сокращений, опущений и замены букв в словах.

Таким образом, можно сказать, что интернет-общение – это реализация устного языка в письменной речи, включающая лексико-стилистические особенности и трансформации, образовавшиеся с течением времени в силу разного рода факторов. Вышеописанная специфика интернет-сленга способствует упрощению и сокращению времени передачи информации, понятна любому опытному пользователю, в результате чего общение в интернете стали воспринимать как некую особую форму языка.

Язык интернета заимствует элементы устной формы речи, поскольку устная речь более краткая и не требует сложных конструкций. Следовательно, в интернет-общении всё чаще встречаются случаи фиксации устной формы речи посредством письменной, что подразумевает особый выбор лексических и стилистических средств языка, применяемых в процессе коммуникации в сети, в основном предполагающих какие-либо отступления от нормы литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 265 с.
2. Берчатова И.С. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА. Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 27–29.
3. Ботенко М.А. Компьютерная лингводидактика: Учебное пособие. М.: Флинта, 2005. 216 с.: ил.
4. Введенская Л.А. Культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 448 с.
5. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-Пресс, 2010. 448 с.
6. Землянова О.Г. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА: НЕОЛОГИЗМЫ И СЛЕНГ. Филологический аспект. 2016. № 9. С. 30–37.
7. Каменева Н.А. Лексикографическое моделирование современной экономической терминологии в электронных словарях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (36). С. 78–82.
8. Кузнецова Н.В. Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов: Автореф. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. 26 с.
9. Кызлакова В.Е. ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГ И СПОСОБЫ ЕГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. В сборнике: Современное языковое образование:

инновации, проблемы, решения Сборник научных трудов. Отв. редактор О.А. Чекун. Москва, 2015. С. 93–96.

10. Лагуа (Алешина) О. Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: Учебный словарь терминов. Учебное пособие / Отв. ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2000. Часть 2. 147 с.

11. Онлайн-словарь ABBYY Lingvo Live [электронный ресурс] URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (Дата обращения 5.01.2018).

12. Blog.com: host service with free and paid plans available [Интернет-портал]. URL: <http://blog.com/> (Дата обращения: 5.01.2018).

13. Facebook.com: an online social networking service [Интернет-портал]. URL: <https://facebook.com/> (Дата обращения: 5.01.2018).

14. Icq.com: online chat rooms. URL: <http://www.icq.com/icqchat/> (Дата обращения: 5.01.2018).

15. Twitter.com: an online social networking service [Интернет-портал]. URL: <https://twitter.com/> (Дата обращения: 5.01.2018).

16. Викисловарь [электронный ресурс] URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (Дата обращения 5.01.2018).

© Н.А. Каменева, (n-kaменова@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Московский финансово-юридический университет, МФЮА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В ПИСЬМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

THE USE OF DISCOURSE MARKERS IN WRITTEN SCIENTIFIC DISCOURSE

*S. Kegeyan
N. Kresova
V. Siganova*

Annotation

Discursive markers are the leading means of communicative organization of scientific texts. They form the main features of the scientific style: connectivity, consistency and sequence of presentation, marking the order of the author's thoughts. The purpose of this article is to discuss the principles of selection, integral characteristics, as well as the main types of auxiliary units, discursive markers, functioning in scientific written discourse.

Keywords: discursive markers, scientific discourse, speech forms, linguistic units, communicative organization of texts, parameters of discourse.

*Кегеян Светлана Эриховна
К.филол.н., доцент, Сочинский
государственный университет
Кресова Наталья Станиславовна
К.с.н., доцент, Сочинский
государственный университет
Сиганова Владлена Валерьевна
К.филол.н., доцент, Сочинский
государственный университет*

Аннотация

Дискурсивные маркеры являются ведущими средствами коммуникативной организации научных текстов. Они используются в формировании основных черт научного стиля: связности, логичности и последовательности изложения, маркируя порядок представления мыслей автора. Целью данной статьи является обсуждение принципов выделения, интегральных признаков, а также основных типов вспомогательных единиц, дискурсивных маркеров, функционирующих в научном письменном дискурсе.

Ключевые слова:

Дискурсивные маркеры, научный дискурс, речевые формы, языковые единицы, коммуникативная организация текстов, параметры дискурса.

Научный дискурс – особенный для науки способ организации речевой деятельности. Он включает в себя когнитивные (понятия, схемы, объекты, методы, программы, парадигмы, эпистемы), лингвистические (тропы и фигуры речи, терминология, речевые акты, синтаксис, семантика и прагматика языка) и политические (запреты и предписания, формы педагогического воздействия, социального взаимодействия и дисциплины) компоненты. [1]

Любой научный текст состоит из языковых единиц, которые в большей или меньшей степени проявляют зависимость от общих условий функционирования дискурса и могут быть отнесены к двум уровням коммуникации – первичному и вторичному [1]. Языковые единицы первичного уровня выполняют в научном дискурсе основную, информативную функцию (к таким единицам следует отнести терминологическую, общенаучную и общеупотребительную лексику), единицы вторичного уровня образуют систему, которая помогает выстраивать основную коммуникацию, разворачивать ее, управлять ею, при этом данная система не является непосредственной задачей коммуникации и осуществляет лишь вспомога-

тельные функции, например, обеспечение связности между отдельными отрезками научного текста [6].

Необходимо отметить, что вспомогательные языковые единицы используются в оформлении любого дискурса и большинство исследователей рассматривают особенности функционирования и использования данных единиц в общем, безотносительно к типу дискурса.

Однако композиционные особенности научных текстов, их смысловая структура, специфический механизм развертывания научного текста проявляют своеобразие по отношению к другим типам дискурса, что, несомненно, находит свое отражение в специфике использования вспомогательных языковых единиц при построении научных письменных текстов. [2]

Вспомогательные текстовые единицы, о которых идет речь, не имеют общепринятого названия. Напротив, в лингвистических исследованиях, как отечественных, так и зарубежных, отмечается значительная вариативность при их обозначении: "дискурсивные маркеры", "дискурсивные слова", "дискурсивные частицы", "дискурсивные

операторы", "дискурсивы", "прагматические маркеры", "прагматические частицы" и др. [8]

В своем исследовании для обозначения дискурсивной лексики мы используем термин "дискурсивные маркеры", который, по нашему мнению, указывает на то, что данные единицы используются в качестве ориентировочных сигналов, помечающих или, другими словами, маркирующих определенные смыслы в научной речи и выполняющих при этом определенные функции, о которых будет сказано ниже.

Употребление разнообразных обозначений данного класса единиц, также как и отсутствие единого подхода для их рассмотрения, объясняется многомерностью понятия "дискурсивный маркер", многокомпонентностью класса данных единиц. [4]

Дискурсивные маркеры – неноминативные языковые единицы, которые довольно непросто системно охарактеризовать в силу их функциональной разнородности. Дебора Шиффрин предлагает детальный качественный анализ дискурсивных маркеров и делит их на 5 категорий, относящихся к следующим сферам: сфера обмена, где функционируют маркеры мены ролей; акциональная сфера, где дискурсивные маркеры поддерживают когерентную связь между речевыми актами; идеационная сфера, где дискурсивные маркеры определяют отношения между пропозициями; сфера взаимодействия коммуникантов, где дискурсивные маркеры анализируют отношения коммуникантов к интенциям, интерпретации и деятельности; информационная сфера, где дискурсивные маркеры способствуют упорядочиванию и управлению разных видов информации в речевом потоке. [8]

Большое количество дискурсивных маркеров типичных для научного дискурса классифицируют на группы в соответствии с выражаемыми ими мыслительными операциями: констатация и характеристика; конкретизация и добавление информации; логические операции и причинно-следственные связи; выделение информации, актуализация внимания; определения и допущения; цитирование, иллюстрация и приведение примеров; обобщение и резюмирование; классификация, аналогия и сравнение; выражение мнения и оценивание.

Дискурсивные маркеры научного дискурса классифицируются также на основании их функционального значения: дополнительность, пояснительность, обобщение, предположение, результат, противопоставление, порядок размещения информации в структуре текста; причинно-следственные отношения, авторство; акцентуация внимания, референция, субъективная модальность, демонстрация примеров. [3]

Функции, выполняемые дискурсивными маркерами в научном тексте, разнообразны. Большинство исследователей считают главной функцией дискурсивных маркеров выражение связи между отрезками дискурса. Связность является важнейшей текстовой категорией, которая делает возможным развитие темы и обеспечивает целостность текста. Дискурсивные маркеры, проявляя свойства когезии и когеренции, обеспечивают грамматическую и смысловую цельность, а также связность научного текста как на глобальном, так и на локальном уровне.

Под глобальным уровнем понимается связь между отдельными фрагментами дискурса, которая обеспечивается дискурсивными маркерами, указывающими на начало (в данной статье речь пойдет о), завершение темы или заключение (итак), на переход к другой теме (перейдем к анализу), на порядок следования информации в тексте (во-первых, во-вторых), маркерами, отсылающими читателя к предыдущим/последующим фрагментам научного текста (как говорилось выше) или к работам других исследователей (как отмечено в работе X). Локальная связанность обеспечивается дискурсивными маркерами на уровне предложения, к примеру, маркерами, указывающими на повтор информации или ее конкретизацию, перефразирование высказанной мысли (другими словами, то есть), противопоставление или отход от основной линии изложения (однако, тем не менее), введение примеров (например, к примеру) и т. д. [5]

Как отмечают исследователи, не менее важны и прагматические функции дискурсивных маркеров. Во-первых, отражение процесса взаимодействия говорящего и слушающего. Данная функция позволяет направлять и облегчать интерпретацию текста адресатом, управлять его вниманием, воздействовать на него. Отражая процесс взаимодействия автора с читателем, дискурсивные маркеры превращают научный текст в коммуникативное событие. Во-вторых, передача отношения говорящего к сказанному. Данная функция дискурсивных маркеров придает научному тексту своеобразие, личностную и субъективную окрашенность, выделяющую его в ряду других научных текстов [6].

Важно отметить, что дискурсивные маркеры обладают широкой полифункциональностью и способны выполнять в дискурсе несколько функций одновременно. Примером полифункционального характера дискурсивных маркеров могут служить такие выражения, как нами отмечено, нами изучено, нами выявлено и т. д. С одной стороны, они, несомненно, предоставляют фактуальную информацию о проведенных исследованиях, с другой – являются также выражением личностного начала автора, подчеркивают его вклад в исследование, а также его ответственность за представленные данные [6].

В связи с этим мы считаем, что класс дискурсивных маркеров может быть рассмотрен как система с полевой структурой, имеющая ядро – собственно дискурсивные маркеры, обеспечивающие вспомогательную функцию в дискурсе, и периферию – дискурсивные маркеры, выполняющие как информативную, так и вспомогательную функции, формирующие промежуточную зону между двумя уровнями текста.

Однако полифункциональный характер дискурсивных маркеров является также причиной, по которой иногда невозможно четкое и однозначное разделение дискурсивных единиц на группы внутри ядерной или периферийной области.

Так, дискурсивные маркеры, отсылающие читателя к вышеизложенной информации текста (например, как говорилось выше), выполняют, с одной стороны, связующую функцию – связывают предыдущий и последующий дискурс, указывают на роль и место отдельного элемента в структуре дискурса, с другой стороны, воздействуют на читателя, направляя его внимание на определенные моменты содержания текста. [7]

Дискурсивный маркер, кроме того, с одной стороны, может выступать в роли организующего сигнала, обеспечивающего переход от одного фрагмента дискурса к другому, к дополнительной, важной информации, с другой стороны, он является одновременно и сигналом для читателя, акцентирующим его внимание на этой дополнительной информации. Также и дискурсивный маркер, кстати, употребляющийся для введения нового фрагмента дискурса, в то же время обладает и акцентом выделительным значением.

Очевидно, что маркеры, выражающие мнение автора, выполняют также и функцию имплицитного воздействия на читателя.

В таких случаях можно говорить о полифункциональности дискурсивных маркеров, которая сочетается с их синкретизмом, когда дискурсивный маркер выполняет одновременно несколько функций (вспомогательную и информативную либо несколько вспомогательных), неразрывно связанных между собой. Данные маркеры имеют двойственное значение, которое не может быть разрешено контекстом [6].

Таким образом, мы рассматриваем дискурсивные маркеры в широком аспекте и относим к классу дискурсивных маркеров все слова, словосочетания, устойчивые речевые обороты и предложения, которые выполняют в дискурсе вспомогательную, речеорганизующую функцию, обеспечивают создание, реализацию и восприятие дискурса.

В соответствии с функционально–прагматическими признаками дискурсивных маркеров, описанных выше, нами было выделено три группы дискурсивных маркеров, функционирующих в научном тексте:

1. Маркеры, организующие научный текст, обеспечивающие его связность и цельность. Именно эти дискурсивные маркеры участвуют в формировании основных черт научного стиля: связности, логичности и последовательности изложения, маркируя порядок представления мыслей автора. При этом, как отмечалось выше, данные дискурсивные маркеры мы подразделяем на два типа: маркеры, обеспечивающие глобальную связность дискурса, отвечающие за его композицию и структуру, и локальную связность, т. е. связанность на уровне предложения.

К первому типу относятся маркеры, указывающие: на введение в тему (в данной статье речь пойдет о, в данной статье мы рассмотрим); порядок следования информации (во–первых, во–вторых, наконец); порядок расположения материала на странице или в тексте (как говорилось выше, как уже отмечалось, о чем будет сказано ниже); переход к новой теме (перейдем к анализу); вывод или заключение (следовательно, в результате, итак, таким образом).

Ко второму – маркеры, отвечающие: за введение новой или дополнительной информации (кроме того, заметим, что); повтор информации или ее конкретизацию, разъяснение, перефразирование высказанной мысли (другими словами, так сказать, таким образом, то есть, а именно); противопоставление или отход от основной линии изложения (однако, в отличие, с одной стороны, с другой стороны, тем не менее, между тем, при этом); введение примеров (такие как, например, к примеру, для иллюстрации).

Данная группа дискурсивных маркеров является ведущим средством коммуникативной организации научных текстов, она самая многочисленная и наиболее употребительная и может быть отнесена, по нашему мнению, к ядерной зоне. Именно дискурсивные маркеры этой группы играют ведущую роль во всех научных работах для передачи дискурсивной и регулятивной информации: с их помощью автор подчеркивает переход от одного фрагмента к другому, поясняет свою мыслительную деятельность, например, вводит в проблему, переходит к следующему вопросу, возвращается к исходному пункту, приводит пример, анализирует результаты работы, делает выводы и т. д. [6]

2. Вторая группа дискурсивных маркеров включает в себя маркеры, передающие отношение автора к собственному высказыванию, а также к действительности. В отличие от авторов художественного текста, которые

выражают свое авторское мнение имплицитно, а способы выражения субъективной и объективной модальности определяются индивидуальным стилем автора, выражение авторского "я" в научном тексте не столь однозначно. С одной стороны, в научной речи все внимание сосредоточено на содержании, на фактах и доказательствах, на логической последовательности сообщения, что вытесняет авторское "я" на второй план. С другой – выражение авторства в научном тексте является принципиально важным. Для автора научной работы важно показать значимость своего личного вклада в научное исследование, подчеркнуть достижение им определенных результатов, тем самым поддерживая или укрепляя свой профессиональный статус [5].

Кроме того, для научного стиля огромное значение имеет выражение авторского мнения, собственной оценки, комментария. Это связано с тем, что процесс выработки новых теорий и концепций невозможен без оценки, интерпретации, переосмысления уже имеющегося знания, а также без скрытой и явной полемики.

Эксплицитность авторской модальности в научном тексте обусловлена также и его направленностью на адресата, близкого автору, как в социокультурном, так и в профессиональном плане.

Среди дискурсивных единиц данной группы можно выделить маркеры, указывающие: на логическую вероятность (возможно, вероятно, можно предположить, по-видимому и др.); повышение/понижение достоверности информации (конечно, несомненно, допустим, действительно, сомнительно и др.); различного рода оценку (справедливо, как правило, к сожалению и др.); отношение к содержанию (примечательно, показательно и др.); а также выражающие мнение автора (по нашему мнению, на наш взгляд, как нам кажется, с нашей точки зрения и др.).

3. Маркеры третьей группы отражают процесс взаимодействия автора и читателя. Научный дискурс характеризуется направленностью на адресата, диалогичностью. Диалогичность научного текста проявляется в использовании особых языковых средств, с помощью которых автор направляет внимание читателя, помогает ему в выделении ключевых моментов содержания текста. [4]

При определенном смысловом пересечении дискурсивных маркеров второй и третьей групп очевидна их разная коммуникативная направленность, а именно вовлечение адресата маркерами третьей группы в процесс оценки достоверности излагаемой информации

На основании анализа научных текстов, можно выявить два основных типа дискурсивных маркеров, кото-

рые представляют категорию диалогичности в научных текстах.

Во-первых, это маркеры, выражающие внешнюю, или эксплицитную, диалогичность, которая связана с актуализацией "ты"- или "мы"-сферы высказывания, во-вторых, маркеры внутренней, имплицитной, диалогичности. Специфика данного типа дискурсивных маркеров обусловлена целеполаганием научного дискурса, и доминантным типом является внутренняя диалогичность научного текста, т. е. преимущественное использование маркеров второго типа – косвенного обращения к адресату.

К первому типу можно отнести дискурсивные маркеры: непосредственно воздействующие на читателя (см. (смотри), ср. (сравни)); маркеры, приглашающие читателя к совместному действию (рассмотрим, обозначим, перейдем и др.).

Ко второму типу относятся дискурсивные маркеры: акцентирующие внимание читателя на важной/дополнительной информации (более того, особенно, следует отметить, уместно подчеркнуть, совершенно ясно, естественно, очевидно и др.); апеллирующие к фоновым знаниям читателя (не секрет, что, общеизвестно, как известно, принято считать и др.); отсылающие читателя к источнику информации как обобщенному, так и конкретному (согласно, как пишет, например, в работах и др.); отсылающие читателя к собственным более ранним исследованиям и работам (как было показано ранее; в работе... доказано и др.). [4]

Сопоставительные исследования дискурсивных маркеров свидетельствуют о значимых расхождениях в частоте употребления в научных текстах экономической тематики различных групп дискурсивных маркеров. В русскоязычных текстах с наибольшей частотой употребляются маркеры, прямо указывающие на введение новой информации, на апелляцию к фоновым знаниям реципиента или отсылку к изложенной ранее информации. В англоязычных текстах особенности использования отдельных групп дискурсивных маркеров отражают стремление автора максимально отразить композиционную структуру текста, подчеркнуть наиболее важные смысловые доминанты и сделать изложение более эмоциональным, что достигается за счет широкого использования дискурсивных маркеров, указывающих на порядок следования информации, противопоставление или отход от основной линии изложения, авторскую аффективную оценку излагаемых фактов.

Для русскоязычных текстов нехарактерно использование обращений в форме глаголов в повелительном наклонении. Средством выражения побуждения в русскоязычных текстах выступает побудительная форма

глаголов в первом лице множественного числа, когда личная форма имеет значение коллективного действия, совершаемого одновременно как автором, так и читателем. В русскоязычных текстах употребление этой формы служит, прежде всего, для введения иллюстративной информации, примеров, объяснений, представления новых фактов и т.п.

Анализ метадискурсивной организации научных текстов представляется важным для дальнейшей разработки проблем лингвистики текста и для теории дискурса, в частности, для уточнения языковых и когнитивных оснований жанровой дифференциации научного дискурса. Кроме того, сопоставительные исследования научного дискурса приобретают особую актуальность в связи с недостаточной изученностью специального дискурса и повышением требований к качеству подготовки специалистов, владеющих иностранным языком.

В заключение подчеркнем, что дискурсивные маркеры не должны рассматриваться лишь как "техническое средство" строения текста. Их специфические свойства (полифункциональность, синкретичность, полисемия) и функции (обеспечение связности текста, передача отношения автора к сказанному, отражение процесса взаимодействия автора и читателя) не только тесно переплетены между собой, но и служат ярким показателем своеобразия научного стиля мышления, позволяют проанализировать стиль мышления и коммуникативных стереотипов ученого.

Представляется важным дальнейшее изучение типов дискурсивных маркеров, функционирующих в научном дискурсе, выявление параметров дискурсообразования и факторов: этнокультурных, стилевых, жанровых, субдискурсивных, идеостилистических, влияющих на выбор говорящими дискурсивных единиц и их типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000.
3. Кротков Е. А., Зуев К. А. Проблема типов научного дискурса // Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (8).
4. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. 207 с.
5. Болсуновская Л. М., Найдина Д. С. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 3413–3416.
6. Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. 2014а. Т. 14. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 10–15.
7. Blakemore D. Are apposition markers discourse markers? // J. of Linguistics 32. 1996. P. 325–347.
8. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.

© С.Э. Кегеян, Н.С. Кресова, В.В. Сиганова, (svetlana.kegeyan@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru

АСЭР
ГРУПП

Семинар

**ИЗМЕНЕНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:**
практические рекомендации к реализации проектов строительства

29 - июня 2018
Отель ГК "Космос"

ГК Агентство Социально-
Экономического Развития
тел: (495) 971-5681
http://www.asergroup.ru

РЕКЛАМА

СЛЕНГОВАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА И ЕЕ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ

SLENDER LEXICAL UNIT AND ITS CULTURAL-MEANING INFORMATION

*H. Nikulina
L. Shabanova*

Annotation

The essence of the research is to expand the approach to the analysis of lexical elements in English slang, to attract linguistic cultural categories in the analysis and classification of word-formative forms characteristic of slang vocabulary.

Keywords: formation of vocabulary, slang, lexical unit, cognitive methods of research, non-standard vocabulary.

Никulina Елена Валентиновна

К.и.н., доцент,

Северо-Кавказский Федеральный

Университет в г. Пятигорске

Шабанова Лариса Сергеевна

Ст. преподаватель,

Северо-Кавказский Федеральный

Университет в г. Пятигорске

Аннотация

Суть исследования заключается в расширении подхода к анализу лексических элементов в английском сленге, в широком привлечении лингвокультурных категорий при анализе и классификации словообразовательных форм, характерных для сленговой лексики.

Ключевые слова:

Формирование лексики, сленг, лексическая единица, когнитивные методы исследования, нестандартная лексика.

Язык представляет собой социальное явление, он отражает культурные и исторические особенности носителя, а также язык реагирует на изменения, происходящие в обществе. Основным элементом общения – речь. Речь является специфической формой отражения действительности, то есть в ней отражаются изменения, происходящие в культуре. Любой язык социален по своей природе и именно поэтому он не может существовать и развиваться вне общества. Язык, прежде всего, является средством общения между людьми, которые активно воздействуют на формирование его лексики. При этом нельзя забывать, что язык представляет собой знаковую систему со своими внутренними законами функционирования. В любом развитом языке одна и та же мысль может выражаться по-разному в зависимости от ситуации. Существуют слова нейтральные, которые являются ядром языка и употребляются независимо от сферы коммуникации, и стилистически окрашенные слова, использующиеся в определенных ситуациях. Такие слова отмечаются в словарях как нелитературные, которые мы также называем нестандартной лексикой.

Одной из главнейших, базовых функций языка является коммуникативная. К этой функции языка относится, в частности, и "функция хранения и передачи" национального самосознания, традиций культуры и истории народа"[1]. Эта культурная информация содержится в образно мотивированных единицах, (отрефлексированное) или бессознательное соотнесение которых с "духов-

ной оснасткой культуры" и интерпретация в её категориях, составляют содержание культурной коннотации, владение которой является своего рода "идиоматичной" частью культурно-языковой компетенции. Так говорит исследователь Телия, относительно культурной коннотации фразеологизмов, но мы считаем, что это положение справедливо для всех лингвистических единиц, в том числе и для слов сленговой лексики.

Представляется важным процитировать мнение этого лингвиста в связи с анализируемыми вопросами. "Соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом и составляет, с нашей точки зрения, содержание культурно-национальной коннотации, которая и придаёт культурно-значимую маркированность не только значениям фразеологизмов или слов, но и смыслу целых текстов. Экспликация культурно-национальной значимости фразеологизма достигается на основе рефлексивного – бессознательного или осознанного – соотнесения этого живого значения с теми "кодами" культуры, которые известны говорящему"[2].

Указанные выше положения, в основном, касаются литературного языка. Всё гораздо усложняется при переходе к анализу нестандартной сленговой лексики, эмоционально нагруженной, где, естественно, как правило, преобладает коннотативный оттенок. Хотя и не исключена передача культурно значимого компонента посредством денотата. Поскольку лингвокультурология рассма-

тривает воздействие культурной информации языковых единиц на менталитет носителей языка, представляется полезным рассмотреть или хотя бы обозначить их жизненные установки. Для культуры США, для американцев – членов лингвокультурной общности – характерны следующие установки: акцент на материальных ценностях, на "действии", т.е. изменении, прогрессе; ориентация на будущее; краткосрочные планы; акцент на автономии личности; стремление к самостоятельному принятию решений; ориентация на немедленное вознаграждение. В центре всего этого – идея о том, что время – деньги; его нельзя растрчивать на пустяки и др. (Кармин, 1997, 169). Всё это находит выражение в языке и культуре американцев. Приведём несколько примеров передачи культурно значимой информации посредством денотата единиц сленга, например: Doctor Feelgood – беспринципный врач, который прописывает наркотики, улучшающие настроение, особенно амфетамин, по первому требованию пациента. Морфологическая структура этой единицы и её мотивировка прозрачны и понятны каждому носителю языка, поэтому здесь культурно значимая информация – с одной стороны, беспринципность специалиста, с другой, ожидание эйфории и комфортного психологического состояния – заложена в самом денотате и не вызывает сложности в её понимании. Пример:

A speed merchant... is likely to mean a doctor who specializes in prescribing amphetamines, usually in the guise of diet pills, to patients who have acquired the "speed" habit. Fortunately, the Legislature enacted a bill this session... cracking down on these Dr Feelgoods (N.Y. Daily News).

Суффикс *-atorium, orium, -orium* образует новые сленгизмы по аналогии с *emporium* и *auditorium*. Посредством этого суффикса образуются новые существительные для обозначения магазинов, которые обслуживают преимущественно мужчин, обычно это недорогие заведения, и часто этот суффикс придаёт слову эффектный или шутливый оттенок, например, такие как *barbatorium* – парикмахерская, *bathatorium* – общественная баня, *bobatorium* – косметический кабинет, *drinkatorium* – бар, *hatatorium* – магазин мужских шляп, *healthatorium* – спорт-зал; ресторан для вегетарианцев, *kanditorium* – кондитерская, *lubritorium* – автомастерская, *motortorium* – гараж, *pantatorium* – магазин мужской одежды, *printatorium* – магазин, где продают гравюры, эстампы, *restatorium* – буфетная стойка, буфет, *restorium* – туалет, *shavatorium* – парикмахерская, *shneatorium* – ателье чистки обуви, *suitatorium* – магазин мужской одежды и др.

Суффикс *orium* – латинского происхождения, и он может присоединиться не только к литературным основам, но и к просторечным, примером может служить, шутовое название туалета или общественной уборной *pissatorium*. Указанные выше сленгизмы *bobatorium* и *barbatorium* также имеют в качестве первого компонента простореч-

ный элемент, так же как и в случае с единицей *hotdogatorium* – сосисочная, где суффикс присоединяется к просторечному компоненту. Следует ещё раз напомнить, что производные существительные с суффиксом *-orium/-atorium* характеризуются иронически-оценочной или фамильярной коннотацией, что обычно и отмечается исследователями (см., например: Беляева-Хомяков, 1985, 98). В современной лингвистике нет однозначного решения относительно деривационных морфем, которые нередко рассматриваются как полупрефиксы или полусуффиксы. Не вдаваясь в суть дискуссии, согласимся с точкой зрения о том, что "производные с такими элементами занимают промежуточное место в системе языка, формируя словообразовательные ряды, характеризующиеся признаками, которые сближают эти ряды то с чистыми сложениями, то с аффиксальными производными" (Кубрякова, 1972, 369). В свою очередь, В.А. Хомяков рассматривает производные с полусуффиксами как особый тип экспрессивной деривации, характерный для просторечия (Хомяков, 1974, 37).

В сленге широкое применение для образования новых сленгизмов имеет полусуффикс *-man*, который также употребителен и в литературном английском языке. Деривативы с этим полусуффиксом в сленге передают восхищение, предпочтение или успех человека. К предпочтениям обычно относятся еда, напитки, определённые товары, спорт, женщины. Обычно это не временное увлечение, а пожизненное. В качестве синонимов к этим образованиям выступают производные с полусуффиксом *-boy*. Приведём несколько примеров: *anchor man* – плохо успевающий студент; любой отстающий / в стандартном английском языке имеет значение "ведущий теле-, радиопрограммы"/, *bagman* – тот, кому поручено собирать взятки, деньги за вымогательство или похищение людей, *bottom-man* – пешка, *bindleman* – сезонный рабочий, *birdman* – авиатор, *blue man* – полицейский в форме, *bottle-man* – пьяница, *boxman* – "медвежатник", человек, вскрывающий сейфы, *bumpman* – профессиональный, наёмный убийца, *save-man* – "пещерный житель", хам, дикарь; мужик, *coffee man* – страстный любитель кофе, *soke man* – тот, кто пьёт много кока-колы, *company man* – человек, более преданный своей фирме, чем сотоварищам, *cop man* – мошенник, *iseman* – тот, кто ворует драгоценности, *meat-man* – мясник; борец; владелец или сотрудник похоронного бюро; громила, *pipe man* – человек, предпочитающий курить трубку, *sandwich man* – человек-реклама, ходячая реклама, *sweet man* – любовник, *three-letter man* – женоподобный мужчина, *trigger man* – гангстер-убийца, *vessel-man* – посудомойщик, *wheel-man* – водитель автомобиля и мн. др.

Приведём несколько разных примеров:

Daily game of trying not to be the last to drink from a pitcher of coffee or milk or you have to take it to be refilled. L. Q. always seems to be anchor man on the milk pitcher

(Uris, 45). Ср.: Ежедневная игра – постараться не быть последним, кто пьёт кофе или молоко из кувшина, иначе тебе придётся пойти и наполнить его вновь. Л.К., казалось, всегда последним пил молоко из кувшина. A few days later he would make shoreside contact with a "bag-man" from the rummy syndicate authorized to make the pay-off (Waters, 127). Ср.: Несколько дней спустя он свяжется на побережье со сборщиками денег из спиртного синдиката, уполномоченного выплатить деньги. The bird-men may have been commanders in the technical sense of the word? But they weren't leaders/ and the grunts knew it (Herbert & Wooten, 287). Ср.: Авиаторы, возможно, и были командирами в техническом понимании слова, но они не были лидерами, и пехотинцы знали это. It is also a very fine thing in favor of the light finger gentry and I told Harry... in case he was interested over there was a bump man I use to see out at the track sometimes (O Hara, 161). Ср.: Это всё прекрасно говорит в пользу карманников, и я сказал Гарри, в случае, если его интересует, вон там сидит профессиональный убийца, которого я иногда встречаю на треке. No more caveman stuff, honest injun (Dos Passos, 104). Ср.: Всё, больше не будет хамства, это правда. This individual had failed... as a "con" man (Miller, 79). Ср.: Как профессиональный жулик, этот парень провалился. Pepe had confided in me that Rico was one of the "icemen" (Brown, 89). Ср.: Пепе доверил мне, что Рико – один из тех, кто ворует драгоценности. Деривативы с полусуффиксом -boy передают различные оттенки значения основы слова. Обычно это – молодой, романтический, привлекательный, умный или агрессивный мужчина; иногда этот полусуффикс означает влиятельного и часто нечестного мужчину средних лет или пожилого человека, или маленького худого человека с резкими чертами, особенно головореза или опасного хулигана. Этот полусуффикс иногда передаёт нежные или дружеские коннотации, а иногда может передавать большие размеры, например, гамбургера. Например: big boy – важная персона, "шишка", большой сэндвич с двумя гамбургерами, bingo-boy – помощник официанта, doughboy – солдат-пехотинец, mammy boy – маменькин сынок, party boy – студент, молодой человек – любитель развлечений, playboy – плейбой, повеса, бездельник, прожигатель жизни, roo-boy – очень большой сэндвич и мн. др.

Весьма продуктивным процессом словообразования в области сленга наряду с суффиксацией является словосложение. Описание этого словообразовательного типа, как в стандартном, так и в нестандартном языке, сопряжено с определёнными трудностями ввиду нерешённости проблемы разграничения сложных слов и словосочетаний. Слабое развитие словоизменения в английском языке ещё более осложняет дело. Отсутствие надежных критериев, на основе которых можно было бы провести линию разграничения между сложным словом и словосочетанием не позволяет лингвистам прийти к единому мнению по этому вопросу. Словосложение в области

сленга довольно подробно описано в работе Л. Соудека, поэтому из множества подтипов мы укажем лишь на основные.

1. Сложные существительные Подавляющая часть сложных существительных образована по типу определяющее – определяемое. Продуктивные образования этого типа можно разделить на три группы: а) сложные слова и словосочетания, где оба компонента являются существительными (n-p, alligatorbait (печёнка (блюдо)), bastard-file (длинный напильник), bullneck (рослый и породный человек), butterbox (датчанин), cowtruck (молочные продукты), moviebug (частый посетитель кинотеатров), barbug (частый посетитель бара), drumstick (куриная ножка), guttersnipe (биржевой маклер), platterbug (энтузиаст джазовой музыки); б) сложные слова и словосочетания типа "сущ. + сущ., оканчивающиеся на -ег", где отношения между первым и вторым компонентами сложного образования такие же, как и между дополнением (объектом) и глаголом (n-p, bottom-faker (сапожник), needle-pusher (портной), counter-jumper (продавец магазина), home-blast (судья, дающий развод), canvas kisser (боксер) и т. д.). в) сложные слова и словосочетания типа "не сущ. + сущ., не оканчивающееся на -ег или -ing" (независимо от того, является ли первый компонент этих сочетаний простой, сложной или сокращённой основой), n-p: dead-lights "глаза", garglefactory "питейное заведение", gentman "человек; джентльмен", hanky-panky bloke "фокусник, волшебник", hoist-anchor "расставание", hurrah-boat "экскурсионный пароход", reerholes "широко раскрытые глаза", sub-gan "пулемёт".

2. Сложные прилагательные а) Сложные прилагательные с разными первыми компонентами, у которых второй компонент является прилагательным (n-p, clock-calm "тихий, спокойный (о погоде), dippy-batty "сумасшедший, безумный", goshawful "низкий, презренный", lenththrift "склонный давать деньги взаймы", mud-fat "чрезмерно жирный". В этой группе встречаются сложные прилагательные, в которых вторым компонентом является crazy "безумный, помешанный (на чём-либо)", "сильно увлечённый (кем или чем-либо) и happy "счастливый, довольный". По мнению некоторых лингвистов они имеют тенденцию превратиться в суффиксы подобно суффиксам -fill, -less, которые в прошлом также были прилагательными (n-p, bomb-happy "с расшатанными от бомбёжек нервами", flack-happy "безрассудный", sand-happy "странный", "эксцентричный" (от долгого пребывания в пустыни), frigger-happy "жестокий", "воинственный", boy-crazy и girl-crazy "не в меру увлечённый другим полом"). б) Сложные прилагательные, у которых второй компонент является прилагательным с окончанием -ed, образованные от существительных (n-p/, blubberheaded "тупой", "бестолковый", brandy-faced "краснощёкий", bulletheaded "твёрдолобый", "упрямый", bung-eyed "пьяный", butterfingered "косорукий", "неуклюжий", sack-handed "неловкий"

(особенно о левше). в) Сложные прилагательные, у которых второй компонент является причастием (н-р., auto-drunk "чувствующий тошноту от долгой езды в автомобиле", belly-bound "страдающий запором", fido-fatigued "усталый" (как собака), grape shot "пьяный", nut-cut "непослушный", "шаловливый". г) Сложные прилагательные, образованные с помощью полного удвоения (н-р., buddy-buddy "слишком дружелюбный, а следовательно неискренний", soo-soo "находящийся в бреду", "в состоянии иступления", ga-ga "глупый", goo-goo "влюблённый", voot-voot "дурной", "глупый" (в результате опьянения), но гораздо чаще с помощью частичного удвоения (н-р., boozy-woozy "пьяный", cherry-merry "пьяный", dashyrashy "дрянной", heppy peppy "живая, оживлённая" (о музыке), lardy-dardy "сверхмодно одетый"). Анализ сложных слов сленга показывает, что их сленговый характер может быть результатом сложения сленгизма и стандартного слова, причём сленгизмом может быть как первый компонент (ср. aggieland "сельскохозяйственный колледж, alfalfa league "малая бейсбольная лига"), так и второй (ср. killer-diller "молодая привлекательная женщи-

на", auto-kibitzer "пассажир в автомобиле, дающий указания водителю"). Однако чаще всего рождение сложной сленговой единицы обусловлено необычным, специфическим объединением стандартных слов, в результате которого возникает лексема, наделённая большой экспрессивностью (ср. home-blaster "судья, дающий развод", hurrah-boat "экскурсионный пароход", loan-shark "ростовщик", lounge-lizard "проводящий", road-louse "дешёвый малометражный автомобиль").

Таким образом, подводя итоги, мы можем утверждать, что теоретическая значимость исследования заключается в общем расширении подхода к анализу лексических элементов в английском сленге, в широком привлечении лингвокультурных категорий при анализе и классификации словообразовательных форм, характерных для сленговой лексики, в установлении общих критериев выявления и описания нормативных факторов в сленге на словообразовательном уровне, позволяющих типологизировать ряд существенных черт сленга, как некоторой социальной разновидности языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. // Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 267.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 264 с.
3. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С.280.
4. Губанов Н.Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе Москва, 2014.
5. Bondar I.A., Kulbakova R.I., Svintorzhitskaja I.A., Pilat L.P., Zavrumov Z.A. Project-based method as an effective means of interdisciplinary interaction while teaching a foreign language International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 8. С. 2123–2133.
6. Бойко Л.Л., Дадаева Ю.С., Малышкина Е.В. Пути и способы реализации культурологического подхода к обучению иностранным языкам студентов неязыковых вузов В сборнике: Современное состояние и перспективы развития научной мысли. Сборник: статей международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 57–58.
7. Лукова Н.В., Шевченко Е.М. Об обучении грамматике как средстве формирования грамотной устной речи В сборнике: Современное состояние и перспективы развития научной мысли. Сборник статей международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 209–211.
8. Бачиева Э.Э., Корчагин Д.С., Малышкина Е.В. Влияние акцента различного этноса на изучение фонетического строя языка. В сборнике: Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 127–129.
9. Горошко О.Н., Малышкина Е.В. К вопросу восприятия устной речи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 10. С. 21–23.

© Е.В. Никulina, Л.С. Шабанова, (lena_nikulina1976@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru

АСЭР
ГРУПП

**УГОЛОВНАЯ, ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ И
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА.
ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ КОМПЛАЕНС В КОМПАНИИ**

23 июля 2018

Конгресс-центр ГК "Космос", Москва

ГК Агентство Социально-
Экономического Развития
тел: (495) 971-5681
http://www.asergroup.ru

РЕКЛАМА

ПАРАДИГМАТИКА РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ ПРИ ПЕРЕХОДНЫХ И НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛАХ (на материале художественных и публицистических текстов второй половины XVIII в.)

PARADIGMATICA OF THE GENITIVE
IN NEGATIVE CONSTRUCTIONS WITH
TRANSITIVE AND INTRANSITIVE VERBS
(on the fiction and journalistic texts the second
half of the XVIII century)

L. Ogorodnikova

Annotation

In literary and journalistic texts of the second half of the XVIII century, in negative constructions with transitive verbs, forms ending in *-y* dominate in object-collective nouns of masculine gender. In similar syntactic environment, abstract nouns more often have the ending *-a*. In indirect transitive verbs, the form ending in *-y* is observed in colloquial set expressions. In intransitive verbs with negative meaning, nouns of all lexicological and grammatical groups are defined by the ending *-A*.

Keywords: object-collective, abstract nouns, concrete nouns, parallel forms, modal verbs, set expressions, unstable vowel, coordinated adjective.

Огородникова Лидия Александровна
К.филол.н., доцент,
Ишимский педагогический институт
им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского
государственного университета

Аннотация

В художественных и публицистических текстах второй половины XVIII в. в отрицательных конструкциях при переходных глаголах, формы с окончанием *-У* преобладают у вещественно-собирательных существительных мужского рода. Отвлечённые существительные в подобных синтаксических условиях чаще встречаются с окончанием *-А*. При косвенно переходном глаголе форма с окончанием *-У* фиксируется в устойчивом сочетании разговорного характера. При непереходных глаголах с отрицанием имени существительные всех лексико-грамматических разрядов оформлены флексией *-А*.

Ключевые слова:

Вещественно-собирательные, отвлечённые существительные, конкретное существительное, параллельные формы, модальный глагол, устойчивое сочетание, беглый гласный, согласованное определение.

На протяжении многих веков в форме родительного падежа неодушевлённых имён существительных мужского рода сосуществуют два окончания: окончание *-У* и окончание *-А*. На выбор флексии влияют различные факторы: семантические, структурно-словообразовательные, синтаксические.

Предметом нашего исследования явились формы родительного падежа названного разряда слов в художественных и публицистических текстах второй половины XVIII в. – времени формирования, становления и нормализации русского национального языка. Этот период в истории русского литературного языка характеризовался углублением "национальных основ и расширением источников пополнения литературного языка" [2, с. 3].

Цель данной статьи – установить распределение флексий родительного падежа неодушевлённых имён существительных мужского рода в конструкциях с отрицанием при переходных и непереходных глаголах в художественных и публицистических текстах второй половины XVIII в.

Художественные и публицистические произведения – авторитетные источники книжно-литературного языка второй половины XVIII в., которые позволяют достаточно достоверно судить о словоупотреблении форм на *-А* и *-У* мастерами слова.

Изучение конструкций с родительным падежом при отрицании имеет давнюю историю. Я. Гримм, Ф. Миклошич, А.И. Томсон видели в родительном при отрицании продолжение индоевропейского родительного. Вопросом происхождения родительного падежа в составе отрицательных конструкций занимался А.А. Потёбня. В.И. Чернышёв отмечал обычность форм родительного падежа с окончанием *-У* в отрицательных оборотах. В.А. Богородицкий говорил о том, что равно допустимы оба варианта родительного падежа при глаголах с отрицанием. Автор "Исторической грамматики русского языка" В.М. Марков утверждал положение об участии форм родительного падежа с окончанием *-У* в развитии отрицательных конструкций [4, с. 56]. Есть и иная точка зрения: отрицание – фактор, ограничивающий употребление форм на *-У* [3].

В результате сплошной выборки интересующих нас

падежных форм из указанных источников мы установили неравномерное распределение флексий родительного падежа с окончанием –А и с окончанием –У. Очевидно преобладание форм на –У лексем свещественно–собира- тельным значением. Лексемы, принимающие оконча- ние –У: бисер, лён, достаток, оброк, пот, табак, товар. Пе- реходные глаголы, формирующие отрицательные кон- струкции с помощью частицы не: дать, привозить, пожа- леть, заплатить, брать, производить, нюхать. Например: "льну не привозишь" [Радищев]; "и не пожалевши своего достатку" [Лукин]; "только они оброку не заплатили" [Но- виков], "оброку не берёт" [Радищев]; "и поту на лице не производило" [Радищев]; "не нюхая из них табак" [Лу- кин]. Глагол дать встречается дважды: "бисеру вам не да- ло стекло" [Ломоносов]; "не даст товару" [Сумароков].

Вещественные существительные лёд, снег, хлеб оформлены окончанием –А в сочетании с переходными глаголами воспламенить, чувствовать, сеять: "не чув- ствовал снега" [Карамзин], "нынешним летом хлеба не сеяли", "льда не воспламенит"[Сумароков].Наличие бег- лого гласного в основе, возможно, препятствовало за- креплению окончания –Ув форме льда. Существительное хлеб в наших источниках фиксируется только с окончани- ем –А. Это подтверждает выводы многих исследователей именного склоненияотносительно указанной словофор- мы [6, с. 17–18].

Лексема шаг ("мера пространства"), управляемая пе- реходным глаголом с частицей не в составе устойчивого сочетания, оформлена окончанием –А: "шага не ступали" [Лукин].

Значительна группа отвлечённых существительных в составе интересующих нас синтаксических конструкций: взор, вред, дар, край, обет, обман, опыт, полёт, поход, раз- ум, слух, стыд.Глаголы, управляющие данными существи- тельными, не образуют определённой тематической группы, их объединяет такое специфически глагольное свойство, как переходность: отвращать, наносить, иметь, находить, преступить, узнать, учинить, сокращать, дать, затворять, принести. Представленный выше субстантив- ный ряд оформлен при данных предикатах окончанием – А: "не отвращай от меня любезнаго мне взора" [Лукин], "не наносит вреда всему государству" [Новиков], "не име- ет другого дара" [Новиков], "считают прелести и не нахо- дят края" [Державин], "едва не приступил я своего обета" [Радищев], "чуть ли не узнал он его обмана" [Попов], "не учинив опыта" [Ломоносов], "не сокращай их полёта" [Ра- дищев], "а бог коли не даст похода" [Капнист], "не имел разума" [Ломоносов], "не отвращай, мой друг, от просьб моих ты слуха" [Попов], "чтобы не затворял своего слуха от просьбы бедных" [Новиков], "сиене принесёт вам сты- да" [Новиков]. Существительное приход (в значении от- влечённого действия) имеет параллельные формы: "не требовал прихода твоего" [Капнист] – "приходу твоего не приметил" [Лукин].

Отвлечённые существительные, принимающие окон- чание –У в подобных конструкциях, немногочисленны:

пример, лоск, шум. Например: "не сдирают лоску" [Ради- щев], "не нахожу я в них довольнаго примеру" [Ломоно- сов], "чтобы заимодавцы не сделали здесь великаго шу- му" [Лукин]. С этим же окончанием употреблена падежная форма в составе устойчивого сочетания:"не подавал по- воду над собою ругаться" [Лукин].

Лексема город при переходном глаголе с отрицанием традиционно оформлена окончанием –А: "не предал бы анафеме такого прекраснаго города" [Карамзин].

Конкретное существительное дом, управляемое ин- финитивом с отрицанием, зафиксировано с тем же окон- чанием:"прошу не знать моего дома" [Новиков].

Глаголы чувственного восприятия слышать и (не) слы- хать обнаружены в сочетании с отвлечёнными существи- тельными глас, ответ, оформленными флексией –А: "не слышал ли мысленным ухом вещающаго гласа" [Ломоно- сов], "не слышит вопиющаго гласа природы" [Новиков], "якобы не слышал моего ответа" [Новиков]. Важно отме- тить, что данные высказывания носят книжный характер. Единственный случай употребления формы на –У зафик- сирован в сочетании с глагольной формой неслышавши: "призывнаго на брань неслышавши удару" [Ломоносов]. В составе устойчивого сочетания при управлении переход- ным глаголом лексема удар зафиксирована с окончанием –А: "не снести тебе едакова удара" [Верёвкин].

Как выяснилось, окончание –У неодинаково употреби- тельно в именах существительных разных лексико–грам- матических разрядов. По интенсивности его употребления на первом месте стоят лексемы с вещественно–собира- тельным значением, выражающие, хотя и не явно, идею количества. Семантика лексем банк, конец, нос, язык не допускает вычленения части из целого, поэтому законо- мерно оформление их в родительном падеже окончанием –А. Например, "я банка не мечу" [Капнист], "не жди конца, когда о взятках он начнёт" [Капнист], "чтоб носа не взно- сили" [Капнист], "как словно пень, не шевелишь языка" [Капнист].При невозможности членить предмет на части "отношение членности переносится с предмета на дей- ствие или состояние, которое к нему относится" [5, с. 127]. В первом примере иноязычная лексема банк входит в со- став устойчивого сочетания, форма родительного падежа банка вариантов не имеет. Параллельных форм лексемы конец в источниках не встречается.

В отрицательных конструкциях некоторые отвлечён- ные лексемы принимают окончания –А, в то время как в других синтаксических условиях предпочтительнее ока- зывается параллельная форма этих лексем: "не дал ты ему ответа прямо?" [Капнист] – "дождись ответу" [Лукин], "лишь спит незлобие, не зная близко рока" [Ломоносов] – "но славой после року ты мог до нас дожить" [Ломоносов], "не ожидала я такого вдруг совета" [Капнист] – "послушай последнаго совету" [Лукин], "ни день, ни ночь не давала я себе покоя" [Новиков] – "я тех лишу покою, которых срод- ники развращены мечтою" [Ломоносов].

Отвлечённые существительные в конструкциях "не + модальный глагол мочь, хотеть + инфинитив основнаго

глагола" имеют в родительном падеже окончание –У. Это лексемы с пространственным значением и значением состояния: "не могут храбрые стен верьху досягнуть" [Ломоносов], "не хочешь дать ты мне покою" [Державин]. Для той и другой лексемы (верх, покой) флексия –У не противоречит нормативным установкам. Примеры форм на –А в словесных построениях такого типа: "Но пастушки милой вида принести с собой не мог" [Капнист], "не могла удержать торжественнаго въезда" [Ломоносов], "не могли срубить дуба" [Карамзин], "не умела самой себе дать отчёта" [Карамзин], "не могла добиться прямого ответа" [Попов], "кого покроя он терпеть не может" [Новиков], "я суда с тобой заводить не хочу" [Новиков], "и оттого убытка я иметьне буду" [Новиков], "не могу продать хлеба" [Сумароков].

Вещественное значение лексемы песок не препятствует употреблению её с флексией –А в отрицательной конструкции с модальным глаголом и инфинитивом непереходного глагола в основной части сказуемого: "не можете проникнуть песка" [Новиков].

В составе идиоматического выражения "Так должно ль, не спросяся броду, о полночи бросаться в воду" [Капнист] при косвенно переходном глаголе обнаружена форма с окончанием –У. Выражение носит разговорный характер, зафиксировано в речи действующего лица комедии – произведения "низкого" стиля.

Конкретное существительное перекрёсток при отрицании глагольных форм (деепричастий), как и следовало ожидать, имеет то же окончание: "дождаться буду не до-

шед перекрёстка" [Верёвкин], "не доходя перекрёстка".

Постфикс –ся в структуре глагольных форм определяет господство флексии –А: "я не надеялась такого барыша" [Капнист], "не дожидаясь ея ответа" [Радищев]. В первом примере при падежной форме существительного с собирательным значением есть согласованное определение такого, которое, возможно, поддерживает оформление её указанной флексией. Однако исследователи именного склонения утверждают: формы на –А постепенно становятся различительным признаком родительного (непартитивного) падежа [1, с. 89].

Таким образом, в конструкциях с отрицанием при переходных и косвенно переходных глаголах в произведениях писателей и публицистов второй половины XVIII в. употребляются имена существительные разных лексико-грамматических разрядов. Вещественно-собирательное значение лексем предопределило выбор формы на –У. Падежные формы отвлечённых имён существительных принимали в равной степени то окончание –А, то окончание –У.

Итак, наличие отрицания не оказывало существенно-го влияния на выбор окончания в формах родительного падежа неодушевлённых имён существительных мужского рода. Следовательно, не синтаксический фактор, а семасиологические категории в большей степени определяли механизм выбора окончания данной падежной формы в художественных и публицистических текстах второй половины XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верёвкин М.И. Имянинник. – М., 1774.
2. Державин, Г.Р. Избранные произведения // Галахов А.Д. Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности. – М., 1898.
3. Державин Г.Р. Анакреонтические песни. – М., 1986.
4. Капнист, В.В. Собрание сочинений. Т.1. – М.–Л., 1960.
5. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника. – Л., 1986.
6. Карамзин, Н.М. Избранные сочинения. Ч. 1. – С.–Петербург, 1892.
7. Ломоносов, М.В. Избранные произведения. – М., 1986.
8. Лукин, В. Сочинения и переводы В. Лукина. Ч. 1. – С.–Петербург, 1765. Лукин, В. Сочинения и переводы В. Лукина. Ч. 2. – С.–Петербург, 1765.
9. Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961.
10. Попов, М. Досуги или собрание сочинений. – С.–Петербург, 1772.
11. Радищев, А.Н. Полное собрание сочинений. Т.1. – М.–Л., 1938.
12. Сумароков, А. Избранные произведения // Н.И.Новиков и его современники. – М., 1961.
13. Грамматическая лексикология русского языка. – Казань, 1978. – 189 с.
14. Калмыкова, Т.С. Местоимения в деловом языке второй половины XVIII в.: семантика, грамматика, функционирование: автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Челябинск, 2004. – С. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/mestoimeniya-v-delovom-yazyke-vtoroy-poloviny-xviii-veka-semantika-grammatika-funktsionirovanie> (дата обращения 22.09.2017.).
15. Коновалова, Л.И. Формы родительного падежа на –У в памятниках делового письма XVI – XVIII вв. // Учёные записки Казанского педагогического института. – Казань, 1976. – Вып. 161. Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Сб. 11. – С.116–121.
16. Марков, В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение / В.М. Марков. – М., 1974.
17. Успенский, Б.А. "Давнопрошедшее" и "второй родительный" в русском языке // Исследования по славянскому историческому языкознанию. – М., 1993. – С. 118–134.
18. Фролова, С.В. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII–XVIII столетий / С.В. Фролова // Учёные записки Куйбышевского педагогического института. – Куйбышев, 1942. – Вып. 5. – С.3–40.

КОНЦЕПТ ГЕРОЙ ПО ДАННЫМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

THE CONCEPT OF HERO ACCORDING PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT

A. Oslamenko

Annotation

The article presents a study of the concept of hero in Russian language by means of psycholinguistic techniques. The study aims to identify the peculiarities of the concept of the hero in the linguistic consciousness of native speakers and foreign language. Produced a comparative analysis of the testimony of their language consciousness. The urgency concept-centered approach in the development of language student's foreign language.

Keywords: concept, conceptology, psycholinguistic method, questionnaire, foreign language, language consciousness, Russian as non-native language.

Осламенко Алена Сергеевна

Аспирант,

ГАУО ВО Московский городской педагогический университет

Аннотация

В статье представлено исследование концепта герой в русском языке посредством психолингвистических методик. Цель исследования в выявлении особенностей функционирования концепта герой в языковом сознании носителей языка и инофонов. Произведён сопоставительный анализ показаний их языкового сознания. Обоснована актуальность концептологического подхода в освоении языка школьниками-инофонами.

Ключевые слова:

Концепт, концептология, психолингвистический метод, анкетирование, инофон, языковое сознание, русский язык как неродной.

Данное исследование вписано в антропоцентрическую парадигму, в русле которого язык видится средством коммуникации, передачи опыта и знаний о культуре. Концепты как некие "кванты знания" [Карасик 2004: 90], аккумулируют в себе проявление ментальности народа, сформированной на протяжении столетий. Ю.С. Степанов считает, что концепт представляет собой "сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... то, посредством чего человек сам входит в культуру, ... тот "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово" [Степанов 1997: 43].

Развитие антропоцентрического подхода в языкознании привело к появлению нового течения в лингвистике – лингвоконцептологии. Представители этого направления видят концепт как "единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой" [Воркачев 2007: 13].

Изучением сущности концепта занимались такие специалисты отечественного языкознания, как Д.С. Лихачев (1997); С.Г. Воркачев (2007); В.И. Карасик (2004); М.В. Пименова (2013); С.А. Кошарная (2014); Т.В. Белошапкина (2016) и др. Исследование, представленное в данной статье, опирается на лингвистический подход в исследовании концептов. Основоположниками данного направления являются Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др.

С точки зрения этих учёных, концепт – это посредник между словами и окружающей действительностью.

Одним из продуктивных подходов в изучении концепта является метод поля. В рамках лингвоконцептологии поле понимается как структура, состоящая из ядра (прототипические, наиболее яркие образы) и периферии (менее конкретные отображения). При этом положение признака в поле концепта не свидетельствует о степени его важности, а показывает уровень конкретности и наглядности образного представления [Попова, Стернин 2001]. Анализ структуры поля позволяет выявить актуальные, второстепенные и периферийные зоны смысла, содержащегося в концепте.

Цель представленного исследования состоит в сопоставлении лексико-семантического поля, отражённого в метаязыковом сознании носителей русского языка и тех, для кого русский язык не является родным. Под метаязыковым сознанием понимается представление говорящих о языке и формах его реализации.

В связи с этим предполагается проведение психолингвистического эксперимента, направленного на выявление лексических единиц, эксплицирующих исследуемый концепт.

Показания метаязыкового сознания выступают объектом анализа во многих лингвистических исследованиях.

Ведётся большая лексикографическая работа, систематизирующая результаты таких экспериментов (Н.Д. Голев, В.Е. Гольдин, Н.Н. Казакова, Ю.Н. Караулов, Т.Ю. Кузнецова, И.А. Стернин, П.И. Фридман, и др.). "Психолингвистический эксперимент выступает наиболее продуктивным методом исследования человеческого фактора в языке, так как метатексты, полученные в результате его проведения, отражают обыденное восприятие единиц языка его носителями. Анализ показаний метаязыкового сознания позволяет делать выводы о реальном функционировании языковых средств и их взаимосвязи друг с другом" [Казакова 2014 с. 7].

По причине высокой степени объективности психолингвистический подход широко используется в концептологии (И.С. Просвирина, 2014; Чжан Янь, 2016; И.В. Коноваленко, 2011). С помощью него исследованы, например, такие концепты как дом [Чжан Янь 2016], скромность [Просвирина 2014], власть [Коноваленко 2011].

Обращение к психолингвистическим методам в данном исследовании обусловлено тем, что его результаты позволяют получить объективные сведения о функционировании концепта. Сопоставление концептуальных представлений о герое носителей русского языка и тех, для кого русский – неродной, позволяет выявить национально-обусловленные особенности концепта. Результаты такого исследования помогут определить пробелы в освоении языка и культуры, а также актуализируют необходимость концептологического подхода в преподавании русского языка.

Для России вопросы изучения русского языка как неродного стоят очень остро, т.к. в последние годы количество трудовых мигрантов в крупных городах заметно увеличилось. Преодолевая границу между государствами, человек пересекает и языковую границу. Индивид, находящийся не в родной для себя языковой среде – инофон. Вместе со взрослыми в новую (неродную) языковую среду попадают и их дети, которые также являются инофонами. Среди мигрантов много тех, кто плохо знает русский язык или совсем не владеет им, из чего возникает серьёзная проблема, связанная с обучением детей-инофонов. Многие специализированные школы русского языка, в которых дети могли изучать язык и знакомиться с новой для них культурой, закрываются. Неподготовленные дети-инофоны, придя в общеобразовательную школу, погружаются в естественную языковую среду, что осложняет их обучение и адаптацию.

Концепт герой представляет особый интерес в психолингвистическом и сопоставительном аспектах, так как слово герой многозначно и в своём семантическом наполнении имеет аксиологическую составляющую.

Слово герой имеет много значений: храбрый воин; полубог, посмертно обожествленный; царь с наследниками и свитой; персонаж художественного произведения и т.д. Для данного исследования актуально значение героя как человека, способного бескорыстно спасать и защищать слабых, Родину. Его поступки и душевные качества являются примером как для общества в целом, так и для каждого человека в отдельности. Понимание сущности концепта герой в этом случае раскрывается в противопоставлении понятий герой и трус.

Актуальность исследования функционирования концепта герой в заданном ракурсе обусловлена тем, что в нём отражается национальная аксиологическая система, вместе с тем эксплицируется состояние общества и личности в конкретную историческую эпоху. Именно герой является идеологическим инструментом и ключевым образом, связанным с национальными приоритетами. Герой – это некий эталон человека для определённой личности и народа в целом. Представление о нём является фундаментальным для каждой национальной культуры.

В настоящее время видится необходимым обращение именно к такому пониманию героя, так как в процессе глобализации стираются национальные особенности, формируется универсальная мировая культура, в связи с этим возникает проблема сохранения самобытности нации. Тогда как именно герой является носителем национального абсолюта, он является идеалом нации.

В данной статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление особенностей функционирования концепта герой, в двух группах школьников: инофонов и обучающихся, для которых русский язык родной.

Эксперимент проводился посредством письменного анкетирования, в нём приняли участие 87 обучающихся 6–8 классов ГБОУ Школа № 1400 (3 ШО): 57 – носители русского языка и 30 – инофоны.

В анкете требовалось указать класс обучения, родной язык и ответить на вопросы, отражающие представления о концепте герой. Время эксперимента было ограничено пятью минутами. Бланки с вопросами были подготовлены заранее.

Образец анкеты:

Класс _____
 Родной язык _____
 Герой - это _____
 Атрибуты героя: _____
 Прилагательное, подходящее к слову "герой" _____
 Глагол, подходящий к слову "герой" _____

Ответ на вопрос "герой – это..." позволил выявить индивидуальное метаязыковое значение слова герой. Остальные вопросы направлены на определение устойчивых словесных комплексов, которые играют важную роль в сохранении и передаче культурно значимой информации.

Предполагалось, что знание инофоном денотативного значения слова не связано с пониманием всех смыслов, заложенных в концепте, номинируемом этим словом. Мы опираемся на утверждение Д.С. Лихачева о том, что концепт, во-первых, "не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека" [Лихачев 1997: 281], а во-вторых, существует не для самого слова, а для каждого словарного значения слова отдельно. Результаты эксперимента подтвердили гипотезу.

В результате анализа эксперимента выявлено, что для носителей русского языка герой это в первую очередь человек, который спасает мир, Родину и защищает от врагов. Такой вариант ответа предложил 21% опрошенных. Для 18% испытуемых герой – это тот, кто, совершает подвиги. Кроме этого в ответах информантов наиболее часто встречаются лексемы защищать, спасать, умереть и помогать.

Менее значимым для русскоязычных информантов оказались определения героя как выдуманный; тот, кто в рассказе, фильме и т.п. (12%); человек, который помогает людям (11%); ветеран Великой Отечественной войны, погибший на войне, кто воевал (7%); сильный, мужественный и храбрый (7%).

Результат эксперимента с инофонами во многом совпадает с результатом анкетирования русскоязычных испытуемых: 23% считают, что герой – это человек, который защищает Родину и всех и готов ради этого умереть; и 23% – герой – это человек, который всем помогает и спасает людей. Также опрошенные инофоны героем считают мудрого, отважного, смелого человека (10%); человека, который творит добро (9%); победителя (9%); конкретных людей: Шевченко, Вова (9%).

Варианты толкования обеих групп испытуемых соотносятся с представленными в словарях: "Человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности" [Ожегов 2005: 164]/ "Тот, кто совершил подвиг, проявив личное мужество, стойкость, готовность к самопожертвованию" [Ефремова, Электронный ресурс]/ "храбрый воин, доблестный воитель" [Даль 1998: 859].

В ответах школьников, для которых русский язык является родным, мы видим реализацию еще одного важ-

ного лексического значения: "Главное действующее лицо литературного произведения, спектакля, кинофильма и т.п." [Ефремова, Электронный ресурс]. Реализацию этого же значения в ответах инофонов мы встретили, но такой ответ дал только 1 ребенок, что составило всего 3%. Испытуемые, для которых русский язык – родной, считают, что быть ветераном (участвовать в боевых действиях), значит быть героем. В ответах инофонов подобной семантики не выявлено.

Важной особенностью инофонов стали ответы, в которых герой – конкретный человек. Подобных ответов не получено от испытуемых, для которых русский – родной.

При анализе ответов на следующий вопрос стало ясно, что большинство информантов в первую очередь выделяют не материальные атрибуты, а идеальные, т.е. говорят о человеческих качествах. Для русских самыми важными качествами являются смелость, храбрость, отвага и мужество – 49%, а для инофонов они второстепенны – 20%. Для них на первом месте сила – 21%, тогда как для русскоязычных опрошенных это качество гораздо менее значимо – 8%. Если говорить о материальных атрибутах, то ответы схожи по наполнению, но не по количественной характеристике: русскоязычные – оружие (меч, щит, лук, стрелы); одежда (форма) (14%); инофоны – броня, оружие (меч) (9%).

Следует отметить, что в ответах русских выявлен атрибут героя, актуализирующий такое значение как главное действующее лицо художественного произведения.

При анализе характеристик героя выявлено, что для носителей русского языка наиболее актуальными являются следующие: смелый, храбрый (30%); героический (12%); отважный (10%); сильный (10%).

У инофонов несколько другое представление о том, какой герой: сильный (37%); смелый, храбрый (27%); мужественный (14%); добрый (7%).

Таким образом, в русской культуре главные характеристики героя – смелость и храбрость, а сила, в отличие от видения инофонов (37%) – не самое главное. Герой часто побеждает благодаря уму и смекалке, о чем свидетельствует ответов 7% русскоязычных опрошенных.

Помимо прилагательных были проанализированы и глаголы, характеризующие деятельность героя. У русских самыми популярными стали следующие варианты: помогать (19%), спасать (18%), защищать (18%). Ответы инофонов по частотности во многом совпали с показаниями языкового сознания русскоязычных детей: спасать (23%) и защищать (23%). Лексема помогать у инофонов имеет второстепенное значение (10%), так же как победить

(10%) и воевать (10%). Вышеуказанные глаголы встречаются и у русских детей, но выражаются синонимами или однокоренными словами: сражаться (9%) и побеждать (3%). Таким образом, ответы на последний вопрос анкеты показали, что представления о действиях героев русских и инофонов во много совпадают.

Анализ эксперимента в целом позволил репрезентировать концепт герой, отражённый в русском языковом сознании и в сознании инофонов. В результате выявлено, что представления о героях у одних и у других во многом схожи, однако есть ряд отличий. Например, для носителей русского языка героями являются ветераны ВОВ, участники войн, для инофонов же это не характерно. Когда речь идет о характеристике героя, то для инофонов пер-

востепенное значение имеет сила, а для русских – смелость и храбрость.

Результаты эксперимента показали, что концепты национально-культурно обусловлены. В частности представления о концепте герой в языковом сознании носителей разных языков отличаются. Это наблюдение актуализирует необходимость дополнительных лингвокультурологических исследований, направленных на выявление особенностей национальной языковой картины мира. Одним из прикладных направлений подобных научных разработок должно стать их применение в образовательном процессе при адаптации и изучении русского языка школьниками-инофонами в общеобразовательной школе и на специализированных курсах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина Т.В. Принципы и параметры анализа концептов в современной отечественной лингвистике: лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные типы исследований // Вестник Славянских культур. Филологические науки. – 2016. – Т. 40. – С. 123–135.
2. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, – 2007. – 284 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра-Книжный клуб, – 1998. – Т. 1. – 1760 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка // [Электронный ресурс]. – URL: <http://efremova-online.ru/slovar-efremovoy/geroj/15952/> (дата обращения: 10.10.2017г.)
5. Казакова Н.Н. Лексическая образность по данным психолингвистического эксперимента. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2014. – 257 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, – 2004. – 390 с.
7. Коноваленко И.В. Структура концепта "власть" (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Омского университета. – 2011. – №3. – С. 168–171.
8. Кошарная С.А. "Двенадцать" как ключевой концепт поэмы А. Блока // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – №6 (177). – Вып. 21. – С. 5–12.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, – 1997. – С. 280–287.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и Образование, Оникс, – 2005. – 1199 с.
11. Миленова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2 (54) – Т.2. – С. 127–131.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике мира. Воронеж: Истоки, – 2001. – 191с.
13. Просвирина И.С. Концепт "скромность" в русской и китайской лингвокультурах: сопоставительный лингвокультурологический анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – №5 (90). – С. 52–56.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, – 1997. – 824 с.
15. Чжан Янь Ассоциативное поле концепта "дом" в русском языковом сознании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т.14, №4. – С. 39–42.

© А.С. Осламенко, (Dema_89@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Специфические языковые расстройства у детей:
вопросы диагностики и коррекционно-
развивающего воздействия»**

2018 года

23-26 августа

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АРТИКЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на примере романа Джейн Остен "Гордость и предубеждения")

FEATURES OF THE USE OF THE ARTICLE IN THE ENGLISH LANGUAGE IN THE LITERARY TEXT (on the example of Jane Austen's novel "Pride and prejudice")

M. Paramonova

Annotation

This article provides examples where we can observe and analyze the emotional functioning of articles in the discourse of literary text. The data obtained in the framework of the presented scientific research is based on the study of the use of the article in the literary text in English, contribute to determining that the article may have a different degree of emotional isolation. It is noted that the article is an important linguistic means for expressing emotionality of varying degrees in the discourse of literary text. The theoretical significance of the work is determined by the further development of the theory of emotional deixis. Special emotional power has the definite article, which carries in its semantics the value of uniqueness and originality, but also the other two articles, the indefinite and the zero are also making a kind of emotional tinge in the relevant stretch of discourse. The data obtained can be used in the educational benefits for students of non-language Universities, and for others, who will learn English.

Keywords: discourse, the category of the article, emotion, emotional-regional selection deixis.

Парамонова Марианна Геннадьевна
Аспирант,
Кубанский Государственный
Технологический университет

Аннотация

В данной статье приводятся примеры, где мы можем наблюдать и анализировать эмоциональное функционирование артиклей в дискурсе художественного текста. Данные, полученные в рамках представленного научного исследования основаны на изучении употребления артикля в художественном тексте на английском языке, способствуют определению того, что артикль может обладать разной степенью эмоционального выделения. Отмечается, что артикль является важным языковым средством для выражения эмоциональности разной степени в дискурсе художественного текста. Теоретическое значение работы определяется дальнейшим развитием теории эмоционального дейксиса. Особую эмоциональную силу имеет определенный артикль, который несет в своей семантике значение уникальности и неповторимости, но и два других артикля, неопределенный и нулевой также вносят своеобразный эмоциональный оттенок в соответствующем отрезке дискурса. Полученные данные могут быть применены в учебных пособиях, для студентов языковых и неязыковых Вузов, а также для желающих, которые изучают английский язык.

Ключевые слова:

Дискурс, категория артикля, эмоциональность, эмоциональное выделение, дейксис.

Известно, что артикль обладает эмоционально выделительной силой, посредством которой автор предлагает нам определенную картину мироприятия и является при этом указателем определенного отношения к чему-либо. Можно сказать, что артикли в художественном дискурсе приобретают совершенно особую функцию, которая называется "метасемiotической", поскольку при таком функционировании они как бы "возвышаются" над своими непосредственными семиотическими функциями и становятся своеобразными "знаками" авторских чувств и эмоций в отношении описываемых событий и героев.

В английском языке, как и в других языках, категория артикля употребляется для цели выделения, что подтверждается анализом большого английского материала, следует также отметить, что в германских языках артикль

всегда имел большую эмоциональную нагрузку, так как изначально был связан с эмфазой и означал нечто "необычное", "уникальное", то есть, то, что было необходимо особо выделить в повествовании [1:112]. Категория артикля в современном английском языке состоит из трех категориальных членов, двух положительных артиклей и нулевого артикля, который представляет собой значащее отсутствие артикля. [2:579].

В плане выражения артикля любой дейксис текстообразующий, и частично функция эмоциональной характеристики текста передается и другими артиклями, которые изначально не имели этой функции; так как все категориальные члены артиклевой оппозиции взаимосвязаны, представляют собой одну языковую категорию, следовательно, все артикли "несут" свою степень эмоциональности.

Под дискурсом в данной статье мы понимаем "понятие, имеющее широкое содержание, которое определяется в зависимости от науки, в которой функционирует. Филология и психология трактуют дискурс с разных позиций. Междисциплинарный подход и одновременно научная новизна заключаются в том, что применительно к средствам массовой коммуникации у термина появилось новое содержание. Это не просто "текст в контексте" погруженный в заданную определенными рамками коммуникативную среду". [3:56]. В контексте художественного дискурса автор может выразить особое отношение к тем или иным событиям и объектам реального мира, указывая на определенность / неопределенность всех упомянутых в тексте предметов, реальностей действий и предметов мысли. Это особое употребление системы артиклей составляет основу авторского дейксиса (эмоционального дейксиса). Автор художественного произведения показывает и, возможно, предлагает определенную картину мировосприятия, где артикль имеет эмоциональную нагрузку и является указателем определенного отношения автора к чему-либо, тем самым создает канву в дискурсе и отражает особое понимание дискурса.

В данной статье проанализированы примеры, взятые из романа Джейн Остен "Гордость и предубеждения", где при употреблении артиклей показано их различное эмоциональное функционирование.

Джейн Остен остроумно и пронизательно описывает характеры, точно передавая те особенности стереотипов, взглядов и мнений, сложившихся в XVIII веке, какими должны быть отношения между мужчиной и женщиной. Главная героиня романа – Элизабет Беннет, одна из пяти дочерей в небогатой семье, отличается (как и сама автор этой книги) пронизательностью, независимостью и умом, пожалуй, единственная из всех своих сестер. Но при этом не лишена способности любить и уважать достойного человека, которого, конечно, нигде не видит. Произведение популярно еще и потому, что помогает понять, как мы иногда можем обманывать сами себя и, находясь в плену собственных гордости и предубеждений, страдать сами, делая при этом больно кому-то другому.

"It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of a good fortune, must be in want of a wife". [4:6].

Все знают, что молодой человек, который располагает определенными средствами, должен подыскивать себе жену. Мистер и миссис Беннет в начале романа разговаривают о приезде мистера Бингли в Незерфильд-парк. Жена пытается уговорить мужа навестить соседа, чтобы завести с ним более тесное знакомство, в надежде на то, что мистеру Бингли непременно должна понравиться одна из их дочерей, которой он и сделает предложение.

Мистер Беннет наносит визит молодому человеку, и через какое-то время тот отвечает ему тем же. Интерес-

но, что неопределенный артикль, и его частотное употребление в данном контексте, указывает нам на отношение автора к данной ситуации, его "субъективное" мнение на подобный поиск спутника жизни, что-то неодобрительное, не совсем понятное, нужное, правильное. Как бы ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, особый интерес овладевает умами рядом с ним живущих так, что его тут же начинают рассматривать как необходимую "добычу" для какой-либо соседской дочки. Неопределенный артикль может также эмоционально выделять предмет или объект мысли, отмечая в нем новые, необычные свойства, но, не делая при этом предмет уникальным, имеет более "слабую" степень эмоциональности, чем определенный артикль.

"Man in possession of a good fortune" – молодой человек, располагающий средствами, то есть определенным, конкретным количеством денежных средств для лучшей жизни, и для лучшего представления и ощущения себя в обществе; в данном случае неопределенное количество денег должно быть чем-то "определенным", важным и необходимым для соответствующего положения, что "выделяется", "подчеркивается" автором с помощью неопределенного артикля, но если эмоциональная функция определенного артикля вытекает из его дейктических и семантических особенностей (указание на уникальное, необычное), то неопределенный артикль связан с эмоциональным выражением, прежде всего через указание на различные необычные характеристики предмета, множественность и разнообразие его свойств.

Разговаривая со своей женой, господин Беннет предложил ей при встрече с мистером Бингли пообещать выдать за него замуж одну из его дочек, и замолвить слово непременно о его Лиззи, на что возмущенная Миссис Беннет ответила, что Лиззи ничуть не лучше остальных их дочерей, не так красива, как Джейн, и менее добродушна, чем Лидия, но ей, по словам миссис Беннет, мистер Беннет всегда оказывал предпочтение, что казалось ей несправедливым.

"But you are always giving her the preference".

Артикль в данном контексте "способствует" эмоциональному выделению, "указанию" автора на то, что так возмущало миссис Беннет, то, что было для нее так нелогично и непонятно, несправедливо и неправильно, что вызывало ее недоумение и не должно было быть, но происходило из-за большой симпатии господина Беннет к своей дочери Лиззи, которая по его мнению была достойна такого к себе отношения и подобного предпочтения. В данном примере употребление определенного артикля автором "указывает" нам на это, и "помогает" читателю лучше понять, то, что, возможно, еще хотел бы сказать и какие эмоции при этом выразить сам автор романа.

Характеризуя, например, Дарси, и сравнивая его с другом Бингли, автор говорит также и о том, что где бы ни появился Бингли, он всегда вызывал приятные дружеские чувства к себе у окружающих, но в отличие от Дарси, который многих от себя отталкивал своим поведением и чертами характера, Бингли всегда имел перед ним преимущество, так как мог расположить к себе окружающих, вызывая к себе дружеские чувства.

"In that respect his friend had greatly the advantage".

Это также "подчеркивается" употреблением определенного артикля, который считается одним из важнейших способов эмоционального и логического выделения мысли, (так как имеет значение уникальности) и происходит от указательного местоимения и числительного один, из всех предметов я выделяю именно этот, и имеет первую степень выделения.

Но повествуя, например, о Леди Лукас, автор употребляет неопределенный артикль и характеризует ее как добродушную женщину, в меру недалекой, чтобы быть "подходящей" соседкой для миссис Беннет, *a valuable neighbor* – где неопределенный артикль "показывает" некое пренебрежение автора к своей героине, не пытаясь ее каким-то образом особо положительно "выделить" среди остальных героев, не давая ей высокую оценку, не наделяя ее какими-то особыми качествами, показана также ирония, с которой автор относится к героине, "ставя под сомнение" ее добродушность.

"Lady Lucas was a very good kind of woman, not too clever to be a valuable neighbor to Mrs. Bennet. - They had several children".

Употребление неопределенного артикля также "указывает" на сомнение автора, и иронию по поводу "подходящего" соседства и нужного, необходимого общения двух дам между собой. В английском языке массовое употребление артиклей по воле автора, а также нарушения синтаксических и семантических законов показывает, что артикль свободен, независим от морфологических категорий существительного; но также может выполнять и экспрессивную роль, служит не только для обозначения существительного, так как является более свободным от него, но и функционирует на уровне высказывания и текста. В соответствии со своей задачей я могу представить текст как нечто обобщенное, где отсутствие артикля что-то выражает. Ранее уже были попытки доказательств наличия оппозиции с нулевым артиклем и тем самым доказать дейктическую организацию текста даже с помощью нуля. [5:224]. Эмоционально выделительная сила артикля, посредством которой автор предлагает нам определенную картину мировосприятия, является при этом указателем определенного его отношения к чему-либо. Что можно наблюдать также и в другом примере:

"_Happiness in _marriage is entirely a matter of chance. If the dispositions of the parties are ever so well..."

В одном из разговоров, при визите Лонгборнских леди к Незерфилдским дамам, Шарлотта о встречах Бингли и Джейн и их возможном браке, обмолвилась тем, что, даже выйдя Джейн хоть завтра замуж за Бингли, у нее столько же шансов на счастливую семейную жизнь, как если бы она изучала характер своего мужа целый год.

Счастливый брак, по ее словам, – это всего лишь удачный случай. Нулевой артикль "указывает" на нечеткость, неточность, возможно, ошибочное мнение данного суждения, но при этом автор также "выделяет" сказанное, используя артикль, "подчеркивая" в тексте то, что должно иметь нулевую степень выделения. Автор иронично, "двойко" "показывает" свое особое отношение к браку, то, что сложно спрогнозировать, точно оценить или охарактеризовать; на что невозможно иметь единое точное мнение, или дать совет на будущее, которое никто не знает, какое оно может быть. Казалось бы, каждый шаг должен быть обдуман, но в тоже время, по словам героини, брак – это всего лишь удачный случай, удачный союз двух лучше бы малознакомых друг другу людей. Подобное суждение является для автора спорным неконкретным, общим, возможно, не совсем верным.

И счастье, и брак, употребленные, с нулевым артиклем, "указывают" на "общее", "неконкретное" для автора понятие, никак его не выделяя, без каких-либо особых эмоций, так как дальше следует объяснение, что любой брак – это всего лишь удачный случай, и неважно как хорошо вы до этого знали своего супруга, так как всегда возникают разлады, и, по словам Шарлотты, в таком случае лучше было бы меньше знать недостатки человека, с которым придется провести жизнь.

"She was a woman of _mean understanding, _little information, and _uncertain temper". Так иронично характеризует автор миссис Беннет, которая, по его мнению, была не достаточно сообразительной и образованной, с неустойчивым настроением. Следствием своего недовольства и плохого настроения она считала свои нервы, которые, по ее словам, были у нее ни в порядке. Целью жизни миссис Беннет было выдать дочерей замуж. Единственными ее увлечениями были малозначительные визиты и "новости", точнее сплетни. Эмоциональность нулевого артикля в данном примере достигает нулевой отметки, поскольку объект представлен самым общим, лишенным конкретного очертания вида, но при этом нулевой артикль в оппозиции к двум другим также является значимым средством эмоционального выражения.

Автор как бы намеренно употребляет нулевой артикль, показывая нам, насколько проста и недалека была его героиня ее ненужные и непонятные интересы в жизни, давая этому соответствующую оценку; артикль "указывает" на не самое лучшее отношение автора к миссис Беннет, ее образу жизни, ее увлечениям, не пытаясь "по-

казать "выделить" в сказанном что – то особенное, на что обязательно нужно обратить внимание.

Таким образом, изучение категории артикля в дискурсе художественного текста позволяет рассмотреть ее в полном объеме, учитывая и эмоциональный аспект, так как артикли в английском языке являются не только важнейшим грамматическим средством, но и могут играть

большую роль в выражении дополнительных экспрессивно-оценочных смыслов, которые помогают читателю правильно и лучше понять, все то, что хотел сказать автор, который при помощи артиклей может выражать симпатию или не симпатию, равнодушие или восхищение к своим героям и к происходящему с ними в своем произведении, "показывая" свое мнение, оценивая, "указывая" на что-либо, "выделяя" и "подчеркивая" нужное, важное в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hodler W. Grundzuge einer germanischen Artikellehre – Heidelberg: Winter, 1954, –S.112 Heinrich H.M. Studien zum bestimmten Artikel in den germanischen Sprache.–1954 Giessen. Wilhelm Schmitz Verlag.
2. Jespersen O.A. Modern English Grammar on Historical Principles.–L.: George Allen & Unwin, 1949. – Part7.–P.403–579.
3. К вопросу о трактовке дискурса применительно к системе средств массовой коммуникации (СМК). Журнал Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. К.Ю. Новиков. Москва.2009г. с.54–55.
4. Jane Austen. Pride and Prejudice.Oxford. University Press.2004.
5. Левковская К.А. Пророкова В.М. Сергиенко Л.В. Артикль в немецком языке. – М.: Просвещение. 1973.– 224 с.

© М.Г. Парамонова, (marina.paramonova.81@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Кубанский Государственный Технологический университет

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИЛЛАБОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПИСЬМА ИЗ ЛОГОГРАФИЧЕСКОЙ НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКИХ СИЛЛАБАРИЕВ

Полякова Ксения Владимировна
К. филол. н., доцент, директор,
ЧУ ДПО "Академия востоковедения",
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

GENESIS OF SYLLABOGRAPHIC WRITING SYSTEM DERIVED FROM LOGOGRAPHY ANALYZED VIA JAPANESE SYLLABARIES

K. Polyakova

Annotation

The article tackles upon Japanese syllabary genesis raised under the influence of Chinese logography, regarding the process as prototypical from the point of view of syllabary genesis and development. The Japanese writing system is still in its active phase of development, at the same time demonstrating certain type of rigidity. It is helpful to make use of Japanese syllabary for the research of logography-syllabary transition in general. Syllabary genesis can also be easily analyzed using the Japanese language, as it incorporates two independent processes of syllabary creation based on different graphic methods, influenced by writing needs of the historical period. The long peaceful co-existence of Japanese syllabary system with logography leading to no inner problems, can be regarded as one of the most important advantages for scientific research. The next aspect of grammarology under special discussion is obviously the graphic form, which can be easily researched with the help of the Japanese language. Hiragana and katakana differ greatly from the point of view of compiling methods and graphics, providing exclusive advantage for the Japanese language researches. Syllabaries, phonetically nearly equal, continue to save their influence and tend to show much difference in prospective usage.

Keywords: Grammarology, Japanese syllabary, logography, ideography, kanjikanamajiri.

Аннотация

В статье рассматриваются путь развития слоговой японской системы письма, возникшей из логографической системы как прототипический материал для изучения тенденций возникновения и развития силлабариев в целом. Японская система письма находится в своей активной фазе развития и демонстрирует определенный консерватизм, что позволяет использовать ее как богатый источник для изучения силлабариев, возникших из логографов. Сам процесс создания силлабариев также максимально удобно рассматривать на материале японского языка, поскольку проходили два параллельных процесса создания силлабических азбук различными графическими методами, основанными на потребностях письма того времени. Особо важным плюсом для изучения силлабариев именно в японском языке является факт продолжительного сосуществования силлабических азбук и логографии, не вступающих в противоречия друг с другом, а, наоборот, создающих логичную структуру японского письма. Силлабическая система письма в японском языке также представляет особый интерес в изучении такого существенного аспекта грамматологии, как графическая передача. Хирагана и катакана абсолютно отличны по способу образования и графике, что также дает существенное преимущество японскому языку как прототипическому в этом аспекте. Силлабические азбуки, фонетически дублируя себя фактически полностью, сохраняют свое влияние в языке, более того, показывают тенденции к еще большему расхождению в использовании.

Ключевые слова:

грамматология, японские силлабарии, логография, идеография, кандзиканамадзир.

ВВЕДЕНИЕ

Письменность как культурное явление имеет очень давнюю историю и свои особенности развития, как в рамках мировой межкультурной парадигмы, так и внутри системы одного языка. Научное обоснование необходимости детального изучения этого направления возникло лишь в середине двадцатого века. Несмотря на то, что дешифровкой письма и другими важными, но все же частными аспектами занимались и ранее, в теоретическое направление грамматология оформилась относительно недавно. Это стало причиной расхождения некоторых

терминов или их дефиниций. Другими словами, многие термины еще просто не закрепились в научной парадигме. Также немаловажным препятствием на пути к единообразию научного аппарата стал тот факт, что изучение письма – одна из самых непопулярных научных областей, которую обычно затрагивают только востоковеды, без выхода в более широкий лингвистический научный круг. В этот нет ничего удивительного, поскольку алфавиты зачастую сразу переводят наше внимание на фонетическую основу своего происхождения, упуская из виду необходимость графического и исторического анализа.

Основная часть

Сложившаяся ситуация повлияла на использование таких важных терминов письма, как логография, идеография, словесные знаки, силлабарии, словесно-слоговые системы и другие. Без определенной унификации будет сложно описать проблему перехода логографической системы в словесно-слоговую. Вопросы унификации системы были затронуты еще И. Е. Гельбом в его известной работе "Опыт изучения письма", где он не единожды акцентирует внимание на неправомерности употребления термина "идеография" и "идеограмма", как полного синонима терминов "логография" и "логограмма". По его мнению, "логография – письмо, в котором один знак, как правило, соответствует одному или нескольким словам языка", а логограмма, соответственно, "словесный знак, употребляемый в логографии" [1, с. 237]. Термины идеограмма и идеография И. Е. Гельб относит к "неприемлемым" [1, с. 243] и "ошибочно употребляемыми филологами" [1, с. 236].

В представленной статье мы также будем придерживаться традиции использования термина "логограмма" и его производных. Для обозначения слогового письма в научной литературе используются термины "силлабография", "силлабическое письмо" или "слоговое письмо", отражая явления одного порядка, что не приводит к противоречиям. Отдельные знаки также могут быть названы "силлабическими знаками", "слоговыми знаками" или "силлабограммами" соответственно. Для набора знаков слогового письма целесообразным считаем употребление термина "силлабарий", несмотря на его не совсем корректную корреляцию с английским 'syllabary'. Для систем, употребляющих как логографические, так и силлабические знаки будем использовать термин "словесно-слоговые".

Слоговые системы письма, возникшие из логографических систем, относительно немногочисленны, но демонстрируют определенное единство тенденций возникновения и развития. Это касается как момента заимствования письма, так и периода его раннего развития в рамках новой культуры. Так, у Д. Дириджера можно найти следующее замечание: "Историей письма зафиксировано всего несколько чисто слоговых письменностей. Наиболее важные из них следующие: 1) псевдоиероглифическая письменность из Библа (Сирия), 2) древнекипрское слоговое письмо, 3) две употребляемые вплоть до настоящего времени японские слоговые письменности и 4) слоговые системы, составленные относительно недавно народами Западной Африки и Северной Америки" [3, с. 193]. Из всех доступных культурных пар, где были осуществлены переходы из логографической системы в силлабический максимальный интерес представляет пара Китай – Япония, особенно в связи с тем, что обе страны активно функционируют и по сей день, используя письменность без перехода в кардинально иную систему. Подобное "долгожительство" в мировой истории письма

является уникальным явлением.

Также особый интерес представляет стоящая несколько отдельно тема сохранения иероглифического письма в объеме, необходимом для развития той и другой нации. Заимствованная система развивалась неоднородно, но была сохранена в потребляемом объеме, соответствующем типологии языка, культурному развитию и коммуникативным письменным потребностям.

Невозможность прямого заимствования китайской письменности и использования ее в японском языке без изменений факт абсолютно очевидный. В противоречие вступают не только социальные факторы, о которых пойдет речь далее, но и чисто формальные, лингвистические противопоставления. Китайский язык с его корнеизолирующим грамматическим строем идеально подходящий для логографической письменности оказался трудно адаптируемым для нужд развитой агглютинативной системы японского языка, которая также усугублена остаточной флексией, сохраняющейся в японском языке и поныне. Еще одним существенным для письма отличием структуры китайского и японского языков явилось противопоставление моносиллабический (китайский) – полисиллабический (японский). Все это привело к тому, что в японский язык логографическое письмо без изменений попасть просто не могло, так как требовалось отразить как-им-то образом грамматический формант.

Как справедливо отмечал В. А. Истрин: "...при помощи логограмм легко передаются неизменяемые корневые основы слов, но гораздо труднее – различные грамматические формы слов, выражаемые в агглютинативных языках системой аффиксов" [2, с. 182]. Другими словами, как Корея, так и Япония, оказались в определенной степени вынужденными менять систему письма после ее заимствования из Китая. При этом, надо отметить еще один важный факт: отвечая за грамматические показатели, новая силлабическая система письма не требовала уничтожения логографического строя, наоборот, она показывает четкую тенденцию успешного сосуществования двух систем в рамках одного языка. Подобное состояние дел позволило создать самую сложную из ныне существующих систем письма, японскую смешанную систему, называемую обычно "кандзиканамадзири" – "смешение китайских знаков и канны". В действительности же, на сегодняшний момент в японскую систему письма входят как логограммы, обязательные для изучения и имеющие минимум, установленный Министерством образования, две слоговые азбуки и фонетическая азбука (латиница), которая также употребляется наравне с вышеуказанными традиционными системами.

Главным фактором, который способствовал легкому внедрению азбуки в Японии, оказалась удивительная простота фонетики японского языка, которая не предусматривала скопления гласных и согласных звуков. Такой фонетический строй позволил сделать лаконичную (первоначально 51 знак, ныне 45 знаков) слоговую азбуку, которая до сих пор является незаменимой. Азбука была

создана в двух графических разновидностях: катакана и хирагана, которые также продолжают свое существование и сейчас. Создание катаканы и хираганы не было процессом абсолютно тождественным, скорее, наоборот, это были во многом противопоставленные друг другу способы создания. О разнице двух систем так писал в своей работе "Развитие письма" чешский профессор Ч. Лоукотка: "Этот слоговый алфавит, названный катакана, представляет собой, собственно говоря, систематическую обработку сокращений китайского письма, употреблявшихся и ранее. Они возникли из письма кай-шу, однако произносятся применительно к древнеяпонскому произношению китайских слов... По иному принципу построен алфавит хирагана... В его основу положено китайское письмо цзяо-шу, и несмотря на то, что оно труднее и содержит больше вариантов для одного и того же слога, чем катакана, все же хирагана пользуется большей популярностью" [4, с. 260–262]. Здесь стоит упомянуть тот факт, что популярность того или иного вида письма в Японии связана, скорее, с внешними факторами и определенной "престижностью", о которой писал В. М. Алпатов. Так, казалось бы, неоспоримой престижностью обладает иероглифика. В. М. Алпатов отмечает, что: "Наиболее очевидная из них заключается в престижности иероглифики и ее связи с японской национальной культурой. В течение веков знание иероглифов в Японии было признаком образованности и в значительной степени и признаком высокого социального положения; кана такой престижностью не обладала, недаром женщины, если они были грамотны, обычно знали лишь кану. Большую роль в Японии играли заимствованные из Китая конфуцианские представления с их своеобразным культом письменного" [5, с. 123–124]. Но современное общество не так трепетно относится к иероглифике, это можно увидеть по увеличению названия частных фирм, написанных на катакане, большому количеству "кричащих" вывесок, огромному числу вторяющихся заимствований, нужды в привнесении которых в язык на данный момент нет. Вопрос исключительно в престижности катаканы, как отражения культуры западного мира.

Поэтому, во многом, популярность стала очень нестабильным фактором, несмотря на консерватизм японцев. Политические и социальные изменения приводили к увеличению или уменьшению того или иного вида письменности, "престижность" требовала в определенные периоды истории сокращать количество логографических знаков, как постоянных носителей штампа "китайского письма", или, наоборот, хаотично увеличивать роль катаканы в послевоенный период, в связи с большим политическим акцентом на необходимости внедрения американской культуры в японском обществе. Поэтому, вероятнее всего, стоит говорить о популярности той или иной системы письма в Японии исключительно применительно к определенному периоду и с оглядкой на социальный фактор.

Для сложных логографических письменностей и созданных из них силлабических азбук всегда актуальным становится вопрос графики и частично связанный с ними вопрос техники письма, материалов и инструментов. Наследники фонетического письма лишь частично знакомы с этой проблемой, тогда как для технически сложного написания знака имело значение все: изменение в инструментах могло привести к серьезнейшим последствиям в технике написания. Этот момент также неразрывно связан с социальным фактором: силлабические системы, которые были созданы на логографической основе в основном пошли по линии упрощения, а значит, и демократизации. Письмо становилось доступнее. К выводу об упрощенности системы силлабариев приходят многие ученые, так И. Е. Гельб отмечал: "все слоговые письменности либо тождественны соответствующим силлабариям словесно-слоговых письменностей, от которых они образованы, либо представляют собой их упрощение" [1, с. 158].

В действительности, сам процесс перехода из логографии в фонетическое письмо известен был и в Китае, так как была необходимость в передаче имен собственных, особенно пришедших из санскрита. Постепенно фонетический принцип стал использоваться и в более широком смысле слова. Научная оценка подобного использования логографического письма может быть неоднозначной. С одной стороны нарушаются границы сугубо логографии и происходит прорыв в фонетический принцип, что является залогом создания азбуки. С другой стороны, как отмечал Хван М. Ф. в своем исследовании "Идеография (курс дальневосточной письменности)", происходит разрушение самой логографии, которая в своей основе не имеет связей с фонетикой, что и является ее сильной стороной. Для логографии вторжение любого фонетического использования является этапом в ее постепенном разрушении.

Однако, несмотря на то, что использование фонетического письма совершенно очевидно является более простым и демократичным, логографические культуры, даже успешно создав альтернативы сложной системе, никогда не переходили на них. Более того, слоговые системы создавались и приживались во вторичных письменных культурах, заимствовавших логографию, а не в первичных.

Также произошло и в ситуации с Китаем и Японией. Безусловно, принципы перехода в фонетическую систему были сформулированы еще в языке-носителе письменной культурной традиции, но в полноценную систему, или, точнее сказать, часть системы слоговый алфавит был внесен только во вторичной японской культуре.

Японские силлабарии характеризуются тем, что вобрали в себя несколько принципов графического перехода из логографов. Это стало возможным благодаря тому, что принципы создания катаканы и хираганы (одна исходила из уставного, вторая из скорописного варианта логограмм) в корне отличны, но оба не противоречат пропи-

санному И. Е. Гельбом направлению на упрощение. Также немаловажную роль сыграл тот факт, что в китайском языке логография также частично носит слоговый характер, что не вступало в противоречия с заявленной задачей создания силлабария. Получается, менялась лишь суть использования, а силлабичность в какой-то степени присутствовала первично.

Многие из тех, кто только приступает к изучению японского языка не видят смысла в сохранении двух практически одинаковых систем силлабического письма в рамках одной языковой культуры. Это, конечно, может показаться плеоназмом и сохранением консервативной традиции. Но в действительности система слогового письма не так консервативна и это не дань прошлому. В действительности кана также подвергалась реформированию и переоценке ее методов использования. Если при зарождении она прошла путь уступления в письменность по принципу разделения – уставное и привольное, а по сути, китайское и японское (камбун и вабун), то сейчас принципы использования катаканы и хираганы не отражают первичное состояние. Япония, подверженная воздействию американской культуры уже после последних существенных реформ 40–х гг. XX века, позволивших отойти от исторического написания и сократить количество знаков двух азбук до 46, все же продолжает путь реформирования каны. Более того, силлабическое японское письмо продолжает свой путь адаптации под инородное фонетическое американское происхождение. Постепенно в правила катаканы были введены правила, которых нет и не будет в хирагане. Алпатов М.В. назвал это явлением "периферией японского языка", что, безусловно, так. Нововведения в области катаканы не дают нам право говорить о том, что она кардинально реформируется, однако ее гибкость и гипотетическая возможность участие в реформах языка показывает большую адаптивность силлабарией в историческом процессе. Более того, на примере японской системы письма можно смело говорить о возможностях социо-политического аспекта реформации

письма. Так, послевоенная Япония, демонстрирующая приверженность американской культуре, постоянно повышает уровень значимости заимствований, а значит и катаканы. При этом не происходит уменьшения использования логографии, и никак нет места процессу полного замещения логографов соответствующими знаками каны. Но в области функциональной стилистики все же видны изменения. Престижность логографии на бытовой уровне существенно снижена, катаканы, наоборот, поднята до предела. Но сама уникальность кандзиканамадзири позволяет перераспределять функции письма легко и без полного отхода и разрушения системы. Как бы всегда остается шанс вернуть все на свои исторические места. Эта функция несет в себе еще и основы для сохранения национального языка. Несмотря на все политические уровни давления, всегда есть возможность стилистического маркирования: если слово продолжает писаться с помощью силлабария катаканы, оно так или иначе воспринимается как инородное. Это дает шанс японскому языку в один момент отказаться от синонимичных заимствований без ущерба для самого пользователя языковой системы. Это вариативность кандзиканамадзири удобна и компенсирует все проблемы, связанные с долгим и мучительным освоением японцами своей письменности.

ВЫВОДЫ

Японское письмо является уникальным и неисчерпаемым источником для рассмотрения многих грамматологических принципов, которые в силу естественных причин оказываются скрытыми от взора ученых, уделяющих внимание европейским и китайскому языку. Уникальное сочетание систем не только поддерживает особое развитие японской нации, но и помогает находить многие ответы на вопросы, которые формулирует для нас сложная система возникновения и развития письма в естественных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельб, И. Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматологии) – М.: Радуга, 1982. – 376 с.
2. Истрин, В. А. Развитие письма – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. – 403 с.
3. Дирингер, Д. Алфавит – М.: Издательство иностранной литературы, 2004. – 654 с.
4. Лоукотка, Ч. Развитие письма. /перевод с чешского Соколова Н. Н.– М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 320 с.
5. Алпатов, М. В. Япония: язык и общество. М.: Наука, (Изд. 1–е.). М., 1988. – 136 с.
6. Хван, М. Ф. Идеография [Текст]: (Курс дальневосточной письменности) / М. Ф. Хван; Под ред. и с предисл. проф. Ю. К. Щуцкого ; Ленингр. вост. ин-т при ЦИК СССР. Ленингр. ин-т истории, философии, лингвистики и литературы. – Ленинград: [б. и.], 1936. – 396 с.

ОБЩИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕРМАНА ГЕССЕ И ТОМАСА МАННА

GENERAL MOTIVES IN THE WORKS OF GERMAN HESSE AND THOMAS MANN

S. Rzaeva

Annotation

In the article, the author talks about the biography of the brilliant German writers Thomas Mann and Hermann Hesse, who lived from the late 1870s and early 1960s and were close friends. They were both very close friends and were considered defenders and followers of the best cultural traditions of the past and were servants of the new. The remaining originals, their creative writing, are closely related to each other. In the article the authors find confirmation of this by conducting a literary analysis of the works of German writers.

Keywords: thematic similarities, structural parallels, manner of exposition, spiritual affinity.

Рзаева Севиндж
Д.филол.н., доцент,
Бакинский Славянский
Университет

Аннотация

В статье, автор говорит о биографии гениальных немецких писателей Томаса Манн и Германа Гессе, которые жили в период с конца 1870-х и начала 1960-х годов и являлись близкими друзьями. Они оба были очень близкими друзьями и считались защитниками и последователями лучших культурных традиций прошлого, и были слугами нового. Оставшиеся оригиналы, их творческое письмо скрытно тесно связано друг с другом. В статье авторы находят подтверждения этому, проводя литературный анализ произведений немецких писателей.

Ключевые слова:

Тематические сходства, структурные параллели, манера изложения, духовное родство.

Великие немецкие писатели Томас Манн и Герман Гессе жили примерно в одно и то же время – в конце 70-х годов XIX-го века и в начале 60-х годов XX-го века. Они являлись очень близкими друзьями. Их считали защитниками и продолжателями самых лучших культурных традиций и, в тоже время, служащими новым. Наряду с сохранением оригинальности, их творческие пути были очень тесно связаны друг с другом. Статья, в основном, посвящена этому аспекту.

2012-й год стал годом Германа Гессе, как 135-й юбилейный год рождения и 50-й год его смерти. Интенсивный интерес германистов и, принятое в 2002-м году в Майнце конгрессом решение, позволило осуществить два больших научных конгресса (в марте 2012-го в Берне и в мае 2012-го в Сегаде). Внимание и интерес к Гессе достигли максимальной высоты, как тогда в американские годы. В то время фильмы – "Сиддхартха" Конрада Рока (1972) и "Степной волк" Фреда Гейна (1974) стали побудителями к важным монографиям. Вдобавок Гессе – художник и его свыше 3000 картин, написанных акварелью, были также высоко оценены.

2012-м году появились также его новые биографии: Геймо Швилком, Гуннарсом, и работа о женщинах Гессе – Бербеля Рица. Биограф Швилк приходит к выводу, что мировоззрение неополитического автора сделало его, в

конечном счете, "консервативным либералом". Автор удостоверял ему также "своенравие" (7, стр.12) поиска самого себя, надежного слуги "им самим транстендированного идеала" (7, стр. 13) в защиту культурной памяти Ваймарской классики и романтизма и, особенно, в манифесте против НС-системы, которая явно заметна в "Игре в бисер" (1943). В целом Швилк видит в Гессе только стесненного пацифиста; особо подчеркивает "при всем его патриотизме его любовь к Германии" (7, стр.12) и, являясь Тессинцем (Швейцария), ставшим межкультурным строителем моста и "поверенным европейского наследия" (7, стр.13). Гессе прожил чудесно удавшуюся жизнь, хотя этот индивидуалист так и не приспособился к пути в собственный внутренний мир и общество. У него был большой круг друзей, состоящий из известных художников и писателей, среди которых можно особо подчеркнуть Стефана Цвейга, Романа Ролланда и, прежде всего, Томаса Манна. "Попытка связать свободу писателя с заботой о семье" удалась Гессе лишь в третьем браке; они могли построить основу общих интересов к искусству, музыке и литературе.

До начала тридцатых годов, когда уже обоим авторам (Манну и Гессе) было по пятьдесят пять, они обменивались лишь некоторыми открытками. Германн Курцке замечал отношение Манна к своим писателям-современникам: "по отношению к великим своего времени, Фран-

цу Кафке, Бертольту Брехту, Альфреду Доблину, Роберту Музилу, возможно, он не на правильном пути. Они стали для него утомительными. То, что позже он стал общаться с Хьюго Гофмансталем и Германом Гессе, было одухотворенными знаками вежливости, которые шли не изнутри" (4, 120). Все же, если принять во внимание 141-разовую переписку между Манном и Гессе и их содержания, это утверждение кажется не верным. Различия в их политически-литературных стремлениях, а также в их стиле жизни затмевали, однако, действительные, скрытые десятилетиями и только потом всплывшие сходства. Манн был из богатой и светской северо-германской предпринимательской семьи, а Гессе, напротив, из миссионерской семьи, которая жила в маленьком аллеманском городке. Манн был элегантным, эрудированным космополитом, представителем буржуазной культуры, как говорится, человеком общественных институтов. Наряду со своей литературной деятельностью, он также регулярно читал лекции и разъезжал в качестве неофициального посла культуры по Ваймарской республике. А Гессе, напротив, все больше уединялся в одиночестве и в своем внутреннем мире. Как писатель, Томас Манн был настоящим эпиком, который разрабатывал свои произведения с иронической дистанции, тогда, как прозаические произведения Гессе были лирически исповедуемыми. В то время, когда Манн представлял во время Первой мировой войны еще консервативные, национальные идеи, Гессе из-за своих пацифистских, антивоенных убеждений был политическим аутсайдером.

Если мы попытаемся на данном этапе обнаружить определенные тематически-мотивные и структурные сходства между произведениями "Смерть в Венеции" (1912) Томаса Манна и "Клейн и Вагнер" Германа Гессе (1919), то должны будем исходить из того, что во время появления обоих рассказов, чьи авторы были еще достаточно далеки друг от друга, непосредственные влияние-исторические взаимосвязи между ними оставались еще едва заметны. Но все же, несмотря на это, явно-выраженные параллели не могут быть случайными. Скорее, они кажутся в данный момент симптомами того подсознательного духовного родства, которое осознали позже оба автора.

Особо выделяющейся схожестью является исходный пункт сюжета в обоих рассказах. Как Густав Ашенбах, так и Фридрих Клейн – мужчины среднего возраста и представители буржуазии – Ашенбах немного старше, ему уже выше пятидесяти, в то время как Клейну только сорок, и, конечно же, Ашенбах, как успешный писатель, более высокого ранга, чем служащий Клейн. После того, как оба главных героя автобиографически вдохновились, для Клейна это означало то, что он, собственно говоря, не обычный служащий, а тот, кто регулярно читает Шопенгауэра, цитирует Гёте, страшно полюбивший с молодости Вагнера и размышляющий во время своего бегства о бо-

жьем предписании искусства. Повышающая интеллектуальность, лирическая манера изложения Гессе описывает из собственной перспективы кризис жизни Клейна, способствует тому, что мы имеем перед собой главного героя, который, несмотря на свой социальный статус, рассматривает свою проблему более осознанно, чем Ашенбах свою. Оба главных героя сбегают на юг от своей банкротной немецко-буржуазной жизни:

"И все же он (Ашенбах) хорошо знал, по какой причине так внезапно произошло искушение. Это было желание побега, в чем он сам себе признался, стремление в даль и новое, это жажда свободы, освобождения от груза и забвения – стремление в прочь от забот, от повседневных мест застывшей, холодной и азартной службы (5, 10).

Клейн убегает от своего преступления, от подделывания чеков и присвоения денег, которое он совершал как протест против своей мещанской жизни, против своей жены. "Больше не было смысла скрываться от самого себя. Это произошло из-за его жены, только из-за его жены. Как хорошо, что в конце концов он об этом узнал!" (3, 214). Конечно, это еще лишь половина правды, так как жена, о которой читатель совсем ничего не узнает, кажется только оправданием для "проделок" Клейна, которая не могла позаботиться даже о благополучии любимых детей. Семья Клейна в действительности является лишь пустым местом, которое всегда будет вести к путанице посредством прежде убитой семьи учителя Вагнера. В рассказе Гессе Клейн остается так же одиноким, как Ашенбах, чья жена умерла уже давно.

У Клейна есть еще один другой товарищ по несчастью в современной ему немецкой литературе, а именно кассир в экспрессионистском произведении Джорджа Кайзера "С утра до полночи", которое появилось в том же году, что и "Смерть в Венеции". Он также сбегает от своего бессмысленного существования: В качестве служащего в банке маленького городка, очарованный личностью одной дамы, он забирает из кассы большую сумму денег для того, чтобы вырваться с этой женщиной из своего узкого мира. Дама отказывает ему, и кассир блуждает в поисках "настоящей жизни" из станции к станции, до тех пор, пока не пристреливает себя с возгласом: "Esse homo".

Юг, Италия в качестве сюжета для немецкой жажды побега имеет давнюю традицию, которая появляется рано как в жизни Манна, так Гессе. В 1895 году Манн в первый раз едет в Италию со своим братом, в Палестрину и Рим. Следующая совместная поездка братьев в Италию, которая длилась полтора года, вела по следам Гете через Венецию и Рим в Неаполь, а потом обратно в Рим. Созданию произведения "Смерть в Венеции" послужила также поездка в Венецию в 1911 году, которая проходит в целом также как описывается в новелле. Са-

ма эпидемия холеры действительно существовала, о чем пишет автор в дневниках "Путешествие по Кавказу", которое он совершает одновременно с Максом Бродом и завершает его в Северной Италии.

Первое путешествие Гессе осуществляется также в Италию в 1901 году. Уже в 1903 году он поехал снова в сторону юга со своей женой Марией Бернулли. Появление повести "Клейн и Вагнер", как известно, тесно связано с побегом Гессе в Тессин. После того, как его жена как будто "излечилась" от своего сильного психоза, их брак не мог больше заново восстановиться. Квартира в Берне была потеряна, три сына остались у его друзей, и Гессе переселился без семьи в деревню Монтагнола.

Установлены также структурные параллели между обеими повестями. Поездка на корабле Ашенбаха из Полы в Венецию и прогулка на гондоле с места причала до Лидо соответствует поездке Клейна на железной дороге из родного города в южный "маленький отельный городок" на берегу озера. Конечно, наряду с этими параллелями имеются также и основополагающие расказно-структурные различия, которые здесь не рассматриваются. Иронично-символические мотивы, как варианты адской, дьявольской фигуры соблазнителя и образца гибели и разрушения являются характерными признаками манеры изложения Томаса Манна, которые у Гессе не присутствуют. Напоминавшее бегство, путешествие Клейна и пребывание на южном курорте рассказывается, наоборот, с экспрессионистки-повышенной, аналитически-прожитой речью.

Следующую структурную параллель создают обе фигуры-катализаторы Тадзио и Терезина. Буржуазное самообладание и дисциплина Ашенбаха, почтенный фасад жизни которого разрушает идеальная красота польского мальчика и возрастающая гомо эротическая любовь к нему. В действительности здесь речь идет о пробуждении уже пережитых чувств: "Прошедшие чувства, ранние, превосходные нужды сердца, которые вымерли в службе его жизни и теперь так особенно искусно вернулись, он узнавал их со смущенной, удивленной улыбкой" (5, 44). Любовное опьянение, экстаз ведут Ашенбаха в хаос: "Голова и сердце были одурманены, и его поступки следовали указаниям демона, которому доставляет удовольствие бросать под ноги человеческий разум и достоинство" (5, 49).

Также Терезина Гессе открывает Клейну мир, который становится доступным для порядочного служащего только посредством его смятений. Ашенбах был околдован античной красотой Тадзио, Терезина же очаровала Клейна своей чувственностью и естественностью, которые воплощались, прежде всего, в ее танце, чья притягательная сила с самого начала затягивала Клейна, который тщетно пытался сопротивляться:

"Он смотрел на нее, скрывая возбуждение, и снова с раздвоенным впечатлением. Что-то в ней манило, говорило о счастье и искренности, пахло телом и волосами, и ухоженной красотой, а что-то другое отталкивало, казалось ненастоящим, заставляло бояться разочарования. Это была давно привитая и на протяжении всей жизни холеная робость перед тем, что он так извращенно чувствовал, перед сознательным проявлением прекрасного, перед открытым напоминанием о мужских чувствах и любовной борьбе" (3, 237).

Клейн подвергается очарованию Терезины, потому, что она является ему как природное явление по ту сторону доброго и злого: "Когда Вы танцуете, Терезина, в некоторых мгновениях Вы бываете как дерево или гора или зверь, или звезда, полностью для себя, совершенно одна, Вы не хотите быть ничем, кроме того, чем Вы являетесь, и Вам все равно, это доброе или злое" (3, 246). Этот аспект Терезины тесно связан с Вагнером, то есть с вытесненным двойником Клейна:

"Когда Вагнер был самим собой – Вагнер был убийцей, загнанным в него, но Вагнер был также композитором, художником, гением, соблазнителем, расположением к жизнерадостности, чувственному наслаждению, роскоши – Вагнер был общим названием для всего угнетающего, погружающего, ненадолго пришедшего в бывшего служащего Фридриха Клейна. (3, 262).

Так поддерживает Клейн автобиографические черты через свой протест и побег, эта идентификация его вытесненной Вагнером стороны указывает на то, что Гессе описывал отчужденно в своей повести также мятеж Клейна. Ему самому именно композитор Вагнер совсем не нравился, и это был один аспект, в котором он с Томасом Манном позже не был согласен. Когда в марте 1934 года национал-социалисты в Лейпциге инсценировали фестиваль Вагнера, Гессе писал Томасу Манну следующее:

"Откровенно говоря, я не могу терпеть Вагнера. И вероятно, я ощутил это при взгляде на каждую газету с речью в превосходной степени Гитлера о Вагнере: "Вот и ваш Вагнер!" Этот разрушенный и бесцеремонный ушпешник точно такой идол, который подходит сегодняшней Германии!" (1, 105).

Терезина является также предшественницей Гермимины в "Степном волке" также, как и Фридрих Клейн предваряет Гарри Галлера. Гермимины также посвящает Галлера в чувственность, в свободу мира через свой танец. Ее зовут Гермимины, так как она представляет женскую и материнскую сторону каждого Гарри, чей образ указывает закодировано на автора Германа Гессе. В то же время она намекает со своим именем и своей ролью на духовника Гермеса. Терезина сопровождает Клейна как духовница на дно, к освобождающей смерти. После того, как Клейн побеждает своего Я-Вагнера и не убивает спящую

Терезину, к нему приходит спокойствие. Он садится на лодку, и "там, далеко в море он убирает весла. Это было так далеко, и он был доволен. Раньше у него были моменты, когда смерть казалась ему неизбежной, где он был всегда немного колеблющимся, все дела откладываящий на завтра, пробующий дальнейшую жизнь снова и снова. От этого всего больше ничего не осталось. Его маленькая лодка, это была его маленькая, ограниченная, искусственно застрахованная жизнь – а вокруг просторная серость, это был мир, это была вселенная и бог, куда было не трудно попасть, это было легко, это было радостно" (3, 278).

Ашенбах также предается смерти, в которой он ползает на Тадзио, как на духовника. После того, как парикмахер и косметолог тщательно его омолодили, и он купил у торговца овощами некоторые фрукты, ягоды, переспелые, мягкие и явно уже инфицированные товары, он предался хаосу и пустоте. Он отдыхает у море на своем шезлонге, и наблюдает за Тадзио, как тот: "максимально изолированный и несоединенный облик прогуливается, с порхающими волосами там, в море, в потоке воздуха, в туманной бесконечности. И бледный, миловидный психолог там снаружи ему улыбается, дает ему знаки: потом освобождает руку от бедра, объясняя, паря в воздухе многообещающе и чудовищно. И как всегда, собирается следовать за ним" (5, 66).

Смерть Ашенбаха можно также расценивать как самоубийство, которое освобождает его также, как и добровольная смерть через утопление Клейна от ограниченной буржуазной индивидуальности и возвращает его в состоянии опьянения в мировое пространство.

Эти, коротко обозначенные, параллели между произведениями "Смерть в Венеции" и "Клейн и Вагнер" могут, наверное, рассматриваться как скрытое предзнаменование того духовного родства, основа которого была заложена обоими авторами, несмотря на все различия в ранней биографии и в стремлениях. Как Манн, так и Гессе протестовали против своего буржуазного наследия. Они не завершают свою учебу.

"Что заставляло терпеть крах в гимназии, было противоположностью того, что им писалось в аттестат. Это не было нехваткой способностей и добросовестности, а их избытком, что им препятствовало, следовать будущим планам семьи и образовательных представлений школы" (1, 12) – писал Фолькер Михельс в своем предисловии к письменному обмену. Теодоре Циолковский также обращает внимание на раннее сходство: "в обоих случаях проникает атмосфера экзотики со стороны матери в обычное детство" (8, 173). Мать Манна, как дочь одного богатого немецкого владельца плантации, родилась в Бразилии, тогда, когда мать Гессе родилась в Индии, где жил ее отец как миссионер и индолог. Последствия этой фамильярной обязанности для карьеры Гессе известны.

Основополагающие сходства лежали в их позднем духовном ориентировании: осознание того, что буржуазную культуру постигла разрушение, и опыт того, что нацизм является трагической роковой угрозой для европейской гуманистической традиции.

Наряду со свидетельством письменного обмена, известные параллели в обоих великих последних романах авторов также указывают на их духовное родство. Часто цитированные строчки из статьи "Возникновение доктора Фаустуса" доказывают, как пораженный Томас Манн во время чтения "Игры в бисер" обнаружил, что имеется заметное сходство между романом Гессе и его собственном романом:

"После четырехлетней работы друг в далекой Монте-гноле закончил сложно-прекрасное произведение, созданное в старости, большое введение которого я прочитал только в предварительной публикации "Neue Rundschau". Я часто об этом говорил, что эта проза мне настолько близка, как если бы она была моей. Когда я увидел полное произведение, меня даже напугало родство с тем, чем я так поспешно занимаюсь. Такая же идея вымышленной биографии – внедрение пародии, которая приносит с собой эту форму. Такая же связь с музыкой, культурной и эпохой критикой в равной степени, а также с мечтательной утопией культуры и философии" (6, 124).

Вместо страха или ревности в Томасе Манне появляются чувства дружбы и восхищения: "наконец появилась лучшая возможность для теплых и уважительных чувств дружбы, для восхищения зрелым мастерством, которая точно бы без глубоких, скрыто-озабоченных усилий, возрастного одухотворения юмором и искусством не была бы возможной. Сравнительно резкое выделение уже признанного уживается с этим очень хорошо" (6, 125).

Отношения становятся в большом масштабе ошеломляющими:

"Мое понимается как хорошо заостренное, острее, горячее, драматичнее, актуальнее и непосредственнее. Его – мягче, мечтательнее, романтичнее и игривее (в возвышенном смысле). Музыкальное – совершенно набожно-антикварное. И больше ничего дворянского" (6, 125).

Томас Манн в своем письме Гессе восьмого апреля 1945 года писал также о своем потрясении близостью и родством только что прочитанного до конца произведения "Игра в бисер" и романа, над которым он сейчас работает и, с которым Гессе еще не был знаком: "Можно иметь разное представление обо всем, и при этом иметь такое поразительное сходство, как между братьями" (1, 203). А Гессе писал в своем ответном письме следующее: "Когда я о Вас думаю, ко мне обязательно приходит на ум "Доктор Фаустус" (1, 206).

Из параллелей, выявленных различными исследованиями между двумя романами (2, 38–45), можно выделить один аспект, "такая же связь с музыкой", как говорил Манн. Музыка как у Манна, так и у Гессе выражается как "только передний план и репрезентация, только парадигма для всеобщего, только средство, ситуация искусства в общем, культуры, человека, самого духа в нашей слишком критической эпохе. Музыкальный роман?" спрашивает Манн касательно "Доктора Фаустуса". "Да. Но он был задуман как культурный и эпохный роман..." (2, 108). Музыка Адриана Леверкюна представляет конец буржуазной культуры, отмену буржуазной идеи продвижения и гуманности. Несмотря на то, что Манн считает концепцию музыки в "Игре в бисер" набожно-антикварной, также определено по отношению к Щенебергской музыке в своем собственном романе, и наверное, еще учитывая неприязнь Гессе к Вагнеру, в целом, это не соответствует истине. Абстрактную идею "Игры в бисер" можно переписать, в общем-то, примерно с терминами, которые связываются под другими с атональными музыкальными представлениями. "Игра в бисер" стремится к строгим, архитектурным структурам, к математическому по-

рядку, бесстрашному холоду. На ум приходят музыкальные термины как пунктуальность, сериализация, алеаторика. Наверное, больше нет никакой необходимости звучать этой музыке, достаточно, если ее слышишь внутри. "Игра в бисер" – это конец искусства, а также его превышение, в то время, когда в "Докторе Фаустусе" не появляется продолжение возможного конечного пункта. Что касается антикварного в восприятии музыки у Гессе, все же Манн прав, что в то время, когда его Леверкюн музыкально вытесняется музыкальным искусством Бетховена, музыкой начала нового века (не говоря уж о Ницше, Шенберге и Адорно), годы обучения Кнехта со стороны предклассиков Баха и Монтевердиса сдуваются.

Когда появился "Доктор Фаустус" в октябре 1947 года, автор отправил один экземпляр своему коллеге с надписью: "Герману Гессе – эту "игру в бисер" с черными жемчужинами от его друга Томаса Манна". Фолькер Михельс добавляет здесь же: "Черная магия современного Фаустуса в согласении с дьяволом и белая магия в "Игре в бисер", это – постановка опыта для будущего избежания таких чертёнков" (1, 36).

ЛИТЕРАТУРА

1. Carlsson, Anni Michels, Volker (Hg.): Hermann Hesse – Thomas Mann. Briefwechsel. Frankfurt am Main: Suhrkamp, Fischer, 1999, S. 49
2. Gyorffy, Miklos: Hesse als Glasperlenspieler. In: Hermann Hesse. Humanist und Europaer. I. Internationale Hermann Hesse-Gedenkkonferenz in Ungarn. Hg. v. Gabor Kerekes / Orsolya Erdody. Budapest, 2005 (Budapester Beitrage zur Germanistik, 49), S. 38–45
3. Hesse, Hermann: Die Erzahlungen 1911–1954. Hg. v. Volker Michel. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001 (Samtliche Werke, Bd. 8), S. 214
4. Kurzke, Hermann: Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. Munchen: Beck, 2001, S. 120
5. Mann, Thomas: Der Tod in Venedig. Frankfurt am Main: Fischer, 1954, S. 10
6. Mann, Thomas: Schriften und Reden zur Literatur, Kunst und Philosophie. Bd. 3, Frankfurt am Main: Fischer, 1968, S. 124
7. Schwilk, Heimo: Das Leben des Glasperlenspielers. Munchen, 2012
8. Ziolkowski, Theodore: Der Schriftsteller Hermann Hesse. Wertung und Neubewertung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979, S. 173

© С. Рзаева, (ctig.usue@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ДЕТИ-ИГРУШКИ В ТЕКСТАХ Э. ЕЛИНЕК 1970-1980Х годов

CHILDREN-TOYS IN THE PROSE OF ELFRIEDE JELINEK OF THE 1970-80s

I. Sivolobova

Annotation

The article delves into the poetics of childhood in the prose of Elfriede Jelinek of the 1970–80s. It is established that Jelinek develops a special "anti-child" language, in which childhood loses its importance and value. Jelinek destroys the myth of happy childhood and joyful motherhood through the image of children-toys: children lose personal qualities and individual traits and become tools of social recognition, mercantile goals achievement and a means to fulfill their parents' ambitions.

Keywords: E. Jelinek, Austrian literature, childhood, children-toys, code, discourse, social infantilism.

Сиволобова Ирина Андреевна
Аспирант,
Тюменский государственный
университет

Аннотация

В статье рассматривается поэтика детства в прозе Эльфриды Елинек 1970–1980 годов. Устанавливается, что Елинек вырабатывает особый "антидетский" язык, в рамках которого детство теряет значимость и ценность. Елинек разрушает миф о счастливом детстве и радостном материнстве через образ детей-игрушек: дети утрачивают личностные качества и индивидуальные черты, и становятся инструментами социального признания, достижения меркантильных целей и средством реализации амбиций своих родителей.

Ключевые слова:

Э. Елинек, австрийская литература, детство, дети-игрушки, код, дискурс, социальный инфантилизм.

В последние годы в отечественном литературоведении актуализируется интерес к тематике детства. В рамках проекта "Вымыслы о детстве и для детей" выходит сборник "Детство в англо-американском литературном сознании XVII–XX веков" (2016), куда вошли статьи, посвященные двум национальным традициям, занимающим принципиально важное место в развитии литературной философии детства и детской литературы" [4: 3 стр.].

В 2017 г. также под эгидой проектов ИМЛИ РАН прошла конференция "Феномен детства" в немецкоязычных литературах: культурная идентичность и динамика художественного процесса" (Москва), которая обозначила, во-первых, актуальность данной проблематики, а во-вторых, необходимость заполнения лакун в исследовании детства в отечественной германистике.

В связи с этим мы обращаемся к текстам Эльфриды Елинек как знакового для австрийской литературы автора, остро "реагирующ[его] на современность" [1: эл.источник.]. В центре внимания – прозаические тексты Елинек 1970–1980 годов: "Любовницы" ("Die Liebhaberinnen", 1975), "Перед закрытой дверью" ("Die Ausgesperrten", 1980), "Пианистка" ("Die Klavierspielerinnen" 1983), "Похоть" ("Lust" 1989).

Выбор текстов обусловлен тем, что в произведениях этого этапа наиболее ярко выражен эстетический прин-

цип Елинек – разрушение в "духе Ролана Барта" [2: 406 стр.] тривиальных мифов о счастливом материнстве, любящей семье и радостном детстве. Миф и метод его разрушения является важным направлением исследования текстов Елинек. В отечественном литературоведении этому посвящены работы Г.В. Кучумовой и диссертация Т.В. Акашевой, в зарубежном – труды М. Янц, П. Янке и др.

Обратимся к текстам. В романе "Любовницы" (1975) рассказана история двух героинь: городской девушки Бригитты и деревенской Паулы. Две истории развиваются параллельно, независимо друг от друга, и единственным связующим их звеном является швейная фабрика. Бригитта покидает фабрику, выйдя замуж и переложив на мужа ответственность за обеспечение семьи, а Паула, которую из семьи выгнали, в конце романа начинает работать на фабрике. Таким образом, роман начинается и заканчивается на фабрике, что создаёт кольцевую схему повествования, которая символизирует детерминированность быта героев. Фабрика и лес – ключевые локусы романа "Любовницы" – "потребляют" своих работников. "Фабрика радуется, когда в ее ворота вливаются веселые люди, ведь у них производительность выше, чем у людей невеселых" [6:48 стр.]. Г.В. Кучумова характеризует мир произведений Елинек как "сферу тотального потребления, в которой всё, от предмета до межличностных отношений, "профанируется", "приобретает свойство потребляемой вещи" [9:498

стр.]. "Экономическая" модель взаимоотношений переносится на семейную жизнь – взрослые, в свою очередь, в качестве рабочей силы "потребляют" детей. Отсюда возникает особый дискурс, из которого исключено понимание ребенка как личности: "...потом ему навешивают оплеух, навьючивают на него хозяйственные сумки, подрезают косами во время заготовки сена, давят автомобилями, а бывает, что ребенок свалится в горный ручей, прямо в руки к перепившемуся отцу или угодит под рассыпавшуюся поленницу, а то и в лапы какого-нибудь сумасшедшего насильника" [6:157 стр.], и детства как ценности: "Иногда дети делают слабые попытки затеять игру, тогда их мгновенно хватают за шиворот, задают на орехи и награждают пинками, а потом суют в руки рюкзак и отправляют в лавку за кормом для скотины. За солью и комбикормом" [6:157 стр.].

А.В. Белобратов сравнивает художественный мир "Любовниц" с "бесконечной машиной" составляющие которой – "работа-потребление-телевизионных-картинок, потребление-алкоголя-минимальный-отдых-борьба-в-семье (кто главный в системе патриархальных структур) и т. д." [1: эл. ресурс]. Жернова этой машины смазывает агрессия и ненависть – неотъемлемые составляющие семейных отношений, ребенок здесь становится пиньтой, своеобразной игрушкой для битва. "Видит отец: у него, кроме жены, есть еще одна жертва, которую он вправе колотить и обзывать. Тельце у ребенка такое податливое, жаль только, что небольшое" [6:156ч].

Для Бригитты ребенок "[с]трашненький, голенький, бело-розовый червячок-сосунок" [6:81 стр.], – инструмент достижения главной цели – замужества, означающего экономическую стабильность. Для Паулы дети – часть ее мечты "свить собственное гнездышко" [6: 273 стр.] мифа, рожденного клишированным сознанием: "детки в разноцветных платьицах, и цветы в горшочках, и телевизор, и искусственные цветы в вазе под хрусталь, и прозрачные занавески из искусственного волокна, и немнущаяся ткань" [6:86 стр.].

Еще один пример внедрения экономической модели в семейные взаимоотношения – роман "Похоть". Сын директора бумажной фабрики – "цветная копия своего отца" – "распоряжается другими детьми" ровно так же, как распоряжается своими рабочими его отец. "Сына не радуют причитания матери – он кланчит себе новый подарок. Подобные сделки по поводу игрушек или спортивного инвентаря – это их способ общения" [7:24 стр.]. Властный дискурс экономики настолько вытесняет человеческие взаимоотношения, что мать в конце романа убивает своего ребенка и избавляется от тела, как ненужной вещи.

В романе Р. Брэдбери "Вино из одуванчиков" – гимне счастливого детства, – по мнению А.В. Хлыстовой, через

"гипнотическую речь" достигается суггестивный эффект, при котором читатель максимально приближается к сознанию ребенка [11:195 стр.]. Образ детского восприятия мира становится центральнообразующим для поэтики произведения: язык ребенка формирует дискурс романа, а все сюжетные линии аккумулируются вокруг образа главного героя.

В дискурсе Елинек наблюдается противоположная тенденция – голос ребенка вообще изъят, исключен из общей полифонии. Показателен эпизод из первой драмы Елинек "Что случилось после того, как Нора оставила мужа, или Столпы общества" (1977), в котором главная героиня грубо затыкает "голосочки" ("Kinderstimmchen") собственных детей, чтобы послушать экономические новости: "Kinder still. Helmer dreht das Radio auf" [13:76 стр.].

М. Янц отмечает особое значение интертекста для структуры романа. Цитирование происходит на уровне жанра (роман имитирует роман воспитания), персонажей (Райнер Мария Витковски как Райнер Мария Рильке, и Ханс Зепп также "музилевское имя"), названия (отсылка к немецкому варианту ("Die Eingeschlossenen") названия пьесы Сартра "Затворники Альтоны" "Les sequestres d'Altona" (1959)) [12:38,39 стр.].

Подростки, как и роман, по сути, не имеют собственного языка. "Лексикон" подростков – это компиляция языка агрессии и фашизма, который они впитывают от своего отца – бывшего надсмотрщика в Аушвице – и дискурса французских экзистенциалистов, которых читают. Важным мотивом в этом контексте является "молчание" – Анна Витковски периодически переживает приступы немоты. На уроке немецкого гимназисты читают произведение австрийского классика А. Штифтера, которое носит дидактический характер и адресуется молодому поколению ("Spieleereien für junge Herzen") [14:8 стр.]. Близнецы Витковски реагируют на текст отрицательно и агрессивно – это тоже своеобразный символ неприятия "своего" языка. – Я этого Адальберта Штифтера ни секунды больше не выдержу, право слово, – говорит Анна" [5:75 стр.].

Тем не менее язык детства в текстах присутствует, но в извращенной форме – через него вербализируется проблематика социального инфантилизма, характеризующая безответственное поведение взрослых. Герой романа "Любовницы" Эрих несамостоятелен в принятии решений, им всегда руководит либо общественное мнение, либо его властная мать. Например, решение о женитьбе Эриха и Паулы – это, по сути, договор паулиной "тети-горожанки" и "Эриховой мамыши". "Городская тетка совсем по-городскому просит Эрихову мамашу не разрушать счастья двух юных сердец. Тетка свободно владеет сентиментальным жаргоном журнальных рас-

сказиков о любви"/"Эрих тупо соглашается, ему на все плевать" [6:231 стр.].

Эрих не смог получить права на вождение автомобиля, и поэтому во время путешествия в Италию на автомобиле "играет в шофера": "Эрих почти всю дорогу урчал, подражая звукам мотора" [6: 262 стр.].

Отношение Эриха к собственным детям можно охарактеризовать как "незрелое". Сложный комплекс чувств родительской любви у Эриха ограничивается симпатией и умилением, а родительские функции – приобретением мороженого. "Эриху ребенок нравится"/"Он им [детям] частенько покупает мороженое. Они ведь так умилительно говорят: "Ну пожалуйста, папочка!" [6: 134 стр., 261 стр.]."

Еще один пример инфантильного взрослого – Эрика Кохут, главная героиня романа "Пианистка", тридцатилетняя учительница музыки, находящаяся под сильным влиянием властной матери. Г.В. Кучумова отмечает: "Холодная" мать (die kalte Mutter) постоянно контролирует приватное пространство своей дочери, неотступно держит её в поле зрения, чтобы та не ускользнула из-под её власти" [8:180 стр.]. Мать Эрики реализует через неё свои финансовые и творческие амбиции. "Все сделают

точно по желанию заказчика. Кто платит, тот и заказывает музыку. Мать получает мизерную пенсию, ей и заказывать, а Эрике – платить" [8:24 стр.]. Образ Эрики при этом срастается с образом музыкального инструмента: "Мать заботится, чтобы инструмент пребывал в хорошем настроении, она потуже закручивает колки на дочери, не слишком заботясь о настроении ребенка, а тревожась только о материнском влиянии на этот строптивый, легко ранимый, живой инструмент". [8:37 стр.].

Г.И. Данилина, анализируя тексты немецкоязычных писательниц И.Бахман, А. Вальзер, Э.Елинек и Г.Мюллер, обнаруживает, что "женское письмо" характеризует наличие большого количества кодов, связанных с невозможностью "прямого" отражения реальности: "...я" автора должно высказываться, не явно, а имплицитно – чтобы донести свою "весть", "вестник" (обозначение авторского "я" у Елинек) нуждается в особом эстетическом коде". [3: 151,152 стр.]

Через коды насилия, агрессии, фашизма, экономики создается "антидетский" дискурс, лишаящий ребенка центральной позиции, а само детство – какой-либо значимости. Ребенок становится игрушкой – молчаливой, ненужной, обесценившейся вещью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобратов А.В. Интервью. Новое время, № 4, 2005. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://noblit.ru/node/1369>. Дата обращения – 5.04.2018
2. Белобратов А.В. "Я ловлю язык на слове интервью с Э.Елинек. Смысл безразличен. Тело бесцельно. Эссе и речи о литературе, искусстве, театре, моде и о себе / Пер. с нем.; сост. И послесл. А.Белобратова. – СПб.: "Симпозиум", 2010. – 464 с.
3. Данилина Г.И. "Das Ich ohne Gewähr": эстетические коды "женского письма" // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – Т. 8. М., 2011. – С. 146–154.
4. Детство в англо-американском литературном сознании XVII–XX веков / отв. ред. М. Надъярных, А. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2016.
5. Елинек Э. Перед закрытой дверью: роман / Э. Елинек; пер. с нем. И. Ланина под ред. А. Белобратова. СПб., 2004. 382 с.
6. Елинек Э. Любовницы: роман / Э. Елинек; пер. с нем. А. Белобратова. – СПб.: Symposium, 2007. – 282 с.
7. Елинек Э. Похоть: роман / Э. Елинек; пер. с нем. А. Белобратова. – СПб.: Symposium, 2007. – 320 с.
8. Елинек Э. Пианистка : роман / Э. Елинек ; пер. с нем. А. Белобратова. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 448 с.
9. Кучумова Г.В. "Подрывная" стратегия разрушения мифов в романах Елинек // Известия самарского научного центра российской академии наук. Т. 11. Вып.2 (4). – Самара, 2009. – С. 497–503.
10. Кучумова Г.В. Гендерные координаты австрийского романа 1980–2000 гг. Гендерная проблематика в современной литературе: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. Литературоведения; Ред-кол.: Пахсарьян Н.Т. (отв. ред. и сост.), Соколова Е.В. (сост.) и др. – М., 2010. – 216 с. – (Сер.: Теория и история литературоведения).
11. Хлыстова А.В., Сорокина А.И. "Лето На Языке": Образ Детства В Романах Р. Бредбери "Вино Из Одуванчиков". Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 195–197.
12. Janz M. Mythendestruktion und "Wissen". Aspekte der Intertextualität in Elfriede Jelineks Roman "Die Ausgesperrten" // Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. H. 117., 1993. – S. 38–50.
13. Jelinek E. Was geschah nachdem Nora ihren Mann verlassen hatte oder Stürzen der Gesellschaften. Theaterstücke. Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2015. S. 7–78.
14. Stifter A. Vorrede. Bunte Steine. Erzählungen Goldmann Verlag. Auflage 3 1989, S. 7–14.

АНАЛИЗ ТЕМЫ "ДЕРЕВНЯ" НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА "АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ" и "ДЕРЕВНЯ"

Чэн Цзяци

Харбинский научно-технический
университет, г. Харбин

ANALYSIS OF THE "VILLAGE" THEME
ON THE EXAMPLE OF WORKS
BY I. A. BUNIN "ANTONOV'S APPLES"
AND "VILLAGE"

Cheng Jiaqi

Annotation

I.A. Bunin – a famous Russian writer of the 20th century, is one of the first Russian writers to win the Nobel prize in literature. His works are rich in objects, poetry and novels – it's mostly rustic themes and themes of love, so Bunin is also called "native writer". The purpose of this article is to understand the village theme of Bunin in the era of Russia on the basis of analysis in the works "Antonov's apples" and "Village". The purpose of this article is to understand the concept of "village" through analysis of Bunin's works "Antonov's apples" and "Village".

Keywords: Bunin, village theme, "Antonov's apples", "Village".

Аннотация

И.А. Бунин – один из главных писателей 20 столетия, он является первым русским писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе. Его произведения наполнены ярким содержанием, в своих произведениях и стихотворениях он поднимает темы "деревня" и "любовь", иными словами, Бунин – "писатель о деревне и о родных краях".

Целью данной статьи является понимание концепта "деревня" через анализ произведений Бунина "Антоновские яблоки" и "Деревня".

Ключевые слова:

Бунин, тема "деревни", "Антоновские яблоки", "Деревня".

И.А. Бунин – русский писатель-классик Серебряного века, который всю свою жизнь писал рассказы, основными темами его произведений были темы "любовь" и "деревня". Многие ученые исследуют по произведениям Бунина такие вечные вопросы, как "жизнь и смерть", "любовь", "человек и природа". Предметом исследования данной статьи являются произведения "Антоновские яблоки" и "Деревня", проводится анализ природы, образа жизни людей и межличностных отношений. Целью статьи является понимание деревни, через произведения Бунина.

1. "Антоновские яблоки": деревенское спокойствие и гармония

Бунин задумал написать это произведение ещё в начале девяностых годов 19-го века. Тогда он гостил в имении своего родственника. Однажды вышел на крыльцо и почувствовал удивительный, неповторимый запах яблок. Вместе с тем он испытал ностальгию по крепостным временам.

1.1 Природный пейзаж

Писатель в произведении "Антоновские яблоки" изображает прекрасный пейзаж деревенской природы, ко-

торый складывается в величественную картину: золотисто-желтый осенний фруктовый сад, урожай с полей, охота в лесу... *"Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и - запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести"* [1, с.1], *"Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его. Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут оно еще вполне живо. Усадьба - небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами. Надворных построек - невысоких, но домовитых - множество, и все они точно слиты из темных, дубовых бревен под соломенными крышами"* [1, с.5].

В рассказе также описывается пейзаж раннего утра. Писатель восхищается прекрасными картинами и одновременно пейзаж тихой деревни наводит на автора легкую грусть и тоску. Главный герой произведения часто скача по дороге на лошади, восхищается красотой пейзажей.

"Ароматный фруктовый сад", "золотисто-желтые поля", "лазурное небо", "тихая глубокая ночь", – это изображение деревни в 19 веке. Деревня процветала, люди были веселыми, и человек полностью жил в гармонии с природой.

1.2 Жизненный уклад

1.2.1 Одежда

Такой великий писатель, как Чехов, однажды сказал: "Человек должен быть прекрасен во всем: его выражение лица, одежду, которую он носит, его ум и образ мысли" Одежда и украшения – это, своего рода духовная культура, это накопленные народом в течение долгого времени традиции, которые ярко отражают традиционные, исторически-культурные традиции России. Яркие и пестрые одежды и украшения показывают характер русского народа, его смелость и героизм.

Образ русского мужчины представляется таким: грубая рубаха, с вышивкой на воротнике и подоле, подпоясанная кушаком, рубаха (сорочка) простая, из хлопка, иногда используется яркий ситец. Штаны русский мужик носит широкие, в качестве накидки – пальто, на ногах – кожаные сапоги, а голова покрыта фетровой или меховой шапкой. В лютые морозы носит русский мужик шубу или дубленку из овчины, на голове – войлочная шапка, обут в высокие сапоги. Образ русской женщины – яркий и пестрый, женщина также одета в грубую сорочку с вышивкой, с воротником без прорезей, плечо окаймлено таким образом, что рукав выглядит широким. Иногда женщины носят сарафан – традиционную русскую одежду. Например: *"В праздничные же дни около шалаша - целая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькают красные уборы. Толются бойкие девки-однодворки в сарафанах, сильно пахнущих краской, приходят "барские" в своих красивых и грубых, дикарских костюмах, молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова. На голове ее "рога", - косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной; ноги, в полусапожках с подковками, стоят тупо и крепко; безрукавка - плисовая, занавеска длинная, а панева - черно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложная на подоле широким золотым "прозументом"..."* [1, с.1–2].

Таким образом, по одежде видно, что в 19 веке высшие слои общества, конечно, могут носить дорогие одежды, крестьянская же одежда хоть и недорогая, но всегда выглядит чисто и опрятно.

1.2.2 Питание

Питание является основой, на которую люди полагаются для выживания. Это концентрированное отражение национальных культурных традиций и культуры. Жители села Веселки питаются довольно разнообразно.

В романе питание крестьян и дворян были описаны много раз. Например: *"Работники позавтракали горячая картошка и чёрный хлеб с крупной сырой солью.", "начинают появляться угощения: сперва "дули", яблоки-антоновские, "бель-барыня", боровинка, плодовишка, а потом удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком, фарши-*

рованная курица, индюшка, маринады и красный квас." [2, с.326].

Разнообразное питание отражает богатство деревни Веселки. Как отражает и то, что до реформы крепостной системы экономические и социальные условия российской деревни были относительно стабильными. Картофель, хлеб и соль по-прежнему остаются основной русской едой. "Хлеб и соль" – самая ценная пища для россиян. Она имеет важное символическое значение: Хлеб представляет собой богатство и урожай, а соль спасает от слеза.

1.2.3 Проживание

В романе структура и обстановка домов крестьян отражают условия жизни и экономический уровень жителей деревни в то время. В деревне Веселки есть дома обычных крестьян, кирпичные дома, крупные дома богатых жителей и поместья дворян среднего класса.

Дома обычных крестьян: рядовые жители живут в единой структуре. Эти дома устойчивые и старые. "Дом в Веселках – это одноцветный кирпичный дом, построенный предками".

Дома верхней аристократии: дома, в которых живут богатые дворяне, структурно подобны домам простых сельских жителей, но только в относительно больших районах. Дома тети и дом Семеновича древние и крепкие, а здания двора построены из дубовых бревен. Рядом с окном находятся два широких подъезда с колоннами. Дом – главный дом во дворе, рядом с ним есть сад. Есть много крытых домов, включая комнаты для слуг и залы для переговоров.

Дома мелких помещиков: 4 стены кабинета пусты, все убого и пустынно, над изголовьем кровати висят несколько лисьих шкур.

Посредством описания условий жизни роман отражает изменения в общественной жизни: с углублением влияния реформы крепостного права страна постепенно затрагивается им. С самого начала главный герой чувствовал, что крепостное право все еще существует в усадьбе тети, а позже главный герой находился в деревне в эпоху мелких помещиков. Аромат яблок исчез в деревне, а в усадьбе не было прошлого великолепия.

1.2.4 Средства передвижения

В романе не так много описаний транспорта. Режимы передвижения жителей в основном подразделяются на ближние и дальние места, а некоторые виды транспорта также имеют статус. В близкие места в основном ходили пешком, в дальние места – верхом на лошади. Тетя будет кататься в небольшой карете летом, зимой – в большой

карете с кучером. Мелкие помещики также катаются на лошадях, но они не катаются на дорогих лошадях.

Хотя нет описания движения в романе, но все же можно обнаружить, что выбор режима передвижения тесно связан с экономической мощью и социальным классом того времени. Тетка является средней дворянкой и имеет капитал для выбора передовых средств передвижения. Однако, хотя герой эпохи мелких помещиков также едет на лошади, лошадь уже не дорогая. Это показывает, что условия жизни дворянина изменились в худшую сторону.

1.2.5 Занятия жителей

Осенью была проведена серия церковных празднеств, поэтому все в деревнях было чисто и аккуратно, и появление деревни было не таким, каким было в другие времена года. Кроме того, охота является основной формой развлечений для дворян. Во время охоты охотники были одеты в специальную одежду и долгое время жили в деревне.

1.3 Гармоничные отношения

1.3.1 отношение между хозяевами и дворянами

В "Антоновских яблоках" Бунин хорошо описал гармоничное сосуществование между крестьянами и дворянами. Например, был крестьянин, выращивающий яблоко, который ел яблоки один за другим и хрустел ими. Владельцы садов не только не запрещали ему, но и щедро говорили: "Вали, ешь досыта, – делать нечего!" [1, с.1]. Вспоминая тот год, герой, который был хозяином, побегал в сад и позаботился о саде вместе с крепостным Николаем. Он слушал звук поезда и ощущал дрожь земли. В этой яркой и реалистичной сцене дворяне и крестьяне поддерживают принцип доброжелательного поведения. Поэтому отношения между дворянами и крестьянами не являются антагонистическими, но гармоничными и прекрасными.

1.3.2 отношение между соседями

Соседи в деревне очень дружны, они часто слышат, как старые люди болтают друг с другом. При охоте охотники часто остаются в домах помещиков, с которыми незнакомы. Помещики с энтузиазмом развлекают охотников, и все веселятся, пьют и едят мясо.

2. "Деревня": разрушающаяся деревня

Сюжет романа "Деревня" не сложный, и можно даже сказать, что нет полного сюжета. Роман отражает межличностные отношения и условия жизни села Дурновка через описание повседневной деятельности братьев Красовых, Тихона и Кузьмы.

2.1 Природный пейзаж

Пейзажи нескольких небольших деревень в романе

не так красивы, как раньше, повсюду отражается загрязнение, которое индустриализация приносит в деревню. Мутная грязь, грязные деревенские дороги, вырубленные леса, руины после пожара ... Эти упадочные картины показывают, что сельская среда разрушена.

В романе источники воды в деревне были описаны много раз. Вонючая речка, мимо которой Тихон идет домой, Река вонь, проходящая мимо Тихон по дороге домой, вонючее грязно-желтое болото в деревне Ровное. Невежливо, корова в деревне мочилась и мочилась в мутной воде, а деревенщина в нем мылась! Кроме того, единственный источник воды в деревне Дурновка также был без исключения загрязнен. Жители зимой брали оттуда воду, а деревенские женщины стирали одежду в реках.

Чтобы разбогатеть, нужно использовать все, чем наделила природа, в результате чего земля неплодородна, присутствует эрозия почвы и ухудшающийся воздух, в деревня часто бывает засушливо и удушающее жарко, что непосредственно привело к пожару в деревне. Разрушение природной среды принесло большие неудобства жизни людей, а также значительно усугубило бедность людей.

2.2 Равнодушные отношения

В отличие от гармоничных межличностных отношений в романе "Антоновские яблоки", люди в "Деревня" растеряны и находятся в смятении, они равнодушны друг к другу.

2.2.1 отношения между соседями

Отношения между сельскими жителями холодны и бесчеловечны. Вор украл маленький пирог у уличного торговца. Работники всего продовольственного ларька догнали его и положили мыло ему в рот. Если где-то случается пожар, люди со всех уголков города бегают, чтобы увидеть суматоху. Если она скоро заканчивается, люди разочаровываются.

Безразличие и эгоизм между жителями деревни являются величайшим проявлением неадекватности российской нации. Писатель критикует слабости человеческой природы через эту через своего рода линзу прямого человеческого сознания, которая позволяет читателям тщательно осмыслить и понять реальные причины упадка российской деревни.

2.2.2 отношения родства

Братство: В начале два героя романа, Тихон и его брат Кузьма также жили вместе. У них были дружеские отношения, но позже их пути разошлись из-за какой-то мелочи. С тех пор они почти не поддерживали связь.

Отцовские отношения: в романе отношения между Дениской и его отцом не гармоничны. Дениска считает,

что с тех пор, как он появился у отца, у него должна быть хорошая жизнь. Он не удовлетворен своей жизнью. Поэтому, когда Яниска и Тихон говорили о своем отце, он не только не поблагодарил своего отца, но он сказал Тихону, что его отец был бесполезным человеком, кобелем, а не отцом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бунин – великий писатель страны. В романе он писал,

что "Вся Россия – деревня". Деревня, которую он написал, была и гармоничной, и была в упадке. Это отражает развитие российской деревни на разных исторических этапах. Кроме того, природные пейзажи деревни могут также отражать развитие общества в разное время. Когда деревня отстает в развитии, природа не разрушается.

Анализ отечественных романов Бунина помогает лучше понять состояние развития в сельской России и изменения в понимании Буниным сельской местности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоновские яблоки[Z/OL]. [2018-1-20]http://library.ru/text/95/index.html
2. (俄) 蒲宁著; 冯玉律, 冯春译. 幽暗的林荫小径: 蒲宁中篇小说选 [M]. 上海: 上海译文出版社, 2007: 326 с.
3. 姚霞. 布宁的“乡村”艺术体——浅析《乡村》中浪漫主义因素与现实主义因素的融合 [J]. 四川外国语学院学报, 2014, 5, (3): 23-25 с.
4. 余芳. 从布宁笔下的农民形象看俄罗斯民族性格 [J]. 俄语, 2014, 5: 41-44 с.
5. 田慧刚, 语言个性与文化差异, 百科知识, 1994: 15-16 с
6. Деревня[Z/OL]. 2018-1-20] http://royallib.ru/book/bunin_ivan/derevnya.html

© Чэн Цзяци, (424131276@qq.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Харбинский научно-технический университет, г. Харбин

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПИСЬМЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

PRAGMATIC ANALYSIS OF WRITTEN MEDICAL SCIENTIFIC TEXT IN ENGLISH

L. Yagenich

Annotation

The article deals with the concept of the medical scientific text, its distinctive features, essence of pragmatic research. On this basis, a pragmatic analysis of the English scientific medical text in written form is carried out. The study reveals the linguistic methods and techniques of implementing the author's pragmatic strategies, presenting and evaluating the results of his/her own intellectual activities, correlating it with the products of scientific research of other scientists, convincing the reader of the truth and originality of the given facts.

Keywords: written research text, medical text, pragmatic analysis, dialogue, English scientific article, persuading function.

Ягенич Лариса Викторовна

К.п.н., доцент,

*Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь*

Аннотация

В статье рассматривается понятие медицинского научного текста, его отличительные особенности, сущность прагматических исследований. На этой основе проводится прагматический анализ англоязычного научного медицинского текста в письменной форме. В ходе исследования выявляются лингвистические способы и приемы реализации прагматических стратегий автора текста, излагающего и оценивающего результаты собственной мыслительной деятельности, соотносящего его с продуктами научного поиска других ученых, убеждающего читателя в верности и оригинальности излагаемых фактов.

Ключевые слова:

Письменный научный текст, медицинский текст, прагматический анализ, диалогичность, научная англоязычная статья, воздейственная функция.

Объектом данного исследования выступает англоязычный медицинский научный текст в письменной форме, который включает основные признаки научного текста и одновременно обладает специфическими особенностями, определяемыми медицинской сферой. Поскольку предметом в работе выступает прагматический аспект текста, то медицинский научный текст рассматривается нами в рамках данного исследования как предметно-знаковая модель сопряженных коммуникативных деятельностей представителей научно-профессионального медицинского сообщества, вербализирующая определенный фрагмент медицинского научного знания.

Исследователи отмечают довольно широкую палитру речевых жанров английского медицинского текста, среди которых – коммерческий, академический, рекламный законодательный, медийный, собственно врачебный медицинский тексты [2, с. 46].

Основная форма изложения научного знания – письменный текст, представленный, в свою очередь, в различных жанровых формах, различающихся текстовой организацией, степенью развертывания содержания,

стилем изложения, например, реферат, тезисы, статья, текст доклада на научной конференции, обзор, монография, диссертация и т.п.

Характерной особенностью любого научного текста является наличие терминов. В современной англоязычной медицине термины в основном образуются в соответствии с греко-латинскими моделями; продуктивна суффиксация, синтаксическое терминоподобразование, аббревиация, метафоризация, метонимия; большее распространение получают мотивированные термины; встречаются термины-эпонимы.

И.А. Меньшенина указывает на наличие в научном медицинском тексте разнообразных речевых клише книжного характера, глагольно-именных конструкций, слов и словосочетаний, указывающих на позицию автора; отмечается преобладанием имени над глаголом, широкое употребление сочетаний модального глагола с инфинитивом, сравнительной и превосходной форм прилагательного и др. Отличительной особенностью англоязычного научного общения является политкорректность, не позволяющая прямо называть заболевания человека, безэмоциональность, достигаемая, например, с помо-

щью использования латинской терминологии или терминологической демегафоризации и др. [3, с. 152–154].

К настоящему моменту в науке сформулированы различные толкования прагматики – термина, введенного в середине XX века Ч.У. Моррисом для обозначения раздела семиотики, изучающего отношения между знаками и теми, кто их использует. Выделение прагматики текста в качестве области лингвистических исследований было в значительной степени стимулировано прагматической теорией значения П. Грейса, теорией речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Сёрля, прагматической теорией референции Дж. Сёрля, П.Ф. Стросона и др.

Е.В. Урумашвили, обобщая выдвинутые определения, предлагает в свете современной науки о языке понимать под прагматикой такой аспект изучения языка, который выделяет и исследует языковые единицы в их отношении к лицам, создающим, принимающим и понимающим их [4]. Ценность прагматических исследований состоит в том, что они связывают речь с деятельностью человека, выявляя наиболее важные в коммуникативном отношении элементы высказывания, что способствует более целенаправленному воздействию на адресата, зависящего не только от содержания, но и от формы, организации общения.

Для обеспечения полноценного и эффективного взаимодействия между автором–ученым и его читателем необходимо, чтобы:

1. автор медицинского научного текста и его адресат обладали общими фоновыми знаниями, включая языковые, профессиональные, культурные, социальные;
2. повествователь выступал как прагматически обусловленный участник речевого взаимодействия;
3. читатель как второй участник коммуникативного акта учитывался в процессе продуцирования текста.

Отметим, что автор письменного научного текста создает его в обстановке отсутствия одномоментной обратной связи с адресатом, не имея возможности трансформировать свою речевую тактику в зависимости от реакции реципиента, что обуславливает монологический характер текста. С другой стороны, любому тексту, даже монологическому, присуща диалогичность, получающая имплицитное и эксплицитное выражение и реализующая коммуникативные намерения адресанта. В связи с этим мы рассматриваем два вида диалогичности в письменном медицинском научном тексте, имеющей место в коммуникации между автором–ученым и специалистом в области медицины: внутреннюю и внешнюю. Под внутренней диалогичностью такого текста понимается его способность к взаимодействию, реализации коммуникативно–прагматических стратегий автора. Е.В. Ефре-

мова подчеркивает факт проявления внутренней диалогичности в рефлексии автора научного текста, или оценке себя, т.е. она образуется внутренней речью автора, актуализирующей интеллектуальный процесс в его движении от неизвестного к известному, открытию нового научного знания. Внутренний диалог рассматривается как обязательный этап ментальной деятельности, на котором определяется замысел, осуществляется подбор формулировок, идет процесс превращения мыслей в собственно научный текст [1, с. 75].

Поскольку у научного текста всегда есть адресат, то автор, ориентируясь на него, реализует свои коммуникативные намерения, связанные с донесением до него научных сведений и отстаиванием верности, уникальности, адекватности своих научных выводов. Внутренняя диалогичность текста дополняется внешней диалогичностью, реализуемой с помощью различных языковых средств. Исследователи указывают на использование его автором вопросительных и восклицательных предложений, вопросно–ответных комплексов, парцелированных конструкций, номинативных единиц со значением модальности, глаголов восприятия и мыслительной деятельности, оценочной лексики и др. для речемыслительного воздействия на адресата [1, с. 76].

Рассмотрим на примере современной англоязычной научной медицинской статьи способы проявления внутренней диалогичности и языковые средства экспликации размышлений автора и проанализируем, как достигается в тексте коммуникативный эффект, какие языковые единицы коммуникативно заряжены и оказывают влияние на адресата. В качестве материала исследования обратимся к электронному журналу The BMJ – British Medical Journal (Британский медицинский журнал). Это еженедельный рецензируемый научный журнал Британской медицинской ассоциации, в котором публикуются статьи медицинской тематики. Для исследования нами были выбраны статьи, относящиеся к различным разделам медицины [5,6,7].

В ходе исследования выяснилось, что все статьи имеют единую текстовую организацию. В структуру научного медицинского текста входят следующие разделы, включающие в ряде случаев подразделы:

1. Заглавие статьи
2. Имена авторов с указанием должностей
3. Введение (Introduction)
4. Методы (Methods)
5. Результаты (Results)
6. Обсуждение (Discussion)
7. Заключение (Conclusion)
8. Благодарность (Acknowledgments)
9. Дополнительные интернет–источники (Web extra)

10. Примечания (Notes)
 11. Список литературы (References).

Структурная унификация научной статьи, ее соответствие научному стилю речи и медицинской тематике создадут с самого начала основания для ее успешного восприятия адресатом.

Научная медицинская статья в электронном журнале представляет единое гипертекстовое пространство СМИ-издания, функционирующего в сети Интернет. Структура интернет-издания организуется при помощи многочисленных гиперссылок (не менее 60 в каждой статье в данном исследовании), позволяющих читателю ориентироваться в пространстве электронного гипертекста журнала, осуществлять навигацию в гипертексте, привлекать дополнительную информацию. Благодаря этому значительно повышается содержательная емкость и прагматический потенциал статьи, эффективнее реализуется ее направленность на партнера по коммуникации, свободного в поиске нужной информации.

Воздейственная функция медицинского научного текста реализуется через логику текста, четкость изложения, аргументированность, приведение большого количества фактических и статистических данных, визуализацию материала с помощью схем, графиков, таблиц, списков.

Выражение авторской рефлексии, обладающей диалогичной природой, в англоязычном тексте достигается с помощью частотного употребления личного местоимения во множественном числе – *we*-формы, что не типично для русскоязычного научного дискурса с характерными для него безличными конструкциями:

We did a population based matched cohort study based on routinely and prospectively collected data from Danish administrative and medical registries [7].

We calculated the joint population attributable fraction of clusters of risk factors, which avoids double counting the overlap of multiple risk factors, using the formula shown in the illustration [7].

Анализ научных статей свидетельствует о многочисленных ссылках их авторов к исследованиям других ученых и предыдущим собственным работам, относительно которых высказывается авторская позиция, что также является показателем коммуникативной заряженности текста:

Our findings agree in part with a 2009 meta-analysis of nine studies, which reported increased risk of ischaemic stroke in patients with migraine [7].

In contrast with our findings, this meta-analysis suggested that an increased risk of ischaemic stroke was present only in patients with migraine with aura [7].

Confirming previous findings, the associations between migraine and cardiovascular events were strongest in patients without cardiovascular risk factors [7].

Our study extends the findings of previous studies by including data on provoked and unprovoked venous thromboembolism [7].

Выразительные средства языка, например, метафора, позволяют автору статьи создать эмоциональный фон и усилить прагматическую направленность текста:

Most notable were deaths due to cancer, which increased from 5.7 million in 1990 to 8.8 million in 2015, and the global cancer burden is expected to increase by 70% in the coming two decades [5].

В ходе исследования выявлены случаи использования автором повтора. Как известно, прием повтора способен вызвать определенный стилистический эффект у адресата, оказать на него имплицитное воздействие:

No patients were involved in setting the research question or the outcome measures, nor were they involved in developing plans for design or implementation of the study. No patients were asked to advise on interpretation or writing up of results [6].

Несомненным прагматическим эффектом обладают синтаксические конструкции оценочного характера, часто связанные в медицинской научной статье с самооценкой проведенного автором исследования:

Our study uncovered a substantial impact of chronic diseases jointly on cancer risk [5].

For the first time, migraine was included in a cardiovascular risk stratification tool [7].

Убеждающая коммуникация создается автором, привлекая высказывания различных лиц о результатах собственного исследования, например, как в нашем случае, об итогах выполнения программы по снижению веса школьников младших классов:

Quotes about the programme:

It was fantastic and combining the sport and the nutrition was brilliant.

There's no doubt about it they've loved it, yeah . . . so it's been really good for them [6].

Подводя итоги сказанному, отметим, что изучение письменного научного текста с точки зрения прагматики представляет интересную и актуальную задачу для современного исследователя ввиду особых языковых средств и приемов реализации прагматических стратегий автора текста, направленных как на раскрытие рефлексивного мира самого ученого, так и на оказание воздействия на читателя.

Унифицированный характер научной статьи, ее логика, четкость, аргументированность, визуализация информации, апелляция к мнению других исследователей и собственным трудам, самооценка результатов проведенного

исследования, обращение к внешним источникам для объективизации полученных данных, использование web-формы, выразительных стилистических средств языка и

др. позволяют автору/авторам создать убеждающую коммуникацию с читателем и придать научному медицинскому тексту эмоционально-оценочный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Е.В. Внутренняя диалогичность в медицинских научных текстах // Вестник Волгоградского государственного университета, 2015. – № 2 (26). – С. 75
2. Косицкая Ф.Л., Матюхина Н.В. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2017. – № 6 (183). – С. 46
3. Меньшенина И.А. Специфика организации и коммуникативно-речевая классификация медицинского англоязычного текста // Вестник Витебского государственного медицинского университета, 2014. – Т. 13. – № 2. – С. 152–154
4. Урумашвили Е.В. Прагматические аспекты анализа художественного текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2010. – С. 40. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-aspekty-analiza-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения 22.02.2018)
5. Cancer risk associated with chronic diseases and disease markers: prospective cohort study // The BMJ. 31.01.2018. – Режим доступа: – <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5791146/> (дата обращения 24.02.2018)
6. Effectiveness of a childhood obesity prevention programme delivered through schools, targeting 6 and 7 year olds: cluster randomised controlled trial (WAVES study) // The BMJ. 31.01.2018. – Режим доступа: – <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5792961/> (дата обращения 22.02.2018)
7. Migraine and risk of cardiovascular diseases: Danish population based matched cohort study // The BMJ. 31.01.2018. Режим доступа: – <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5791041/> (дата обращения 24.02.2018)

© Л.В. Ягенич, (yagenich@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

**IV РОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“ЭНЕРГООБЕСПЕЧЕНИЕ, ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ,
ЭНЕРГОМЕНЕДЖМЕНТ В ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ – 2018”**

SEYMARTEC ENERGY 2018

**31 МАЯ 2018 Г., ЧЕЛЯБИНСК,
ОТЕЛЬ «RADISSON BLU»**

**В рамках конференции состоится КРУГЛЫЙ СТОЛ –
«КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ПОСТАВЩИКОМ И
ЗАКАЗЧИКОМ: ОКНО НА КРУПНОЕ
ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»**

СЕЙМАРТЕК

ОРГАНИЗАТОР

ООО «СЕЙМАРТЕК» (SEYMARTEC)

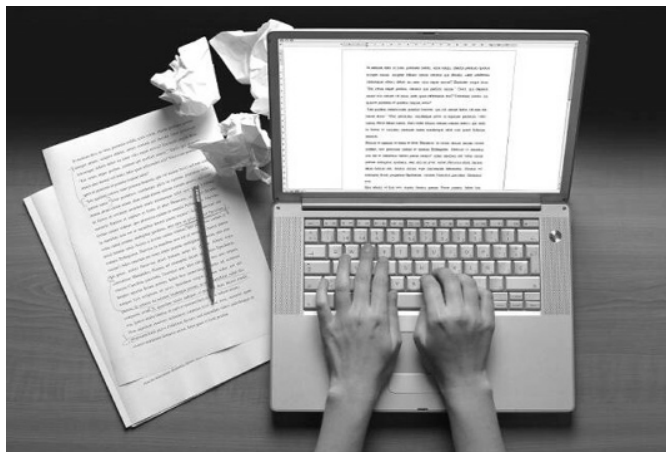
**ЗА БОЛЕЕ ПОДРОБНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ
ОБРАЩАТЬСЯ ПО КОНТАКТАМ:**

 **T. +7 499 638 2329
T. +7 351 200 3735.**

 HTTP://SEYMARTEC.RU

 INFO@SEYMARTEC.RU

РЕКЛАМА

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Anokhina S. – Doctor of Philology, Togliatti State University
e-mail : anokhinasvetlana2016@yandex.ru

Aparina Yu. – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow City University
e-mail : miinna@yandex.ru

Arkhangelskaya A. – PhD, Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
e-mail : aarkhangelskaya@gmail.com

Chekunkova E. – Ural Federal University
e-mail : alex_antoshin@mail.ru

Cheng Guo – Peoples' Friendship University of Russia
e-mail : ivanclee25@gmail.com

Cheng Jiaqi – Harbin, Harbin University Of Science And Technology
e-mail : 424131276@qq.com

Denisov D. – Postgraduate at Moscow Region State University
e-mail : denisderden2015@mail.ru

Dorokchina I. – Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics, RINCHV
e-mail : sirotinetsov@mail.ru

Fisenko O. – Peoples' Friendship University of Russia
e-mail : olfiss@list.ru

Gaikalova N. – Saint Petersburg State University
e-mail : propartners@mail.ru

Gao Wenjing – Postgraduate, Saint Petersburg state University
e-mail : gaowenjing777@hotmail.com

Gonchar M. – St. Petersburg State University
e-mail : eveninghaze@gmail.com

Huren-ool S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kyzylsk pedagogical Institute Kyzyl, Republic of Tyva, Tuva state University
e-mail : stella.khuren-ool@yandex.ru

Ievleva O. – Postgraduate, Kaluga state University by K. E. Tsiolkovskiy
e-mail : olga-ievleva78@mail.ru

Isahan Isakhanli – PhD, Associate Professor, Khazar University, Baku, Azerbaijan; Institute of Literature, Nizami Ganjavi, National Academy of Sciences of Azerbaijan
e-mail : ctig.usue@mail.ru

Jin Yanlong – Postgraduate student, Saint-Petersburg, Russian State Institute of Performing Arts
e-mail : bulaiks2395@yandex.ru

Kameneva N. – Moscow Financial and Law University mfuav
e-mail : n-kameneva@yandex.ru

Karpova Yu. – Peoples' Friendship University of Russia
e-mail : olfiss@list.ru

Kegeyan S. – Sochi State University
e-mail : svetlana.kegeyan@mail.ru

Kivileva A. – State Autonomous professional educational institution "Regional technical College", Perm region, Nigella
e-mail : kivianna-87@yandex.ru

Kovalev A. – Ph.D. (History), Associate Professor of the Kaluga Branch of the FSBI HE "The Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation"
e-mail : artem-v-kovalev@yandex.ru

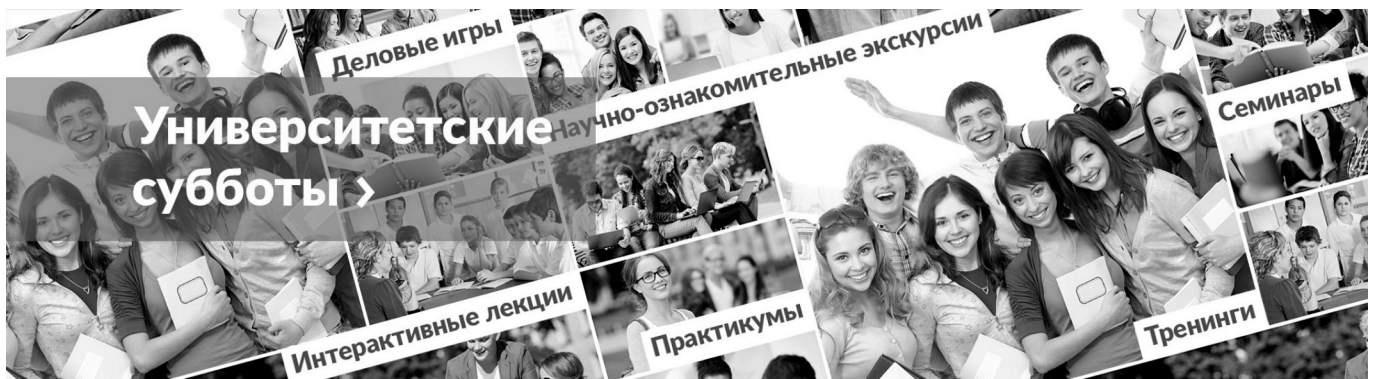
Kresova N. – Sochi State University
e-mail : kresovans@rambler.ru

Kurenkova E. – Ph.D. in History, Associate Professor, Moscow Region State University
e-mail : kurenkovagane@mail.ru

Kurkchi E. – Senior Lecturer, Crimean engineering and pedagogical University, Simferopol
e-mail : marlen68@rambler.ru

Li Xicai – Post-Graduate Student, MSPU Pre-school pedagogy department. Associate Professor, Weinan Normal University (WNU) Pre-school pedagogy department
e-mail : 1052480224@qq.com

Mamedova T. – Post-graduate student of the Moscow state regional University
e-mail : zokmti@mail.ru

Naumenko A. – Ph.D. Candidate, Moscow City Pedagogical University

e-mail : mr.alex-naum@yandex.ru

Nikulina H. – The North Caucasus Federal University, branch in Pyatigorsk

e-mail : lena_nikulina1976@mail.ru

Ogorodnikova L. – Candidate of Philology, Associate Professor, Ishim P.P. Ershov Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University

e-mail : lidiao@mail.ru

Oslamenko A. – Moscow State Pedagogical University

e-mail : Dema_89@mail.ru

Paramonova M. – Post-graduate student of Kuban State University of Technology

e-mail : marina.paramonova.81@mail.ru

Parshina M. – Peoples' Friendship University of Russia

e-mail : olfiss@list.ru

Petrova I. – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow City University

e-mail : miinna@yandex.ru

Polyakova K. – Candidate of philological Sciences, associate Professor, Director of CHU DPO " Academy of Oriental studies", Saint Petersburg State University of Economics

e-mail : nihonks@yahoo.com

Rzaeva S. – D. Philology, Associate Professor, Baku Slavic University

e-mail : ctig.usue@mail.ru

Sabdenov M. – Candidate pedagogies Sciences, docent, Crimean engineering and pedagogical University, Simferopol

e-mail : marlen68@rambler.ru

Sagdy Ch. – Doctor of Biology, Professor, Kyzylsk pedagogical Institute Kyzyl, Republic of Tyva, Tuva state University

e-mail : stella.khuren-ool@yandex.ru

Salchak S. – Educator, Kindergarten "Thumbelina" in the village of khovu-Aksy Chedi Haskovo district of the Republic of Tyva

e-mail : stella.khuren-ool@yandex.ru

Selyunina N. – Doctor of Sciences (History), Docent, Taganrog Institute named after A. Chekhov (RSUE branch), Academician in the Academy of Military History Science

e-mail : n.selunina@mail.ru

Shabanova L. – The North Caucasus Federal University, branch in Pyatigorsk

e-mail : shabanovalarisa@mail.ru

Siganova V. – Sochi State University

e-mail : vladlena.siganova@mail.ru

Sivolobova I. – Post-Graduate Student, Tyumen State University

e-mail : irinasivol@gmail.com

Tereschenko E. – Saratov State University name of N. G.Chernischevski

e-mail : elmira.tereshhenkoaxmetowa@mail.ru

Valeeva F. – Postgraduate student, Bashkir State University

e-mail : valeeva.farzana@mail.ru

Veliyeva G. – Baku Slavic University

e-mail : bitkovskayay@inbox.ru

Volodina O. – Senior Lecturer, Rostov State University of Economics, RINCH

e-mail : sirotinetsov@mail.ru

Yagenich L. – V.I. Vernadsky Crimea Federal University, Simferopol

e-mail : yagenich@mail.ru

Zagoruiko I. – Candidate of Philology, Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov

e-mail : iliazag@mail.ru

**НАШИ АВТОРЫ
OUR AUTHORS**

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).